Евгений Кононов

МЕТАОНТОЛОГИЯ

Теоретический обзор

Аналитическая философия

опубликованы:

- ✓ Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп.

https://www.academia.edu/94361618
https://philpapers.org/rec/KONVEB

- ✓ Метаэтика. Теоретический обзор.

https://www.academia.edu/99874407
https://philpapers.org/rec/KONALX

- ✓ Метаонтология. Теоретический обзор.

готовится к публикации:

- ✓ Аналитическая эпистемология. Тематический обзор.
- ✓ Аналитическая эстетика. Тематический обзор.
- ✓ Метафизика Бога: божественные атрибуты и теистические аргументы. Тематический обзор.

Евгений Кононов

Метаонтологя

Теоретический обзор

Москва

2024

УДК 111
ББК 87.15
К 64

Научный редактор –
к. филос. н., научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии НИУ ВШЭ
К.Г. Фролов

К 64 **Кононов Евгений Александрович**
Метаонтология. Теоретический обзор. – М., 2024. – 336 с. (Аналитическая философия).

Книга представляет собой первый на русском языке систематический обзор метаонтологиии – дисциплины, которая пытается ответить на наиболее важные и глубокие вопросы относительно бытия и существования. Что мы подразумеваем под онтологическим вопросом «Что есть»? Что такое бытие и существование? Есть ли между ними разница? Как их лучше всего выразить: с помощью квантора, предиката? Имеются ли разные способы бытия? Есть ли несуществующие объекты? Являются ли онтологические споры чисто словесными? Легко ли их разрешить? В книге дается подробный обзор наиболее известных метаонтологических теорий: онтологического реализма, кванторной изменчивости, легкой онтологии, фикционализма онтологического плюрализма, неомейнонгианства, неоаристотелизма. Книга предполагает некоторое первоначальное знакомство с философией и может быть использована в качестве учебного пособия для студентов философских факультетов высших учебных заведений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

посвящается С. Е. С.

Предисловие

«Метаонтология – это новый черный»[1]. По крайней мере, так утверждал Росс Камерон в 2008 году. И это утверждение явно не лишено оснований – метаонтология активно развивается, число статей и монографий, посвященных этой дисциплине, растет стремительными темпами. Появляются новые метаонтологические теории и подходы, доминирующая долгое время куайновская парадигма ставится под вопрос, и возрождаются давно, казалось бы, забытые в аналитической традиции идеи.

По философским меркам, метаонтология – крайне молодая дисциплина. Можно сказать, что она появилась в 1998 году с выходом статьи Питера ван Инвагена «Метаонтология», в которой он охарактеризовал ее следующим образом: «Куайн назвал вопрос «Что есть?» («What is there?») «онтологическим вопросом». Но если мы называем этот вопрос именно таким образом, то как следует назвать вопрос

[1] «Метаонтология – это новый черный. Мы больше не можем просто беспокоиться о том, что есть, теперь нам приходится беспокоиться о том, что вообще представляют из себя онтологические вопросы» (Cameron R. Truthmakers and Ontological Commitment: Or How to Deal with Complex Objects and Mathematical Ontology without Getting into Trouble // Philosophical Studies. 2008. № 140(1). p. 1)

«Что мы спрашиваем, когда задаем вопрос: “Что есть?”»? Устоявшееся словоупотребление (даже если оно некорректно) предполагает название «метаонтологический вопрос», и это то название, которое я буду использовать. Попытки ответить на метаонтологический вопрос я буду называть «метаонтологией», а любой предложенный на него ответ – «некой метаонтологией» (a metaontology)»[2]. Хотя выделение метаонтологии в отдельную дисциплину, появление учебников и университетских учебных курсов по ней – дело недавнего прошлого, не следует думать, что раньше философы не задавались метаонтологическими вопросами. Например, родоначальник современной аналитической онтологии У. Куайн занимался вопросами метаонтологии, хотя и не использовал данный термин. Его метаонтологические взгляды оказались настолько влиятельными, что их принято называть куайновской ортодоксией. Большинство онтологов и метафизиков, работающих в аналитической традиции, придерживаются ее по умолчанию, даже не замечая этого. Однако в последнее десятилетие, начиная приблизительно с выхода в 2009 году чрезвычайно влиятельного сборника «Метаметафизика. Новые статьи об основаниях онтологии»[3] под редакцией Д. Чалмерса, Д. Мэнли и Р. Вассермана, эта ситуация изменяется и ортодоксальные взгляды активно ставятся по вопрос. Возрождая идеи Р. Карнапа, А. Мейнонга, Аристотеля, Г. Фреге, современные метаонтологи отвергают многие базовые постулаты куайновской ортодоксии. К сожалению, эти события проходят мимо русскоязычного читателя – имена многих известных метаонтологов даже не упоминаются в русскоязычной литературе, не переведена практически ни одна сколько-нибудь значимая работа по метаонтологии. Исключение составляет вышедшая совсем недавно статья ван Инвагена «Метаонтология», в переводе М. В. Шпаковского и А. С. Павлова. Данная книга призвана исправить этот недостаток и познакомить отечественного читателя с важнейшими метаонтологическими теориями во всем их разнообразии.

Метаонтология является метадисциплиной, дисциплиной второго порядка по отношению к онтологии. Взаимоотношения между ними напоминают отношения между нормативной этикой и метаэтикой. Онтология задается вопросами первого порядка – вопросами о

[2] ван Инваген П. Метаонтология // Историко-философский ежегодник. 2023. № 38 с. 371

[3] Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009

том, что есть, что существует. Метаонтология поднимается на ступень выше и задает вопросы о самой онтологии, о том, чем именно заняты онтологи, когда они ищут ответы на свои вопросы, что эти вопросы означают и как на них следует отвечать. Что мы подразумеваем под вопросом «Что есть/существует?»? Что такое бытие и существование? Есть ли между ними разница? Как их лучше всего выразить, с помощью квантора, предиката? Имеются ли разные способы бытия? Есть ли несуществующие объекты? Являются ли онтологические споры чисто словесными? Легко ли их разрешить? Какими должны быть методы онтологии? На все эти вопросы современные метаонтологи дают разные и зачастую противоположные ответы. В нашей книге мы попытались представить весь спектр их мнений.

Книга разделена на 9 глав, каждая из которых посвящена одной метаонтологической теории или группе теорий. Первая глава является вводной, в ней дается характеристика самой метаонтологии и описываются ее взаимоотношения со смежными дисциплинами – онтологией, метафизикой и метаметафизикой. Также в первой главе кратко охарактеризованы четыре главных метаонтологических парадигмы. В конце этой главы дается таблица, классифицирующая рассмотренные в книге теории. Последующие восемь глав посвящены метаонтологии Питера ван Инвагена, онтологическому реализму Теодора Сайдера, кванторной изменчивости Эли Хирша, легкой онтологии Эми Томассон, фикционализму Стивена Ябло, онтологическому плюрализму Криса Макдэниела, неомейнонгианству Теренса Парсонса и неоаристотелевским теориям Джонатана Шаффера и Кита Файна.

Содержание глав следует приблизительно одной и той же схеме: в начале дается определение основных терминов, затем излагается содержание той или иной теории или группы теорий. В пользу этих теорий приводятся аргументы и возражения против них. В конце каждой главы дается список литературы, в который включены вводные/обзорные работы по теме, а также статьи/монографии, которые оказались наиболее значительными и влиятельными. Все приводимые цитаты из англоязычных источников даны в авторском переводе. После данного предисловия мы приводим два списка литературы. Первый – наиболее известные введения в метаонтологию на английском, примерным аналогом которых на русском языке и должна стать наша книга. Второй – русскоязычная литература, касающаяся метаонтологических проблем.

Автор выражает глубокую благодарность научному редактору книги Константину Фролову за неоценимую помощь в подготовке книги. Все замечания и пожелания по поводу книги можно отправлять на электронную почту автора evgenykononov1985@yandex.ru. Данная книга и другие запланированные в серии книги будут выложены на страницах автора https://independent.academia.edu/ЕКононов и https://philpeople.org/profiles/eugene-kononov

Списки литературы

1. Berto F., Plebani M. Ontology and Metaontology. A Contemporary Guide. London; New York, Bloomsbury Academic, 2015

2. Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020

3. Effingham N. An Introduction to Ontology. Cambridge, Polity, 2013

4. Eklund M. Metaontology // Philosophy Compass. 2006. № 1(3) pp. 317-334

5. Tahko T. E. An introduction to metametaphysics. Cambridge, Cambridge University Press, 2015

6. van Inwagen P. Meta-ontology // Erkenntnis. 1998. № 48. pp. 233–250

1. Блохина Н. А. Метаонтология и онтология в аналитической философии XX–XXI веков. М.: Канон+, 2021

2. Бурьян В. В., Черкасов Г. В. Фикционализм, неустранимость и цикады: критика неустранимости математики и ее значение для онтологического статуса абстрактных объектов // Вестник Перм-

ского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 404–413

3. ван Инваген П. Метаонтология // Историко-философский ежегодник. 2023. № 38 С. 371–400

4. Гагинский А. М. 2017. 01. 002. Берто Ф., Плебани М. Онтология и метаонтология: современное руководство. Berto F., Plebani M. Ontology and metaontology: a contemporary Guide. - London: Bloomsbury, 2015. – 254 p // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2017. № 1. С. 12-18

5. Жаккетт Д. Алексиус Майнонг, Пастырь Не-Бытия. М.: Канон+, 2023

6. Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Издательство иностранной литературы, 1959

7. Куайн У. В. О Слово и объект. М.: Логос, Праксис, 2000

8. Майнонг А. О теории предметов // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 202-229

9. Селиверстов В.В. Значение и становление теории предметов Алексиуса Майнонга // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 198–201

10. Селиверстов В. В. Сверхонтология Алексиуса Майнонга: по ту сторону бытия и небытия // Эпистемология и философия науки. 2021. № 58(1). С. 220-234

11. Селиверстов В. В. «Существующая золотая гора» как главная проблема теории Майнонга // Философский журнал. 2023. № 16(2). С. 191-203

12. Селиверстов В. В. Эрнст Малли: от Майнонга к Залте // Эпистемология и философия науки. 2014. № 42(4). С. 202-208.

13. Фролов К. Г. Мейнонгианский анализ понятия существования: проблемы и затруднения // Философия науки. 2021. № 1(88). С. 13-29

14. Целищев В. В. Неправдоподобность фикционализма в философии математики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4(28). С. 85-95

15. Шпаковский М. В., Павлов А.С. “Метаонтология” Питера ван Инвагена. Предисловие переводчиков. // Историко-философский ежегодник. 2023. № 38 С. 352–370

16. Арсен Вольский о работе П. ван Инвагена “Метаонтология” https://www.youtube.com/watch?v=AAVvdS3AcyE

17. Сочиняя книгу мира. Научный семинар Центра исследования сознания https://www.youtube.com/watch?v=3uY374JrwkI

Глава 1. Четыре парадигмы метаонтологии

В данной главе будут рассмотрены четыре главных парадигмы современной метаонтологии и охарактеризованы метаонтологические взгляды четырех философов[4], значительно повлиявших на данные парадигмы. Но перед этим мы остановимся подробнее на самой метаонтологии – ее определении, целях и задачах, стоящих перед ней, на ее взаимоотношении с онтологией, метафизикой и метаметафизикой. Начнем мы с онтологии, поскольку метаонтология часто определяется как рефлексия над этой философской дисциплиной.

В самом общем виде онтологию определяют как раздел философии, занимающийся изучением бытия или того, что есть, того, что существует. Вслед за Куайном, мы можем сказать, что главной задачей онтологии является поиск ответа на вопрос: «Что есть?» или «Что существует?»[5]. Может показаться, что это определение не раскрывает специфику онтологии, поскольку все науки занимаются

[4] Этими философами будут Куайн, Карнап, Мейнонг и Аристотель.
[5] Куайн У. В. О Слово и объект М.: Логос, Праксис, 2000, с. 325

изучением того, что есть: физика изучает кварки и электроны, астрономия – планеты и черные дыры, биология – страусов и муравьев. Они тоже ищут ответ на вопрос «Что есть?»: есть ли бозон Хиггса, есть ли темная материя, есть ли жизнь на Марсе и т. д. Чем же онтология отличается от этих и других наук? Особенность онтологии в том, что она изучает существующее на предельно общем уровне: ее ответом на вопрос «Что есть?» будет перечень наиболее общих категорий сущего, а не список типов элементарных частиц или биологических видов. По словам Ноэля Саенца, главная задача онтологии – «Сказать нам о том, что существует в самом общем смысле; предоставить нам список того, что, говоря вообще, существует»[6]. Среди того, существование чего изучает онтология, Саенц перечисляет «… абстрактные, конкретные объекты, составные, простые объекты, события, факты, индивиды, свойства, партикулярии, универсалии, субстанции и модусы»[7]. Это можно назвать наиболее общими видами или категориями сущего. Но онтология может заниматься не только предельными, но и чуть менее общими видами сущего, к которым Саенц относит «… отсутствия, будущее, вымышленные объекты, безатомную жижу, дыры, невозможные объекты, модальные части, необходимые существа, числа, прошлое, возможные объекты, возможные миры, пропозиции, множества, пространство-время, суммы и временн*ы*е части»[8].

Однако в процессе поиска ответа на вопрос «Что есть?» возникают другие вопросы – вопросы более высокого уровня. Первый из них касается смысла вопроса «Что есть?»: что он означает, о чем именно мы спрашиваем, когда задаем данный вопрос. Питер ван Инваген называет[9] его главным метаонтологическим вопросом (**the** meta-ontological question) по аналогии с главным онтологическим вопросом (**the** ontological question):

($ОВ_1$) Онтологический вопрос: что есть?

($МОВ_1$) Метаонтологический вопрос: что мы спрашиваем, когда задаем вопрос: «Что есть?».

---

[6] Saenz N. Ontology // Raven M. The Routledge Handbook of Metaphysical Grounding. London, Routledge, 2020 p. 361

[7] Ibid., p. 361

[8] Ibid., p. 361

[9] ван Инваген П. Метаонтология // Историко-философский ежегодник. 2023. №38. с. 371

Еще один интересующий метаонтологию вопрос касается того, как нам следует отвечать на онтологический вопрос. Его можно назвать методологическим:

(МВ) Методологический вопрос: какова правильная методология онтологии?

Немного другую, но сходную формулировку онтологического и метаонтологического вопросов предлагает Николас Джонс[10]:

($ОВ_2$) Онтологический вопрос: что содержит реальность?

($МОВ_2$) Метаонтологический вопрос: что значит для реальности что-то содержать?

Онтологию Джонс понимает как дисциплину, изучающую наиболее общие вопросы, касающиеся природы и структуры реальности, а метаонтологию – как рефлексию по поводу онтологии и ее главного вопроса, в связи с чем альтернативная формулировка ($МОВ_2$) у него звучит так: «В чем заключается онтологический вопрос?».

Получается, что метаонтология представляет собой систематическую рефлексию по поводу онтологии как дисциплины и по поводу онтологической практики, то есть того, чем занимаются философы, когда они занимаются онтологией – какие вопросы они ставят перед собой и с помощью каких методов они пытаются на них ответить: «… в онтологии мы задаем онтологический вопрос и пытаемся на него ответить; в метаонтологии мы пытаемся понять, что мы делаем, когда занимаемся онтологией»[11]. Взаимоотношения между метаонтологией и онтологией часто проясняют при помощи аналогии с нормативной этикой и метаэтикой[12]. Первая из них занимается

[10] Jones N. Quantification and Ontological Commitment // Fisher A., Maurin A.-S. (eds.) The Routledge Handbook of Properties London, Routledge, 2023 p. 13

[11] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. xv

[12] Так поступает, в частности, Крис Макдэниел, который пишет следующее: «В моем понимании, дисциплина мета-онтология (и мета-метафизика в целом) находится в таком же отношении к собственно онтологии, в каком дисциплина мета-этика находится в отношении собственно этики. Мы можем задавать различные этические вопросы первого порядка, такие как: каковы необходимые и достаточные условия для правильного действия; какие черты характера достойны восхищения, а какие

исследованием нормативно-этических вопросов, таких как «Что такое добро?», «В чем заключается наш моральный долг?», «Что такое добродетель?» и т. д. Но в процессе поиска ответов на эти и подобные этические вопросы возникает необходимость в решении целого ряда проблем семантического, метафизического, эпистемологического характера, что порождает вопросы на более высоком уровне, то есть метауровне. Что значит вопрос «Что такое добро?»? Существует ли такое свойство, как добро? Если оно существует, то как соотносится с естественными свойствами? Тождественно ли оно, например, удовольствию? Можем ли мы знать, что добро является удовольствием? Если да, то каким образом? Аналогичным образом метаонтология задает вопросы метауровня об онтологии и онтологических вопросах первого уровня.

Отдельно следует сказать о соотношении (мета)онтологии и (мета)метафизики. Согласно «официальной» позиции, онтология представляет собой один из разделов метафизики. Метафизика изучает фундаментальную природу реальности, ее задача сказать, что существует на фундаментальном уровне (онтология) и каковы наиболее общие свойства существующего (остальная часть метафизики). Данную позицию хорошо охарактеризовал Томас Хофвебер, написавший следующее: «Самой грандиозной и амбициозной частью философии является метафизика: проект по выяснению в рамках философии того, на что похожа реальность в целом. Центральной частью метафизики является онтология: проект по выяснению того, какие вещи составляют реальность, что существует или что есть на самом деле. Таким образом, метафизику можно условно разделить на две части. Первая – это онтология, которая, как предполагается, рассказывает нам о том, что существует вообще, или о том, из каких вещей состоит реальность. Вторая – это остальная метафизика, которая, как

презрения; и какие вещи обладают внутренней ценностью? Но размышления о практике постановки, обдумывания, обсуждения и получения ответов на эти вопросы сами по себе порождают дополнительные вопросы. Некоторые из них носят эпистемологический характер, например: каковы наши источники доказательств для утверждений о том, какие действия являются правильными? Некоторые из них носят семантический характер, например: что означают выражения “достойный восхищения” и “достойный презрения”? А некоторые из них носят метафизический характер, например: каким должен быть мир, чтобы что-либо имело внутреннюю ценность? Кроме того, существуют также логические, методологические, и даже этические и политические вопросы, возникающие в связи с практикой занятия этикой первого порядка. То же самое верно и в отношении онтологии» (McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 12).

предполагается, рассказывает нам, среди прочего, на что похожи эти вещи в различных общих чертах»[13]. Однако на практике такое разделение не соблюдается и термины «онтология» и «метафизика» используются как синонимы. Кроме того, невозможно провести четкую границу между выяснением того, что существует и выяснением его наиболее общих характеристик. Сам Хофвебер, например, выделяет два типа онтологических вопросов о существовании каких-либо сущностей Fs:

(ОНТ 1) Первичный онтологический вопрос: есть ли Fs?

(ОНТ 2) Вторичный онтологический вопрос: что представляют из себя Fs в наиболее общем виде?

Если строго придерживаться разделения дисциплин, то (ОНТ 2) должен быть метафизическим вопросом и выходить за рамки онтологии, однако очевидно, что онтолог в своей работе просто не может остановиться на первом вопросе и проигнорировать второй. Трудно или невозможно представить себе поиски ответа на вопрос о существовании, например, фиктивных объектов, без ответа на вопрос о том, чем они являются. Необходимо выяснить, каковы эти фиктивные объекты, что они из себя представляют – являются ли они конкретными индивидами, населяющими другие конкретные возможные миры, абстрактными артефактами или множествами свойств? Само доказательство их существования будет, скорее всего, очень сильно варьироваться в зависимости от того, чем они являются. То же самое можно сказать о числах – доказательство существования объективно существующих чисел будет отличаться от доказательства существования чисел как человеческих конструкций. Получается, что онтологические и метафизические вопросы переплетены настолько тесно, что отделить их друг от друга не представляется возможным. Более того, по замечанию Марка Балагера[14], многие, казалось бы,

[13] Hofweber T. Ontology and the ambitions of metaphysics. Oxford, Oxford University Press, 2016 p. 1

[14] «Спорные метафизические тезисы, о которых я здесь говорю, не все являются онтологическими тезисами в традиционном смысле этого термина, но мы можем рассматривать их как утверждения о существовании того или иного рода; например, либертарианство можно рассматривать как утверждение о том, что на самом деле существуют индетерминистские, либертариански-свободные человеческие выборы; а моральный ноннатурализм можно рассматривать как точку зрения о том, что на самом деле существуют неестественные моральные факты» (Balaguer M. Metaphysics,

метафизические тезисы могут быть переформулированы в виде онтологических тезисов о существовании чего-либо. Например, метафизический тезис либертарианцев о том, что свобода воли несовместима с детерминизмом, и мы обладаем такой свободой, можно сформулировать как утверждение о *существовании* либертарианской свободной воли. Метафизический спор между эндурантистами и пердурантистами о пребывании объектов во времени можно свести к онтологическому спору о *существовании* у объектов временн**ы**х частей наряду с пространственными.

То же самое касается разделения между метаонтологией и метаметафизикой. Строго говоря, метаметафизика является метадисциплиной по отношению к метафизике, так же как метаонтология по отношению к онтологии. Туомас Тахко определяет ее следующим образом[15]:

(ММФ) Метаметафизика – изучение оснований и методологии метафизики[16].

Sophistry, and Illusion. Toward a Widespread Non-Factualism. Oxford, Oxford University Press, 2021 p. 21).

[15] Tahko T. E. An introduction to metametaphysics. Cambridge, Cambridge University Press, 2015 p. 5

[16] Более подробное определение метаметафизики дает Теодор Сайдер, который пишет следующее: «Метаметафизика – это исследование статуса метафизики. Природа ее такова, что возникают вопросы: являются ли метафизические споры содержательными? Объективны ли они, подлинны ли, глубоки ли? Или же они в некотором роде несущественны: условны, субъективны, просто вербальны или концептуальны? Должно ли быть делом факта то, кто прав?» (Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 67). Похожим образом соотношение метафизики и метаметафизики раскрывает Дэвид Мэнли: «Метафизика изучает основания реальности. Она задает вопросы о природе мира, например: существуют ли помимо конкретных объектов также абстрактные объекты, такие как числа и свойства? Есть ли у каждого события причина? Какова природа возможности и необходимости? Когда несколько событий складываются в одно большое событие? Существуют ли прошлое и будущее? И так далее. Метаметафизика изучает основания метафизики. В ней ставится вопрос: действительно ли на вопросы метафизики есть ответы? Если да, то являются ли эти ответы содержательными или просто зависят от того, как мы используем слова? И какова наилучшая процедура для их получения – здравый смысл? Концептуальный анализ? Или оценка конкурирующих гипотез с помощью квазинаучных критериев?» (Manley D. Introduction: A Guided Tour of Metametaphysics // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 1)

При таком «официальном» подходе метаонтология будет разделом метаметафизики: «Здесь [то есть в определении (ММФ)] “метафизика” понимается как включающая онтологию, поэтому метаметафизика также будет включать изучение основ и методологии онтологии. Соответственно, метаонтологию следует понимать как подраздел метаметафизики»[17]. Но в данном случае это разделение соблюдается еще менее строго, чем в случае онтологии и метафизики. Значительное число философов используют термины «метаонтология» и «метаметафизика» как взаимозаменяемые: «Изучение того, как должна развиваться онтология, какой должна быть ее методология и является ли онтология вообще стоящим проектом, называется метаонтологией (или, иногда, метаметафизикой, которая этимологически должна касаться методологии метафизики в целом, а не только онтологии, но в настоящее время почти всегда относится только к методологии онтологии)»[18]. Такое смешение отражено и в одном из самых известных сборников статей, посвященных этой дисциплине – вышедшей в 2009 году под редакцией Д. Чалмерса, Д. Мэнли и Р. Вассермана книге «Метаметафизика»[19]. Как мы видим, в ее названии употреблен термин «метаметафизика», однако подзаголовок книги «Новые статьи об основаниях онтологии» содержит термин «онтология», а не «метафизика», как можно было ожидать, исходя из названия.

Некоторые авторы, в частности Туомас Тахко, пытаются провести различие между метаонтологией и метаметафизикой. По его мнению, первая из них сосредотачивается, главным образом, на существовании, квантификации и онтологических обязательствах, а вторая включает в дополнение к этому более общие вопросы методологии метафизики[20]. Однако единого мнения среди философов по этому поводу не сложилось, и такое деление остается крайне спорным и дискуссионным[21]. В дальнейшем мы будем использовать только

---

[17] Tahko T. E. An introduction to metametaphysics. Cambridge, Cambridge University Press, 2015 p. 5

[18] Effingham N. An Introduction to Ontology. Cambridge, Polity, 2013 p. 20

[19] Sider T. Ontological Realism // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009

[20] Tahko T. E. An introduction to metametaphysics. Cambridge, Cambridge University Press, 2015 pp. 5-6

[21] Это признается, например, Рики Блиссом и Дж. Т. М. Миллером, которые в своем введении к «Рутледжскому руководству по метаметафизике» пишут следующее: «Для тех, кто хочет получить более формальное определение, мы можем, для начала,

термин «метаонтология», но читателю следует помнить, что в научной литературе этот термин и термин «метаметафизика» очень часто используются как синонимы.

За недолгую по меркам философской дисциплины историю метаонтологии было выдвинуто множество различных метаонтологических теорий, которые можно сгруппировать в несколько типов и которые часто называют парадигмами[22], поскольку придерживающиеся этих парадигм теории разделяют общий взгляд на то, как следует формулировать онтологические вопросы и с помощью каких методов на них отвечать. В нашей книге мы рассмотрим четыре таких парадигмы – (нео)куайновскую, (нео)карнаповскую, плюралистскую и (нео)аристотелевскую. В оставшейся части главы мы дадим краткую характеристику каждой из парадигм и рассмотрим метаонтологические[23] взгляды четырех философов, значительно повлиявших на теории, принадлежащие к этим парадигмам: взгляды У. Куайна для неокуайновской парадигмы, Р. Карнапа для неокарнаповской парадигмы, А. Мейнонга для плюралистской парадигмы и Аристотеля для неоаристотелевской[24].

охарактеризовать метаметафизику как область исследований, которая занимается методологическими проблемами, возникающими внутри метафизики. Если это верно, то мы можем сказать, что метаонтология является аналогичной областью, занимающейся методологическими вопросами, которые возникают в рамках онтологии. Однако, является ли это правильной характеристикой метаметафизики или метаонтологии, является предметом многочисленных споров в современной литературе. Сам по себе это метаметафизический (или метаонтологический) вопрос, имеющий множество различных точек зрения относительно надлежащего охвата этих "мета-" областей и их взаимосвязи с проблемами первого порядка» (Bliss R., Miller J. T. M. Introduction: what is metametaphysics? // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 p. 1).

[22] Э. Томассон, например, упоминает «нео-куайновскую парадигму» (Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 157), Ж. Капелнер пишет о «нео-аристотелевской парадигме» (Kapelner Z. Reconciling Quinean and Neo-Aristotelian Metaontology. Master's thesis, Central European University, 2015 p. 30).

[23] Строго говоря, называть какие-либо взгляды этих философов «метаонтологическими» является анахронизмом, поскольку данный термин ими не использовался и вошел в широкий философский обиход лишь в 1998 году, но мы можем применить этот термин, так сказать, задним числом, поскольку некоторые из их взглядов мы сейчас с полным правом могли бы назвать метаонтологическими.

[24] Необходимо подчеркнуть, что мы будем рассматривать данных философов лишь в качестве важных, значимых фигур для той или иной парадигмы в метаонтологии. Наше изложение ни в коем случае не претендует на историко-философскую полноту или даже точность – для нас важно то, как взгляды философов воспринимались в рамках соответствующих парадигм, а не то, каковы они были на самом деле.

Следует заметить, что отношения между данными парадигмами являются резко асимметричными: одна из парадигм, неокуайновская, является доминирующей, а все остальные можно назвать альтернативными и в той или иной степени маргинальными. В связи с этим неокуайновскую парадигму часто называют ортодоксальной позицией[25] или куайновской ортодоксией[26]. Значительная часть философов придерживается ее по умолчанию и считает чем-то само собой разумеющимся: «Неокуайновский подход стал настолько доминирующим, что стал почти незаметным в качестве методологического выбора ... Новая метафизика, в которой доминирует онтология, с методологической точки зрения является неокуайновской метафизикой – настолько, что Дэвид Мэнли просто называет этот подход "господствующей метафизикой"… К тем, кто за последние шестьдесят лет вырос на аналитической философии, неокуайновская концепция онтологии стала казаться естественной, даже неизбежной. Действительно, это кажется настолько естественной точкой зрения, что трудно представить какой-либо другой способ рассмотрения споров о существовании; либо вы радостно встреваете в них, пытаясь сформулировать новую "онтологию" или предложить новую защиту или атаку на чью-то другую точку зрения, либо вы в недоумении уходите, чтобы работать над другими философскими темами»[27]. Практически все рассматриваемые в нашей книге представители других парадигм сознательно формулируют свои теории как альтернативы господствующей ортодоксии и отвергают те или иные из ее тезисов.

Принадлежащие к господствующей парадигме метаонтологические теории являются продолжением и развитием идей Уилларда ван Ормана Куайна (1908 – 2000), особенно изложенных им в ключевой для становления всей аналитической онтологии работе «О том, что есть»[28]. Мы рассмотрим главные метаонтологические идеи Куайна, ставшие основой ортодоксальной позиции. Их можно условно разделить на две части, первая из которых касается прояснения бытия и существования, а вторая – методологии онтологии.

---

[25] «В той мере, в какой существует ортодоксия в отношении метаонтологии и онтологических обязательств, таковой является куайновская парадигма» (Jones N. Quantification and Ontological Commitment // Fisher A., Maurin A.-S. (eds.) The Routledge Handbook of Properties London, Routledge, 2023 p. 14)

[26] См., например, von Solodkoff T., Woodward R. Noneism, Ontology, and Fundamentality // Philosophy and Phenomenological Research. 2013. № 87(3). p. 558

[27] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 3

[28] Куайн У. В. О. Слово и объект М.: Логос, Праксис, 2000 с. 325-341

Именно Куайну принадлежит формулировка основного вопроса онтологии, о котором мы говорили в начале главы: «Онтологический вопрос на удивление незатейлив. Чтобы его задать, достаточно трех односложных англосаксонских слов: ‘What is there?’ (“Что есть?”)»[29]. Причем на этот простой вопрос можно дать такой же простой и при этом вполне правомерный ответ – все. Все существует. Может показаться, что это ответ явно неверен: мы можем перечислить множество вещей, которых не существует. Пегас, медуза Горгона, Шерлок Холмс, Хогвартс и многие другие мифологические и литературные персонажи и объекты не существуют. Само отрицание их существования, как кажется, требует, чтобы они были, имелись в некотором смысле: когда мы говорим: «Пегаса не существует», то есть нечто, некий объект, которому мы приписываем несуществование. Куайн признает, что у нас может возникнуть искушение так думать и вводит в свою работу вымышленного философа Вимена[30], который говорит следующее: «Бытие Пегаса, утверждает Вимен, представляет собой не воплощенную в действительность возможность. Когда мы говорим о Пегасе, что его нет, мы, собственно, говорим тем самым, что Пегас не имеет особого атрибута наличия в действительности (actuality). Сказать, что Пегас не действителен, – логически то же самое, что сказать, что Парфенон не красный; в обоих случаях мы утверждаем нечто о сущности, чье бытие несомненно»[31]. Пегас есть, но он не действителен, он не существует, а значит имеется различие между тем, что есть и тем, что существует, то есть между бытием и существованием.

Куайн считает такую точку зрения неприемлемой, поскольку статус несуществующих, всего лишь возможных объектов оказывается слишком неопределенным – они, например, лишены четкого критерия тождества: «Перенаселенная вселенная Вимана непривлекательна во многих отношениях. Она оскорбляет эстетическое чувство тех из нас, кто имеет склонность к пустынным пейзажам; но это – не худшая ее характеристика. Вимановы трущобы возможного – рассадник неупорядоченных элементов. Возьмем, к примеру, возможного толстого человека в этом дверном проеме и еще – возможного лысого человека в этом дверном проеме. Это один возможный человек или два возможных человека? Как можно решить эту

[29] Там же, с. 325

[30] Используя вымышленную фигуру Вимана Куайн полемизирует здесь с А. Мейнонгом.

[31] Куайн У. В. О. Слово и объект М.: Логос, Праксис, 2000 с. 326

проблему? Каким образом много возможных людей находятся в этом дверном проеме?»[32]. В результате мы можем сформулировать первый тезис куайновской ортодоксии:

(КО 1) Тезис об эквивалентности: бытие – это то же самое, что и существование.

Бытие и существование едины и не могут быть отделены друг от друга, а значит нельзя сказать, что есть вещи, которые не существуют. Кроме этого, бытие/существование у Куайна обладает еще одним единством – не имеется различных способов или видов бытия/существования, бытие унитарно. Обо всем существующем, будь то кот или число два, мы можем сказать, что оно существует в одном и том же смысле. Это дает нам второй тезис куайновской ортодоксии:

(КО 2) Тезис об унитарности: бытие/существование унитарно, между сущностями (entities) нет онтологических различий.

Единое и единственное понятие бытия/существование выражается лучше всего с помощью квантора существования логики предикатов первого порядка и связываемых им переменных – быть/существовать значит быть значением связанной переменной. Если мы утверждаем, например, что коты существуют, то наше утверждение примет следующую форму:

(КОШ) $\exists x Cx$, где C – быть котом.

По поводу роли квантора и переменных Куайн пишет следующее: «Все, что мы высказываем с помощью имен, можно высказать на языке, избегающем всяческих имен. Быть признанной сущностью значит не что иное, как считаться значением (value) переменной. Это примерно равносильно утверждению, в терминах категорий традиционной грамматики, что быть – значит находиться (be) в диапазоне референции местоимения. Местоимения являются основными средствами референции; существительным лучше бы подошло название местоместоимений (propronouns). Переменные квантификации – “нечто”, “ничто”, “все” – охватывают всю нашу онтологию, какая только может быть; и мы осуждены принимать частное онтологическое

[32] Там же, с. 327

допущение, если, и только если, заявленное допукаемое (presuppositum) должно считаться находящимся среди сущностей, охватываемых нашими переменными, для того чтобы сделать истинным одно из наших утверждений»[33]. При таком понимании бытия/существования, главный вопрос онтологии «Что есть?» превращается в набор отдельных вопросов формы «∃xFx?»[34], где F обозначает какой-либо из наиболее общих видов или родов, на которые делится все существующее[35]: абстрактные, конкретные объекты, события, факты и т. д. Центральная роль, которую играет квантор существования, закреплена в третьем тезисе куайновской ортодоксии:

(КО 3) Квантификационный тезис: бытие/существование может быть представлено наилучшим образом с помощью квантора существования ∃ и связываемых им переменных.

Первые три куайновских тезиса (КО 1)-(КО 3) образуют, по общему признанию[36], ядро ортодоксальной метаонтологии и дают характерное для нее представление о бытии как предельно простом и едином понятии, выражаемом с помощью квантора существования.

Вторая часть ортодоксальной позиции представляет собой методологию для онтологии как философской дисциплины. Главным здесь является куайновское понятие онтологических обязательств (ontological commitments), присущих той или иной научной, обыденной, философской теории или дискурсу. В наиболее сжатом виде это понятие может быть объяснено следующим образом: «На первый взгляд, понятие онтологических обязательств теорий является простым. Теории имеют условия истинности. Эти условия истинности говорят нам о том, каким должен быть мир, чтобы теория была

[33] Там же, с. 335-336

[34] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 170

[35] Но **не** видов существования, которые Куайн отвергает.

[36] Те же самые три тезиса, но с другими названиями, приводит в качестве ортодоксальной позиции Брайан Симмонс: «Я думаю, что эта [нео-куайновская] ортодоксия может быть адекватно отражена в следующих трех тезисах:

Нео-куайновский тезис: бытие наглядно выражается посредством партикулярной – или экзистенциальной – квантификации.

Монистический тезис: бытие едино: между любыми сущностями нет онтологических различий.

Тезис об эквивалентности: бытие – это то же самое, что существование» (Simmons B. Ontological Pluralism and the Generic Conception of Being // Erkenntnis. 2022. №87. p. 1287).

истинной; они предъявляют требования к миру. Иногда, а возможно, и всегда, они требуют от мира существования определенных сущностей или видов сущностей. Таким образом, онтологические обязательства теории – это просто сущности или виды сущностей, которые должны существовать, чтобы теория была верной»[37].

(ОО) Онтологические обязательства теории – те сущности или виды сущностей, существование которых требуется для истинности теории.

В принципе, понятие онтологического обязательства может быть применимо к отдельному предложению, а не только к какой-либо теории в целом: «Представьте условия истинности предложения как требования, которые истинность предложения предъявляет к миру. Понятие онтологических обязательств можно охарактеризовать следующим образом. Описать онтологические обязательства предложения – значит описать некоторые требования, которые истинность предложения предъявляет к миру, – те требования, которые касаются онтологии. Соответственно, для того чтобы предложение несло обязательство к Fs, истинность предложения должна требовать от мира, чтобы он содержал Fs»[38]. Некоторые авторы признают еще больше возможных носителей онтологических обязательств: «Наиболее заметными потенциальными носителями онтологических обязательств являются: проинтерпретированные предложения, теории (понимаемые как наборы проинтерпретированных предложений), высказывания, утверждения, пропозиции, условия истинности, убеждения, а также говорящие или теоретики (т.е. люди)»[39]. Но куайновская ортодоксия сосредотачивает свое внимание на теориях.

Получается, что у теорий есть онтологические обязательства, то есть те сущности, чье существование требуется их истинностью. Но какое отношение все это имеет к методу онтологии? По мнению Куайна, для ответа на онтологический вопрос, то есть для выяснения того, что есть, нам необходимо обратиться к нашим наилучшим научным теориям, поскольку именно они лучше всего обоснованы и

---

[37] Bricker, Phillip, "Ontological Commitment", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/ontological-commitment/>.

[38] Rayo A. Ontological Commitment // Philosophy Compass. 2007. №2(3) p. 428

[39] Jones N. Quantification and Ontological Commitment // Fisher A., Maurin A.-S. (eds.) The Routledge Handbook of Properties London, Routledge, 2023 p. 14

имеют больше всего шансов, по сравнению со всеми другими обыденными, религиозными и др. представлениями, оказаться верным описанием окружающего нас мира. Принятие онтологии аналогично принятию научной теории: «То, как мы принимаем онтологию, я думаю, в принципе подобно тому, как мы принимаем научную теорию – скажем, систему физики: мы допускаем, по крайней мере до тех пор, пока остаемся разумными существами, простейшую концептуальную схему, в которой можно согласовать и организовать разрозненные фрагменты неоформленного опыта. Определившись в отношении общей концептуальной схемы науки в самом широком смысле, мы определяем нашу онтологию; а соображения, определяющие разумное конструирование любой части этой концептуальной схемы, например биологической или физической, не отличаются по виду от соображений, определяющих разумное конструирование целого»[40].

В связи с этим онтологический метод требует от нас выяснения того, каковы онтологические обязательства наших наилучших научных теорий. Проблема в том, что в большинстве случаев в самих теориях не содержится явного перечня того, что существует с точки зрения данной теории, то есть многие из их онтологических обязательств остаются скрытыми. Поэтому следует найти способ, с помощью которого можно сделать их явными. Такой способ может подсказать третий тезис ортодоксальной метаонтологии (КО 3): если бытие/существование может быть представлено наилучшим образом с помощью квантора существования ∃ и связываемых им переменных, то нам необходимо найти все утверждения с квантором и переменными, которые входят в саму теорию или следуют из нее. Однако подавляющее большинство научных теорий не формулируются с помощью кванторов и переменных, а значит нам будет необходимо перевести теорию на язык логики предикатов первого порядка[41] и только потом составить перечень всех ее утверждений (и следствий из них), в которых содержатся кванторы ∃ и переменные. То есть нам необходимо дать упорядоченную (regimented) формулировку научных теорий. В этом и заключается суть куайновского метода, который более строго можно представить в виде следующих этапов:

1. Отобрать наши наилучшие научные теории T_1, T_2, … T_n.

[40] Куайн У. В. О. Слово и объект М.: Логос, Праксис, 2000 с. 339

[41] Куайн называет этот язык канонической нотацией.

2. Перевести теории T_1, T_2, … T_n на язык логики предикатов первого порядка.

3. Отобрать все предложения с переменными, связанными квантором ∃, содержащиеся в теориях T_1, T_2, … T_n и их следствиях.

4. Признать существующими все те объекты, существование которых требуется истинностью предложений из п. 3.

Этот метод опирается на так называемый куайновский критерий онтологических обязательств: «… теория обязывает к тем, и только тем, сущностям, на которые должны быть способны указывать связанные переменные этой теории для того, чтобы ее утверждения были истинными»[42]. Это нестрогая формулировка критерия, который более строго можно сформулировать по-разному. Необходимо подчеркнуть, что среди философов нет согласия относительно точной формулировки критерия онтологических обязательств. Филипп Брикер, например, приводит несколько различных формулировок[43]:

(КООэкс) Куайновский критерий, экстенсиональная версия: теория T обладает онтологическими обязательствами к Ks, если и только если каждый домен квантификации, который делает теорию истинной, содержит по крайней мере один K.

(КООмет) Куайновский критерий, металингвистическая версия: теория T обладает онтологическими обязательствами к Ks, если и только если T логически влечет за собой “∃xKx”, если и только если для каждой интерпретации, которая делает T истинной, существует некоторая сущность в домене интерпретации, которая находится в экстенсионале “K”.

(КООмод) Куайновский критерий, модальная версия: теория T обладает онтологическими обязательствами к Ks, если и только если для каждого возможного мира w, T истинно в w, только если домен w содержит по крайней мере один K.

---

[42] Там же, с. 336

[43] Bricker, Phillip, "Ontological Commitment", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/ontological-commitment/>

Хотя точная формулировка критерия остается предметом споров, сам критерий весьма широко применяется онтологами и метафизиками, работающими в рамках ортодоксальной парадигмы. Однако в процессе применения куайновского метода возникает проблема, которая значительно затрудняет его применение и требует особого приема для своего решения. Эта проблема появляется на втором этапе метода, при переводе теорий на язык логики предикатов первого порядка. Поскольку теории изначально сформулированы не на этом языке, то можно по-разному их перевести и прийти в результате к разным онтологическим обязательствам. Более того, в теориях для удобства и простоты изложения вполне могут упоминаться такие сущности, которые явно не существуют, и онтологических обязательств к которым следует при переводе избежать. Для решения проблемы Куайном предлагается особый прием – прием перефразирования предложений теорий в процессе их перевода в каноническую нотацию. Брикер пишет об этом приеме следующее: «Если критерии онтологических обязательств не могут быть применены непосредственно к обычному языку, то приписывание онтологических обязательств философам – или обычным людям, но мы сосредоточимся на философах – не может быть сделано путем простого изучения утверждений или теорий, которые они принимают. Конечно, эти утверждения или теории могут иметь очевидные онтологические предпосылки в силу их квантификационного или референциального аппарата. Но необходим какой-то метод, чтобы определить, какие prima facie обязательства являются подлинными обязательствами. Здесь появляется метод перефразирования, одобренный Куайном и его современными последователями»[44]. В некоторых случаях перефразирование является очевидно необходимым и произвести его не столь трудно. Представим, например, что в какой-то социологической или демографической теории нам встречается следующее предложение:

(СС) Среднестатистическая семья состоит из 2.5 человек.

Следует ли нам при переводе теории в каноническую нотацию представить это предложение так, как будто оно говорит о некоторой особой сущности – среднестатистической семье и приписывает ей свойство состоять из 2.5 человек?

---

[44] Bricker, Phillip, "Ontological Commitment", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/ontological-commitment/>

(CC*) ∃x(Fx&Px), где F – быть среднестатистической семьей, а P – состоять из 2.5 человек.

Хотя такой перевод, в принципе, возможен, он явно является ошибочным и вводит в нашу онтологию лишнюю и весьма странную сущность. В данной ситуации правильным будет перефразировать (CC) так:

($CC_{\text{пере}ф}$) Число членов семей, поделенное на число семей, равно 2.5.

Если мы будем переводить в каноническую нотацию ($CC_{\text{пере}ф}$), а не само (CC), то наши обязательства ограничатся семьями и их членами, что гораздо более приемлемо. Мы можем пойти еще дальше и убрать с помощью перефразирования упоминания семей и уменьшить наши онтологические обязательства.

Во многих других случаях перефразирование является намного более трудным и спорным делом. Возможно ли, например, перефразировать все наши научные теории таким образом, чтобы убрать любые упоминания о числах и других математических объектах? Это могло бы сделать нашу онтологию более экономной и избавило бы от необходимости спорить о природе чисел. Некоторые номиналисты, например Хартри Филд, уверены, что перефразирование возможно, и даже предлагают его конкретные варианты[45]. Их противники, платонисты, полагают перефразирование невозможным. Неустранимость чисел из формулировок наших научных теорий является для них наилучшим свидетельством их существования, на чем строится знаменитый аргумент от неустранимости Куайна-Патнема[46].

Хотя указанная трудность перефразирования прибавляет онтологам работы, она же дает им значительный простор для деятельности и делает их менее зависимыми от позиций науки и здравого смысла: «ненужные» онтологам объекты можно убрать, а «нужные» ввести в теории при переформулировке. В свете такой особенности ортодоксальную куайновскую парадигму называют инфляционным

[45] Field H. Science Without Numbers. Princeton, Princeton University Press, 1980

[46] Подробнее об этом см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 74-82 https://philpapers.org/rec/KONVEB

(inflationary) взглядом на онтологию и работу онтологов[47]: в этой парадигме значимость деятельности онтологов при ответе на вопрос «Что есть?» повышается. Без онтологии, опираясь лишь на науку и здравый смысл, мы никогда не смогли бы узнать о существовании временн**ы**х частей, произвольных мереологических сумм, четырехмерных червей и т. д. (если все они действительно существуют). С другой стороны, онтологи/метафизики могут отвергнуть многое из того, о чем говорит наука: «Метафизики неокуайновского толка не просто ждут результатов научных исследований и повторяют их; вместо этого они, по-видимому, предполагают, что работа метафизиков может опровергнуть заявления наук, поскольку очень многие, а возможно, и большинство метафизических теорий явно отвергают ряд сущностей, по которым квантифицирует одна или несколько естественных наук (организмы, составные объекты и т.д.)»[48]. Против такой инфляции, то есть такого раздувания значимости и трудности работы онтологов выступают принадлежащие к неокарнаповской парадигме дефляционные теории, к рассмотрению которых мы и переходим.

Неокарнаповская парадигма в метаонтологии является дефляционной, она стремится к обесцениванию значимости онтологии и онтологических споров между философами. В этом она опирается на идеи Рудольфа Карнапа (1891-1970) и в первую очередь на его идею о языковых каркасах (linguistic frameworks).

В ортодоксальной парадигме считается, что онтологи ищут ответы на один и тот же вопрос «Что есть?», понимая его в одном и том же смысле. Даже если они дают радикально отличные ответы, смысл вопроса остается неизменным и одинаковым для всех, и слово «есть» в вопросе сохраняет единое значение. Благодаря этому и становится возможным подлинное несогласие между различными философами, они **не** походят на людей, спорящих о существовании и свойствах ключей, понимая при этом их в разном смысле, как приспособления для открывания дверей или как бьющие из-под земли источники.

Кроме этого, в куайновской ортодоксии ответ на вопрос «Что есть?» не является простым и требует значительной философской работы. Например, ответить на вопрос «Есть ли столы?» невозможно,

[47] Инфляционными являются также плюралистская и неоаристотелевская парадигмы.
[48] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 17

исходя только из знания правил применения слова «стол». Необходимо исследовать различные мереологические аргументы за и против существования таких обычных объектов, как стол.

Сторонники неокарнаповской парадигмы отвергают это. Некоторые из них (Эли Хирш[49]) полагают, что споры онтологов не являются подлинными, содержательными спорами, поскольку каждую из сторон можно рассматривать, как говорящую на собственном языке, на котором ее высказывания истинны. Другие неокарнаповцы (Эми Томассон[50]) согласны с содержательным характером онтологических споров, но считают их легко разрешимыми, исходя из правил применения тех слов, с помощью которых они сформулированы. В результате обе неокарнаповские теории приходят к дефляционным выводам – важность и трудность онтологических споров резко снижается, они становятся либо чисто словесными, либо легко разрешаемыми. При достижении подобных выводов теории используют дефляционные идеи Карнапа о языковых каркасах и делении всех вопросов на внутренние и внешние: «Взгляд Карнапа на онтологию в какой-то мере скептичен или дефляционен: вопросы, которыми интересовались философы, занимающиеся онтологией, так или иначе, являются *не-вопросами* [*non-questions*]. Однако Карнап не только отвергает онтологические вопросы, но и представляет определенного рода позитивный взгляд на то, на что похожи онтологические вопросы. Центральное место в позитивном взгляде занимает различие между *внутренними* и *внешними* вопросами и понятие *каркасов*»[51].

Что же такое языковой каркас? Он представляет собой систему правил или способов речи, которым должны быть подчинены все высказывания, совершаемые в его рамках. Все высказываемое, в том числе все онтологические утверждения о существовании тех или иных объектов, высказывается в рамках определенного каркаса и подчинено его правилам. Например, каркас математики дает нам правила, способы обсуждения существования и характеристик чисел и других математических объектов. Физический каркас дает нам возможность говорить о физических, расположенных в пространстве-времени объектах. Говоря более обобщенно, если мы хотим начать говорить о каком-либо новом классе объектов (числа, свойства,

---

49 Hirsch E. Quantifier Variance and Realism. Essays in Metaontology Oxford, Oxford University Press, 2011

50 Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014

51 Eklund M. Carnap's Legacy for the Contemporary Metaontological Debate // Blatti S., Lapointe S. (eds.) Ontology after Carnap. Oxford, Oxford University Press, 2016 p. 166

обычные объекты и т. д.), то нам необходимо будет ввести новый каркас. В результате этого все онтологические вопросы о существовании объектов из этого класса являются внутренними, то есть задавать их и отвечать на них можно только в рамках языкового каркаса. Внешними же будут вопросы существования или реальности самого класса в целом. Карнап поясняет это деление следующим образом: «Существуют ли свойства, классы, числа, суждения? Для того чтобы яснее понять природу этих и близких к ним проблем, прежде всего необходимо признать фундаментальное различие между двумя видами вопросов, касающихся существования или реальности объектов. Если кто-либо хочет говорить на своем языке о новом виде объектов, он должен ввести систему новых способов речи, подчиненную новым правилам; мы назовем эту процедуру построением языкового каркаса для рассматриваемых новых объектов. А теперь мы должны различить два вида вопросов о существовании: первый – вопросы о существовании определенных объектов нового вида в данном каркасе; мы называем их внутренними вопросами; и второй – вопросы, касающиеся существования или реальности системы объектов в целом, называемые внешними вопросами. Внутренние вопросы и возможные ответы на них формулируются с помощью новых форм выражений. Ответы могут быть найдены или чисто логическими методами, или эмпирическими методами в зависимости от того, является ли каркас логическим или фактическим. Внешний вопрос имеет проблематический характер, нуждающийся в тщательном исследовании»[52].

Поясним работу каркасов на примере, рассмотрев каркас вещей, обычных объектов, с которыми мы имеем дело в нашей повседневной жизни. В рамках данного каркаса мы говорим об упорядоченной системе расположенных в пространстве-времени объектов. О каждом таком объекте (или предполагаемом объекте) мы можем задать вполне осмысленный экзистенциальный вопрос: «Стоит ли на моем столе кружка?», «Жил ли когда-нибудь король Артур?», «Является ли Шерлок Холмс реальным детективом, или он вымышленный персонаж?». Это – внутренние вопросы, поиски ответов на которые диктуются правилами каркаса. В соответствии с правилами каркаса вещей, на перечисленные вопросы можно ответить, используя простые эмпирические методы. Для вопроса о кружке достаточно взглянуть на мой стол, для вопросов о Артуре и Холмсе придется

[52] Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Издательство иностранной литературы, 1959, с. 300

обратиться к литературным и историческим данным, но никаких принципиальных и философских трудностей они не представляют. Они не являются метафизическими: «Понятие реальности, встречающееся в этих внутренних вопросах, является эмпирическим, научным, неметафизическим понятием. Признать что-либо реальной вещью или событием – значит суметь включить эту вещь в систему вещей в определенном пространственно-временном положении среди других вещей, признанных реальными в соответствии с правилами каркаса»[53]. Однако мы можем попытаться выйти за пределы каркаса и спросить о реальности всего мира вещей вообще. Такой вопрос будет внешним и задается он, как правило, философами и метафизиками, а не учеными или обычными людьми. Поиск ответа на такой вопрос уже не подчиняется правилам каркаса – взглянув на мой стол и найдя там кружку, мы не сможем тем самым доказать реальное существование внешнего мира физических объектов и опровергнуть скептицизм в его отношении[54]. По мнению Карнапа, если вопрос о существовании задается вне рамок какого-либо каркаса, то он – плохо сформулирован и ответить на него невозможно. Единственная возможность спасти осмысленность такого вопроса – объявить его практическим вопросом о выборе того или иного каркаса: «Этот вопрос [теоретический внешний] и нельзя разрешить, потому что он поставлен неправильно. Быть реальным в научном смысле – значит быть элементом системы; следовательно, это понятие не может осмысленно применяться к самой системе. Те, кто поднимает вопрос о реальности самого мира вещей, может быть, имеют в виду вопрос не теоретический, как это кажется благодаря их формулировке, а скорее практический – вопрос практического решения относительно структуры нашего языка. Мы должны сделать выбор – принять или не принять, употреблять или не употреблять эти формы выражения в рассматриваемом каркасе»[55].

Вместо того, чтобы задавать теоретический внешний вопрос «Существуют ли вещи?», следует задавать практический внешний вопрос «Следует ли принять языковой каркас вещей?». Положительный ответ на него не означает наличия метафизического убеждения о реальности вещного мира, поскольку такое теоретическое убеждение,

---

[53] Там же, с. 301

[54] Впрочем, некоторые философы, например Дж. Мур, пытались доказать существование внешнего мира именно таким способом.

[55] Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Издательство иностранной литературы, 1959, с. 301

существующее вне рамок каркаса и его правил, вообще невозможно сформулировать ни на каком теоретическом языке. Практическое же убеждение диктуется чисто прагматическими соображениями – удобством, простотой и т. д. использования соответствующего каркаса. В теоретическом смысле ни один каркас ничем не лучше другого.

Традиционная интерпретация Карнапа связывает его идеи о языковых каркасах и разделении вопросов на внешние и внутренние с антиреализмом и верификационизмом: «В этом традиционном прочтении Карнапа, он отстаивает метафизический антиреализм, прежде всего, на эпистемологических основаниях (в частности, на верификационистских или, по крайней мере, в широком смысле эмпирицистских)»[56]. Все теоретические внешние вопросы и возможные ответы на них являются просто-напросто бессмысленными, поскольку нарушают так называемый принцип верификации – они не являются ни аналитическими, ни эмпирически верифицируемыми. Из этого должен следовать антиреалистский вывод – единственно осмысленными онтологическими вопросами и ответами являются внутренние, а значит мы можем говорить о существовании чего-либо только в рамках языковых каркасов. Все существующее существует лишь в соответствии с тем или иным каркасом, говорить о существовании самом по себе бессмысленно[57].

Представленные в данной книге наиболее влиятельные неокарнаповские метаонтологические теории отходят от этой традиционной интерпретации и отвергают крайний антиреализм и

[56] Biggs S., Wilson J. Carnap, the Necessary A Posteriori, and Metaphysical Anti-realism // Blatti S., Lapointe S. (eds.) Ontology after Carnap. Oxford, Oxford University Press, 2016 p. 96

[57] Дж. Т. М. Миллер поясняет эту традиционную антиреалистскую интерпретацию следующим образом: «Чтобы внести ясность, Карнап не отрицает, что мы можем осмысленно задавать любые онтологические вопросы. Однако такие вопросы имеют смысл только тогда, когда они задаются в определенных каркасах. … в математических каркасах мы можем задать онтологический вопрос “существуют ли числа?” и, предположительно, ответить “да”. Таким образом, мы можем заключить, что числа действительно существуют, но этот ответ раскрывает лишь нечто о языковом каркасе, в рамках которой был задан вопрос. Действительно, во многих случаях это будет просто тривиальная или аналитическая истина, поскольку существование чисел подразумевается соответствующим языковым каркасом. Следовательно, положительный ответ на вопрос “существуют ли числа?” в рамках математического языкового каркаса говорит нам только о том, что числа существуют в этом каркасе. Из этого нельзя сделать никаких дальнейших выводов, а в других каркасах утверждение о существовании чисел может оказаться ложным» (Miller J. T. M. Metaphysical realism and anti-realism. Cambridge, Cambridge University Press, 2022 p. 41).

верификационизм. Однако они используют идеи о существовании языковых каркасов и о том, что все высказывания о существовании чего-либо должны осуществляться по определенным правилам. Первую идею развивает Эли Хирш – в соответствии с его подходом существует несколько равноправных языков, каждый из которых описывает реальность не лучше и не хуже другого. При этом разные онтологические позиции (эндурантистов и пердурантистов, мереологических универсалистов и нигилистов и т. д.) оказываются истинными, если выражать их на соответствующем языке. В результате все споры и разногласия между философами оказываются чисто словесными. При рассмотрении различных языков Хирш использует ортодоксальную куайновскую идею о том, что наилучшим выражением для нашего понятия существования является квантор ∃: в разных языках значение этого квантора различно, в связи с чем становится возможным истинно утверждать существование, например, временных частей на пердурантистском языке и истинно отрицать их на эндурантистском. Эта доктрина Хирша получила название теории кванторной изменчивости, а спор между ее сторонником Хиршем и противником, представителем куайновской парадигмы, Теодором Сайдером стал одним из наиболее заметных в современной метаонтологии. Хирш и Сайдер дают противоположные ответы на вопрос: имеется ли несколько равноправных значений квантора ∃ или же одно из них является привилегированным и разделяет мир на естественные составные части, то есть единственно правильно отражает фундаментальную структуру мира? Сайдер даже называет этот вопрос главным метаонтологическим вопросом («the "metaontological" question»)[58].

Поскольку разговор о значениях квантора ∃ может показаться странным и непривычным многим читателям, то мы сделаем небольшое отступление и скажем, как этот разговор понимается в метаонтологии. Метаонтологи заимствуют знак квантора существования «∃» из логики предикатов первого порядка, однако трактуют его как эквивалент слов «есть» и «существует» из нашего естественного языка. Все они должны выражать предположительно имеющееся у нас понятия существования вообще или существования в неограниченном смысле (unrestricted-existence-like notion). Но для чего понадобилось заимствовать квантор? Проблема со словами «есть» и «существует» заключается в их недостаточной точности – они могут употребляться в тех случаях, когда мы не хотим сказать о существовании чего-либо.

[58] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 7

То есть они выражают наше понятие существования недостаточно строго. Мы говорим: «Есть/существует множество способов сделать это», но не намерены тем самым признать существование неких сущностей, называемых способами. В связи с этим возникла необходимость найти более подходящее средство для выражения понятия о существовании и для этого был выбран знак квантора «∃», поскольку предполагается, что его роль в логике предикатов приблизительно совпадает с ролью наших слов «есть» и «существует»: «Несомненно, логическая роль “there is” или “exists” в естественном языке более сложна, чем роль “∃” в формальных логических языках, но формально-синтаксическая роль “∃” обеспечивает точное приближение к неформальной инференциальной роли “exists” или “there is” на английском»[59]. Поэтому в метаонтологии сами слова «есть» и «существует» часто называют кванторами, хотя с лингвистической точки зрения это и неверно[60]. Однако остается вопрос о значении кванторов «∃», «есть», «существует». Довольно распространена точка зрения, что значением квантора является свойство второго порядка – свойство свойств, например, свойство обладать по крайней мере одним случаем. Но рассматриваемые в данной книге представители куйановской ортодоксии это по тем или иным причинам отвергают, о чем мы скажем в двух последующих главах, посвященных теориям Инвагена и Сайдера.

Идею о подчиненности всех онтологических высказываний определенным правилам развивает Эми Томассон. В ее теории все онтологические вопросы можно назвать внутренними в карнаповском смысле[61], но в результате этого она приходит не к антиреалистским, а к дефляционным выводам: поскольку все мы говорим на общем для нас естественном языке, будь то русский, английский, китайский и т.

---

[59] Hirsch E., Warren J. Quantifier variance // Kusch M. (ed.) The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism London, Routledge, 2020 pp. 349-350

[60] Например, Крис Макдэниел признает, что «есть» не является квантором, но продолжает говорить о нем как о кванторе: «Мне говорили, что многие лингвисты отрицают, что “есть” – это квантор. Мне в значительной степени безразлично, так ли это на самом деле: хотя иногда я буду говорить так, как будто “есть” – это квантор, я готов с удовольствием заменить предложения, в которых обсуждается “есть”, на предложения, в которых объектом внимания является “некоторый”» (McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 pp. 35).

[61] О своем подходе она пишет: «Этот подход (я буду утверждать) может рассматриваться как восходящий к подходу Карнапа к решению того, что он называл “внутренними” вопросами существования, и с тех пор время от времени всплывающий в отдельных местах, несмотря на доминирование неокуайновской методологии» (Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 4).

д., то, зная правила применения слов этого языка, мы легко можем ответить на все онтологические вопросы, используя лишь концептуальную компетентность и эмпирическую информацию. Из легко эмпирически подтверждаемого факта, что на моем столе стоит красная кружка, компетентный носитель языка может вывести, что кружке присуще свойство красноты, а значит свойства существуют. Аналогично разрешаются и все другие споры онтологов. Как и в случае с чисто словесными спорами Хирша происходит обесценивание онтологических вопросов, но по другой причине – по причине легкости ответа на них.

Следующая из представленных в книге метаонтологических парадигм, плюралистская, отвергает важнейшие ортодоксальные тезисы об эквивалентности бытия и существования (для нее есть объекты, которых не существует) и об унитарности бытия/существования, то есть об отсутствии его различных способов или модусов. Принадлежащие к парадигме теории можно разделить на две группы: первый из этих тезисов отвергают неомейнонгианские теории, а второй – теории, принадлежащие к онтологическому плюрализму в узком смысле. Алексиус Мейнонг (1853-1920) был непосредственным философским предшественником первой группы теорий, в связи с чем они и получили название неомейнонгианских, и влиятельной фигурой для плюралистов в узком смысле, поскольку также признавал наличие разных способов бытия. В наиболее кратком виде суть метаонтологической теории Мейнонга можно выразить следующими его словами: «…имеются предметы, о которых было бы верно сказать, что предметов такого рода не существует»[62]. Как же следует это понимать? Во-первых, по мнению Мейнонга, существование присуще только материальным, пространственно-временным объектам, таким как столы или стулья. Идеальные или абстрактные объекты обладают особым способом бытия, отличным от существования – они наличествуют (bestehen, subsist в английском переводе): «Недействительное трактуется как чистое ничто или, точнее, как нечто такое, что либо вообще не представляет интереса для познания, либо не заслуживает особого внимания. Насколько данное мнение далеко от истины, легче всего видеть на примере идеальных предметов, которые хотя и наличествуют (bestehen), однако ни в коей мере не существуют

[62] Майнонг А. О теории предметов // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. с. 209

(existieren), а также ни в каком смысле не могут быть реальными… число не может обладать собственным существованием в дополнение к существованию того, что им исчисляется, в случае, конечно, если это последнее существует. Это отчетливо видно из того факта, что мы можем также подсчитывать и то, что не существует»[63]. Это разделение Мейнонга между существованием и наличествованием (субсистенцией) было воспринято онтологическими плюралистами как признание множества способов бытия, присущих объектам из разных онтологических категорий. Например, плюралист Крис Макдэниел, чья теория будет рассмотрена в главе 7, интерпретировал Мейнонга именно так: «Мейнонг … признавал способы бытия: он различал существование – способ бытия, которым обладают конкретные объекты, и субсистенцию – способ бытия, которым обладают объективы…»[64].

Кроме этого, Мейнонг признавал, что имеются объекты, которые не обладают ни одним из способов бытия, ни существованием, ни субсистенцией. К ним относятся, например, невозможные объекты вроде круглого квадрата. Их Мейнонг характеризует как обладающих только внебытем (Außersein): внебытием обладают все объекты вообще, просто части из них присуще в добавок существование или субсистенция, а часть (невозможные объекты) обладает только им. Все это становится возможным, поскольку Мейнонг различает так-бытие и бытие у всех объектов – объект может обладать сущностью, иметь свойства, вне зависимости от того, обладает ли он бытием: «То, что никоим образом не является внешним по отношению к предмету, но составляет его собственную сущность, наличествует в его так-бытии, которое присуще предмету вне зависимости от того, обладает он бытием или нет»[65]. Другими словами, объектность или обладание свойствами шире бытия. Такой, например, объект, как золотая гора обладает свойствами золотистости и гористости, хотя он не существует, а круглый квадрат обладает круглотой и квадратностью, хотя он не субсистирует.

Точная интерпретация теории Мейнонга остается предметом споров, однако в современной метаонтологии Мейнонг чаще всего воспринимается как плюралист (сторонник способов бытия) и ноneист (сторонник наличия лишенных бытия объектов): «Мейнонг

[63] Там же, с. 205
[64] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 37
[65] Майнонг А. О теории предметов // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 212

является одновременно онтологическим плюралистом в том смысле, что он считает, что существует множество “способов бытия”, и онтологическим нонеистом в том смысле, что он считает, что некоторые вещи лишены бытия. Таким образом, его утверждение о несуществующих объектах является сверхдетерминированным: ни чисел, ни круглых квадратов не существует, но в то время как числа обладают бытием, круглые квадраты – нет. Из плюрализма и нонеизма, по мнению Мейнонга, следует, что некоторые вещи не существуют»[66]. Плюрализм в нашей книге будет представлен в главе 7 теорией Криса Макдэниела, а нонеизм в главе 8 теорией Теренса Парсонса.

Неоаристотелевская парадигма отвергает ортодоксальный онтологический вопрос «Что есть?» как центральный для онтологии. Оба представленных в книге сторонника парадигмы, Джонатан Шаффер и Кит Файн, являются пермиссивистами в отношении данного вопроса: практически все спорные сущности следует признать существующими, а значит ответить на вопрос «Что есть?» становится очень легко. Составные объекты, универсальные мереологические суммы, числа и т. д. существуют. Однако мы можем задать еще один вопрос, после того как выясним их существование. Являются ли они подлинно реальными или фундаментальными сущностями? На этот вопрос ответить совсем не просто, и именно он должен стать главным вопросом онтологии. При формулировке и поисках ответа на этот вопрос представители парадигмы опираются на некоторые идеи Аристотеля, которого они интерпретируют как сторонника разделения всего существующего на два уровня – фундаментальный и производный у Шаффера и реальный и фактический у Файна, которые связываются между собой особым отношением зависимости.

В «Метафизике» Аристотель писал: «Итак, ясно, что исследование сущего как такового и того, что ему как таковому присуще, есть дело одной науки и что та же наука исследует не только сущности, но и то, что им присуще: и то, что было указано выше, и предшествующее и последующее, род и вид, целое и часть и тому подобное»[67]. По мнению Шаффера, под выражением «предшествующее и последующее» следует понимать фундаментальный и производный от него уровни, на которые делится все существующее. Какой-то тип сущностей является базовым, фундаментальным, онтологически

[66] von Solodkoff T., Woodward R. Noneism, Ontology, and Fundamentality // Philosophy and Phenomenological Research. 2013. № 87(3). p. 559

[67] Аристотель Сочинения в четырех томах т. 1. М., Мысль 1976 С. 124

предшествующим всему остальному, которое от него зависит: для физикалиста, например, такими сущностями будут физические сущности, для идеалиста – ментальные или идеальные. Такие сущности Шаффер вслед за Аристотелем[68] называет субстанциями. Субстанция для него – это базовая, конечная (ultimate), фундаментальная единица бытия, без которой не существовало бы ничего другого, как писал об этом Аристотель в «Категориях»: «Поэтому, если бы не существовало первых сущностей [субстанций], не могло бы существовать и ничего другого»[69]. В связи с этим центральной задачей метафизики с аристотелевской точки зрения становится выявления субстанций и их отношений к производным сущностям: «В Категориях основным критерием [для выбора первичных субстанций] является онтологический приоритет. Сущность онтологически первична, если от ее существования зависят другие вещи, в то время как она ни в коей мере не зависит от них. Первичные субстанции из Категорий, такие как конкретные люди и лошади, являются объектами, которые обосновывают существование других вещей; некоторые из не первичных вещей, такие как качества и количества, существуют потому, что они модифицируют первичные субстанции, а другие, такие как субстанциональные виды и роды, существуют потому, что они классифицируют первичные сущности ... Следовательно, существование других вещей зависит от существования этих основных сущностей»[70]. Неоаристотелевкая парадигма, в отличие от всех других, предполагает иерархический взгляд на онтологическую структуру реальности, где различные категории существующего упорядочены отношением первичности по природе. Для Шаффера и Файна таким отношением является базирование, в связи с чем и основной онтологический вопрос в данной парадигме меняется: вместо вопроса «Что есть?» ставится вопрос «Что на чем базируется?».

Мы кратко рассмотрели четыре метаонтологические парадигмы. Их можно охарактеризовать через центральный для них онтологический вопрос и то, является ли поиск ответов на него трудной задачей:

[68] В английском переводе Аристотеля используется термин «субстанция» (substance) там, где в русском используется термин «сущность». Мы будем следовать за Шаффером и использовать термин «субстанция».
[69] Аристотель Сочинения в четырех томах т. 2. М., Мысль 1978 С. 56
[70] Gill M. Aristotle on Substance: The Paradox of Unity. Princeton, Princeton University Press, 1989 p. 3

Неокуайновская парадигма (ортодоксия)

Теории Питера ван Инвагена (2 глава) и Теодора Сайдера (3 глава)

1. Главный онтологический вопрос: что есть?
2. Поиск ответов на него является трудной задачей (инфляционная позиция).

Неокарнаповская парадигма

Теории Эли Хирша (4 глава) и Эми Томассон (5 глава)

1. Главный онтологический вопрос: что есть?
2. Поиск ответов на него является легкой задачей (дефляционная позиция).

Плюралистская парадигма

Теории Криса Макдэниела (7 глава) и Теренса Парсонса (8 глава)

1. Главный онтологический вопрос: что и как есть и/или существует?
2. Поиск ответов на него является трудной задачей (инфляционная позиция).

Неоаристотелевская парадигма

Теории Джонатана Шаффера (9 глава) и Кита Файна (9 глава)

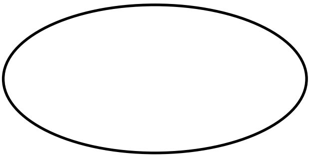
1. Главный онтологический вопрос: что на чем базируется?
2. Поиск ответов на него является трудной задачей (инфляционная позиция).

Неокуайновская парадигма является ортодоксальной, а три остальные отходят от нее в том или ином отношении: неокарнаповская оставляет тот же вопрос, но изменяет подход к его ответу с инфляционного на дефляционный, а плюралистская и неоаристотелевские оставляют инфляционный взгляд на трудность решения онтологического вопроса, но меняют сам вопрос. Кроме теорий, принадлежащих к четырем данным парадигмам, в 6-й главе книги будет рассмотрена фикционалистская метаонтологическая теория – фигурализм Стивена Ябло. Мы не рассматриваем фикционализм как особую парадигму, поскольку отдельные фикционалистские теории являются ограниченными по своему применению. Они не предлагают целостной альтернативы куайновской ортодоксии и могут рассматриваться

как дополнение к ней: сторонник ортодоксии вполне может быть фикционалистом в отношении, например, абстрактных объектов, но сохранять ортодоксальную позицию с ее взглядом на бытие, существование, методы онтологии и т. д. в отношении всего остального.

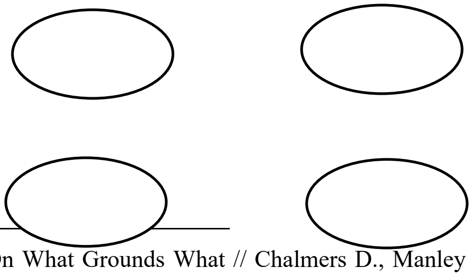
Представленные в книге парадигмы можно классифицировать еще одним способом, заимствованным нами у Джонатана Шаффера[71]. Он делил метаонтологические теории в зависимости от их взгляда на онтологическую (метафизическую) структуру реальности. Таких вариантов структуры он выделял три:

1. Плоская структура: цель метафизического исследования – составление неструктурированного списка существующего E.

Овал охватывает все то, что существует, а целью онтологии является его заполнение. И неокуайновская, и неокарнаповская парадигмы придерживаются плоской структуры, разница между ними в том, насколько легко онтология, с их точки зрения, способна заполнить данный овал.

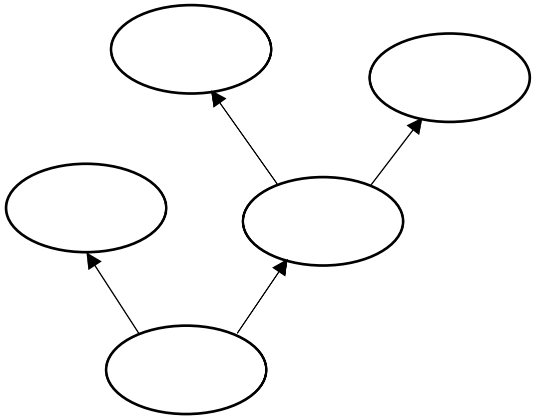
2. Распределенная (sorted) структура: цель метафизического исследования – 1. установление числа категорий n, 2. составление списков $E_1 - E_n$ сущностей из каждой категории.

[71] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 355

Каждый овал охватывает сущности, обладающие своим способом бытия и/или существования, а цель онтологии – выявить, сколько таких овалов имеется и заполнить каждый из них. Плюралистская парадигма придерживается распределенной структуры: для онтологического плюрализма овалы – это способы бытия/существования, где бытие и существование не различаются, а для неомейнонгианства один из овалов будет включать объекты, которых нет.

3. Упорядоченная (ordered) структура: цель метафизического исследования установление упорядоченной иерархии, которая генерируется из 1. списка субстанция F и 2. списка отношений базирования G.

Каждый овал охватывает сущности определенной категории, причем нижний из них, лежащий в основе других, должен быть заполнен фундаментальными (реальными) сущностями, а все остальные – более или менее удаленными от них производными сущностями. Стрелки представляют собой различные отношения онтологической зависимости, базирования. Неоаристотелевская парадигма ставит перед онтологией цель построения подобной иерархии.

Если взять данные виды структур и добавить деление парадигм на инфляционные и дефляционные, то можно составить следующую таблицу:

	Инфляционизм	Дефляционизм
Плоская структура	Неокуайновская парадигма (ван Инваген, Сайдер)	Неокарнаповская парадигма (Хирш, Томассон), нофрегеанство, фикционализм (Ябло)
Распределенная структура	Плюралистская парадигма (Макдэниел, Парсонс)	
Упорядоченная структура	Неоаристотелевская парадигма (Шаффер, Файн)	

В ячейку неокарнаповской парадигмы мы также поместили фикционализм, который можно назвать дефляционной теорией в широком смысле, поскольку он снижает важность некоторых онтологических вопросов, признавая определенные дискурсы фиктивными. Кроме этого, в ту же ячейку мы поместили еще один метаонтологический подход – неофрегеанство, которое мы кратко рассмотрим в главе 5, посвященной легкой онтологии Томассон. Оно также предлагает дефляционное, легкое решение вопросов существования математических объектов.

Список литературы

1. Blatti S., Lapointe S. (eds.) Ontology after Carnap. Oxford, Oxford University Press, 2016

2. Effingham N. An Introduction to Ontology. Cambridge, Polity, 2013

3. Egerton K. Quine’s metametaphysics // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 pp. 49-60

4. Hylton P. Quine. London, Routledge, 2007

5. Jones N. Quantification and Ontological Commitment // Fisher A., Maurin A.-S. (eds.) The Routledge Handbook of Properties London, Routledge, 2023 pp. 13-25

6. Kraut R. Rudolf Carnap: pragmatist and expressivist about ontology // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 pp. 32-48

7. Saenz N. Ontology // Raven M. The Routledge Handbook of Metaphysical Grounding. London, Routledge, 2020 pp. 361-374

8. Жаккетт Д. Алексиус Майнонг, Пастырь Не-Бытия. М.: Канон+, 2023

9. Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Издательство иностранной литературы, 1959

10. Куайн У. В. О Слово и объект. М.: Логос, Праксис, 2000

11. Майнонг А. О теории предметов // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 202-229

Глава 2. Метаонтология П. ван Инвагена

Наиболее известным представителем ортодоксальной неокуайновской парадигмы в метаонтологии является Питер ван Инваген. Как пишет он сам[72], его куайновскую метаонтологическую позицию можно сформулировать с помощью пяти основных тезисов:

(МИ 1) Бытие не является деятельностью.

(МИ 2) Бытие (being) – это то же самое, что и существование (existence).

(МИ 3) Бытие унивокально (однозначно).

[72] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 4

(МИ 4) Единственный смысл бытия или существования может быть адекватно схвачен с помощью квантора существования формальной логики.

(МИ 5) Наилучшим способом ответа на онтологический вопрос «Что есть?» является предложенный Куайном способ, связанный с поиском онтологических обязательств.

Мы подробно рассмотрим каждый из этих тезисов, начав с первого из них. Этот тезис утверждает, что бытие не является деятельностью. Для пояснения (МИ 1) Инваген цитирует слова Дж. Л. Остина о глаголе «существовать», которые вполне применимы и к глаголу «быть», поскольку для Инвагена они означают одно и то же: «Данное слово является глаголом, но оно не описывает нечто, что вещи постоянно делают, подобно дыханию, только тише – [некую], так сказать, постоянную работу в метафизическом смысле»[73].

Чтобы лучше пояснить тезис, Инваген описывает позицию тех философов (к ним он относит философов экзистенциально-феноменологической традиции, в частности Жан-Поля Сартра), которые его отвергают и считают бытие наиболее общей деятельностью, в которую вовлечены все вещи. Все деятельности объектов можно разделить на более или менее общие. Что я делаю в данный момент? Я пишу книгу. Я пишу философскую книгу. Я пишу философскую книгу по метаонтологии. Все три ответа верны и указывают на мою деятельность, активность в данный момент времени. Нетрудно заметить, что ответы связаны между собой определенным образом: правильность второго влечет за собой правильность первого, а правильность третьего – правильность второго и первого. Деятельности можно разделить на более и менее общие: деятельность А является более общей, чем деятельность В, если вовлеченность объекта в деятельность В влечет за собой его вовлеченность в деятельность А. Я не могу писать философскую книгу и при этом не писать книгу. Менее общая деятельность с необходимостью подразумевает более общую.

Приняв такое определение, мы можем спросить: не существует ли для каждого объекта или, по крайней мере, для каждого активного объекта, такая деятельность, которую подразумевают все возможные для него деятельности? Некоторые представители экзистенциально-феноменологической традиции отвечают на данный

[73] Austin J. L. Sense and Sensibilia London, Oxford University Press, 1964 p. 68 n.

вопрос утвердительно – такая деятельность есть, и ей является деятельность бытия или существования. Инваген отмечает, что даже эти философы могут отвергать существование наиболее общей деятельности вообще, то есть деятельности, в которую вовлечены все объекты – у каждого из основных родов объектов может быть своя собственная наиболее общая деятельность, но деятельности, общей для всех объектов, может и не быть. Например, Сартр (в понимании Инвагена) признавал две наиболее общих деятельности: être pour-soi или бытие для себя, присущее людям, сознающим себя личностям и être en-soi или бытие в себе, характеризующее неодушевленные предметы. Независимо от (не)признания подобной наиболее общей деятельности, Сартр и другие философы считают бытие или какую-то его разновидность деятельностью тех объектов, которым оно присуще – все существующие объекты вовлечены в такую деятельность.

Первый из тезисов метаонтологии Инвагена это отвергает. При этом Инваген готов, в принципе, признать, что может существовать наиболее общая деятельность, характерная для всех объектов. Такой деятельностью в случае всех объектов, являющихся частью нашего конкретного мира, может быть деятельность дления/продолжения (lasting/enduring). Однако Инваген категорически против отождествления подобной деятельности с бытием или существованием: «… просто неправильно называть эту деятельность “существованием” или “бытием” или “être” или прилагать к нему любое слово, содержащее корень, связанный с “être” или “esse” или “existere” или “to on” или “einai” или “Sein” или “be” или “am” или “is”»[74]. Деятельности, о которых говорит Сартр, отражают разную природу или сущность соответствующих объектов, то есть сознающих себя личностей и неодушевленных предметов, а не их различные способы бытия или существования. Я сам и стул, на котором я сижу – чрезвычайно разные объекты, но существуем мы в одном и том же смысле, и этот смысл не имеет отношения к каким-либо из наших деятельностей, пусть и наиболее общим.

Главная ошибка экзистенциально-феноменологических философов состоит именно в смешении природы объекта и его бытия: значительные различия в природе объектов они переносят на их бытие/существование, в результате чего их представление о бытии становится насыщенным (thick). Инваген же придерживается скудного

[74] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 6

(thin) представления: «Сартр и Хайдеггер и все другие приверженцы экзистенциально-феноменологической традиции виновны (если я прав) в приписывании «бытию» вещей тех характеристик этих вещей, которые должны по праву быть приписаны их природам. Поэтому они и отвергают то, что бытие является самой бедной и наиболее абстрактной из всех категорий. Поэтому у них, так сказать, «насыщенное» представление о бытии – в противоположность «скудному» представлению о бытии, которое я полагаю правильным представлением…»[75].

Но чем скудное представление о бытии лучше насыщенного? Почему нам следует придерживаться первого из них? Чтобы показать преимущество скудного представления, Инваген приводит следующий мысленный эксперимент. Представим себе марсиан. Все они обладают одним языком, который практически во всем походит на русский (английский у Инвагена), но с небольшими исключениями. Во-первых, в марсианском языке нет никаких терминов, производных от слова «быть» («be») и, в частности, нет термина бытие (being). Сам глагол «быть/являться» («to be») в их языке присутствует, но лишь для выражения предикации и тождества: например, «мяч является красным» или «Сэмюэль Клеменс является Марком Твеном». Кроме того, в языке марсиан отсутствует глагол «существовать» («to exist») и производные от него прилагательные «существующий» («existent») и «несуществующий» («non-existent»). Также у них нет слов и выражений «есть», «имеет место» («there is»). В добавок к этому в их языке нет исчисляемых существительных (count-nouns), которые применимы к любым объектам вообще – то есть отсутствуют такие слова, как «вещь» («thing»), «сущность» («entity») и «объект» («object»). Теперь мы можем спросить: как же марсиане обходятся без всех этих слов, связанных с бытием и существованием? Не является ли их язык обедненным по сравнению с русским/английским, неспособным выразить то содержание, которое легко выразить носителям русского/английского языков? Положительный ответ означал бы, что бытие и родственные ему слова (понятия) являются насыщенными и обладают содержанием, невыразимым на марсианском – именно таким содержанием могло бы быть отвергаемое первым тезисом бытие как наиболее общая деятельность вещей. Однако Инваген уверен, что правильным ответом будет отрицательный. Марсианский язык по своей выразительной силе ничем не уступает русскому или

[75] Ibid., p. 7

английскому. Он легко может обойтись одним квантором «все» («everything») и глаголом «быть/являться» («to be») в смысле предикации или тождества для выражения всего, что связано с бытием и существованием. Например, мы скажем: «Драконы не существуют» («Dragons do not exist»), а марсиане скажут: «Все не является драконом» («Everything is not a dragon»). Верующий русско-/англоязычный теист скажет: «Бог существует» («God exists») или «Бог есть» («There is a God»), а теист-марсианин – «Неверно, что все не является Богом» («It is not the case that everything is not (a) God»). Марсианский Декарт мог бы сказать: «Я мыслю, следовательно не все не является мной» («I think, therefore not everything is not I»). Мы видим, что отсутствие слов и выражений, связанных с бытием/существованием, в марсианском языке никак не сказывается на его выразительной силе, а значит эти слова и стоящие за ними понятия являются скудными.

Из данного мысленного эксперимента можно сделать еще один вывод. Инваген полагает, что труды по фундаментальной онтологии в континентальном стиле, например, «Бытие и время» Мартина Хайдеггера непереводимы на марсианский. Но мысленный эксперимент показал, что на марсианском можно успешно выразить все, что выражается в русском (английском, немецком и др. земных языках) с помощью слов, связанных с бытием и существованием. По мнению Инвагена, мы должны прийти к заключению, что труды Хайдеггера и похожие на них по стилю работы «…состоят по большей части из предложений, которым ничего не удается сказать, предложений, являющихся только словами»[76]. Как мы увидим из главы 7 с этим выводом Инвагена не согласятся не только последователи Хайдеггера, но и некоторые аналитические метаонтологи, в частности представители онтологического плюрализма. Для них базовым, фундаментальным понятием будет не скудное бытие вообще, но гораздо более насыщенные «способы бытия» («ways of being»).

Второй тезис метаонтологии Инвагена (МИ 2) утверждает, что бытие – это то же самое, что и существование. Некоторые философы, например, неомейнонгианец Теренс Парсонс[77] (см. главу 8), проводят между ними различие. Инваген с этим не согласен и вслед за Куайном подобное различие отвергает. Сказать, что «собаки существуют» («dogs exist»), значит сказать, что «собаки есть» («there are

[76] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 8

[77] Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven, Yale University Press, 1980

dogs»). Сказать, что «Гомер существовал» («Homer existed») значит сказать, что была (there was) такая личность, как Гомер. Может показаться, что эквивалентность подобных выражений очевидна, является частью здравого смысла и не нуждается в каких-то дополнительных аргументах. Однако сам Инваген признает, что не все так просто, как кажется на первый взгляд. Некоторые признаваемые нами истинными утверждения как будто требуют различия между «есть» и «существует». Предположим, мы обсуждаем человека с паранойей, которому везде мерещатся угрозы. Про него можно сказать: «Есть много вещей, в которые он верит, но которые не существуют». Параноик верит в яд, находящийся в его стакане, в коварные замыслы своих родственников и т. д. Однако мы знаем, что все эти вещи не существуют. Еще один приводимый Инвагеном пример[78] касается людей, которые могли бы существовать, но не существуют. Представим, что в одной из газетных статей автор пытается осуществить reductio ad absurdum аргумента против абортов, который отталкивается от того факта, что аборты лишают жизни нерожденных младенцев и нарушают тем самым их права. Автор статьи пишет, что в таком случае и по тем же самым основаниям противники абортов должны быть еще большими противниками контрацепции. Аборты лишают нерожденных детей остатка их жизни, то есть отрезка жизни после рождения, а контрацепция лишает незачатых детей всей их жизни целиком, как до рождения, так и после. Получается, что **есть** незачатые люди, которые не существуют, но вполне могли бы существовать, если бы им не помешали средства контрацепции.

Как мы увидим в главе 8, представители неомейнонгианства используют подобные примеры, касающиеся интенциональных и всего лишь возможных объектов, в своей аргументации. Инвагена данные аргументы не убеждают. Самое большее они могут доказать, что отсутствие различия между бытием и существованием не является чем-то самоочевидным. Тем не менее Инваген уверен, что этого различия нет. Как же он доказывает свою точку зрения? Он честно признает, что не знает какого-либо конкретного аргумента в пользу своей позиции, однако приводит смешную историю, которая должна показать всю нелепость различия бытия и существования: «Однажды моя подруга Вимен сказала мне, что в 4-м томе Gesamtausgabe Мейнонга есть отрывок, в котором Мейнонг признает, что его теория

[78] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 10

объектов противоречива (она сказала, что уверена, что отрывок расположен в левом верхнем углу на странице в первой трети тома). Четыре часа спустя, после долгих и безуспешных поисков, я заявился в кабинет Вимен и возмущенно проинформировал ее, что такого отрывка нет. «Ах, – сказала Вимен, – вы ошибаетесь. Такой отрывок есть. Ведь вы же искали его: есть нечто, что вы искали. Я думаю, что могу объяснить вашу ошибку; хотя этот отрывок *есть*, его не *существует*. Ваша ошибка в том, что вы не заметили этой разницы». Я был возмущен» [79]. История, конечно, ничего не доказывает, но должна показать контринтуитивность разделения между «есть» и «существует». Впрочем, в главе 8 мы увидим, что, по мнению последователей Мейнонга, теоретические достоинства данного различия перевешивают его контринтутивность.

Третий тезис метаонтологии Инвагена утверждает, что бытие унивокально. Поскольку, согласно второму тезису, бытие и существование – это одно и тоже, то существование также унивокально. (МИ 3) понимается Инвагеном как семантический тезис, утверждающий, что слова, обозначающие бытие/существование, значат то же самое, независимо от того, какие объекты они описывают. Инваген признает, что существует «чрезвычайно притягательная позиция»[80], согласно которой «есть» и «существует» значат одно применительно к материальным объектам, другое применительно, например, к сознаниям (minds), нечто третье применительно к сверхъестественным существам и что-то совсем отличное от предыдущего применительно к абстрактным объектам вроде чисел. Все это чрезвычайно разные объекты, обладающие весьма различными свойствами, а значит и существовать они должны по-разному. Как мы можем сказать, что обладающий массой, размером, положением в пространстве-времени и т. д. стол, за которым я пишу эту книгу, существует в том же самом смысле, что и число два, которое нигде не находится и является каузально пассивным?

Одним из наиболее известных сторонников неоднозначности (equivocality) бытия в аналитической философии XX века был Гилберт Райл. Инваген приводит следующую цитату из книги Райла «Понятие сознания»: «Совершенно корректно произнести с одним логическим ударением, что существуют сознания, и с другим логическим

[79] Ibid., p. 11

[80] Ibid., p. 12

ударением, что существуют тела. Однако эти высказывания не обозначают два различных вида существования, ибо “существование” не является родовым словом вроде “окрашенный” или “имеющий пол”. Они обозначают два различных смысла (senses) “существования”, наподобие того, как слово “растущий” имеет разные смысловые оттенки в сочетаниях “растет прилив”, “растет надежда” и “растет средний уровень смертности”. Слова человека о том, что сейчас растут три вещи, а именно: прилив, надежда и средний уровень смертности, будут расценены как глупая шутка. Будет такой же шуткой сказать, что существуют простые числа, вторники, общественные мнения и военно-морские силы; или же, что существуют вместе сознания и тела»[81]. В современной метаонологии подобной точки зрения придерживаются сторонники онтологического плюрализма, теория одного из которых, Криса Макдэниела, будет рассмотрена в главе 7.

Инваген эту позицию отвергает, и аргументы Райла его не убеждают. В чем же, с точки зрения Инвагена, ошибается Райл? Во-первых, он безосновательно приписывает сторонникам унивокальности убеждение, что «существование» является «родовым словом вроде “окрашенный” или “имеющий пол”» и делится на различные виды, которые затем приписываются телам или сознаниям. Возможно, что Райл проводит аналогию между словом «существование» и словом «растущий», рассуждая следующим образом: если слово «растущий» приложимо и к росту прилива, и к росту надежды, то мы может сравнить их рост. Но когда мы сравниваем рост прилива и рост надежды, мы замечаем, что они очень сильно друг от друга отличаются. Поскольку прилив и надежда весьма разные виды вещей, то и их «росты» должны быть разного вида, а само слово «рост» должно быть родовым. То же самое Райл хочет сказать и о позиции сторонников унивокальности: если уж существование можно приписать и числам, и вторникам, и военно-морским силам, то оно должно быть родовым понятием, а «существования» всех данных вещей относиться к различным видам этого родового понятия. По мнению Инвагена, такая аргументация основана на представлении о существовании как деятельности, которое было отвергнуто первым тезисом. Рост прилива и рост надежды – это то, что приливы и надежды делают. И эти деятельности действительно сильно отличаются друг от друга. Но про существование мы этого сказать не можем, существование – не

[81] Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999 с. 32 (перевод изменен)

деятельность, и существования таких разных вещей, как числа и вторники, не должны принадлежать к различным видам. Инваген приходит к выводу, что «тезис об унивокальности существования … не подразумевает, что существование делится на виды [comes in species], или что "существующий" является родовым словом вроде "окрашенный" или "имеющий пол"»[82].

Даже если Инваген прав, и Райл неверно характеризует позицию унивокалистов, это само по себе не доказывает ошибочность точки зрения Райла. В приведенном отрывке содержится еще один аргумент, на который Инваген должен ответить. Этот аргумент он называет аргументом от силлепса. Силлепс – это синтаксически правильное выражение, которое требует того, чтобы содержащееся в нем слово или фраза понималась одновременно в двух смыслах: «Она приехала домой *в* слезах и паланкине». В данном предложении предлог «в» имеет одновременно два значения, связанных с состоянием героини («в слезах») и с ее пространственным нахождением внутри транспортного средства («в паланкине»). Когда мы слышим это предложение, мы сразу чувствуем его ошибочность, несмотря на синтаксическую правильность. Райл усматривает подобную же ошибку в приложении слова «существует» одновременно к объектам из разных онтологических категорий: «Будет такой же шуткой сказать, что существуют четные числа, вторники, общественные мнения и военно-морские силы; или же, что существуют вместе сознания и тела»[83]. Инваген признает, что это и другие похожие утверждения могут казаться нам странными, но происходит это вовсе не из-за силлепса. Дело всего-навсего в том, что «очень трудно придумать повод для упоминания всех этих вещей в одном предложении, вне зависимости от того, что мы хотим про них сказать. Я предлагаю вам попытаться придумать предложение о простых числах и вторниках, и общественных мнениях, и военно-морских силах, которое *не* звучит странно»[84].

Кроме опровержения аргументов противников Инваген приводит несколько соображений в пользу унивокальности бытия. Все они строятся на аналогии между «есть»/«существует» и явно унивокальными словами и выражениями. Одно из них опирается на идеи

---

[82] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 10

[83] Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999 с. 32 (перевод изменен)

[84] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 pp. 15-16

Готлоба Фреге и касается тесной связи между существованием и числом. Фреге писал: «В этом отношении существование имеет сходство с числом. Ведь утверждение существования есть ничто иное, как отрицание числа ноль. Поскольку существование есть свойство понятия …»[85]. Инваген согласен в этом с Фреге, но с той разницей, что он не считает существование предикатом (он предпочитает говорить о предикатах, а не о свойствах) второго порядка, то есть предикатом понятий; его вполне возможно приписывать непосредственно самим объектам: «… когда я говорю: “Лошади существуют”, я приписываю изменчиво полиадический [variably polyadic] предикат “существуют” лошадям. Я не в большей степени говорил о понятии *лошадь*, чем если бы сказал: “Лошади – это травоядные с однокамерным желудком” или “Лошади имеют интересную эволюционную историю”». То есть Инваген отвергает то, что иногда называют[86] тезисом Канта-Фреге:

(ТКФ) Существование является предикатом второго порядка, предикатом понятий, пропозициональных функций, свойств и т. д.

Несмотря на данное отличие, Инваген согласен с Фреге в том, что существование сходно с числом. Существование, как и число, можно приписывать чему угодно в одном и том же смысле. Слова «шесть» или «сорок три» имеют один и тот же смысл, независимо от того, к каким объектам мы их применяем. Если вы написали тринадцать поэм, а у меня дома живут тринадцать кошек, то число ваших поэм равно числу моих кошек. Но существование не просто походит на числа, оно тесно с ними связано. Сказать, что единороги не существуют – значит сказать, что число единорогов равно 0, то есть следующие предложения сходны друг с другом по смыслу:

(ЕД) Единороги не существуют.

(ЕД 1) Число единорогов равно 0.

Следует заметить, Инваген не утверждает, что (ЕД) и (ЕД 1) полностью тождественны по своему смыслу, поскольку вполне могут быть контексты, где они не будут взаимозаменяемыми. Но сходство

---

[85] Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2008 с. 191

[86] McDaniel K. The Fragmentation of Being Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 55

между этими предложениями кажется ему очевидным. Подобным же образом утверждения существования можно рассматривать как отрицания числа 0:

(ЛОШ) Лошади существуют.

(ЛОШ 1) Число лошадей не равно 0.

Самое главное, что мы можем говорить о числе лошадей, столов, чисел, ангелов, событий, богов и т. д. в одном и том же смысле. Числовые предикаты являются унивокальными, а значит и тесно связанный с ними предикат существования тоже унивокален. На основе этих рассуждений мы можем сформулировать простой индуктивный аргумент:

1. Число (числовые предикаты) унивокально.

2. Существование (предикат существования) тесно связано с числом.

следовательно, у нас есть веские основания считать, что

3. Существование унивокально.

Как мы видим, аргумент является индуктивным, его посылки не гарантируют истинности заключения. По мнению Уильяма Валличеллы[87], в этом и заключена его слабость. Дедуктивно правильный аргумент выглядел бы так:

1*. Все числовые предикаты унивокальны.

2*. Предикат существования является числовым предикатом.

3*. Предикат существования унивокален.

В таком виде аргумент валиден, но его вторая посылка уязвима для критики, поскольку она утверждает, что предикат

[87] Vallicella W. Van Inwagen on Fiction, Existence, Properties, Particulars, and Method // Studia Neoaristotelica. 2015. № 12(2). p. 104

существования является числовым, а это гораздо менее правдоподобно, чем доказываемая Инвагеном тесная связь между числом и существованием. Но не можем ли мы сказать, что «X есть» или «X существует» значат то же самое, что и «число X – единица или больше», а значит посылка 2* все-таки верна? Валличелла пытается показать, что не можем. В случае общих утверждений эквивалентность вполне возможна:

(КОШ) Кошки существуют.

(КОШ*) Число кошек – единица или больше.

Но эквивалентность отсутствует, если мы возьмем единичное утверждение о существовании кота по кличке Макс:

(МАКС) Макс существует.

(МАКС*) Число Макса – единица или больше.

Второе предложение кажется Валличелле явно бессмысленным. Подобным же образом общий вопрос: «Сколько кошек в доме Валличеллы?» осмыслен, а вопрос в отношении одного конкретного кота Макса: «Сколько Макса в доме Валличеллы?» нет. На основании этих рассуждений Валличелла формулирует свой индуктивный контраргумент[88]:

1. «Существует» функционирует иногда как предикат первого порядка, приложимый к отдельным, поименованным (named) индивидам.

2. Числовые предикаты никогда не функционируют как предикаты первого порядка, приложимые к отдельным, поименованным индивидам.

3. Следовательно, «существует», когда функционирует как предикат первого порядка, приложимый к отдельным, поименованным индивидам, не является числовым предикатом.

[88] Vallicella W. Van Inwagen on Fiction, Existence, Properties, Particulars, and Method // Studia Neoaristotelica. 2015. № 12(2). p. 105

4. Следовательно, очевидная унивокальность числовых предикатов не является хорошим основанием для вывода об унивокальности «существует».

Инваген, впрочем, может ответить, что найденное Валличеллой различие не является таким уж существенным и не подрывает индуктивный аргумент о тесной связи числа и существования.

Еще один философ, Энрико Берти, пытается отвергнуть тесную связь между числом и существованиям, показав, что не все существующее можно сосчитать. Он пишет следующее: «Фактически мы не можем сосчитать объекты в комнате, если они принадлежат к разным родам. Мы можем сосчитать, например, личности, столы, книги. На аристотелевском языке они являются субстанциями. Но мы не можем сосчитать вместе с ними цвета столов, веса книг, действия или чувства личностей, хотя мы можем признать, что каждая из этих вещей существует…»[89]. Проблема в том, что цвета, веса или действия не имеют четко установленных принципов индивидуации, и мы не можем сказать, сколько именно цветов находится в комнате, даже если мы признаем, что цвет существует и может находиться в пространств-времени как имманентная универсалия или троп[90]. Если в комнате есть только красный стол и ничего другого красного нет, то должны ли мы сказать, что в ней лишь один красный цвет, или же цвета четырех ножек стола и столешницы нумерически отличны друг от друга, а значит в комнате имеется пять красных цветов? Получается, что существование и число связаны не так уж тесно.

Инваген приводит еще один похожий аргумент в пользу унивокальности бытия, который он возводит к Рудольфу Карнапу[91]. Этот аргумент основывается на тесной связи между «есть» и «или». Дело в том, что если у нас имеется полный список имен членов какого-либо конечного класса, то мы можем заменить утверждения о существовании, связанные с этим классом, на дизъюнкции. Например, утверждение о том, что есть простое число между 16 и 20, можно заменить

---

[89] Berti E. IX – Multiplicity and Unity of being in Aristotle // Proceedings of the Aristotelian Society. 2001. № 101(1). p. 192

[90] о тропах и универсалиях см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 33-50 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[91] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 13

утверждением, что 17 – простое число или 18 – простое число или 19 – простое число. Вряд ли кто-то скажет, что «или» означает одно, когда соединяет утверждения о числах и другое, когда соединяет утверждение о столах или людях.

(ПЧ) Есть простое число между 16 и 20.

(ПЧ 1) 17 – простое число или 18 – простое число или 19 – простое число.

Впрочем, Инваген замечает, что здесь необходимо сделать существенную оговорку. (ПЧ) и (ПЧ 1) взаимозаменяемы только при условии, что 17, 18 и 19 – это *все* числа между 16 и 20. Поэтому более убедительным будет связать бытие/существование не со словом «или», а со словами «все»/«каждый» («all»/«every»). Унивокальность этих слов отвергнуть еще труднее: слово «все» явно означает одно и тоже в предложении «Все натуральные числа имеют преемников» и «Все греки смертны». В таком случае (ЛОШ) можно будет представить следующим образом:

(ЛОШ 2) Неверно, что все не является лошадью.

Противники тезиса могут либо отвергнуть тесную связь между бытием и числом/всем, либо признать многозначность всех этих слов. И тот и другой путь ведут, по мнению Инвагена, к контринтуитивным результатам. Но некоторые противники Инвагена, например уже упоминавшийся нами плюралист Крис Макдэниел, готовы согласиться с семантическим тезисом об унивокальности слов «есть» и «существует». Но из этого не следует унивокальность самого бытия. По мнению Макдэниэла, Инваген в своем четвертом тезисе некритически смешивает семантику с метафизикой: хотя тезис «Бытие унивокально» («Being is univocal») вроде бы говорит о самом бытии (метафизическое понимание тезиса), при его обсуждении Инваген сосредотачивает внимание на унивокальности слов, обозначающих бытие и существование (семантическое понимание тезиса). Однако тезис в семантическом понимании совместим с признанием модусов, способов или видов бытия. Как пишет Макдэниэл: «… мы можем принять метафизический тезис о том, что имеются модусы существования, утверждая при этом как то, что ни одно из выражений обыденного языка не имеет эти модусы в качестве своего значения [meaning]

(или, говоря в общем, в качестве своего семантического значения [semantic value]), так и то, что «существует» имеет в качестве единственного значения (или семантического значения) «общий» способ существования, которым все обладает независимо от того, к какому виду принадлежит. (Вот две аналогии для рассмотрения. Представим язык, который обладает унивокальным предикатом для окрашенности [being coloured], хотя он не содержит предикатов для отдельных цветов; представим язык, в котором видовой термин “жад” унивокален, хотя жад сам по себе является дизъюнктивным видом)» [92].

Четвертый тезис метаонтологии Инвагена гласит, что единственный смысл бытия или существования может быть адекватно схвачен с помощью квантора существования формальной логики, то есть квантора ∃. Чтобы доказать правильность тезиса, Инваген предлагает собственную интерпретацию данного квантора (и квантора всеобщности тоже) – он показывает, каким именно образом следует вводить кванторы и переменные в наш дискурс в качестве сокращенных обозначений фраз, которые нам понятны и привычны. В итоге для нас «… станет очевидным, что введенные таким образом кванторы являются простой систематизацией [слов] “все” и “есть” из обычного английского»[93].

На первом этапе Инваген пытается показать, как можно простым и естественным образом ввести в наш дискурс переменные, связав их с местоимениями. Следует заметить, что в своих примерах Инваген использует одно и то же английское местоимение «it», которое он называет почти универсальным местоимением третьего лица единственного числа. На русский язык его, в зависимости от контекста, можно перевести как «он», «она», «оно» и «это», которые изменяются еще и по падежам. Принципиального значения это не имеет, но читателю следует помнить, что у самого Инвагена во всех примерах фигурирует «it».

Представим, что собака Инвагена Джек увидела кошку и погналась за ней, причем такое поведение совершенно обычно для собаки, она часто гоняется за кошками. Сразу же после события Инваген произносит два следующих предложения, в одном из которых он описывает только что случившееся, а в другом – общую черту своей собаки.

---

[92] McDaniel K. Existence: Essays in Ontology // Analysis. 2017. №78(1). p. 152

[93] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 20

(ДК 1) Джек увидел кошку и погнался за этой кошкой.

(ДК 2) Если Джек видит кошку, то он гонится за этой кошкой.

Когда Инваген произнес (ДК 1), его слова «кошку» и «этой кошкой» ссылаются (refer) на конкретную кошку, за которой погнался Джек. При произнесении (ДК 2) те же самые слова уже ни на какой конкретный объект не ссылаются, но и назвать их полным провалом референции (failure of reference) нельзя, они являются осмысленными (meaningful). Инваген не вдается в семантические подробности того, как именно такое возможно, поскольку в данном случае никакой роли это не играет. Примеры нужны, чтобы провести различие между использованием слов «кошку» и «этой кошкой» референциально (referentially) в (ДК 1) и общим образом (generally) в (ДК 2).

В обоих предложениях мы можем заменить словосочетание «этой кошкой» на местоимение третьего лица единственного числа «ней»:

(ДК 1а) Джек увидел кошку и погнался за ней.

(ДК 2а) Если Джек видит кошку, то он гонится за ней.

Самое главное, что в каждом случае местоимение «ней» наследует логические и семантические свойства той фразы, которую оно заменяет: в (ДК 1а) местоимение используется референциально, а в (ДК 2а) общим образом. Слово «кошку» Инваген называет антецедентом местоимения «ней» и формулирует следующее общее правило: каждое употребление местоимения третьего лица единственного числа требует наличия антецедента, хотя и не обязательно в том же самом предложении.

Однако в более сложных, чем (ДК 1) и (ДК 2) предложениях, не всегда понятно, какое местоимение относится к тому или иному антецеденту:

(КС 1) Собака будет гнаться за кошкой, пока она не устанет.

(КС 2) Если кошка и собака живут в одном доме, то иногда она может подружиться с ней.

Очевидно, что данные предложения допускают двоякое толкование. Для прояснения их смысла можно использовать различные средства. Например, добавить к местоимению антецедент, заключенный в скобки:

(КС 1*) Собака будет гнаться за кошкой, пока она (собака) не устанет.

Также можно использовать так называемые куайновские перемычки (Quine bonds):

(КС 1*) Собака будет гнаться за кошкой, пока она не устанет.

Есть еще один способ, который кажется наиболее удобным и логичным – добавить к антецеденту и местоимению одну и ту же пометку, например один и тот же нижний индекс. Тогда наши многозначные предложения станут выглядеть следующим образом:

(КС 1а) Собака$_x$ будет гнаться за кошкой, пока она$_x$ не устанет.

(КС 1б) Собака будет гнаться за кошкой$_x$, пока она$_x$ не устанет.

(КС 2а) Если кошка$_x$ и собака$_y$ живут в одном доме, то иногда она$_x$ может подружиться с ней$_y$.

(КС 2б) Если кошка$_x$ и собака$_y$ живут в одном доме, то иногда она$_y$ может подружиться с ней$_x$.

При использовании этого метода мы вплотную приближаемся к использованию в нашем языке переменных, поскольку «то, как функционируют случаи переменных и то, как функционируют случаи местоимения третьего лица единственного числа, когда они функционируют общим образом, практически не отличается одно от другого»[94]. Единственное отличие в том, что в английском всего одно такое универсальное местоимение («it»), а переменных может быть очень много.

Следующий шаг – введение квантора всеобщности и квантора существования. Ранее мы использовали всего два нижних индекса,

[94] Ibid., p. 22

но, в принципе, их количество неограниченно. С помощью данных индексов мы можем создать два типа фраз. Первый тип Инваген называет фразами квантора всеобщности (universal quantifier phrases):

Все$_x$ является таким, что
Все$_y$ является таким, что
Все$_z$ является таким, что
.
.

Второй тип он называет фразами квантора существования (existential quantifier phrases):

Нечто$_x$ является таким, что
Нечто$_y$ является таким, что
Нечто$_z$ является таким, что
.
.

С помощью этих фраз мы сможем без труда перевести предложения русского/английского языков в такую форму, которая проясняет их и избавляет от двусмысленностей. Например, предложение:

(КЛ) Каждый любит кого-то.

можно представить следующим образом:

(КЛ*) Все$_x$ является таким, что, если оно$_x$ является личностью, то нечто$_y$ является таким, что оно$_y$ является личностью, и оно$_x$ любит его$_y$.

Для большего прояснения предложения можно использовать скобки, которые указывают на охват каждой из кванторных фраз:

(КЛ**) Все$_x$ является таким, что (если оно$_x$ является личностью, то нечто$_y$ является таким, что (оно$_y$ является личностью, и оно$_x$ любит его$_y$)).

Еще один, более сложный пример – старинная английская юридическая пословица («Anyone who acts as his own attorney has a fool for a client»):

(АД) Любой, кто выступает в роли собственного адвоката, имеет дурака в качестве клиента.

(АД*) Все$_x$ является таким, что (если оно$_x$ является личностью, то, если оно$_x$ выступает в роли его$_x$ адвоката, то нечто$_y$ является таким, что (оно$_y$ является его$_x$ клиентом, и оно$_y$ является дураком)).

Теперь, с введением переменных и кванторных фраз, у нас есть дополненная и упорядоченная (regimented) версия русского (английского) языка, которая отличается от обычной лишь наличием нижних индексов и большим употреблением скобок: без них все вышеприведенные предложения превратятся в обычные, хотя и неуклюже звучащие, предложения русского языка. Чтобы уменьшить неуклюжесть и громоздкость дополненной версии, мы можем сделать следующее:

1. Везде, где встречается местоимение третьего лица единственного числа, следует его удалить, а его нижний индекс написать курсивом и поднять в строку. Получившиеся символы можно назвать переменными.

2. Выражения, подобные «Все$_x$ является таким, что (…)», следует сокращенно записывать как «$\forall x$ (…)».

3. Выражения, подобные «Нечто$_x$ является таким, что (…)», следует сокращенно записывать как «$\exists x$ (…)».

В результате (АД) можно будет записать как

(АД**) $\forall x$ (если x является личностью, то, если x выступает в роли адвоката x, то $\exists y$ (y является клиентом x, и y является дураком)).

То, что у нас вышло в итоге, можно с полным правом назвать переменными и кванторами. Получается, что мы ввели в наш язык переменные и кванторы, пользуясь только ресурсами обычного

русского (английского) языка. Сделать это – значит, по мнению Инвагена, объяснить, что такое переменные и кванторы.

Знаки ∀ и ∃ называются квантором всеобщности и квантором существования соответственно; квантор со следующей за ним переменной – кванторная фраза; скобки, которые следуют за кванторной фразой обозначают охват соответствующего случая кванторной фразы. Если вхождение переменной является частью кванторной фразы или же оно охватывается кванторной фразой с этой же переменной, то данное вхождение является вхождением связанной переменной в формуле, состоящей из этой кванторной фразы и ее охвата, и в любой формуле, которая будет ее содержать. Если вхождение переменной в формуле не удовлетворяет этим критериям, то оно будет вхождением свободной переменной в этой формуле.

На данном этапе некоторые читатели могут спросить – зачем Инвагену нужно такое долгое объяснение того, как можно дополнить наш язык кванторами и переменными? Ведь кванторы и переменные существуют в рамках логики предикатов первого порядка, и Инваген мог бы просто отослать читателя к учебнику логики, где все это прекрасно объяснено. Более того, сам Инваген признает, что читатель может сказать про представленное выше объяснение значения кванторов и переменных: «Это не тот способ, каким следует объяснять значение предложений, содержащих “каноническую нотацию квантификации”. Скорее следует делать то, что делал Тарский: давать алгоритм, который задает каждому такому предложению истинностное значение, исходя из семантических значений, заданных его синтаксическим компонентам, не являющихся логическими константами (истинностные значения для атомарных предложений, объемы для предикатов)»[95].

Инваген с этим не согласен: он полагает, что именно его метод действительно раскрывает значение (meaning) предложений с кванторами и переменными, а метод Тарского – дает лишь теорию истинности (truth-theory) этих предложений. Но «теория истинности для определенного класса предложений *не* скажет вам, что эти предложения значат – или так я утверждаю, хотя все исследовательские программы 1980-х говорят об обратном»[96]. В приведенном выше постепенном введении кванторов и переменных в наш обычный язык заключается одна из характерных особенностей метаонтологии Инвагена,

[95] Ibid., p. 27

[96] Ibid., p. 27

отличающая ее от других теорий неокуайновского направления, в частности теории Теодора Сайдера (см. главу 3), где большую роль играет онтологический язык (Ontologese), не совпадающий с каким-либо естественным языком.

Свой метод введения кванторов и переменных Инваген называет восходящим (bottom-up) и считает его наилучшим методом объяснения языка логики первого порядка: «Если язык логики первого порядка был впервые представлен человеку таким восходящим способом, то у этого человека не может быть вопросов о значении или интерпретации кванторов до тех пор пока у него нет вопросов о значении [русских] слов “все” и “нечто”»[97].

В итоге Инваген приходит к выводу, что «значение кванторов дано фразами английского – или другого естественного языка – сокращением которых они являются. Если это верно, если кванторы – это сокращения фраз естественного языка, мы можем дать им наилучшее из возможных определений: мы можем показать, как их можно исключить в пользу уже понятных нам фраз»[98]. Не все философы согласны с тем, что восходящий метод Инвагена может дать наилучшее определение. Джоди Аззуни, например, проводит параллель между кванторами и логическими символами «&» and «v»: мы схватываем их смысл, практикуя занятия логикой, а не переводя на обыденный язык. Аззуни пишет, что «… мы часто приходим к пониманию чего-либо путем (как выразился однажды Куайн) “вживания” [“going native”]: практикуя использование выражения до тех пор, пока мы не поймем, что это выражение делает. Например, я прекрасно знаю, что истинностно-функциональные “&” и “v” классической логики *означают* – но я знаю это, проживая их и практикуя выводы с ними – а не транслитерируя их обратно в их английские омонимы. Почему нет? Потому что (конечно же) “и” и “или” английского не являются истинностно-функциональными, а если являются, то эта истинностно-функциональность имеется *настолько* глубоко под поверхностью нашей лингвистической практики … что это просто сбило бы с толку, если бы я попытался объяснить, что означают истинностно-функциональные “&” и “v”, соотнеся их с английским языком»[99].

Инваген уверен, что, по крайней мере для кванторов, его способ определения является наилучшим – он показывает тесную связь между квантором существования и словами «есть» и «существует».

[97] Ibid., p. 178
[98] Ibid., p. 27
[99] Azzouni J. Ontological Commitment in the Vernacular // Noûs. 2007. № 41(2). p. 219

Но для чего Инвагену нужно показать эту связь? Нужно это для обоснования четвертого тезиса, гласящего, что единственный смысл бытия или существования может быть адекватно схвачен с помощью квантора существования формальной логики. Воспользовавшись объяснением значения кванторов, мы можем утверждать эквивалентность предложения (И 1) с квантором существования и следующих за ним предложений:

(И 1) $\exists x$ *x* является собакой

(И 2) Нечто$_x$ является таким, что оно$_x$ является собакой.

(И 3) Нечто является таким, что оно является собакой.

(И 4) Нечто является собакой.

Четвертое же предложение означает то же самое, что и

(И 5) Существует по крайней мере одна собака.

(И 6) Собаки существуют.

Квантор существования выражает смысл слов «есть» и «существует» нашего обычного языка. Из такого представления следует два важных, по мнению Инвагена, философских следствия. Во-первых, понятие «домена квантификации» не является существенной частью понимания квантификации. Квантификация, если ее ограничения явно не обозначены, является квантификацией по всему. Во-вторых, существует только лишь одна разновидность переменных. Различные стили или типы переменных нужны лишь для удобства. Использование, например, написанных жирным шрифтом переменных для множеств, а написанных обычным курсивом для объектов вообще, не отражает какого-либо реального разделения. В метаонтологии Инвагена существует лишь один тип переменных, поскольку все они являются, по сути, местоимением «it» третьего лица единственного числа из нашего обыденного языка.

Такая близость к обыденному языку создает для теории Инвагена дополнительные проблемы. Во-первых, если центральный для всей теории квантор существования представляет собой сокращенную для удобства запись местоимения «нечто» (something) из

обыденного русского/английского, то он наследует все возможные неточности и двусмысленности этого местоимения. Противник метаонтологии Инвагена может сказать: а вдруг местоимение «нечто» употребляется разными людьми в разном значении? Например, в устах сторонника мереологического универсализма[100] им может обозначаться объект, состоящий из Статуи свободы и Собора Василия Блаженного, а в устах сторонника мереологического нигилизма[101] – не может, поскольку нигилист обозначает этим местоимением только мереологически простые объекты. Если мы правильно проинтерпретируем то, что говорят участники этого метафизического спора, то поймем, что каждый говорит на своем варианте русского/английского и говорит нечто истинное. Их спор получится чисто словесным, а квантор существования будет иметь несколько значений, одно ничем не лучше другого. Примерно так рассуждают сторонники кванторной изменчивости (quantifier variance), в частности Эли Хирш, теорию которого мы подробно рассмотрим в главе 4.

Во-вторых, возможно, что выражения с местоимением «нечто» являются в нашем обыденном языке онтологически нейтральными, то есть их употребление никак не связано с признанием нами существования чего-либо. Но если значение квантора существования возводится к этими выражениям, то и сам квантор окажется нейтральным, что будет угрожать куайновскому критерию онтологического обязательства, о котором говорится в пятом тезисе Инвагена. Мы уже не сможем понять по одному наличию квантора существования, что предложение обязывает нас признать существование чего-либо. Именно такую позицию, называемую им кванторным нейтрализмом (quantifier neutralism), занимает Джоди Аззуни[102]. Ортодоксальную позицию Инвагена, выражаемую в четвертом и пятом тезисах его метаонтологии, Аззуни называет кванторной онтичностью (quantifier onticity)[103]:

(КО) Кванторная онтичность: вклад кванторов в условия истинности предложений, в которых они содержатся, сущностным образом связан с онтологией.

[100] Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 312-314 https://philpapers.org/rec/KONVEB
[101] Ibid., с. 309-312
[102] Azzouni J. Ontology Without Borders. Oxford, Oxford University Press, 2017
[103] Ibid., p. 55

Аззуни пытается опровергнуть (КО), для чего приводит множество пар сходных предложений, содержащих одни и те же слова и выражения нашего обыденного языка, которые сторонники (КО) связывают с существованием, и которые сам Аззуни называет кванторами естественного языка (natural-language quantifiers). Первое предложение каждой пары говорит о чем-то явно существующем, а втрое о несуществующих объектах. В остальном же следующие предложения ничем друг от друга не отличаются (Аззуни приводит двенадцать пар, мы ограничимся четырьмя):

(A 1) Все эти коровы в этих сараях больны.
(A 1*) Все эти орки в этих книгах злы.

(A 2) Грабитель является пугающей вещью.
(A 2*) Дракон является пугающей вещью.

(A 3) Некоторые критики восхищаются только друг другом.
(A 3*) Некоторые мифологические создания восхищаются только друг другом.

(A 4) Большинство кошек принадлежат женщинам.
(A 4*) Большинство героев мультфильмов было создано женщинами.

По мнению Аззуни, из этого следует заключить, что все слова обыденного языка, к которым сторонники (КО) могли бы возвести кванторы канонической нотации, являются нейтральными. Чтобы выразить наше убеждение в существовании чего-либо, мы прямо говорим, что оно существует, реально или есть:

(A 5) Черепахи существуют.
(A 5*) Драконы не существуют.

(A 6) Комодские драконы реальны.
(A 6*) Огнедышащие драконы не реальны.

Аззуни приходит к выводу, что «утверждения и отрицания онтологического обязательства происходят напрямую через использование таких терминов как “реально”, “существует”, “есть”, а не через

использование кванторов естественного языка»[104]. Для Инвагена, подчеркивающего связь между отнологически обязывающим квантором и словами естественного языка, такой вывод будет особенно проблематичным. В частности, (И 5) и (И 6) не будут следовать из (И 1) – (И 4), что поставит под угрозу четвертый тезис его теории.

Пятый и последний тезис метаонтологии Инвагена затрагивает методологическую проблему. Каким образом лучше всего отвечать на так называемый онтологический вопрос «Что есть?». Данный тезис, как признает сам Инваген[105], невозможно сформулировать в одном или двух предложениях. Скорее, он представляет собой ряд прагматических соображений, касающихся наилучшего метода для онтологии. Однако все они связаны с понятием «критерий онтологического обязательства», которое, как мы видели в первой главе, было введено в широкий философский обиход У. Куайном.

По мнению Инвагена[106], у многих философов сложилось ошибочное представление о куайновском критерии онтологического обязательства. В соответствии с этим распространенным взглядом, существует хорошо определенный класс объектов, называемых теориями, и Куайн создал для работы с ними особую технику, применив которую, мы можем раскрыть объективно присутствующие в теориях, но скрытые от поверхностного взгляда, характеристики, называемые онтологическими обязательствами. Данная техника состоит из следующих предписаний:

1. Переведите теорию на язык кванторов и переменных, то есть запишите ее с помощью канонической нотации квантификации.
2. Рассмотрите множество (set) всех предложений, которые являются формальными следствиями переведенной теории.
3. Рассмотрите те предложения из множества, которые являются закрытыми предложениями, начинающимися с квантора существования.

Именно эти предложения раскрывают онтологические обязательства теории. Каждое из них состоит из квантора существования со следующей за ним переменной, за которой следует предложение,

[104] Ibid., p. 60
[105] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 29
[106] Ibid., p. 30

где только эта переменная свободна. Например, предположим, что переменной является *x*, а открытое предложение, следующее за кванторной фразой, содержит три свободных вхождения *x*. Тогда замкнутое предложение, раскрывающее онтологические обязательства теории, из которой оно взято, можно схематично изобразить так:

(ЗП) $\exists x$ (......*x*......*x*......*x*......)

Содержащееся в (ЗП) открытое предложение «......*x*......*x*......*x*......» представляет собой некое условие для объектов. А онтологическое обязательство теории состоит в утверждении, что существует по крайней мере один объект, удовлетворяющий данному условию.

Как мы видим, приводимое Инвагеном описание куайновского метода выявления онтологических обязательств теорий приблизительно совпадает с описанием из первой главы. Именно так представляет этот метод значительное число философов. Но Инваген с этим представлением не согласен: «Проблема этого представления “куайновского критерия онтологического обязательства” в том, что оно предполагает, что есть хорошо определенные объекты, называемые теориями, и что каждая из них обладает уникальным переводом на язык кванторов и переменных или в “каноническую нотацию квантификации”»[107].

Даже если нам удастся выделить и точно сформулировать какую-либо теорию, найти ее единственный перевод в каноническую нотацию будет невозможно по двум причинам. Во-первых, мы никогда не можем сказать, что предложение написано на языке кванторов и переменных, с той же определенностью, с которой мы говорим, что оно на французском или немецком. Язык кванторов и переменных[108]

---

[107] Ibid., p. 30

[108] Инваген называет этот язык тарскианским и полагает, что философы при ведении философских дискуссий общаются на нем: «Участники дискуссии общаются на языке, который я назову тарскианским. Словарь тарскианского языка состоит из замкнутых или открытых предложений и замкнутых или открытых терминов английского языка (или какого-либо естественного языка), а также сентенциальных связок, скобок, кванторов, переменных и знака тождества из словаря логики первого порядка (так называемого) с тождеством – возможно, дополненного элементами из словаря из различных четко определенных расширений логики первого порядка с тождеством. Точнее говоря, участники дискуссии не всегда (или, я допускаю, обычно) разговаривают на тарскианском, но они всегда готовы к этому. Участники дискуссии готовы перевести любое из своих утверждений на естественном языке на

может присутствовать в предложении в большей или меньшей степени. Во-вторых, может существовать несколько альтернативных и равноправных способов перевести одно и то же предложение на этот язык.

Для иллюстрации этих особенностей перевода рассмотрим несколько конкретных примеров. Первую особенность хорошо иллюстрирует следующее постепенное введение кванторов и переменных:

(ПЛ 1) Каждая планета в любое время находится на некотором расстоянии от каждой звезды.

(ПЛ 2) $\forall x$ (если x является планетой, x в любое время находится на некотором расстоянии от каждой звезды).

(ПЛ 3) $\forall x$ (x является планетой → $\forall y$ (если y является звездой, x в любое время находится на некотором расстоянии от y)).

(ПЛ 4) $\forall x$ (x является планетой → $\forall y$ (y является звездой → ($\forall t$ если t является временем, то x в t находится на некотором расстоянии от y))).

(ПЛ 5) $\forall x$ (x является планетой → $\forall y$ (y является звездой → $\forall t$ (t является временем → $\exists z$ (z является расстоянием & x в t отделено z от y)))).

Как мы видим, каноническая нотация квантификации присутствует в предложении все больше и больше с каждым шагом. В любом подобном предложении имеются особые «точки» («sites»), которые предоставляют нам *возможности* для введения кванторов и переменных, однако воспользуемся ли мы этими возможностями или нет – зависит от нас, наших целей, контекста, в котором находится предложение и т. д. Инваген идет еще дальше и настаивает на том, что само наличие таких точек в том или ином месте предложения не является всецело объективным и независимым от целей предпринимаемого перевода: предложение может быть двусмысленным – при прочтении в одном смысле мы посчитаем определенное место точкой

тарскианский, и, более того, они не произнесут ни одного предложения на естественном языке, если не будут готовы принять его “очевидный” перевод на тарскианский (если таковой имеется)» (van Inwagen P. Existence. Essays in Ontology. Cambridge, Cambridge University Press, 2014 pp. 1-2).

введения канонической нотации, а при прочтении в другом мы этого не сделаем. Получается, что перевод предложений в каноническую форму является творческой задачей, не подчиненной строгим правилам. При решении этой задачи многое зависит и от позиции философа по тем или иным вопросам: Инваген, например, признается, что (ПЛ 5) не кажется ему правильным переводом, поскольку «по моему мнению, открытое предложение “*z* является расстоянием” не имеет особого смысла из-за того факта, что я не могу дать связного описания тех свойств, которыми должен обладать удовлетворяющий его [открытое предложение] объект»[109]. Нестрогий характер перевода позволяет нам относительно легко отвергнуть проблематичный с нашей точки зрения результат: если получившийся перевод обязывает признать существование чего-то неприемлемого, то мы всегда можем отказаться от него и заявить, что оригинальное предложение ничего подобного не содержало.

Инваген приходит к выводу, что «… неверно, что теория или определенный фрагмент английского дискурса обладают более или менее скрытыми, но объективно присутствующими “онтологическими обязательствами”»[110]. Но в чем же в таком случае состоит куайновский критерий онтологического обязательства, и как именно его следует применять? Инваген поясняет это на примере. Представим, что он вовлечен в спор с некоей Филлис по поводу существования чисел – она их отрицает, а он признает. Что следует сделать Инвагену для доказательства своей правоты? Наиболее разумной стратегией будет взять предложения, которые Филлис принимает, и начать постепенно переводить их в каноническую нотацию, убеждая Филлис принять каждый этап перевода. Кроме того, Инваген может выводить из принимаемых Филлис предложений новые и таким же образом переводить их в каноническую нотацию. Если на каком-то этапе окажется, что экзистенциальное обобщение определенного открытого предложения F может быть формально выведено из принимаемых Филлис предложений, и что F может быть удовлетворено только X (в нашем примере X – числа), то Инвагену удалось показать, что его оппонент имеет обязательство принять существование X.

Но может ли Филлис каким-то образом отказаться выполнять обязательство и продолжать настаивать на том, что числа не существуют? Если она увидит к чему идет дело, то нестрогий характер

[109] Ibid., p. 32
[110] Ibid., p. 34

перевода, как кажется, позволит ей остановиться и не вводить кванторы и переменные там, где это может привести к нежелательным для нее последствиям. Инваген убежден, что при правильном применении стратегии, сделать это будет для нее непросто по трем причинам:

1. В простых случаях, когда особо творческого подхода к переводу не требуется, отказ принять очевидное предложение по введению кванторов и переменных может граничить с бессмыслицей. Ведь квантор существования ∃ является по сути сокращенным написанием «есть» («there are»), точно так же как + является сокращенным написанием «плюс». Представим, что философ принимает предложение:

(МП) Некоторые метафизические предложения осмысленны.

По мнению Инвагена, такому философу будет очень трудно или даже невозможно отказаться принять следующий простой и очевидные перевод:

(МП*) $\exists x$ (x является предложением, x является метафизическим и x является осмысленным).

Данная ситуация аналогична ситуации, в которой знакомый с канонической нотацией арифметики человек принимает только первое из следующих предложений, а второе принять отказывается:

(ПЛ) Два плюс два равно четыре.

(ПЛ*) $2 + 2 = 4$.

2. В более сложных случаях отказ идти дальше по пути введения кванторов и переменных может оставить без видимой логической связи те предикаты обыденного языка, которые интуитивно кажутся связанными.

3. Также отказ идти дальше по пути введения кванторов и переменных может оставить необъясненной валидность некоторых выводов, которые интуитивно кажутся связанными.

Второй и третий пункт можно проиллюстрировать[111] теми трудностями, которые встают перед отвергающими существование

[111] Ibid., p. 37

событий философами (Инваген признается, что сам принадлежит к их числу): им будет крайне трудно объяснить наличие валидного вывода предложения «Себастьян прогуливался по улицам Болоньи» из предложения «Себастьян медленно прогуливался по улицам Болоньи в два часа дня», а также связи между предикатами «прогуливаться» и «медленно прогуливаться» [112].

В результате Инваген приходит к заключению, что «общий урок может быть извлечен из этого: все онтологические споры, в которых спорящие не принимают куайновскую стратегию онтологического прояснения, являются подозрительными. Если куайновским "правилам" ведения онтологических споров не следуют, то – как говорят те из нас, кто является сторонниками куайновской метаонтологии – можно быть уверенным, что многие неприемлемые следствия отстаиваемых позиций будут скрыты за неточностью и принятием желаемого за действительное»[113].

Из пятого тезиса метаонтологии следует вполне определенное представление о целях и задачах онтологии как раздела философии: она может лишь выявлять те онтологические обязательства, которые скрыто присутствуют в уже имеющихся у людей убеждениях – научных, повседневных, религиозных и т. д. В этом она отличается от науки: «наука … может вести нас к обладанию сегодня убеждениями, которые никаким образом, ни в каком смысле не диктуются и не содержатся в убеждениях, которыми мы обладали вчера. И некоторые из этих убеждений, которые мы имеем сегодня и которые не являются следствием убеждений, которые были у нас вчера, будут экзистенциальными убеждениями – … например … убеждение в существовании новой субатомной частицы… Но *философия* может сказать нам лишь одно о том, что существует: она может сказать нам лишь о том, какие "онтологические обязательства" могут скрываться за убеждениями, которые люди имеют совершенно независимо от мыслей и трудов философов. Онтология – это как раз та ветвь философии, задача которой состоит в извлечении философски интересных экзистенциальных положений из убеждений нефилософов и из убеждений, которые философы приносят с собой в философию»[114]. Извлекает она эти положения методом, описанным в пятом тезисе метаонтологии Инвагена.

---

[112] о событиях см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 312-314 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[113] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 39

[114] Ibid., p. 233

На это можно возразить, что задача онтологии – изучать то, что есть на самом деле, саму реальность, а не устанавливать, какие экзистенциальные следствия имеют убеждения людей. По мнению Инвагена, это ложное противопоставление. Если рассматриваемые убеждения истинны, и они действительно имеют определенные экзистенциальные следствия, то мы можем сделать вывод о том, что существует. И существовать оно будет независимо от убеждений, из которых мы это существование вывели.

Если придерживаться данной методологии, то нам придется, как признает сам Инваген, отвергнуть весьма популярный и распространенный онтологический (и вообще философский) метод – метод метафизического объяснения. При его использовании мы (1) находим некоторую характеристику, особенность окружающего мира; (2) объявляем, что она нуждается в метафизическом объяснении; (3) если это объяснение требует существования каких-либо сущностей (entities), то мы провозглашаем их существование. Данный метод гораздо амбициозное метода Инвагена и сходен с научным: философ-онтолог самостоятельно постулирует существование нужных для объяснения сущностей, а не выводит его путем раскрытия онтологических обязательств уже имеющихся убеждений. От научного метода его отличает только характер постулируемых сущностей: не новый вид элементарных частиц, а универсалия[115] или временн**а**я часть[116].

Примером использования данного метода может быть выведение существования универсалий из того факта, что разные объекты обладают одним и тем же свойством: «Эта травинка и этот дубовый лист оба являются зелеными. То есть, хотя они нумерически различные объекты, они тождественны в отношении цвета: они тождественны *в некотором отношении*, не будучи тождественны вообще. Наилучшее объяснение этого факта состоит в том, что они обладают общей составной частью – зеленостью … И эта составная часть всецело присутствует в них обоих… Теория, которая объясняет лучше всего, лучше всего и описывает. Следовательно, зеленость (определенная имманентная универсалия) является реальной вещью, реальной составной частью мира»[117].

---

[115] об универсалиях см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 33-50 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[116] о временных частях см. см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 360-384 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[117] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 234

Проблема данного метода не в том, что предложенное метафизическое объяснение не является наилучшим, а в том, что оно вообще не является объяснением. Объяснения одинакового цвета травинки и листа должны искать эмпирические науки – биология, физика, психология и т. д., но не онтология как раздел философии. Такими объяснениями могут, например, быть:

- они оба отражают падающий свет преимущественно с длинами волн в диапазоне 500-560 нм.
- когда люди наблюдают за любым из них при освещении, максимально эффективном для различения цветов предметов, они испытывают ощущения феноменального зеленого.

Сторонники метафизического объяснения претендуют на объяснение совершенно другого рода, более глубокое и лежащее в основе данных двух. Оно должно объяснить не только одинаковый цвет травинки и листа, но и то, почему они оба отражают падающий свет в одинаковом диапазоне, почему люди испытывают одни и те же феноменальные ощущения, когда смотрят на них и т. д. Инваген же полагает, что только научные или житейские объяснения имеют смысл, а метафизические бессмысленны: «Существует достаточное количество объяснений того факта, что и травинка, и лист зеленые, но все они являются либо обычными, житейскими объяснениями, либо научными объяснениями. Я утверждаю, что из всех сочетаний английских слов и фраз (присутствующих, скажем, в сознании Бога) ни одно не является метафизическим объяснением того факта, что травинка и листик оба зеленые»[118]. Центральное место в методологии философии вообще и онтологии в частности должен занимать аргумент, а не объяснение. При построении онтологических аргументов философам в большинстве случаев придется опираться на куайновский критерий для выявления онтологических обязательств наших житейских или научных убеждений и теорий, откуда и следует пятый тезис метаонтологии Инвагена.

[118] Ibid., p. 238

Список литературы

1. Egerton K. Getting off the Inwagen: A Critique of Quinean Metaontology // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2016. №4(6)

2. Fisher D. A conflict between van Inwagen’s metaontology and his ontology // Synthese. 2021. №198. pp. 707–722

3. Vallicella W. Van Inwagen on Fiction, Existence, Properties, Particulars, and Method // Studia Neoaristotelica. 2015. № 12(2). pp. 99-125

4. van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023

5. van Inwagen P. Existence: Essays in Ontology. Cambridge, Cambridge University Press, 2014

6. van Inwagen P. Meta-Ontology // Erkenntnis. 1998. №48. pp. 233–250

7. van Inwagen P. Ontology, Identity, and Modality. Cambridge, Cambridge University Press, 2001

8. Гусев, А.М. Метаонтология Питера ван Инвагена и ее корни в предшествующей аналитической традиции. // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки 14. 2019. № 1(185). С. 5–18

9. Гусев А. М. Пять тезисов Питера ван Инвагена о бытии и его полемика с экзистенциально-феноменологической традицией. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 2. С. 180–193

10. ван Инваген П. Метаонтология // Историко-философский ежегодник. 2023. № 38 С. 371–400

11. Шпаковский М. В., Павлов А.С. “Метаонтология” Питера ван Инвагена. Предисловие переводчиков. // Историко-философский ежегодник. 2023. № 38 С. 352–370

Глава 3. Онтологический реализм Т. Сайдера

Свою метаонтологическую теорию Теодор Сайдер называет онтологическим реализмом. Однако этот термин можно использовать и в широком смысле для обозначения не только теории Сайдера, но и позиций многих других философов. Кэрри Дженкинс считает, что онтологический реализм в этом широком смысле привержен одному или нескольким из трех следующих тезисов[119]:

1. Имеются онтологические факты, которые являются объективными: «метаонтолог может спросить: есть ли объективный факт о том, существует ли мереологическая сумма двух различных сущностей? Онтологический реалист говорит да, и онтологический

[119] Jenkins C. S. What Is Ontological Realism? // Philosophy Compass. 2010 № 5(10). pp. 881-882

антиреалист говорит нет»[120]. Для онтологического реалиста факты о существовании/несуществовании абстрактных объектов, универсалий, мереологических сумм, возможных миров и т. д. не менее объективны и независимы от сознания[121], чем факты о существовании протонов и электронов. Онтологический реалист занимает по отношению к перечисленным сущностям такую же позицию, которую занимает научный реалист в отношении объектов научных теорий. Следует подчеркнуть, что реалисты в рассматриваемом нами смысле совсем не обязаны признавать существование всего этого. Онтологический реалист вполне может отвергнуть мереологичекие суммы или конкретные возможные миры, так же как научный реалист может отвергнуть суперструны или браны. Главное, чтобы они считали наличие/отсутствие этих объектов объективным фактом.

Онтологический реализм в смысле первого тезиса можно рассматривать как часть более широкой позиции метафизического реализма, который отстаивает не только объективное существование каких-либо сущностей, но и объективность их свойств и отношений. Как пишет Д. Хленцос: «Согласно метафизическому реализму, мир таков, каков он есть, независимо от того, как его воспринимают люди или другие познающие агенты. Объекты, содержащиеся в мире, вместе с их свойствами и отношениями, в которые они вступают, определяют природу мира, и эти объекты [вместе со свойствами, которыми они обладают, и отношениями, в которые они вступают] существуют независимо от нашей способности обнаружить, что они существуют»[122].

2. Онтологические диспуты являются серьезными в том смысле, что они не являются чисто словесными и найти их решение нелегко. Возьмем, например, диспут мереологических нигилистов[123]

---

[120] Chalmers D. Ontological Anti-Realism // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 77

[121] Об объективности и независимости от сознания на примере моральных фактов см. Кононов Е. А. Метаэтика. Теоретический обзор. М. 2023 с. 24-34 https://philpapers.org/rec/KONALX

[122] Khlentzos, Drew, "Challenges to Metaphysical Realism", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2021 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/realism-sem-challenge/>

[123] О мереологическом нигилизме см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 309-312 https://philpapers.org/rec/KONVEB

и их противников. Если у нас имеются организованные в виде стола элементарные частицы, то значит ли это, что имеется и сам стол? Противники тезиса могут утверждать, как это делает Эли Хирш (см. главу 4), что данный спор – это всего лишь спор о словах. На языке нигилистов будет неправильным сказать, что в этой ситуации имеется стол, а на языке их противников так сказать можно. Никакого серьезного, содержательного спора о том, что существует, здесь не происходит. Участники просто говорят на разных языках. Другие противники, например, Эми Томассон (см. главу 5), признают, что спор не является спором о словах, но считают его тривиальным, то есть очень легко решаемым. Если у нас имеются организованные в виде стола элементарные частицы, то имеется и сам стол. Спор решен почти автоматически. Онтологический реализм оба этих подхода отвергает: для разрешения данного мереологического диспута необходимо приложить значительные усилия, сравнить аргументы в пользу того или иного взгляда, рассмотреть теоретические достоинства позиций нигилистов и их противников и т. д. Только тогда мы сможем ответить на онтологический вопрос о существовании стола.

3. Имеется одно наилучшее значение квантора существования. Благодаря наличию наилучшего значения квантора спорящие онтологи могут говорить на одном языке, и их споры не становятся чисто словесными. Данный тезис отвергается сторонниками кванторной изменчивости (теория одного из них, Эли Хирша, будет рассмотрена в главе 4), которые полагают, что квантор существования может иметь несколько значений, ни одно из которых не лучше другого.

Взятый сам по себе, первый тезис дает нам онтологический реализм в наиболее широком смысле. Те, кто его отвергают, могут по праву называться анти-реалистами. Однако в современной метаонтологии такая крайняя позиция, которую занимали Р. Карнап, Х. Патнэм и другие, не слишком распространена. Подавляющее большинство метаонтологов, представленных в нашей книге, можно назвать реалистами в самом широком смысле. Поэтому наибольшую важность при классификации рассматриваемых нами теорий приобретают второй и третий тезис. Приверженцев всех трех из этих тезисов Д. Чалмерс называет сторонниками тяжеловесного реализма (heavyweight realism), а тех, кто их отвергает, принимая лишь первый, сторонниками легковесного реализма (lightweight realism): «Также развился промежуточный вид легковесного реализма, утверждающий, что, хотя существуют объективные ответы на онтологические вопросы, эти ответы каким-то образом поверхностны или

тривиальны, возможно, основаны на концептуальных истинах. Дефляционные взгляды такого рода были развиты Хиршем…, Томассон…, Хейлом и Райтом… и другими. Эти взгляды контрастируют с тем, что мы могли бы назвать тяжеловесным реализмом Файна, Сайдера, ван Инвагена и других, согласно которому ответы на онтологические вопросы в высшей степени нетривиальны. В процветающей в настоящее время области онтологии первого порядка наиболее популярной точкой зрения является тяжеловесный реализм с меньшинством легковесных реалистов и антиреалистов»[124].

Легковесный реализм часто называют дефляционизмом, поскольку он стремится осуществить дефляцию (от лат. deflatio «сдувание»), то есть обесценивание онтологических споров, свести их к чисто словесным или легко разрешаемым спорам. Именно дефляционисты, а не анти-реалисты, являются главными оппонентами Сайдера в метаонтологии: «Дефляционисты, которых я имею в виду, в целом не выступают против метафизики, и они разделяют здравый реализм, столь распространенный среди философов-аналитиков, согласно которому мир таков, каков он есть, независимо от человеческой концептуализации»[125]. В последующем изложении под реализмом мы будем иметь в виду именно тяжеловесный реализм Сайдера и ван Инвагена, а их противников называть дефляционистами.

Метаонтологию Теодора Сайдера можно представить в виде трех основных положений – основного и двух дополнительных, поясняющих основное:

(MC 1) Онтологические вопросы являются содержательными (substantive) благодаря тому, что могут быть сформулированы в терминах, которые разделяют мир на естественный части совершенным образом (perfectly joint-carving terms).

(MC 2) Квантор существования разделяет мир на естественные части (carves at the joints).

---

[124] Chalmers D. Ontological Anti-Realism // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 78

[125] Sider T. Ontological Realism // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 387

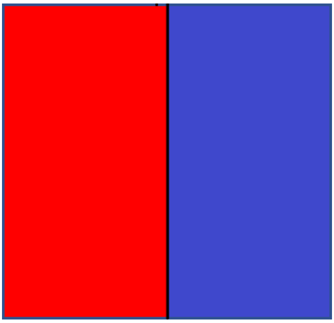
(МС 3) Квантор существования, который разделяет мир на естественный части, возможен как часть особого онтологического языка (Ontologese), даже если кванторы существования естественных языков не разделяют мир на естественные части.

Как мы видим, свою версию реализма Сайдер формулирует с помощью особого понятия разделения мира на естественные части или, что для него то же самое, понятия фундаментальной структуры. Поэтому, прежде чем излагать его метаонтологию, нам необходимо сделать отступление и рассказать об этом центральном для Сайдера понятии.

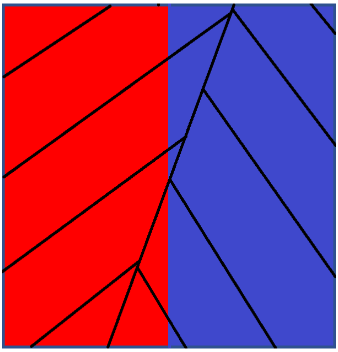
В самом общем смысле структура – это то, как устроен мир на базовом, фундаментальном уровне: «Распознавать “структуру” означает распознавать закономерности. Это означает находить правильные категории для описания мира. Это означает “разделять реальность на естественные составные части” [“carving reality at its joints”], перефразируя Платона. Это означает исследование того, каков мир в действительности, в противоположность тому, как мы обычно говорим или думаем о нем»[126]. Если в мире действительно имеется фундаментальная структура, то мы можем разделить реальность на естественные составные части, то есть соединить то, что реально соединено и разделить реально разделенное. Выражение «разделять реальность на естественные составные части» Сайдер заимствует из диалога «Федр» Платона, где упоминается «способность разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни одной из них, как это бывает у дурных поваров»[127]. Проиллюстрируем это на упрощенном примере. Представим вселенную, полностью заполненную жидкостью. Плоскость разделяет ее пополам, причем одна половина равномерно красная, а вторая половина равномерно синяя, как изображено на рисунке:

[126] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 1

[127] Платон Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 М.: Мысль, 1993 с. 176

Теперь вообразим группу ученых, которая занимается изучением этой вселенной, но не придает особой значимости ее разделению на красную и синюю половины. Вместо этого они представляют вселенную разделенной другой плоскостью, расположенной под углом к первой. Вместо красной и синей половин, они предпочитают говорить о двух других половинах, как показано на рисунке:

В их словаре нет предикатов красный и синий, но у них есть свои предикаты: сирасный (bred), приложимый ко всему слева от плоскости и красиний (rue), приложимый ко всему справа. По мнению Сайдера, у нас должна возникнуть интуиция, что ученые ошибаются. Но в чем именно? Мы не можем сказать, что они неправильно оценивают расположение красного и синего регионов, поскольку они вообще ничего об этих регионах не утверждают, и у них нет соответствующих предикатов/понятий. Точно также нельзя сказать, что они ошибаются относительно сирасного и красинего регионов, поскольку они совершенно правильно оценивают их расположение: в

используемой учеными терминологии, регион слева от наклонной плоскости действительно сирасный, а регион справа – красиний. Ошибка ученых кроется в использовании дефективных понятий: даже если их убеждения истинны, они не соответствуют фундаментальной структуре мира, так как предикаты/понятия, с помощью которых формулируются эти истинные убеждения, не разделяют реальность на естественные составные части.

Выявление подобной структуры является задачей метафизики: «… центральный вопрос метафизики – это вопрос о том, что является наиболее фундаментальным. Итак, в моих терминах, мы должны спросить, какие понятия идеально сочетаются. Используя "красный" и "синий", мы разделяем ближе к естественным составным частям реальности, чем носители языка "сирасный"/"красиний". Но, таким образом, мы не разделяем идеально; цвета, по-видимому, не являются совершенно фундаментальными. Чтобы разделять идеально, нужно использовать самые фундаментальные понятия, выражающие стороны реальности, которые лежат в основе цветов»[128]. К подлинно фундаментальным понятиям относятся, скорее всего, некоторые базовые понятия физики, логики и математики.

Как подчеркивает Сайдер, само понятие фундаментальной структуры является примитивным и не может быть определено. Однако структура обладает целым рядом характеристик:

(1) Полнота – каждая нефундаментальная истина имеет место в силу (holds in virtue of) некоторой фундаментальной истины. Фундаментальные истины (факты) – это предельные, метафизически базовые истины (факты), примером которых могут быть истины о распределении элементарных частиц в пространстве-времени, в то время как истины о том, что люди улыбаются, когда едят конфеты, и им подобные истины базовыми не будут. Полнота требует, чтобы «… тот факт, что некоторые люди улыбаются, когда едят конфеты, имел место в силу, возможно, определенных фактов о состояниях субатомных частиц (или, учитывая менее материалистический взгляд, в силу этих субатомных фактов плюс определенных фундаментальных ментальных фактов)»[129].

[128] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 5
[129] Ibid., p. 105

(2) Чистота – фундаментальные истины включают в себя только фундаментальные понятия. Образно говоря, когда Бог творил мир, ему не нужно было думать в терминах улыбок или конфет. Принцип чистоты требует, чтобы было возможно дать полное и исчерпывающее описание мира, используя только фундаментальные понятия, то есть понятия, которые разделяют реальность на естественные составные части.

(2) Субпропозициональность – фундаментальными могут быть не только пропозиции, но и их составные части. Если говорить лингвистически, то фундаментальность можно назвать субсентециальной.

Для пояснения этого тезиса Сайдер вводит особый субсентециальный оператор S для обозначения фундаментальности чего-либо. Его можно присоединить к выражению любой грамматической категории α и получить грамматически правильное предложение S(α). Например, мы можем сказать S(негативно заряжен), S(∃) или S(есть), S(∧) или S(и). Менее формально то же самое можно выразить, сказав, что «негативно заряжен», «есть» и «и», то есть негативный заряд, экзистенциальная квантификация и конъюнкция разделяют реальность на естественные части или являются фундаментальными. Следует подчеркнуть, что все данные предложения с оператором S не обязательно должны отсылать к каким-либо объектам/сущностям: S(негативно заряжен) может говорить, например, об особой сущности – о фундаментальной универсалии *негативный заряд*, но S(и) этого делать не будет, поскольку в мире нет фундаментального объекта, называемого конъюнкцией. Несмотря на это, конъюнкция, если она действительно фундаментальна, является частью реальной структуры мира: «Сказать S(и) – это не значит сказать что-то о предполагаемом объекте Конъюнкция. Это не значит сказать что-либо о какой-либо вещи вообще. Тем не менее это значит сказать что-то истинное, что-то объективное, что-то о реальности. Нигде категорично не сказано, что все факты должны быть связаны с сущностями»[130]. Как мы увидим далее, эта особенность фундаментальности позволит Сайдеру дать наиболее сжатое определение онтологического реализма, состоящее всего из одного предложения.

[130] Ibid., p. 92

(3) Абсолютность – то, что является частью фундаментальной структуры, является ей в абсолютном смысле, то есть оно не может быть боле или менее фундаментальным. Впрочем, Сайдер признает, что мы можем говорить о более или менее фундаментальных понятиях или кванторах, но лишь в нестрогом или производном смысле.

(4) Определенность – о фундаментальной структуре недопустимо говорить в неопределенных терминах, связанных с нечеткостью (vagueness), а фундаментальные языки подчиняются классической логике.

(5) Фундаментальность – понятие фундаментальности само является фундаментальным и разделяет мир на естественные части. В мире действительно существует фундаментальная структура, и ее существование является объективным и базовым фактом. В терминологии Сайдера данный тезис можно выразить как S(S).

Мы кратко охарактеризовали центральное для Сайдера понятие фундаментальной структуры и теперь можем вернуться к его метаонтологии. Ее первый тезис гласит, что онтологические вопросы являются содержательными благодаря тому, что могут быть сформулированы в терминах, которые разделяют мир на естественный части совершенным образом. Чтобы лучше понять этот тезис, нам необходимо более подробно разъяснить сайдеровское деление вопросов и порождаемых ими споров на содержательные (substantive) и несодержательные (nonsubstantive).

Начать лучше всего с несодержательных вопросов. Сайдер приводит следующий пример такого вопроса: «Является ли папа римский Франциск холостяком?». На него возможны два разных ответа, поскольку мы можем определить слово «холостяк» по-разному. Мы можем сказать: да является, поскольку холостяк – это просто неженатый мужчина. Или нет, не является, поскольку холостяк – это не просто неженатый мужчина, а неженатый мужчина, который в принципе имеет право вступать в брак. Но папа римский – монах, который дал обет безбрачия и вступать в брак не имеет права, а значит холостяком не является. Точно также мы не назовем холостяком пятилетнего мальчика, так как он не достиг официального брачного возраста. Самое главное, что оба определения имеют примерно одинаковое право на существование, одно не является более верным, чем другое. В результате спор сторонников двух данных ответов будет

несодержательным или чисто словесным, они не будут спорить о каком-то объективном и тем более фундаментальном факте. Если правильный ответ и существует, то он определяется лишь тем, какое из значений слова более распространено или зафиксировано в самом авторитетном толковом словаре. В противоположность этому вопрос: «Отталкивают ли электроны друг друга?» будет содержательным, поскольку у слов «электрон» или «отталкивать» нет в данном контексте двух или более равноправных определений, они обозначают вполне определенные элементарные частицы и определенное взаимодействие между ними.

Обобщая сказанное, можно дать следующее определение несодержательности: вопросы являются несодержательными, поскольку ответы на них зависят от ряда одинаково подходящих для данного случая вариантов значений слов в этих предложениях. Более строгое и точное определение выглядит так: для одного или более выражений E (например «холостяк») в несодержательном вопросе, семантические кандидаты для E (неженатый-мужчина, неженатый-взрослый-мужчина, неженатый-взрослый-мужчина-имеющий-право-жениться и т. д.) таковы, что (1) каждый из противоположных ответов на вопрос оказывается истинным при каком-либо из кандидатов, и (2) ни один из кандидатов не разделяет мир на естественные части лучше, чем другие. Если значение E дано только одним кандидатом, то это происходит не потому, что данный кандидат чем-то внутренне выделяется. Это происходит лишь из-за того, что наше языковое сообщество случайно выбрало именно этого кандидата, а не одного из его сотоварищей в качестве значения E. Такая ситуация может быть изображена следующим образом:

m_1

m_2 ни один из кандидатов не разделяет на есте-

E m_3 ственные части лучше других, ответ на во-

m_4 прос зависит от выбора того или иного кан-

дидата

m_5

Содержательный вопрос – это вопрос, который не является несодержательным в только что описанном смысле. Ответ на него не чувствителен к выбору среди одинаково хорошо разделяющих

реальность кандидатов. Это может происходить потому, что один из кандидатов является привилегированным, то есть разделяет мир на естественные части совершенным образом:

m_1

m_2

E $\quad$ **m** $\quad$ один кандидат особенный; он разделяет на естественные части лучше других

m_4

m_5

Онтологические дефляционисты[131], которых Сайдер считает главными оппонентами реализма, применяют данные нами определения к онтологическим вопросам и считают их несодержательными. В качестве примера онтологического вопроса Сайдер приводит следующий вопрос: «Существуют ли дыры?», где имеются в виду не черные дыры, о которых спорят физики, а самые обычные дыры, например, в носках или сыре. На него возможны, как минимум, два ответа. Обычный человек может ответить: «Конечно, дыры существуют. У меня прямо сейчас есть одна в носке». Философ же может сказать: «Нет, не существуют. Зачем полагать, что в дополнение к носку в реальности существует еще одна сущность, дыра? Что это за странная сущность? Почему бы вместо этого не полагать, что существует только дырявый носок?». Получается, что по обыденным, повседневным стандартам дыры, несомненно, существуют, и отрицать это абсурдно. Однако многие философы это отрицают, либо считают вопрос трудным и требующим дальнейшего метафизического исследования. Получается, что они понимают вопрос в каком-то другом смысле, отличном от повседневного. Дефляционисты рассматривают этот и похожие на него споры и пытаются поставить диагноз, то есть выяснить, почему вообще подобные споры возникают и как их можно разрешить. Диагнозов здесь возможно несколько.

[131] Следует заметить, что здесь и далее под онтологическими дефляционистами понимаются некие абстрактные противники теории Сайдера, а не реальные философы, хотя позиция дефляционистов, рассмотренных в главах 4 и 5, с ними достаточно схожа.

Согласно одному[132] из них, главные термины, с помощью которых формулируются онтологические вопросы, семантически дефектны. Поскольку онтологи судят предложения «Дыры существуют» и им подобные не по обыденным стандартам, то и критически важные термины этих предложения используются ими не в обыденном смысле. Кроме того, они не смогли дать им новые смыслы, и не существует совершенно фундаментальных смыслов для этих терминов, данных самим окружающим нас миром. Следовательно, важнейшие термины являются в устах онтологов семантически пустыми или же семантически неопределенными относительно ряда кандидатов, ни один из которых не делит на естественные части лучше других. В результате сами онтологические вопросы дефектны и не имеют определенных ответов.

Согласно второму[133] диагнозу, критически важные термины сохраняют свои обыденные смыслы. Этот вариант дефляционизма согласен с первым в том, что онтологи не судят предложения «Дыры существуют» и им подобные по обыденным стандартам, и что мир не дает совершенно фундаментальных смыслов для терминов; однако данный вариант считает, что онтологи все-таки используют термины, так сказать вопреки себе, в обыденных смыслах, ведь они, в конце концов, говорят на русском/английском или другом естественном языке. Обыденным же смыслом какого-либо термина будет тот, который лучше всего соответствует обычному его использованию (ordinary usage). В результате онтологические вопросы будут иметь ответы, но эти ответы могут быть найдены путем простого исследования того, как люди употребляют соответствующие термины из языка онтологов.

Несмотря на указанные различия, обе разновидности дефляционизма сходятся в том, что «онтологические вопросы имеют множество одинаково нефундаментальных кандидатов. Интуитивно, есть много вещей, которые мы могли бы подразумевать под онтологическими вопросами, ни одна из них не лучше остальных, поэтому единственная реальная проблема – лингвистическая/концептуальная: что из этого имеется в виду в нашем языке?»[134].

Представленному таким образом дефляционизму Сайдер противопоставляет свою метаонтологическую теорию – онтологический реализм, который считает онтологические вопросы

---

[132] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 168
[133] Ibid., p. 168
[134] Ibid., p. 168

содержательными, поскольку критически важные термины в них разделяют реальность на естественные части. Но какие именно термины критически важны? На этот вопрос отвечает второй тезис метаонтологии Сайдера: важнейшим термином является квантор существования, и он разделяет на естественные части. Поэтому мы можем дать следующую наиболее сжатую формулировку сайдеровского онтлогического реализма:

(ОРС) S(∃).

Согласно (ОРС), квантор существования является частью фундаментальной структуры мира. Говоря другими словами, в мире имеется фундаментальная квантификационная структура. Здесь может возникнуть вопрос – что из себя представляет эта квантификационная структура? Что же и на какие части разделяет квантор существования? Свое представление о разделении на естественные части Сайдер связывает с представлением о естественности у Дэвида Льюиса: свойство является естественным в той мере, в какой обладание им наделяет объекты реальным сходством. Совершенно естественное свойство дает наибольшее сходство и разделяет на естественные части: «Совместное обладание ими [совершенно естественными свойствами] создает качественное сходство, они разделяют на естественные части, они являются внутренними [intrinsic], они очень специфичны, множество их случаев ipso facto не является сильно разнородным…»[135]. Наличие сходства является критерием разделения на естественные части. Если предикат «является электроном» разделяет на естественные части, то есть S(является электроном), то между всеми электронами имеется качественное сходство, и мы можем отделить электроны от всех других объектов. Сайдер признает, что этот критерий хорошо подходит для свойств и может показаться неприменимым к кванторам: «Для многих этот “критерий сходства” – единственное, что они могут сказать о естественности Льюиса. Но, похоже, он неприменим, например, к кванторам и связкам. Кванторы и связки не являются “общими”, и у них нет случаев, поэтому мы не можем оценить, приводит ли совместное обладание ими к качественному сходству, или же множества их случаев сильно разнородны»[136]. Выходом из данной ситуации является переключение со сходства объектов на

[135] Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford, Blackwell, 1986 p. 60
[136] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 87

сходство фактов. Если квантор существования разделяет на естественные части, то есть S(∃), то между всеми экзистенциальными фактами имеется качественное сходство, и мы можем отделить их от всех других фактов: «Связь между сходством и структурой в случае квантора существования следует понимать следующим образом: если экзистенциальная квантификация разделяет на естественные части, то всякий раз, когда два факта являются экзистенциальными фактами, между ними наблюдается подлинное сходство. Тот факт, что существует осел, и тот факт, что существует электрон, действительно схожи в том смысле, что каждый из них является экзистенциальным фактом»[137]. Благодаря тому, что квантор существования разделяет на естественные части, мы можем делать утверждения о том, что существует в фундаментальном смысле, для обозначения чего и используется данный квантор. В связи с этим фундаментальные онтологические утверждения должны иметь следующую форму:

(ФОУ) ∃xFx.

Чтобы вопрос «∃xFx?» был содержательным, (как минимум) квантор существования в нем должен разделять на естественные части; если же это делает и F, то вопрос гарантированно будет содержательным. Поиск ответа на него будет исследованием того, что есть, подлинно фундаментальных фактов. Такими поисками и должна заниматься онтология как особая философская дисциплина. Сайдер подчеркивает, что онтологический вопрос – это **не** «Являются ли Fs фундаментальными?». В такой формулировке вопроса фундаментальность представляется как предикат некоторых сущностей, объектов, и задачей онтологии будет поиск правильного разделения всех сущностей на две группы – фундаментальных и нефундаментальных. Принять ее, как это делает, например, Джонатан Шаффер, чью теорию мы рассмотрим в главе 9, означает значительно отклониться от куайновской метаонтологической парадигмы. Как последователь Куайна, Сайдер считает главным вопрос «Есть ли Fs?» («Are there Fs?») или «∃xFx?», ответы на который принимают форму (ФОУ). Слово «есть» («there are») из этого вопроса должно иметь фундаментальный смысл, только тогда вопрос будет содержательным и подлинно онтологическим. При таком понимании вопроса, мы можем признать, например, что столы и стулья существуют в

[137] Ibid., pp. 87-88

фундаментальном смысле, даже если они не являются фундаментальными объектами: «Согласно моей концепции, принять онтологию столов и стульев – это не значит сказать, что столы и стулья являются “фундаментальными сущностями”, а скорее сказать, что существуют, в фундаментальном смысле слова “существуют”, столы и стулья. И говорить это не абсурдно. Ибо можно сказать это, признавая, что свойство быть столом, свойство быть стулом и, если на то пошло, все другие свойства столов и стульев не являются особенно фундаментальными. Интуитивно говоря, хотя природа столов и стульев не является фундаментальной, их бытие совершенно фундаментально»[138].

Поскольку центральным онтологическим термином является квантор существования, дефляционизм, по мнению Сайдера, должен принять тезис о кванторной изменчивости (quantifier variance)[139].

(КИ) Кванторная изменчивость: существует множество кандидатов на значение квантора существования, ни один из которых не разделяет реальность на естественные части совершенным образом, и ни один из кандидатов не превосходит другие в разделении.

Возьмем, например, предложение, которое мереологические универсалисты считают истинным, а мереологические нигилисты отвергают:

(БНЭБ) Существует нечто, что состоит из носа Джо Байдена и Эйфелевой башни.

(БНЭБ*) $\exists x(x=a)$, где a – имя объекта, состоящего из носа Джо Байдена и Эйфелевой башни.

Сторонники кванторной изменчивости, вариантисты, утверждают, что ∃ из (БНЭБ*) имеет несколько равноправных значений, причем при некоторых из них предложение оказывается истинным, а при некоторых других – ложным. Если кому-то покажется, что КИ неправомерно реифицирует возможные значения квантора, то

[138] Ibid., p. 171

[139] Сайдер определяет кванторную изменчивость с помощью своего понятия фундаментальной структуры/разделения на естественные части, однако кванторная изменчивость в представлении Сайдера достаточно близка к представлению Эли Хирша (см. главу 4), который этим понятием не пользуется и определяет изменчивость по-своему.

сторонник тезиса может использовать другую формулировку и сказать[140], что «мы можем использовать предложение “Существует нечто, состоящее из носа [Байдена] и Эйфелевой башни” так, чтобы оно получилось истинным, или мы можем использовать его так, чтобы оно получилось ложным; и ни при том, ни при другом варианте наши слова не будут разделять на естественные части лучше, чем при другом»[141]. Такое представление о кванторной изменчивости можно конкретизировать, сказав, что мереологические универсалисты и нигилисты говорят на собственных языках, в которых кванторы существования имеют разное значение/предложения с кванторами используются по-разному. Киан Дор, например, считает[142], что для интерпретации спора универсалистов и нигилистов вариантисты могут ввести два языка L_U и L_N, которые мы можем охарактеризовать следующим образом:

(L_U) Предложение φ языка L_U истинно, если и только если истинно следующее предложение русского языка: «Если бы композиция была неограниченной (то есть, если бы было так, что для любых x и y существует мереологическая сумма x и y), то было бы так, что φ».

(L_N) Предложение φ языка L_N истинно, если и только если истинно предложение русского языка, получающееся из φ путем ограничения каждого квантора предикатом[143] «является мереологическим атомом».

При такой интерпретации спора вариантисты могут заявить, что спора, по сути, и нет. Если его участники поймут, что говорят на разных языках, L_U и L_N, то признают правоту друг друга. Если нигилист поймет, что в устах универсалиста (БНЭБ) означает то же самое, что и «Если бы композиция была неограниченной, то было бы так, что существует нечто, что состоит из носа Джо Байдена и Эйфелевой башни», то он признает его правоту.

---

[140] Именно так и поступает Эли Хирш (за исключением упоминания о разделении на естественные части).

[141] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 168

[142] Dorr C. What we disagree about when we disagree about ontology // Kalderon M. Fictionalism in Metaphysics. Oxford, Oxford University Press, 2005, pp. 234-286

[143] Ограничение квантора предикатом выглядит следующим образом: среди объектов, обладающих свойством P, существует объект, обладающий свойством Q, или $\exists x(P(x) \wedge Q(x))$.

Как кажется, противник вариантистов может возразить, что в существовании подобных языков нет ничего удивительного или философски значимого – языки конвенциональны, и мы можем придать их кванторам любое семантическое значение. В принципе, мы можем определить «∃» так, что он не будет означать «есть», а будет именем собственным, предикатом, знаком пунктуации и т. д. Тезис (КИ) становится тривиальным и теряет свою значимость. Хотя сам Сайдер и является противником вариантистов, он считает такое возражение слишком поспешным. Дело в том, что возможные кандидаты на значение кванторов должны быть инференциально адекватными в том смысле, что основные правила вывода, в которых фигурируют кванторы, должны остаться сохраняющими истинность (truth-preserving) при принятии любого из кандидатов. Например, мы всегда должны иметь право вывести истинность «Нечто является философом» из истинности «Сократ является философом». В противном случае возможные кандидаты не будут кандидатами на роль *кванторов*. И тот факт, что о каждом кандидате такого рода «говорится, что он остается непревзойденным в разделении на естественные части любым другим квантором-кандидатом, … делает утверждение [(КИ)] еще менее тривиальным. Нетрудно придумать произвольные и причудливые распределения истинностных значений для квантифицированных предложений, сохраняя при этом правила вывода теории квантификации (например, существуют такого рода присвоения для каждой модели рассматриваемого языка). Но такие выдуманные значения, как правило, ужасно плохо разделяют на естественные части»[144].

Позицию вариантистов весьма трудно опровергнуть, даже если в мире действительно есть фундаментальная квантификационная структура, как утверждает тезис (ОРС). Дело в том, что для подкрепления своей теории они могут опереться на так называемый принцип доверия. Пусть в мире есть фундаментальная квантификационная структура, однако вполне возможно, что спорящие друг с другом онтологи используют знак «∃» так, что наиболее доверительной (charitable) интерпретацией их утверждений будет та, которая приписывает этому знаку какое-нибудь нефундаментальное значение. Под доверительной интерпретацией имеется в виду интерпретация, следующая принципу доверия: «при прочих равных условиях интерпретация правдоподобна в той мере, в какой ее результатом является то, что многие из разделяемых сообществом утверждений

[144] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 177

оказываются истинными или, по крайней мере, разумными»[145]. Данный принцип весьма популярен и признается многими философами, которые считают, что по умолчанию нам следует считать членов какого-либо языкового сообщества людьми разумными и рациональными, а значит и интерпретировать их высказывания мы должны соответствующим образом: чем большее их число окажется истинным, тем лучше. Если применить данный принцип к философам-онтологам, то значением «∃» может оказаться не элемент структуры мира, но что-то другое, менее фундаментальное. Более того, принцип может заставить нас пойти дальше и признать, что мереологические универсалисты и нигилисты во время философских споров говорят на разных языках, а не на обыденном русском/английском. Возьмем, например, универсалистов и представим, что их позиция неверна. Уверенные в своей правоте универсалисты делают множество подобных (БНЭБ) утверждений и провозглашают существование самых разных произвольных сумм. Мы можем сказать, что они говорят на обычном русском/английском, и все эти их утверждения ложны, поскольку практически все компетентные носители обыденного языка посчитают (БНЭБ) ложным, и по принципу доверия мы должны сказать, что они правы. С другой стороны, мы можем сказать, что они говорят на L_U и все эти их утверждения истинны. Если руководствоваться только принципом доверия, то следует выбрать второй вариант и признать существование множества языков.

Как решает эту проблему Сайдер? В дополнение к принципу доверия он вводит так называемый референциальный магнетизм (reference magnetism). Это понятие Сайдер заимствует у Дэвида Льюиса[146], который использовал его для решения проблемы радикального семантического скептицизма[147]. Сайдер дает следующее краткое описание проблемы, которая «… заключается в метасемантике. Как слова (или мысли — но давайте говорить о словах) приобретают свои значения? Какой “семантический клей” прикрепляет их к миру? Существуют разные точки зрения на природу семантического клея, но почти во всех из них клей кажется недостаточно липким; очевидно, что он не может закрепить значение с достаточной определенностью. Наиболее грубо выражаясь: то, что я подразумеваю под “свиньей”,

[145] Hirsch E. Physical-Object Ontology, Verbal Disputes, and Common Sense // Philosophy and Phenomenological Research. 2005. № 70(1). p. 71

[146] Самого термина «референциальный магнетизм» у Д. Льюиса нет.

[147] Lewis D. New work for a theory of universals // Australasian Journal of Philosophy. 1983. № 61(4). pp. 370-377

несомненно, определяется такими фактами, как то, что я всегда говорил “свинья” в присутствии свиней; но почему такие факты определяют, что под “свиньей” я подразумеваю свиней, а не свиней-с-которыми-я-сталкивался-в-прошлом, или свиней-в-моем-непосредственном-окружении, или свиней-до-2011-года-нашей-эры-или-коров-после-или...?». Льюис предположил, что недостающим фактором является естественность предполагаемых кандидатов в референты: просто свинья из примера Сайдера является гораздо более естественным кандидатом, чем свинья-в-моем-непосредственном-окружении или свинья-до-2011-года-нашей-эры-или-корова-после.

Сам Льюис приводит похожий пример. Когда мы говорим о коте по кличке Брюс, где гарантия того, что мы ссылаемся на определенный живой организм – кота, а не на постоянно меняющееся собрание элементарных частиц, из которых Брюс состоит? Льюис отвечает так: «Сравните Брюса с куском разнообразной и постоянно меняющейся материи в форме кошки, который следует за ним повсюду… Первый является весьма подходящим референтом, второй – нет. (Мне не удалось сослаться на него, поскольку я не сказал, каким именно куском “он” должен был быть). Это потому, что Брюс, в отличие от куска в форме кошки, имеет границу, четко очерченную различиями в очень естественных свойствах. Там, где заканчивается Брюс, плотность вещества, относительное содержание химических элементов ... резко меняются. Для куска это не так. Брюс также является гораздо большим центром причинно-следственных связей, чем кусок; это тоже восходит к естественным свойствам»[148].

Естественные свойства Льюиса Сайдер заменяет на свою фундаментальную структуру реальности. Все элементы/аспекты этой структуры являются гораздо более подходящими референтами, чем все нефундаментальное. Они действуют как своего рода магниты для референции и «притягивают» к себе слова и выражения нашего языка. Если мы применим понятие магнетизма к онтологическим спорам, то мы сможем отступить от принципа доверия и сказать, что в своих спорах философы говорят на одном и том же онтологическом языке, в котором «∃» имеет фундаментальное значение, действующее как референциальный магнит. В результате многие утверждения философов окажутся ложными, но в свете наличия магнетизма это не будет неприемлемым.

[148] Ibid., p. 372

Впрочем, Сайдер признает, что данные «аргументы против дефляционизма предполагают, что “сила референциального магнетизма” достаточно сильна, чтобы перевесить неспособность **существования**[149] соответствовать использованию “существует” ([носителем L_U или L_N] или типичным носителем английского языка). Выражаясь менее метафорически, они делают предположение об истинной теории определения содержания: что эта теория придает достаточный вес [фундаментальности], чтобы преодолеть любое несоответствие, которое может возникнуть между **существованием** и использованием выражения “существует”. Верно ли это предположение, зависит от магнетической силы (т.е. относительных весов [фундаментальности] и употребления в истинной теории содержания), а также от степени, в которой предложения, чьему использованию **существование** не соответствует, являются определяющими значение»[150].

Успех теории Сайдера зависит от того, какой баланс между магнетизмом и доверием или, говоря более обобщенно, между магнетизмом и использованием “существует” является правильным. Проблема в том, что, как признает и сам Сайдер, в обыденном русском/английском языке магнетическая сила может оказаться недостаточной, чтобы обеспечить слову «существует» фундаментальный референт. Он рассматривает следующий сценарий. Вполне возможно, что в фундаментальном смысле существуют лишь субатомные частицы. Но наиболее заслуживающей доверия семантикой для предложения естественного языка «Есть стол» («There is a table») будет «не строгая семантика, которая интерпретирует его как ложное утверждение о том, что существует, в фундаментальном смысле, стол, а скорее толерантная семантика, которая интерпретирует его как истинное утверждение о том, что существуют субатомные частицы, расположенные соответствующим образом. Английское ‘“there is”, согласно такой семантике, не будет выражать фундаментальную квантификацию»[151]. И магнетическая сила может оказаться здесь недостаточной, чтобы перевесить доверие.

[149] Выделенное жирным шрифтом слово «**существование**» – это тот самый квантификационный аспект фундаментальной структуры мира, который выражается разделяющим на естественные части квантором существования.
[150] Sider T. Ontological Realism // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 411
[151] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 171

Для решения этой проблемы Сайдер предлагает проводить онтологические споры на особом онтологическом языке (Ontologese), кванторы которого разделяют реальность на естественные части по определению: переход на онтологический был «задуман как ответ на беспокойство о том, что сила референциального магнетизма слишком слаба, чтобы притянуть английское слово “существует” к **существованию**»[152]. Об этом говорится в третьем тезисе его метаонтологии.

Но каким образом философы могут заговорить на этом новом языке? Не следует думать, что онтологический – это какой-то совершенно новый язык, отличающийся от всех естественных языков так же, как, например, китайский отличается от русского. Онтологический можно получить из любого естественного языка, достаточно лишь условиться, что «∃» будет иметь в нем фундаментальное значение. Для номиналистски настроенных философов, которые не хотят говорить о значениях, Сайдер дает следующую инструкцию[153]:

1. Введите символ «∃» с грамматикой всем знакомого квантора существования.
2. Условьтесь (stipulate), что ни одно из спорных философских положений не является определяющим для вашего использования «∃»; определяющим является только ядро его инференциальной роли.
3. Введите понятие ограничения квантора и прямо запретите подобные ограничения.
4. Имейте намерение использовать «∃» настолько фундаментально, насколько это возможно. Объясните это намерение, противопоставив его вашему повседневному использованию русского/английского квантификационного языка в таких предложениях как «Есть много способов выиграть этот шахматный матч».

При соблюдении инструкции мы превратим наш язык в онтологический, который идеально подходит для ведения онтологических и вообще философских споров, поскольку отражает фундаментальную квантфикационную структуру реальности. При использовании онтологического задача вариантистов усложняется: они должны придерживаться (КИ) не только в отношении естественных языков, но и в отношении онтологического. То есть они должны заявить, что все

[152] Sider T. Ontological Realism // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 415
[153] Ibid., p. 415

попытки заговорить на этом языке заранее обречены на провал, поскольку наш мир лишен фундаментальной квантфикационной структуры. Человек, который хочет заговорить на онтологическом, подобен человеку, который хочет, например, превратить слово «почва» в термин естественного вида, искусственно определив его как «тот элемент периодической системы, в котором растут деревья, который вместе с водой образует грязь и слякоть, который уплотняют при прокладке проселочных дорог и т. д.». У этого человека ничего не выйдет по той простой причине, что такого элемента в периодической системе нет. Сайдер с этим не согласен и считает, что наилучшим основанием для признания фундаментальной квантфикационной структуры мира является ее неустранимость – она фигурирует в наших наилучших теориях, как научных, так и метафизических, понятие о ней является неустранимым, а следовательно, у нас есть хорошие основания признавать ее существование. Этот аргумент воспроизводит рассуждения Куайна и Патнэма в их известном аргументе от неустранимости в пользу существования абстрактных математических объектов[154]. Сайдер пишет по этому поводу следующее: «Каждая серьезная теория чего бы то ни было, которую кто-либо когда-либо рассматривал, использует кванторы, от физики до математики, от социальных наук до фолк-теорий. И … не существует реального способа избежать их использования. Квантификация настолько неустранима, насколько это возможно. Это неопровержимая причина думать, что мы сталкиваемся с чем-то реальным при использовании кванторов, что квантификационная структура является частью объективной структуры мира точно так же, как успех физики пространства-времени дает нам основания верить в объективную структуру пространства-времени»[155].

Принятие нового онтологического языка можно рассматривать как прагматическое предписание: даже если в данный момент философы ведут споры на каких-то других языках, им следует перейти на онтологический, поскольку он лучше других языков подходит для ведения таких споров. Поскольку при переходе на онтологический мы специально оговариваем, что квантор существования будет иметь фундаментальное значение (или следуем упомянутой выше инструкции из четырех пунктов), его значение действительно будет фундаментальным, даже при слабом магнетизме.

[154] об этом аргументе см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 76-77 https://philpapers.org/rec/KONVEB
[155] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 188

Подводя итог, мы можем сказать, что у Сайдера есть две стратегии для противодействия дефляционизму, принимающего форму вариантизма. Первая стратегия состоит из трех следующих положений:

1. Существуют разделяющие на естественные части значения, которые являются подходящими кандидатами в значения кванторов.
2. Льюисовский референциальный магнетизм истинен.
3. Доверие побеждается интерпретацией, которая приписывает кванторам русского/английского языка разделяющие на естественные части значения.

Если эта стратегия успешна, то никакого особого языка не понадобится, реалист сможет заявить, что все онтологические споры ведутся на русском/английском языке, кванторы в нем имеют фундаментальное значение, благодаря чему споры становятся содержательными. Слабость стратегии в ее третьем пункте – магнетизм может оказаться недостаточно сильным для преодоления доверия. На этот случай у Сайдера имеется вторая стратегия, называемая им[156] гамбитом онтлогического языка (Ontologese gambit):

1. Возможно, что п. 2 или п. 3 ложны, то есть магнетизм не существует, или он недостаточно силен.
2. Дефляционисты-вариантисты правы относительно онтологических споров на русском/английском.
3. Споры могут и должны вестись на онтологическим. На этом языке кванторы по определению имеют разделяющие на естественные части значения.

Поскольку сам Сайдер признает слабые стороны первой стратегии, большинство его критиков сосредоточились на второй и подвергли сомнению саму возможность онтологического. Наиболее известный оппонент Сайдера Эли Хирш, чью метаонтологию мы рассмотрим в главе 4, поступает именно таким образом. По сути, Хирш утверждает, что нельзя так просто взять и заговорить на онтологическом: «Представьте себе человека, который переезжает в Израиль и объявляет о своем твердом намерении говорить на древнейшем языке в мире. Мы не говорим, что, хотя это звучит именно так, как будто он

[156] Sider T. Hirsch's attack on ontologese // Noûs. 2014. № 48(3). p. 566

говорит на иврите, на самом деле он говорит на древнейшем языке в мире (шумерском?), но искажает его. Даже если бы на двери кабинета философии висела табличка с надписью: “Все, кто входит сюда, должны намереваться говорить на лучшем с философской точки зрения языке”, нет никаких оснований думать, что философы, которые входят в комнату с таким намерением, в конечном итоге будут говорить на одном и том же языке, не говоря уже о лучшем с философской точки зрения языке»[157]. Почему Хирш уверен, что у этих философов ничего не выйдет? Он полагает, что принцип доверия при интерпретации их утверждений возьмет верх над любыми попытками придать кванторам фундаментальное значение по определению. Пусть философы сколько угодно уславливаются, что будут говорить на одном языке, мереологического универсалиста доверительнее будет воспринимать, как говорящего на L_U, а нигилиста на L_N. Сайдер с этим не согласен. Онтологический представляет собой не какой-то абсолютно новый язык вроде шумерского, а является лишь немного подправленной и улучшенной версией русского/английского, которым философы уже владеют. Принцип доверия не должен помешать перейти на него, поскольку принятие онтологического как раз и состоит в отказе от этого принципа или уменьшении его роли: «Вопрос не в том, можно ли заговорить на совершенно новом языке, просто объявив о намерении сделать это, а скорее в том, можно ли частично и локально приостановить соображения доверия, которые определяют значение – можно ли сказать: “предполагая, что существует разделяющее на естественные части значение квантора, если доверие мешает принятому нами значению, тогда пусть этот аспект доверия будет приостановлен”. И я думаю, что можно это сделать»[158]. Наиболее приемлемой версией принципа доверия является умеренная версия, которая позволяет частичную приостановку или уменьшение своей роли при интерпретации.

По мнению Хирша, есть и еще одна серьезная проблема при введении онтологического языка. Сайдер утверждает, что онтологический лучше подходит для философских споров, так как по определению разделяет реальность на естественные части и, в частности, согласуется с квантификационной структурой реальности. Чтобы иметь возможность это сказать, мы должны обладать способностью сравнивать различные языки на предмет их согласованности с

[157] Hirsch E. Language, ontology, and structure // Noûs. 2008. № 42(3). p. 520
[158] Sider T. Hirsch’s attack on ontologese // Noûs. 2014. № 48(3). p. 568

фундаментальной структурой. То есть, мы должны быть способны ответить на вопрос: «Какой онтологический язык согласуется с (aligned to) мировой квантификационной структурой?»[159]. Хирш уверен, что дать однозначный ответ на этот вопрос просто невозможно. Все дело в том, что выражение «согласуется с мировой квантификационной структурой» будет иметь разное значение в разных возможных языках – русском/английском, L_U, L_N и так далее. Это, в свою очередь, приведет к тому, что на русском будет истинно утверждение «Русский язык, а не язык L_U или язык L_N согласуется с мировой квантификационной структурой», на языке L_U будет истинным утверждение «Язык L_U, а не русский язык или язык L_N согласуется с мировой квантификационной структурой», на языке L_N будет истинным утверждение «Язык L_N, а не русский язык или язык L_U согласуется с мировой квантификационной структурой» и т. д. Никакого преимущества у онтологического в этом плане нет. На каждом из языков истинно предложение:

(ЯКС) Этот онтологический язык (тот, который используется в настоящее время), но никакой другой онтологический язык, согласован с мировой квантификационной структурой.

Хирш приходит к выводу, что «… ответ на вопрос Сайдера “Какой онтологический язык согласуется с мировой квантификационной структурой?” зависит от того, на каком языке человек говорит. Вопрос чисто вербальный; он не имеет существенного содержания»[160]. Сайдер уверен, что и эта критика Хирша опирается, в конечном счете, на принцип доверия, действие которого мы можем приостановить. Выражения «согласуется с мировой квантификационной структурой» или «разделяет реальность на естественные части» являются специальными философскими терминами и не могут всецело определяться доверием. Кроме того, высока вероятность, что они являются теоретическими терминами (theoretical terms), которые в устах любых философов обладают значением, разделяющим мир на естественные части. Самое главное, что в данном случае нет нужды прибегать к доктрине о референциальном магнетизме – теоретические термины выбирают ближайшее разделяющее на естественные части значение благодаря собственным особенностям, а не из-за

[159] Такая формулировка вопроса принадлежит Хиршу, у самого Сайдера она не встречается.

[160] Hirsch E. Language, ontology, and structure // Noûs. 2008. № 42(3). p. 522

магнетизма. Их особенность состоит в том, что они изначально и сознательно вводятся для обозначения естественных видов – «масса», «нейтрино», «глюон», «радий», «полоний» и т. д. Даже если какие-то физики/химики будут систематически употреблять эти термины немного нестандартно, мы не сможем, опираясь на доверие, сказать, что в их устах эти термины имеют другое значение: «Когда в физике вводится такой термин, как "масса", предполагается, что он обозначает фундаментальную физическую величину, и поэтому, если поблизости есть свойство, разделяющее на естественные части, то это свойство будет обозначаться "массой", даже если оно не совсем соответствует теории физиков о "массе"»[161]. То же самое применимо и к выражениям «согласуется с мировой квантификационной структурой» и «разделяет реальность на естественные части». Как мы говорили выше, Сайдер считает, что S(S), то есть фундаментальность фундаментальна, а значит рассматриваемые выражения будут теоретическими терминами и выберут (pick out) «разделяющее на естественные части понятие разделения на естественные части [joint-carving notion of joint-carving], если таковое понятие имеется»[162].

Как мы видим, все предложенные Сайдером решения и его метаонтология в целом работают лишь в том случае, если в мире действительно имеется фундаментальная квантификационная структура. Но некоторые критики в этом сильно сомневаются. Эми Томассон уверена, что понятие квантификационной и вообще логической структуры реальности весьма проблематично. Мы можем понять, как наши предикаты разделяют мир на естественные части, но как могут делать это кванторы, совершенно непонятно. Предикат «красный» разделяет объекты на красные и некрасные, но какое разделение обозначает квантор, неясно: «Мы можем, по крайней мере, иметь представление о том, какие разделения [joints] могут становиться референтами предикатов (скажем, разделение между вещами, которые являются красными и не являются красными), но совершенно неясно, какое "логическое" разделение могло бы стать референтом квантора (предположительно, не разделение между существующими и несуществующими вещами)»[163]. На эту критику Сайдер может ответить, переключившись с разделения между объектами на разделение между

[161] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 32
[162] Sider T. Hirsch's attack on ontologese // Noûs. 2014. № 48(3). p. 572
[163] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 pp. 298-299

фактами. Разделяющий на естественные части квантор существования отделяет экзистенциальные факты от всех остальных.

По мнению Томассон, идея Сайдера о том, что логические термины могут разделять мир на части, основана на его неверном представлении об их функционировании. Данные термины, в том числе и кванторы, являются чисто формальными и вообще не нацелены на описание каких-либо свойств и характеристик мира. Томассон называет их также содержательно или тематически нейтральными (content-neutral, topic-neutral): «они могут управлять терминами с любым конкретным материальным содержанием, многие из которых могут быть направлены на отображение различных структурных особенностей мира, но логические термины нейтральны между ними»[164]. Сайдер с этим не согласен и утверждает[165], что логика не является тематически нейтральной, она касается содержания логических констант – конъюнкции, дизъюнкции, кванторов и т. д. Это содержание, в свою очередь, вполне может отражать часть фундаментальной структуры – логическую структуру, частью которой и является квантификационная структура. Но Томассон полагает[166], что такое содержание, даже если оно имеется, не является репрезентационным и не может отражать фундаментальную структуру. Репрезентация мира не является функцией логических терминов, вместо этого они помогают нам использовать нелогические, содержательные термины для суждений и умозаключений: «Нет необходимости думать об этих терминах как о стремящихся отобразить особый вид логической структуры, чтобы объяснить их роль и важность в нашем мышлении и языке: их роль не в отслеживании структуры, а в том, чтобы позволить нам рассуждать с понятиями, которые действительно включают материальное (иногда, возможно, отслеживающее структуру) содержание»[167].

В заключение главы мы кратко остановимся на методологических принципах онтологии в соответствии с теорией Сайдера. По его мнению, онтологические вопросы являются эпистемически метафизическими: на них нельзя ответить с помощью эмпирических методов, и их нельзя решить с помощью концептуального анализа[168]. В

[164] Ibid., pp. 312-313
[165] Ibid., p. 314
[166] Ibid., p. 314
[167] Ibid., p. 315
[168] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 187

связи с этим они могут казаться неразрешимыми, что может сделать дефляционизм, обещающий их легкое решение, привлекательным для некоторых философов. Однако Сайдер уверен, что с помощью куайновских по своему духу методов ответить на них все-таки можно. Онтологию и метафизику в целом Сайдер воспринимает как продолжение эпирической науки – теории и там и там выбираются по приблизительно одинаковым принципам, за исключением того, что онтологические теории не поддаются эмпирической проверке: «… в качестве общей эпистемологии метафизики я предпочитаю расплывчатую, смутно куайновскую идею о том, что метафизика является продолжением науки. Мы используем многие из тех же критериев – какими бы они ни были – для выбора теории в рамках метафизики, которые мы используем вне метафизики. Следует признать, что в метафизике эти критерии дают менее четкие ориентиры, чем где-либо еще; но нет ничего плохого в том, чтобы следовать этому аргументу туда, куда он ведет: метафизические исследования по своей природе сравнительно спекулятивны и неопределенны»[169]. Онтологам следует принимать те сущности, которые являются онтологическими обязательствами нашей наилучшей теории, научной и/или метафизической, где лучшая теория определяется с помощью таких критериев, как простота, объяснительная сила, интегрированность с другими признанными теориями и т. д. К этому Сайдер добавляет еще одно, ключевое требование – наилучшая теория должна быть сформулирована в терминах, понятиях, разделяющих реальность на естественные части. Другими словами, идеология в куайновском смысле этого слова, то есть те понятия, с помощью которых мы формулируем теорию, является одним из важнейших достоинств теории. Необходимо отыскать правильную пару, то есть идеологию и теорию, сформулированную в ее терминах: «Известная куайновская идея заключается в том, что мы ищем наилучшую – простейшую и т. д. – теорию, которая объясняет наши свидетельства. Я добавлю к этой мысли – хотя, возможно, она подразумевалась с самого начала – что этот поиск носит как идеологический, так и доктринальный характер; мы ищем одновременно множество понятий и теорию, сформулированную с помощью этих понятий. Мы выбираем наилучшую и наиболее объясняющую пару $\langle I, T_I \rangle$ идеологии I и теории T_I в терминах этой

[169] Ibid., p. 12

идеологии»[170]. Главный методологический принцип может быть сформулирован следующим образом:

(МЕТ) Будь убежден в онтологии и идеологии твоей наилучшей теории.

Для выявления подлинной онтологии теория должна быть фундаментальной: «Моя собственная точка зрения заключается в том, что фундаментальная теория должна специфицировать как фундаментальную онтологию, так и фундаментальные понятия (включая фундаментальные логические понятия, хотя это более спорно и в основном может оставаться на заднем плане)»[171]. Следуя за Куайном, Сайдер отдает предпочтение физической идеологии и теории – на фундаментальном уровне, скорее всего, существует то, о чем говорит физика или же ее наиболее фундаментальные разделы. Но если наилучшей теорией является физика, то не приведет ли такая методологическая рекомендация к неприемлемому элиминативизму в отношении подавляющего большинства объектов специальных наук и здравого смысла? Сайдер вынужден признать, что в фундаментальном смысле не существует столов или биологических организмов, но можно сохранить истинность наших высказываний о них. Сделать это возможно с помощью так называемой метафизической семантики. Поскольку Сайдер представляет ее как альтернативу базированию, которое используется представителями неоаристотелевской метаонтологии, то эта семантика будет рассмотрена нами в конце 9-й главы.

Список литературы

[170] Ibid., p. 13

[171] Sider T. The Tools of Metaphysics and the Metaphysics of Science. Oxford, Oxford University Press, 2020 p. 21

1. Liebesman D., Eklund M. Sider on Existence // Noûs. 2007. № 41(3). pp. 519-528

2. Mathers D. Against Sider on Fundamentality // Erkenntnis. 2019. № 84(4). pp. 823-838

3. Sider T. Hirsch’s attack on ontologese // Noûs. 2014. № 48(3). pp. 565-572

4. Sider T. Ontological Realism // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 384-423

5. Sider T. The Tools of Metaphysics and the Metaphysics of Science. Oxford, Oxford University Press, 2020

6. Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013

7. Warren J. Sider on the epistemology of structure // Philosophical Studies. 2016. № 173(9). pp. 2417-2435

8. Wrigley W. Sider's Ontologese Introduction Instructions // Theoria. 2018. № 84(4). pp. 295-308

Глава 4. Кванторная изменчивость Э. Хирша

Рассматриваемые в этой и последующей главах теории можно отнести к неокарнаповской парадигме в метаонтологии, поскольку, опираясь на идеи Рудольфа Карнапа, они предлагают единый взгляд на онтологические вопросы. Этот взгляд заключается в некотором принижении значимости данных вопросов, их глубины и трудности. В связи с этим рассматриваемые теории относят к метаонтологическому дефляционизму[172] (от лат. deflatio «сдувание»), для которого вопросы существования являются гораздо менее существенными, чем они представлялись с ортодоксальной куайновской точки зрения[173]:

(МД) Метаонтологический дефляционизм: многие или большинство онтологических вопросов являются, некоторым образом,

[172] Следует заметить, что метаонтологический дефляционизм не является единой теорией, а представляет, скорее, точку зрения или подход, общий для различных метаонтологических теорий.
[173] Berto F., Plebani M. Ontology and Metaontology. A Contemporary Guide. London; New York, Bloomsbury Academic, 2015 pp. 72-73

неглубокими или несущественными, и мы должны понизить их значимость.

Сходное определение дефляционизма дает большинство из пишущих о нем философов. Они противопоставляют его главенствующему (mainstream) или тяжеловесному (heavyweight) куайновскому подходу. Например, Дэвид Мэнли дает следующие характеристики трем метаонтологическим подходам (дефляционизм он делит на два типа)[174]:

(ГЛМ) Главенствующая метаонтология: в соответствии с этим подходом конкурирующие позиции в онтологии (и в метафизике вообще) рассматриваются как предварительные гипотезы о мире и оцениваются с помощью широкого набора критериев выбора теории. Соответствие обычному употреблению языка и убеждениям иногда играет роль в этой оценке, но, как правило, не доминирующую. Теоретическое понимание, соображения простоты, интеграция с другими областями (например, с наукой, логикой или философией языка) и так далее играют важную роль.

(СД) Сильный дефляционизм: данный подход отвергает некоторую часть онтологических споров как полностью ошибочных на том основании, что речь не идет ни о чем содержательном. Частично руководствуясь интуицией поверхностности, подход утверждает, что споры носят чисто словесный характер, или что спорящие стороны вообще не выдвигают позиций, поддающихся оценке по существу.

(УД) Умеренный дефляционизм: данный подход признает, что онтологические споры являются подлинными, но считает, что они могут быть разрешены относительно тривиальным образом путем размышления о концептуальных или семантических фактах. Таким образом, онтологу не остается ничего существенного для исследования, и именно в этом смысле подход является дефляционным. Подход основывается скорее на интуиции тривиальности, чем на понимании того, что в спорах на самом деле нет ничего спорного.

---

174 Manley D. Introduction: A Guided Tour of Metametaphysics // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 4

Приблизительно таким же образом Туомас Тахко сопоставляет дефляционизм с «инфляционными» взглядами, которые считают онтологические споры важными и содержательными: «Понятие “дефляция” контрастирует с “инфляцией” – один из способов понять этот контраст – подумать о “серьезности”, которая придается онтологическим вопросам. Соответственно, инфляционный взгляд будет “раздувать” серьезность онтологических споров, утверждая, что, когда у нас возникают онтологические споры, речь действительно идет о чем-то существенном. Это может доходить вплоть до “полного” [full-blown] – если расширить аналогию – онтологического реализма, который обычно отстаивают, например, “неоаристотелианцы”. Дефляционный взгляд, напротив, “сдувает” серьезность онтологических дебатов. Однако, как мы увидим, охарактеризовать эти взгляды в подобных терминах не так просто. Некоторые дефляционные позиции считают многие из типичных онтологических вопросов неинтересными или вводящими в заблуждение, поскольку, как правило, имеется простой ответ. Эти ответы могут основываться на простой концептуальной и/или эмпирической работе. Этот тип дефляционизма иногда называют “легким” подходом к онтологии»[175].

Как мы видим, Тахко также различает несколько типов дефляционизма, каждый из которых по-своему объясняет несущественность онтологических вопросов. В данной и последующей главах мы рассмотрим две дефляционные теории, которые получили наибольшую известность и кажутся нам наиболее репрезентативными представителями данного подхода. Первая из них относится к сильному дефляционизму, а вторая – к умеренному:

- Дефляционизм Эли Хирша – теория кванторной изменчивости. В связи с тем, что участники онтологических споров говорят на разных языках, в которых кванторы существования имеют разное значение, их споры являются чисто словесными и реального разногласия между ними нет.
- Дефляционизм Эми Томассон – теория легкой онтологии. Все онтологические споры могут быть легко разрешены с помощью простых концептуальных и/или эмпирических средств.

[175] Tahko T. E. An introduction to metametaphysics. Cambridge, Cambridge University Press, 2015 pp. 64-65

Есть еще и другие разновидности дефляционизма, например, теория Томаса Хофвебера:

- Дефляционизм Томаса Хофвебера – теория внутреннего/внешнего прочтения кванторов. Все онтологические споры могут быть легко разрешены путем установления правильного прочтения кванторов (внутреннее или внешнее), фигурирующих в данных спорах.

Начнем мы с метаонтологической теории Эли Хирша, которой будет посвящена эта глава. Ее можно представить в виде двух главных тезисов, при этом второй тезис можно рассматривать как объяснение первого и его обоснование:

(МХ 1) Тезис о всего лишь словесном (merely verbal) характере некоторых онтологических споров: каждая сторона онтологического спора может правдоподобно интерпретировать другую сторону как говорящую на языке, на котором утверждаемые последней предложения верны.

(МХ 2) Тезис о кванторной изменчивости: разные возможные языки имеют разные понятия того, что «существует» или что «есть». Несмотря на это ключевое различие между ними, некоторые из этих языков являются одинаково лучшими инструментами для описания реальности.

Свои метаонтологические взгляды Хирш считает продолжением и развитием взглядов Рудольфа Карнапа, в связи с чем его и относят к неокарнаповской парадигме в метаонтологии. Впрочем, как признает сам Хирш, его позиция отличается от позиции Карнапа по нескольким пунктам:

1. Его позиция является реалистской, в отличие от антиреализма и верификационизма Карнапа (по крайней мере, в стандартной интерпретации). С точки зрения Хирша, от наших языковых практик зависит лишь значение слова «существует», но не само существование большинства объектов: «Я считаю само собой разумеющимся, что мир и вещи в нем существуют по большей части совершенно независимо от наших знаний или языка. Наш лингвистический выбор не определяет то, что существует, но определяет, что мы должны

понимать под словами “то, что существует” и связанными с ними словами. Эти слова, соответствующие кванторам нашего языка, могут изменяться по значению в зависимости от языка»[176].

2. Хирш отвергает верификационистское объяснение Карнапом того, почему онтологические вопросы не являются осмысленными и сводятся, в конечном итоге, к выбору языка. Карнап называет данные вопросы внешними, но это не решает их: «Очевидно, что он считает некоторые априорные (или неэмпирические) проблемы внешними, а некоторые нет, но кажется неясным, как он объясняет, какие из них являются внешними, а какие нет. Если объяснение является верификационистским, апеллирующим к идее о том, что онтологические проблемы трудно или невозможно разрешить, я отвергаю это объяснение»[177].

3. Хирш **не** считает, что все онтологические споры являются всего лишь словесными. То есть не все из них удовлетворяют условиям, представленным в (MX 1) и (MX 2). Читателю следует помнить об этой принципиальной особенности метаонтологии Хирша – она является ограниченной по своему охвату теорией и приложима только к некоторым спорам в онтологии, а не ко всем из них. Значительное число споров Хирш действительно считает словесными. Это, прежде всего, споры о природе материальных объектов, их композиции и пребывании во времени. К ним относятся популярные в современной аналитической метафизике споры между эндурантистами и пердурантистами[178], между сторонниками различных мереологических позиций – нигилизма, универсализма, эссенциализма[179]. Однако спор платонистов и их противников по вопросу существования абстрактных объектов словесным не является.

4. В отличие от Карнапа, Хирш считает себя защитником здравого смысла. Как мы увидим, из метаонтологической позиции Хирша следует, что, например, ревизионистская онтология пердурантистов, признающих существование временн**ы**х частей материальных

[176] Hirsch E. Ontology and Alternative Languages // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford Universi-ty Press, 2009 p. 231

[177] Ibid., p. 231

[178] Подробнее об эндурантизме и пердурантизме см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 360-384 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[179] Подробнее о различных мереологических позициях см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 305-329 https://philpapers.org/rec/KONVEB

объектов, основывается на языковой ошибке, а сторонники совпадающего с нашим обыденным представлением эндурантизма оказываются правы.

Первый тезис метаонтологии Хирша гласит, что многие онтологические споры носят всего лишь словесный характер, поскольку каждая сторона может правдоподобно интерпретировать другую сторону как говорящую на языке, на котором утверждаемые последней предложения верны. Чтобы понять смысл этого тезиса необходимо, прежде всего, прояснить терминологию, которую Хирш использует при изложении своей теории.

Пропозицию он, вслед за Дэвидом Льюисом[180], определяет как множество возможных миров, в которых эта пропозиция истинна. Например, пропозиция, *что снег бел*, будет множеством всех тех возможных миров, где снег действительно бел.

Вслед за Дэвидом Капланом[181] он считает, что каждое предложение обладает характером, который представляет собой функцию, приписывающую предложению, относительно контекста произнесения, пропозицию. Например, человек, находящийся в Москве, произносит: «Здесь идет дождь». Характер предложения в данном контексте припишет ему пропозицию, *что в Москве идет дождь*. Если то же самое предложение произнесет человек в Санкт-Петербурге, то приписанной пропозицией будет, *что в Санкт-Петербурге идет дождь*.

Характер дает предложению, относительно контекста произнесения, условия истинности. Произнесенное в Москве предложение «Здесь идет дождь» будет истинным, если и только если в Москве идет дождь.

Интерпретация какого-либо языка – это функция, которая приписывает каждому предложению языка характер. Языки индивидуализируются с помощью интерпретаций – два разных языка не могут иметь одну и ту же интерпретацию.

Теперь, вооружившись данными определениями, мы сможем понять первый тезис Хирша. Лучше всего сделать это на конкретном примере. Возьмем один из онтологических споров, которые Хирш

[180] Lewis D. On the Plurality of Worlds. New York, Basil Blackwell, 1986

[181] Kaplan D. Demonstratives // Almog J., Perry J., Wettste H. K. (eds.) Themes from Kaplan. New York, Oxford University Press, 1989 pp. 481–563

считает всего лишь словесными – спор между эндурантизмом и пердурантизмом по поводу существования временн**ы**х частей. Представим двух сторонников данных взглядов – эндурантиста Эдуарда и пердурантиста Петра. Однажды Эдуард по какой-то причине решает выдать себя за пердурантиста, однако он не хочет произносить то, что считает ложным. Что же ему делать? Он в тайне ото всех решает начать говорить на собственном языке. Отныне он будет высказывать предложения, которые звучат точно также, как предложения пердурантистов, но будет оставаться верным своим эндурантистским взглядам. Если Эдуард вместе с пердурантистами говорит: «Авраам Линкольн в 1860 году обладал временной частью, у которой была борода», то он имеет в виду что у Линкольна в 1860 году была борода. Если говорить обобщенно, то все высказывания Эдуарда формы «a в момент времени t обладает временной частью, являющейся F» будут истинными в той ситуации, в которой a являются F в момент времени t. Петр принимает аналогичное решение и начинает говорить на секретном языке, стремясь выдать себя за эндурантиста, но не поступиться своими убеждениями. Он решает ограничить во всех контекстах квантор существования теми объектами, которые приемлемы для эндурантистов, то есть всеми объектами за исключением собственных[182] временн**ы**х частей объектов.

На секретном языке Эдуарда все произносимые пердурантистами предложения истинны, поскольку язык был создан именно для этой цели. Назовем его П-русским языком. С другой стороны, на секретном языке Петра истинны все предложения эндурантистов, поскольку его квантор существования ограничен таким образом, что временные части на нем просто не упоминаются. Назовем его Э-русским. Когда мы спрашиваем: «Существуют ли временн**ы**е части?», то на П-русском ответом будет «да», а на Э-русском ответом будет «нет». Ответ на вопрос зависит от выбора того или иного языка.

Вернемся теперь к онтологическому спору между эндурантистами и пердурантистами[183]. Если мы внимательно прислушаемся к тому, что они говорят и правильно интерпретируем их слова, то мы должны понять, что они говорят на разных языках. Пердурантист

---

[182] Собственной является часть, не совпадающая с самим объектом, то есть меньшая, чем объект.

[183] Здесь и далее читателю крайне важно помнить, что, с точки зрения Хирша, наш обыденный русский (английский) является эндурантистским языком, на котором правильным ответом на вопрос о существовании временных частей будет ответ «нет».

говорит на П-русском, а эндурантист на Э-русском. Но как из этого следует вывод (МХ 1) о словесном характере их спора? Все дело в том, что два этих языка являются альтернативными языками в специальном смысле этого термина, определяемом Хиршем следующим образом[184]:

(АЯ) Альтернативный язык для какой-либо позиции – это язык, на котором сторонники данной позиции могут выразить все пропозиции объектного уровня, в которых они убеждены, утверждая при этом только те предложения, которые могли бы утверждать сторонники другой позиции.

Предложения в данном определении индивидуируются фонетически, то есть одно и то же предложение может иметь разный характер в разных языках. П-русский является альтернативным языком для эндурантизма, а Э-русский – для пердурантизма. Благодаря тому, что они являются альтернативными языками, мы можем сказать, что эти два языка обладают одним множеством характеров, но эти характеры распределены между предложениями по-разному. Для наглядности поясним это на примере. Возьмем несколько предложений на этих языках (цифрами обозначены предложения П-русского, а буквами – Э-русского):

1. Авраам Линкольн в 1860 году обладал временной частью, у которой была борода.

2. Карл Маркс в 1880 году обладал временной частью, у которой была борода.

3. Эверест в 2019 году обладал временной частью, которая была более 8800 метров в высоту.

4. Эйфелева башня в 1910 году обладала временной частью, которая была более 330 метров в высоту.

а. У Авраама Линкольна в 1860 году была борода.

б. У Карла Маркса в 1880 году была борода.

в. Эверест в 2019 году был более 8800 метров в высоту.

г. Эйфелева башня в 1910 году была более 330 метров в высоту.

[184] Hirsch E. Ontology and Alternative Languages // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford Universi-ty Press, 2009 p. 235

Поскольку языки альтернативны мы можем систематически сопоставить две группы предложений:

Предложение 1 обладает тем же самым характером, что и предложение а.

Предложение 2 обладает тем же самым характером, что и предложение б.

Предложение 3 обладает тем же самым характером, что и предложение в.

Предложение 4 обладает тем же самым характером, что и предложение г.

…

Подобные сопоставления можно провести для всех предложений двух языков, в результате чего все, что можно сказать на одном из них, можно сказать и на другом. Следует также вспомнить, что характер предложения дает вместе с контекстом условия истинности, так что сопоставленные предложения будут истинными в одних и тех же условиях.

Остается лишь показать, что спорящих между собой по поводу существования временных частей онтологов следует интерпретировать как говорящих на альтернативных языках. По мнению Хирша, это можно сделать, внимательно исследуя использование языка философами и опираясь на так называемый принцип доверия, о котором мы уже говорили в главе 3[185]:

(ПМ) При прочих равных условиях интерпретация правдоподобна в той мере, в какой ее результатом является то, что многие из разделяемых сообществом утверждений оказываются истинными или, по крайней мере, разумными.

Можно заметить, что в определении говорится о некоем «сообществе», а у нас до сих пор речь шла об отдельных спорящих друг с другом людях. Хирш признает, что люди не говорят на своих собственных, отдельных языках, а являются членами языковых сообществ. Онтологи не являются здесь исключением и принадлежат к

---

[185] Hirsch E. Physical-Object Ontology, Verbal Disputes, and Common Sense // Philosophy and Phenomenological Research. 2005. № 70(1). p. 71

сообществу, говорящему на обычном русском (английском, немецком и т. д.) языке[186]. Но в рамках онтологических споров или, как часто пишут в литературе, находясь внутри онтологической комнаты (inside the ontology room), они используют особую терминологию и/или придают обычным словам другое значение. Здесь возникает небольшая трудность – несмотря на использование слов в нестандартном значении, онтологи не перестают быть членами своего языкового сообщества: «если человек принадлежит к определенному языковому сообществу, то язык этого сообщества является языком этого человека, и независимо от того, какие особенности проявляет языковое поведение этого человека, утверждаемым им предложениям должен быть присвоен конвенционально принятый характер. [Данная т]очка зрения … затрудняет в целом утверждение о том, что в словесном споре у каждого спорящего есть свой собственный язык»[187]. Для обхода этой трудности Хирш предлагает нам считать, что представитель каждой из онтологических позиций является членом своего особого языкового сообщества, в котором все говорят аналогичным образом, или же мы можем представить, что каждый участник спора образует свое собственное языковое сообщество (в дальнейшем изложении мы будем придерживаться первого варианта).

Применяемый к языковым сообществам принцип доверия Хирш делит на две части, первая из которых касается интерпретации перцептивных утверждений членов сообщества, а второй – их априорных утверждений:

($ПМ_{перц}$) Большинство перцептивных суждений, выносимых членами языкового сообщества, верны, а выражающие их предложения истинны.

($ПМ_{апр}$) Большинство априорных концептуальных суждений, выносимых членами языкового сообщества, верны, а выражающие их предложения истинны.

Теперь можно увидеть, каким образом принцип доверия приводит к выводу о том, что онтологи говорят на альтернативных

---

[186] К этому лингвистическому факту мы еще вернемся, когда будем говорить о защите Хиршем здравого смысла.
[187] Hirsch E. Ontology and Alternative Languages // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford Universi-ty Press, 2009 p. 239

языках. Рассмотрим действие каждой из частей этого принципа. Вообразим себе, что мы, как антропологи, исследуем племя аборигенов, говорящих на совершенно незнакомом нам языке, то есть составляющих отдельное языковое сообщество. После определенного периода наблюдения за их поведением мы видим, что они соглашаются с предложением А только в присутствии кокоса. Какой вывод нам следует сделать? Что предложение А означает то же самое, что и наше предложение «Это кокос», или что оно означает то же самое, что и наше предложение «Это слон», но аборигены впадают в систематическую перцептивную ошибку и принимают кокос за слона? Равноправны ли два этих толкования? Принцип доверия утверждает, что нет – при прочих равных условиях нам всегда следует выбирать ту интерпретацию, которая приписывает членам языкового сообщества меньшее число ошибок. Этот принцип не является всего лишь полезной рекомендацией, а является конституирующим принципом языка и значения: «Центральным в лингвистической интерпретации является презумпция того, что правильная интерпретация – это та, которая делает использование языка людьми настолько разумным, насколько это возможно. Таким образом, при интерпретации языка существует подавляющее, хотя и в принципе преодолимое, предположение о том, что типичные носители языка делают перцептивные утверждения, которые являются достаточно аккуратными, и что они не утверждают относительно простые предложения, которые априори ложны. Принцип доверия не зависит от человеческой щедрости. Как я понимаю, он является конститутивным для феноменов языка и значения»[188]. Этот принцип мы можем применить и к сообществу пердурантистов[189]. Если его представитель находится рядом с кокосом, то он согласится с предложением «Передо мной находится последовательность похожих на кокос объектов, каждый из которых существует лишь одно мгновение, а затем исчезает». Если мы интерпретируем его как говорящего на Э-русском, то получится, что он впадает в перцептивную ошибку о том, что находится у него прямо перед глазами. Кроме того, такая и подобная ей ошибки, будут связаны с общей ошибкой априорного концептуального утверждения ложного на Э-русском предложения: «Любой пребывающий объект априорно и необходимо состоит из последовательности временных частей». Поскольку пердурантисты ничем особо не выделяются и мало

[188] Ibid., p. 240

[189] Здесь вновь следует напомнить, что наш обычный язык, на котором написана данная книга, является Э-русским, то есть эндурантистским языком.

отличаются от своих коллег-эндурантистов, то принцип доверия требует, чтобы мы интерпретировали их как говорящих на П-русском, на котором все эти их высказывания истинны. Аналогичным образом принцип применяется и к эндурантистам, их язык следует интерпретировать как Э-русский. Но эти языки, как мы видели, являются альтернативными друг для друга, а значит верен первый тезис метаонтологии Хирша (MX 1) – каждая сторона онтологического спора может правдоподобно интерпретировать другую сторону как говорящую на языке, на котором утверждаемые последней предложения верны.

В результате Хирш приходит к своему главному дефляционному выводу – вся разница между сторонниками эндурантизма и пердурантизма сводится к выбору одного из двух возможных в данном случае языков, а их спор носит чисто словесный характер: «Говоря, что спор между пердурантизмом и эндурантизмом является “чисто словесным”, я выдвигаю, по сути, два утверждения: во-первых, если бы существовало языковое сообщество, типичные члены которого утверждают предложения, которые, в конце концов, утверждают пердурантисты (эндурантисты), тогда доверие в отношении использования диктует, что язык этого сообщества является П-английским (Э-английским). Это следует, во-вторых, из того, что носители любого из этих языков должны допускать, что носители другого языка утверждают предложения, которые имеют те же самые характеры и, следовательно, те же самые значения истинности, что и предложения, которые они сами утверждают. Мне кажется, что эти два утверждения подразумевают идею Карнапа о том, что в основе спора о пердурантизме и эндурантизме нет ничего, кроме выбора либо П-английского, либо Э-английского»[190].

Если многие онтологические споры являются чисто словесными, то как можно определить победителей в этих спорах и можно ли это вообще сделать? Здесь возможны два варианта.

Во-первых, мы можем придерживаться упоминаемой выше условности и считать, что спорящие стороны принадлежат к различным языковым сообществам, говорящим на разных языках. Этого требует принцип доверия, максимизирующий истинность высказываний обеих сторон. В этом случае победителей в споре не будет – каждая сторона говорит нечто истинное на своем языке. Причем сами спорящие согласятся с этим, если применят принцип доверия и

[190] Hirsch E. Ontology and Alternative Languages // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford Universi-ty Press, 2009 p. 242-243

подберут к каждому своему предложению предложение противника, имеющее тот же самый характер.

Во-вторых, мы можем считать, что онтологи – такие же люди, как и все остальные и говорят на самом обычном русском (английском, китайском и т. д.) языке. Принцип доверия это также допускает, поскольку он применяется не к отдельным индивидам, а к языковым сообществам в целом.[191] При таком подходе в онтологических спорах есть победители – ими будут те философы, которые придерживаются позиции здравого смысла, отраженного в нашем естественном языке. В споре о пребывании объектов во времени правы окажутся эндурантисты, а пердурантисты проиграют; в споре о существовании мереологически составных объектов проиграют сторонники всех позиций, которые отклоняются от наших обыденных представлений, то есть сторонники мереологического универсализма, нигилизма, эссенциализма и т. д. Важно подчеркнуть, что и в этом варианте языковой характер онтологических споров не нарушается. Он обеспечивается самой возможностью причислить спорящих к различным языковым сообществам, на языках которых все сказанное ими будет истинным. Победа одной из сторон проистекает только из принадлежности всех спорящих к сообществу, на языке которого победившая сторона говорит нечто истинное, а проигравшая – ложное. Однако ошибка проигравшей стороны носит чисто словесный характер и не является содержательной: «Ревизионистские онтологические взгляды, такие как пердурантизм, доминировали в литературе последнего времени. Я утверждаю, что ревизионисты, по сути, просто предпочитают использовать язык, отличный от обычного, и, поскольку они не осознают этого (и считают, что используют обычный язык), они совершают определенного рода языковую ошибку»[192]. Все ревизионисты проигрывают только потому, что являются ревизионистами и отклоняются от обычного словоупотребления.

Между двумя данными вариантами интерпретации есть существенная разница. Первый опирается на условность – мы представляем, что ревизионисты принадлежат к своим собственным языковым сообществам, в которых все говорят так, как они. Вторая

[191] Именно поэтому принадлежность онтологов к различным языковым сообществам из первого варианта является условностью (но это допустимая условность, не нарушающая принцип доверия).

[192] Hirsch E. Ontology and Alternative Languages // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 232

интерпретация на подобные условности не опирается и является более естественной[193]. В связи с этим Хирш провозглашает себя защитником здравого смысла в онтологии, то есть онтологических позиций, имплицитно заложенных в нашем естественном языке и в повседневных высказываниях самых обычных людей. Свою защиту здравого смысла он облекает в форму аргумента от доверия (чуть позже, после обсуждения кванторной изменчивости, мы дадим более полную формулировку этого аргумента)[194]: принцип доверия можно применять не только к философам, сторонникам различных онтологических позиций, но и к обычным людям, ничего не знающим об онтологии. В своей повседневной жизни люди регулярно говорят о существовании столов, стульев, деревьев и т. д., но объект, состоящий, например, из Эйфелевой башни и Собора Василия Блаженного, ни один человек не признает существующим. Точно так же он отвергнет существование временных частей и других экзотических объектов ревизионистской онтологии. Но при интерпретации высказываний обычных людей нам следует применить тот же самый принцип доверия, что и при интерпретации онтологов – нам следует признать истинными как можно большее их число. Получается, что люди говорят на таком языке, на котором их имплицитные онтологические позиции правильны, и на котором можно с полным правом сказать, что всех этих экзотических объектов не существует. В итоге аргумент приводит нас к выводу, что существует сильная презумпция в пользу онтологии здравого смысла, которой привержены все говорящие на естественных языках люди (в том числе и сами ревизионисты постольку, поскольку они продолжают говорить на естественных языках). Ревизионисты же эту презумпцию нарушают, не имея для этого никаких веских оснований: «Ревизионисты, похоже, отвергают эту презумпцию, отвергая ее без видимой на то причины. Учитывая набор онтологических утверждений здравого смысла, ревизионисты, по-видимому, извращенно настаивают на интерпретации этих утверждений таким образом, который делает их неверными, даже при том, что кажется вполне возможным интерпретировать их таким образом, который сделал бы их правильными»[195]. Последняя оговорка здесь крайне важна,

---

[193] Однако сама возможность первой интерпретации чрезвычайно важна для успеха теории Хирша – именно эта возможность делает онтологические споры чисто языковыми.

[194] Hirsch E. Against Revisionary Ontology // Hirsch E. Quantifier Variance and Realism. Essays in Metaontology Oxford, Oxford University Press, 2011 p. 99

[195] Ibid., p. 99

поскольку, как мы уже говорили, дефляционная позиция Хирша является ограниченной и применима далеко не ко всем онтологическим позициям. Здравый смысл прав только в тех случаях, когда действительно возможна интерпретация, делающая все его соответствующие утверждения истинными.

Отличие позиции ревизионизма от позиции здравого смысла является всего лишь языковым, а не содержательным: ревизионисты изобретают новый язык, чтобы говорить по-другому о той же самой реальности, о которой говорит здравый смысл. Это можно пояснить на примере. Представим самую обычную ситуацию – автомобиль заезжает в гараж, а через некоторое время выезжает из него. Глядя на эту ситуацию любой компетентный носитель русского языка скажет: «Автомобиль выехал из гаража». Теперь вообразим ревизиониста, который считает, что никаких автомобилей нет, существуют лишь вавтомобили (incars), то есть автомобили, находящиеся в гараже, и внеавтомобили (outcars), то есть автомобили, находящиеся вне гаража. Глядя на ту же самую ситуацию, он скажет нечто совсем другое, чем обычный человек: «Есть вавтомобиль, который сжимается и исчезает у дверей гаража, и одновременно есть внеавтомобиль, который появляется и растет, а затем движется по улице»[196]. После этого ревизионист начинает считать, что здесь имеется важная онтологическая проблема: что же существует на самом деле – автомобили или вавтомобили/внеавтомобили? Он начинает придумывать сложные философские аргументы в пользу своей позиции, а другие философы начинают их опровергать. Постепенно возникает новый раздел онтологии (метафизики), посвященный проблемам автомобилей. Из данного примера видно, что все споры в рамках этого нового раздела будут носить чисто языковой характер, поскольку их участники описывают одну и ту же реальность, используя для этого разные языки.

До сих пор, при обсуждении первого тезиса метаонтологии Хирша, мы говорили о языках вообще, их различных интерпретациях, о разных языковых сообществах и т. д. При этом нетрудно заметить, что языки ревизионистов почти полностью совпадают с нашим обычным русским (английским и т. д.) языком, за исключением небольшого числа новых слов и выражений. Что же делает их новыми языками, в чем именно заключается принципиальное отличие? На этот

[196] Hirsch E. Objectivity Without Objects // Hirsch E. Quantifier Variance and Realism. Essays in Metaontology Oxford, Oxford University Press, 2011 p. 36

вопрос отвечает второй тезис метаонтологии Хирша – разные возможные языки имеют разные понятия того, что «существует» или что «есть», но, несмотря на это ключевое различие между ними, некоторые из этих языков являются одинаково лучшими инструментами для описания реальности. Поскольку Хирш придерживается ортодоксальной позиции, что наилучшим выражением данных понятий является квантор существования, тезис получил название тезиса кванторной изменчивости. Рассмотренные нами П-русский и Э-русский языки отличаются друг от друга значением своих кванторов. Из-за этой разницы на П-русском истинно предложение «Временные части существуют» или «∃xВремч(x)», которое ложно на Э-русском, откуда и возникают все остальные отличия в истинности предложений между данными языками.

Но для того, чтобы сравнивать кванторы существования из разных языков, нам нужно иметь способ определения того, какие слова и выражения языка являются кванторами. По мнению Хирша, наилучшим критерием является инференциальный – слово будет квантором, если носители языка используют его как квантор: «Инференциальная роль кванторного выражения является его определяющей особенностью – выражение в данном языке является квантором существования, например, если оно играет логическую роль квантора существования в этом языке. Несомненно, логическая роль “there is” или “exists” в естественном языке более сложна, чем роль “∃” в формальных логических языках, но формально-синтаксическая роль “∃” обеспечивает точное приближение к неформальной инференциальной роли “exists” или “there is” на английском»[197].

Те языки, в которых есть кванторные выражения, можно назвать кванторными языками. Все естественные и ревизионистские онтологические языки являются кванторными, что обеспечивает возможность сравнения между ними. Теперь мы можем сформулировать тезис о кванторной изменчивости более кратко и точно. Как мы видели, этот тезис состоит из двух частей, первая из них дает умеренную (modest) разновидность кванторной изменчивости, а добавление второго превращает ее в сильную (strong).

($КИ_{умр}$) Существует множество различных кванторных языков.

[197] Hirsch E., Warren J. Quantifier variance // Kusch M. (ed.) The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism London, Routledge, 2020 pp. 349-350

($КИ_{сил}$) Существует несколько лучших с точки зрения метафизических достоинств кванторных языков.

Первый из этих тезисов непосредственно следует из принципа доверия и инференциального определения квантора: возможно существование множества различных способов использования слов и выражений, которые играют ту же самую роль, которую слова «есть» и «существует» играют в русском. То есть возможны языки с различными кванторными выражениями, причем их перевод с помощью русских слов «есть» и «существует» привел бы к значительному нарушению принципа доверия. Из этого следует, что выражения обладают разным значением, и мы имеем дело с разными кванторными яыками, что и утверждает тезис ($КИ_{умр}$). Сам по себе этот тезис слишком слаб и не приводит к дефляционным выводам, его признает подавляющее большинство (если не все) метаонтологов. Например, главный противник Хирша Сайдер вводит особый онтологический язык, кванторы которого отличаются от кванторов естественных языков, но Сайдер уверен, что онтологический язык и его кванторы лучше других подходят для описания реальности, то есть они обладают метафизическим преимуществом. Именно это отрицает тезис сильной кванторной изменчивости ($КИ_{сил}$).

Умеренную кванторную изменчивость можно превратить в сильную с помощью двух дополнительных утверждений:

1. Эквивалентность: некоторые из кванторных языков являются эквивалентными, то есть они описывают одни и те же факты или положения дел: «Когда два языка равны для любой возможной описательной задачи, мы говорим, что эти языки эквивалентны и что, говоря неформально, несмотря на любые различия между ними, они описывают одни и те же факты или положения дел»[198]. Альтернативные языки, о которых мы говорили при обсуждении первого тезиса метаонтологии Хирша, являются эквивалентными в данном смысле. Для любого описания какого-либо факта на одном языке, например, П-русском, всегда найдется предложение другого языка, например, Э-русского, обладающее тем же самым характером и описывающее тот же самый факт: «… два языка эквивалентны только в том случае, если они могут выражать одни и те же характеры, одни и те же

[198] Ibid., p. 350

функции от контекстов к … условиям истинности»[199]. Такие языки обладают одинаковой описательной силой, и ни один из них не является обедненным по сравнению с другим.

2. Эгалитаризм: описания фактов или положений дел на эквивалентных кванторных языках равноправны с метафизической точки зрения, ни одно не является метафизически привилегированным, то есть не описывает реальность лучше или адекватнее другого: «… когда два кванторных языка эквивалентны, нет смысла спрашивать, какой из них метафизически лучше или который лучше отражает объективную реальность»[200]. Следует подчеркнуть, что здесь идет речь только о метафизическом равенстве языков, они вполне могут быть неравными с практической точки зрения – один может быть удобнее в использовании чем другой. Например, предложения П-русского, говорящие о временных частях, являются более громоздкими, длинными и менее удобными в использовании. Гораздо проще сказать: «У Авраама Линкольна в 1860 году была борода», чем «Авраам Линкольн в 1860 году обладал временной частью, у которой была борода». Но с точки зрения правильного описания реальности эти предложения равноправны.

Утверждение о метафизической эгалитарности эквивалентных языков и вытекающая из него сильная кванторная изменчивость ($КИ_{сил}$) непосредственно ведут к дефляционному выводу относительно онтологических споров, то есть они обосновывают первый тезис метаонтологии Хирша (МХ 1) – онтологические споры носят словесный характер. Участники этих споров говорят на эквивалентных кванторных языках с разными кванторами, но ни один из языков не описывает реальность лучше другого, а значит выбор языка является чисто практическим и в этом смысле метафизически произвольным. В связи с этим тезис сильной кванторной изменчивости иногда формулируется сразу в применении к онтологическим спорам[201]:

(КИОС) Кванторная изменчивость относительно спора: (i) Плюрализм: каждому ответу в споре соответствует понятие, подобное неограниченному существованию (unrestricted-existence-like notion), при интерпретации в терминах которого этот ответ является

[199] Ibid., p. 350
[200] Ibid., p. 351
[201] Sud R., Manley D. Quantifier variance // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 p. 101

истинным, и (ii) Эгалитаризм: ни один из них не выделяется метафизически больше, чем любой другой.

Однако, как подчеркивает Хирш, существование метафизически равноправных языков приводит, в конечном итоге, к победе онтологии здравого смысла. Эта победа обеспечивается не ее метафизическим превосходством, а применением принципа доверия. Выше мы уже упоминали аргумент Хирша в пользу здравого смысла. Теперь мы можем дать его более строгую и полную формулировку[202]:

1. Без подавляющего метасемантического давления, требующего обратного, носители русского (английского) языка говорят на том возможном языке, который делает их лингвистические диспозиции наиболее разумными (поддерживается принципом доверия).

2. Нет подавляющего давления, требующего обратного (поддерживается тезисом эгалитаризма).

3. Носители русского языка имеют лингвистическую диспозицию рассматривать утверждения сторонника здравого смысла как беспроблемно верные, а выводы здравомыслящего человека – как беспроблемные (практически бесспорное эмпирическое утверждение).

4. Язык, который делает эти диспозиции наиболее разумными, – это тот, на котором эти утверждения верны, а выводы являются следствиями (inferences are entailments), если такой язык возможен (поддерживается тезисом эгалитаризма).

5. Такой язык возможен (поддерживается тезисом плюрализма).

6. Следовательно, носители русского языка говорят на языке, на котором утверждения сторонника здравого смысла верны.

7. Метафизики делают свои утверждения на русском языке.

8. Следовательно, утверждения сторонника онтологии здравого смысла истинны, а противоречащие им утверждения ложны. Кроме того, (говоря на русском) существуют, например, столы и люди, но ничего, составленного из столов и людей.

Если аргумент валиден, а его посылки истинны, то Хирш достиг одной из своих главных целей – он защитил здравый смысл и его

[202] Ibid., p. 111

онтологию, показав попутно чисто языковой характер онтологических споров.

Однако далеко не все философы примут посылки данного аргумента и обосновывающую их кванторную изменчивость. Поскольку главными для кванторной изменчивости являются положения об эквивалентности и метафизической равноправности различных кванторных языков и их кванторов, большинство критиков Хирша пытается опровергнуть именно их. Мы рассмотрим наиболее известные опровержения, начав с положения об эквивалентности.

Действительно ли такие языки, как П-русский и Э-русский, эквивалентны, и на одном из них можно выразить все то, что выразимо на другом? Некоторые критики, в частности Мэтти Эклунд[203] и Джон Готорн[204], в этом сомневаются. Они предлагают аргумент, называемый Эклундом семантическим, который должен показать, что эти и подобные языки не эквивалентны. Проблема в том, что в каждой подобной паре один из языков говорит о существовании большего числа объектов, чем второй. П-русский говорит о временных частях, другие языки будут говорить о произвольных мереологических суммах, числах[205] и т. д. Эклунд расматривает два таких языка – язык математических платонистов L_P и язык математических номиналистов L_N. Представим, что говорящий на L_N номиналист придерживается метаонтологической теории Хирша и считает свой спор с платонистом чисто словесным, а языки L_P и L_N эквивалентными. Все, что можно выразить на одном, можно выразить и на другом. Эклунд задается вопросом: можно ли на номиналистском языке L_N создать адекватную семантику для платонистского языка L_P. Возьмем, например, предложение:

(ДПЧ) Два является простым числом.
или
(ДПЧ) Прост(2).

[203] Eklund M. Carnap and Ontological Pluralism // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 145

[204] Hawthorne J. Metaphysical Essays. Oxford, Oxford University Press, 2006 pp. 59-63

[205] Эклунд при изложении семантического аргумента сравнивает языки математических платонистов и номиналистов, хотя сам Хирш не считает соответствующие языки эквивалентными, а спор сторонников этих позиций чисто словесным. Сути аргумента это не меняет, и его легко перенести на другие онтологические споры.

Для номиналиста-сторонника Хирша это предложение ложно на его собственном языке L_N, но истинно на языке L_P. То есть на L_N истинно предложение:

(ИСТдпч) «Прост(2)» истинно на L_P.

Что же из этого следует? Что может сказать носитель L_N с семантической точки зрения об истинности предложения «Прост(2)» на L_P? В семантике чрезвычайно популярна восходящая к Альфреду Тарскому идея, что (говоря обобщенно) в любом истинном субъект-предикатном предложении денотат (denotation) субъекта должен быть элементом объема (extension) предиката: «Согласно тарскианской семантике, для любого языка L субъект-предикатное предложение истинно-в-L, если и только если его субъектный термин имеет денотат-в-L, который является элементом объема-в-L его предиката»[206]. Для сингулярных терминов, например, имен то же самое верно в отношении их референтов-в-L. Предложение русского языка «Земля шарообразная» истинно в русском языке, если и только если Земля шарообразная, то есть референт слова «Земля» является элементом объема слова «шарообразная». Если на языке L_N возможна тарскианская семантика для (ДПЧ), то из истинности на L_N (ИСТдпч) должна следовать истинность предложения:

(СЕМдпч) Есть нечто, что является референтом-в-L_P субъектного термина «2».

Здесь-то и возникает проблема – номиналист должен отвергнуть истинность (СЕМдпч), поскольку он является номиналистом и отрицает существование числа 2. Термин «2» на языке L_N не обладает референтом. В связи с этим Эклунд полагает, что при составлении семантики для L_P на L_N нарушается тарскианский принцип:

(T) Чтобы предложение формы «F(a)» любого языка было истинным, сингулярный термин «a» должен обладать референтом.

Из этого можно сделать вывод, что языки L_P и L_N не являются эквивалентными, на одном из них невозможно написать адекватную семантику для другого. Номиналист-последователь Хирша

[206] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 181

«…сталкивается с неловкой ситуацией: дело в том, что ее номинализм препятствует ей не только иметь референциальные числовые термины в своем языке, но и утверждать, что любые числовые термины любого языка являются референциальными»[207].

Готорн приводит практически такой же аргумент. Он предлагает представить возможный мир, состоящий из двух ангелов, Михаила и Гавриила. Гавриил говорит: «Только два объекта существуют, я сам и Михаил», а Михаил говорит: «Три объекта существуют, Гавриил, я сам и объединение (fusion) Гавриила и меня». Они совершают и другие высказывания, в которых Михаил упоминает объединения («Это – объединение»), а Гавриил так не делает. Сторонник Хирша[208] проинтерпретирует их разногласия как чисто словесные, поскольку каждый говорит на своем языке. Однако, по мнению Готорна, языки ангелов не равноправны. Михаил может применить принцип доверия к Гавриилу и сказать на своем языке, что высказывания Гавриила истинны, просто Гавриил использует квантор существования с ограниченным доменом, который не включает объединения. Но если Гавриил захочет применить принцип доверия к Михаилу и сказать на своем языке, что высказывания Михаила истинны, он столкнется с проблемой при объяснении этой истинности, поскольку не сможет следовать принципу:

(Реф) Предложения формы «Это F», произнесенные Михаилом, истинны, если и только если Михаил ссылается на нечто с помощью слова «это».

Из этого можно сделать вывод, аналогичный выводу из аргумента Эклунда – языки Михаила и Гавриила (по сути, это языки мереологического универсалиста и его противника) не являются эквивалентными, на одном из них невозможно написать адекватную семантику для другого.

Хирш осведомлен об этих возражениях: «Возражение, которое часто выдвигалось в диалоге, заключается в том, что эта картина игнорирует фундаментальную асимметрию во взаимоотношениях между языками, асимметрию, которая фактически не позволяет

[207] Eklund M. Carnap and Ontological Pluralism // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 146

[208] Готорн называет этого воображаемого сторонника Хирша любителем конвенций (Convention Lover), намекая на защиту Хиршем здравого смысла в онтологии.

эндурантистам (носителям Э-английского) правильно понимать Р-английский… Общая проблема заключается в том, как одна сторона в споре может интерпретировать другую сторону, которая, как кажется, постулирует “больше объектов”»[209]. Но он не согласен с выводом из вышеприведенных аргументов и пытается показать, как можно написать адекватную семантику для П-русского языка на Э-русском[210]. Начинает он с постулата об альтернативности этих языков. Для любого предложения П-русского на Э-русском можно найти предложение с тем же самым характером. В связи с эти один из приемлемых, на первый взгляд, способов написать семантику П-русского на Э-русском может быть следующий:

(СемП 1) В П-русском предложение вида “а обладает в момент времени t временн**о**й частью, которая является F” имеет тот же характер, что и Э-русское предложение “а является F в момент времени t” (где F – это термин, который применяется к объекту в момент времени в силу того, каким объект является в это время). Другие формы предложений в языке функционируют очевидными способами.

Нам следует представить, что (СемП 1) дается вместе с семантикой для Э-русского на Э-русском, а значит характеры Э-русских предложений разъяснены. С одной стороны, Хирш признает, что (СемП 1) не выглядит как хорошая семантика, и вряд ли таковой является. С другой, он считает очевидным, что «любой достаточно умный носитель Э-английского языка, который руководствуется (1), возможно, дополненным несколькими хорошо подобранными примерами, сразу же сможет предоставить практически для любого предложения П-английского предложение Э-английского с тем же характером...»[211]. То есть некоторую интерпретацию П-русского носитель Э-русского предоставить сможет, но для полноценной семантики этого мало. Необходимо подобрать аналоги для П-русских предложений, в которых упоминается «референция», например предложения «В П-

[209] Hirsch E. Ontology and Alternative Languages // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford Universi-ty Press, 2009 p. 244
[210] Вновь следует напомнить, что наш обычный русский язык – это Э-русский.
[211] Hirsch E. Ontology and Alternative Languages // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 245

русском слово “бородатый” ссылается (среди многого другого) на любую из бородатых временн**ы**х частей Линкольна». На П-русском оно истинно, но не может таким быть на Э-русском, поскольку на Э-русском мы говорим, что никаких временн**ы**х частей не существует. Необходимо подобрать другое предложение с тем же характером. Хирш предлагает следующий вариант:

(СемП 2) П-русский функционирует так, как если бы пребывающие во времени объекты необходимо состояли из временн**ы**х частей, и П-русское предложение вида “В П-русском выражение e ссылается на вещи, которые являются F” имеет тот же характер, что и Э-русское предложение “В П-русском дела обстоят так, как если бы выражение e ссылалось на вещи, которые являются F”.

Ключевым в этом варианте является выражение «как если бы», которое и позволяет подобрать Э-русский аналог П-русским предложениям, в которых говорится о референции, несмотря на то, что слова и выражения П-русского ни на что не ссылаются в Э-русском смысле этого слова. Такой подход очень близок фикционализму (о нем см. главу 6), в связи с чем Хирш предлагает еще один, более обобщенный, вариант семантики:

(СемП 3) Любое П-русское предложение S имеет тот же характер, что и Э-русское предложение “При допущении пердурантизма, S”.

Данный вариант семантики Хирш считает вполне приемлемым. Однако следует отметить одну характерную особенность (СемП 3). В Э-русском основное положение пердурантизма “Пребывающие во времени объекты необходимо состоят из временн**ы**х частей” не может быть истинным, а значит предложение “При допущении пердурантизма, S” является контрвозможным (counterpossible) кондиционалом, то есть «контрфактуалом с невозможным антецедентом»[212], имеющим вид «Если основное положение пердурантизма истинно, S». Существуют разные интерпретации таких кондиционалов, но одно для Хирша несомненно: «Истинность “фикционализированного” предложения вида “При допущении A, B” (где A невозможно)

[212] Kocurek A. Counterpossibles // Philosophy Compass. 2021. № 16(11) Online Issue DOI: 10.1111/phc3.12787

зависит от истинности некоторого “прямого” предложения С, такого, что из соединения А и С В следует в некотором подходящем смысле слова “следует”. (Очевидно, это не может быть смысл, в котором из невозможности следует все)»[213]. Если вернуться к примеру с Линкольном, то можно сказать, что истинность Э-русского предложения «При допущении пердурантизма, Авраам Линкольн в 1860 году обладал временной частью, у которой была борода» зависит от истинности «прямого» Э-русского предложения «У Авраама Линкольна в 1860 году была борода». Но это предложение как раз того вида, о котором говорится в (СемП 1), а значит (СемП 1) действительно дает говорящему на Э-русском правильное представление о том, как работает П-русский язык, хотя только (СемП 3) дает правильную семантику.

Но будут ли довольны такой семантикой противники Хирша? Ведь оно по-прежнему не соблюдает тарскианский принцип (Т):

(Т) Чтобы предложение формы «F(a)» любого языка было истинным, сингулярный термин «а» должен обладать референтом.

Если принцип (Т) рассматривать как сформулированнный на Э-русском, то фикционалистская семнатика (СемП 3) для предложения П-русского языка «Авраам Линкольн в 1860 году обладал временн**о**й частью, у которой была борода» ему явно не соответствует, у словосочетания «временн**о**й частью» нет никакого референта. Хирш вынужден с этим согласиться, однако он ставит под вопрос правомерность самого принципа (Т). Он весьма популярен, но в нем отражено ошибочное, с его точки зрения, представление о функционировании нашего языка. В соответствии с ним характеры предложений генерируются снизу вверх – характер предложения зависит от определенных референциальных механизмов на уровне отдельных слов. Нам следует отказаться от такого представления и заменить его на идущее сверху вниз, то есть более холистское представление, в котором референция, если она имеется, определяется характером целого предложения: «От чего следует отказаться, так это от картины языка, в которой характеры на уровне предложений генерируются некоторыми лежащими в основе референциальными механизмами на уровне слов. Эта картина “снизу вверх” ошибочна, потому что референция слов

[213] Hirsch E. Ontology and Alternative Languages // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 247

зависит от характеров предложений»[214]. Это представление о функционировании языка Хирш называет неофрегеанским. Если мы примем неофрегеанскую картину, то нам не нужно будет искать референты для словосочетания П-русского «временн**а**я часть», мы и без этого сможем сказать (на Э-русском языке), каков характер П-русского предложения с этим словосочетанием, например, предложения:

(АЛ) Авраам Линкольн в 1860 году обладал временн**о**й частью, у которой была борода.

Этот характер тождественен характеру Э-русского предложения «У Авраама Линкольна в 1860 году была борода», как и следует из (СемП 1). П-русское словосочетание «временн**а**я часть» в рамках (АЛ) функционирует не референциально, а синкатегорематически, подобно частицам или союзам, которые не имеют самостоятельного значения, но вносят вклад в характер предложения. Вся эта разница между языками проистекает из различия кванторов данных языков: «Наше понятие "(существования) чего-либо" в Э-английском отличается от соответствующего понятия, выраженного в П-английском. Все остальные различия между языками зависят от этого»[215]. Из-за различия в кванторах на П-русском предложение: «Временн**ы**е части существуют» истинно, и можно сказать: «Словосочетание "временная часть" функционирует референциально в (АЛ) и ссылается на временн**у**ю часть Авраама Линкольна в 1860 году». На Э-русском предложение «Временн**ы**е части существуют» ложно, и следует сказать: «Словосочетание "временн**а**я часть" функционирует синкатегорематически в (АЛ) и ни на что не ссылается». Получается, что языки обладают не только разными понятиями «существования», но и разными понятиями «референции».

Хирш признает, что внутри языков референциальное объяснение характеров предложений вполне может быть естественным и предпочтительным, и мы, говорящие на Э-русском языке, можем понять, что носители П-русского имеют полное право сказать на своем языке: «Характеры предложений П-русского языка зависят от референции слов П-русского языка». Но понятие «референции» в этом предложении не будет нашим понятием. В связи с этим Хирш не отвергает принцип (Т) полностью, но считает вышеприведенную

[214] Ibid., p. 248
[215] Ibid., p. 248

формулировку слишком сильной. Правильной формулировкой будет более слабая:

($Т_{слаб}$) Чтобы предложение формы «F(a)» данного языка было истинным, сингулярный термин «a» должен обладать референтом.

В таком виде этот принцип не представляет трудностей для теории Хирша, Э-русский язык ему соответствует. Его можно назвать Т-слабым языком. На Т-слабых языках действительно невозможно дать полноценную тарскианскую семантику для всех возможных языков (как требует сильный Т принцип), но это не является недостатком, если принять неофрегеанское представление о функционировании языка: «В Э-английском, например, мы не смогли бы объяснить условия истинности (характеры) предложений на П-английском языке, апеллируя к референтам сингулярных и общих терминов … Если мы неофрегеанцы, мы не объясняем условия истинности, апеллируя к референции. Следовательно, если мы являемся неофрегеанцами, говорящими на Э-английском, мы не сталкиваемся с только что упомянутым недостатком объяснения»[216]. Подводя итог обсуждению аргументов Эклунда и Готорна, мы можем сказать, что Хирш частично соглашается с их выводами – на Т-слабых языках, к которым относится Э-русский, невозможна полноценная тарскианская семантика любых других языков, но из этого не следует, что на них вообще невозможна успешная семантика. Хирш приводит пример подобной фикционалистской семантики и считает ее успешной с неофрегеанской точки зрения.

Только что рассмотренные нами аргументы пытаются опровергнуть необходимую для Хирша эквивалентность языков, но для его метаонтологии еще необходимо, чтобы эти языки были равноправны с метафизической точки зрения – они должны описывать реальность одинаково успешно. Но разве эквивалентность языков не гарантирует этого автоматически? Если на одном языке можно сказать все, что говорится на другом, то как один из них может быть метафизически успешнее другого? Чтобы убедиться, что такая ситуация возможна, рассмотрим конкретный пример, предложенный Крисом Макдэниелом[217].

[216] Ibid., pp. 250-251

[217] McDaniel K. The Fragmentation of Being Oxford, Oxford University Press, 2017 pp. 29-30

Возьмем определения цветов, введенные Нельсоном Гудменом при обсуждении так называемой «новой проблемы индукции»[218]:

x является зелубым (grue) $=_{df.}$ x является зеленым и изучен до 3000 года н. э., или является голубым и изучен после 3000 года н. э.

x является голеным (bleen) $=_{df.}$ x является голубым и изучен до 3000 года н. э., или является зеленым и изучен после 3000 года н. э.

В нашем русском языке цветовые термины «зелубой» и «голеный» изначально отсутствуют, но могут быть введены в него с помощью приведенных стипулятивных определений. Они не являются семантически примитивными и определяются через примитивные термины «зеленый» и «голубой». Назовем русский язык, дополненный данными словами L_{green}. Теперь представим язык, в котором присутствуют семантически примитивные термины «зелубой*» и «голеный*», необходимо эквивалентные и коэкстенсивные терминам «зелубой» и «голеный» из L_{green}. Назовем этот язык L_{grue}. В этом языке присутствуют также термины «зеленый*» и «голубой*», необходимо эквивалентные и коэкстенсивные терминам «зеленый» и «голубой» из L_{green}. Но в L_{grue} они не являются семантически примитивными и определяются следующим образом:

x является зеленым* =df. x является зелубым* и изучен до 3000 года н. э., или является голеным* и изучен после 3000 года н. э.

x является голубым* =df. x является голеным* и изучен до 3000 года н. э., или является зелубым* и изучен после 3000 года н. э.

Аналогичным образом, понятия, соответствующие терминами «зелубой*» и «голеный*», являются концептуально примитивными для носителей L_{grue}. У разговаривающих на этом языке людей нет простых и примитивных понятий о зеленом и голубом цвете, они для них кажутся столь же искусственными, как для нас зелубой и голеный. Из-за различия в примитивных понятиях, «зеленый» из L_{green} и «зеленый*» из L_{grue} обладают разным значением при необходимой коэкстенсивности. Из данной коэкстенсивности следует, что языки

[218] Goodman N. Fact, Fiction, and Forecast. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1983

L_{green} и L_{grue} являются эквивалентными альтернативными языками по определению Хирша. Но для нас должно быть очевидным, что один из них описывает реальность более адекватно чем другой. «Зеленый» гораздо лучше подходит на роль примитивного термина, чем «зелубой*», поскольку он точнее отражает фундаментальную природу реальности: «Язык неполноценен, если его примитивные предикаты не являются фундаментальными. Безусловно, ошибочно думать, что язык *должен* отражать реальность в том смысле, что гарантируется соответствие между нашими словами и окружающим миром. Однако не будет ошибкой думать, что язык в каком-то отношении *ущербен* в той степени, в которой нет такого соответствия между словом и миром. Наличие примитивных, но нефундаментальных предикатов – одна из метафизически плохих черт языка»[219].

Самый известный противник Хирша, Теодор Сайдер пытается обобщить этот пример с предикатами на почти все элементы языков и, в частности, на их кванторы. Поскольку его теория была изложена в предыдущей главе, мы остановимся на ней очень кратко. Возражение Сайдера против метаонтологии Хирша можно сформулировать в виде трех основных положений:

1. Окружающий нас мир обладает фундаментальной структурой. Частью этой структуры является квантификационная структура.

2. Языки могут отражать эту структуру лучше или хуже. Если язык отражает структуру правильным образом, то его примитивные понятия «разделяют реальность на естественные части».

3. Онтологические споры не являются чисто словесными, поскольку используемый участниками споров квантор существования имеет одно и то же значение. Это происходит потому, что естественное значение обладает так называемым «референциальным магнетизмом», который перекрывает принцип доверия. Если этого не происходит при использовании онтологами естественного языка, то они могут и должны перейти на новый, онтологичекий язык, квантор существования которого разделяет реальность на естественные части, то есть правильно отражает квантификационную структуру мира.

Сам Хирш формулирует возражение Сайдера еще более сжато: «Сайдер, самый известный противник кванторной изменчивости, утверждает, что (a) мир содержит естественную квантификационную структуру и (б) существует однозначно лучший

219 McDaniel K. The Fragmentation of Being Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 30

онтологический язык»[220]. По мнению Хирша, эти два тезиса независимы друг от друга, поскольку из естественности или фундаментальности чего-либо не следует, что существует уникальный язык, репрезентирующий это наилучшим образом. В связи с этим теория кванторной изменчивости отрицает только (б), а про (а) ничего не говорит: «Кванторная изменчивость вообще не говорит о том, на что похож мир, даже о том, каков мир “на самом деле” и “сам по себе.” В нем утверждается, что, на что бы ни был похож мир, не может быть однозначно наилучшего онтологического языка для его описания. В этом утверждении не следует обнаруживать даже намека на антиреалистский взгляд, согласно которому то, что существует в мире, каким-то образом зависит от языка»[221]. В результате спор Хирша и Сайдера сводится к вопросу существования наилучшего онтологического языка, называемого Сайдером просто онтологическим (Ontologese). Мы говорили подробно об этих возражениях Хирша при рассмотрении теории Сайдера, потому скажем кратко, что они состоят в следующем:

1. Невозможно однозначно ответить на вопрос «Какой онтологический язык лучше других согласуется с мировой квантификационной структурой?», по той простой причине, что выражение «лучше других согласуется с мировой квантификационной структурой» имеет разные значения в разных языках. В каждом языке будет истинным, что именно он согласуется со структурой мира лучше всего. Здесь имеется такая же изменчивость, как и в случае с кванторами.

2. Онтологи не смогут заговорить на онтологическом языке, просто объявив об этом желании. Принцип доверия все равно возьмет верх и заставит нас признать, что эндурантист говорит на Э-русском, пердурантист на П-русском и т. д., а их споры останутся чисто словесными.

Хирш утверждает, что его теория кванторной изменчивости ничего не говорит о том, какова реальность сама по себе, но некоторые его критики, в частности Мэтти Эклунд, с этим не согласны. По мнению Эклунда, принятие кванторной изменчивости и вытекающего из нее дефляционизма неизбежно ведет к представлению о реальности как аморфной глыбе (amorphous lump): «Дефляционный онтолог, напротив, придерживается “картины реальности как аморфной

[220] Hirsch E. Quantifier Variance and Realism. Essays in Metaontology Oxford, Oxford University Press, 2011 p. xiii
[221] Ibid., p. xiii

глыбы”, как выразился Майкл Даммит... Дефляционная концепция также иногда описывается с использованием “метафоры формочки для печенья”, согласно которой реальность, рассматриваемая сама по себе, подобна некоторому аморфному тесту, а наши концепции подобны формочкам для печенья, разделяющим реальность на объекты»[222]. В соответствии с метаонтологией Хирша, в различных и при этом метафизически равноправных языках имеются разные понятия о «существовании», «референции», «объектности» и т. д. В связи с этим невозможно однозначно ответить на вопрос, сколько и какие объекты существуют в мире – ответ будет зависеть от выбора языка. Это не является прямым опровержением теории, но может сделать ее непривлекательной для многих философов, которым подобное представление о мире покажется слишком антиреалистским. Теодор Сайдер солидарен с этой оценкой теории кванторной изменчивости. Сторонник этой теории (вариантист) должен рассматривать мир как безобъектный на фундаментальном уровне; он вынужден будет сказать приблизительно следующее: «В моем фундаментальном описании мира мне не нужны объекты. Мир, по сути, состоит из распределения свойств в пространстве-времени. Затем поверх этого фундамента можно различными способами ввести обычное понятие объекта»[223]. Сайдер полагает, что такая позиция непривлекательна и даже внутренне противоречива: какие-то объекты вариантист должен постулировать, будь это точки или регионы пространства-времени, числа, функции, векторы или другие абстрактные объекты. Квантификация по ним присутствует во всех наших фундаментальных теориях мира и обойтись без нее невозможно. Хирш с такой оценкой не согласен. Хотя он подчеркивает, что кванторная изменчивость ничего не говорит непосредственно о том, каков наш мир на фундаментальном уровне, из нее вытекает определенная картина мира. Она является реалистской – мир в ней не зависит от нас, от нашего выбора того или иного языка для его описания. Однако лучше всего представлять мир как набор независимых от нас неструктурированных фактов, которые мы можем структурировать по-разному, выбрав определенный язык описания и сказав, что существуют такие-то объекты: «… как только мы примем кванторную изменчивость, нет смысла пытаться придерживаться сформированных языком фактов, которые существуют в

[222] Eklund M. The Picture of Reality as an Amorphous Lump // Sider T., Hawthorne J., Zimmerman D. (eds.) Contemporary Debates in Metaphysics. Malden, Blackwell Publishing, 2008 p. 383

[223] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 183

мире независимо от языка. Однако мы можем сохранить понятие неструктурированного факта. Я думаю, что это действительно наше самое основное понятие “реальности”, “мира”, “такого, какой он есть”, и это понятие может оставаться неизменным при любых изменениях в нашем представлении “вещей, которые существуют”»[224]. То есть никакого антиреализма из теории Хирша не вытекает, с чем согласны и многие комментаторы его работ. Например, Филлип Брикер в статье «Онтологическое обязательство» из Стэнфордской энциклопедии философии пишет так: «Реализм Хирша резко контрастирует с антиреализмом Карнапа. Для Карнапа различные языковые каркасы несоизмеримы. Они мирно сосуществуют, логически изолированные друг от друга. Кажущиеся онтологические споры бессмысленны из-за отсутствия общего предмета, единой “реальности”, которая оспаривается. С другой стороны, по Хиршу каждая сторона в онтологическом споре истинно говорит об одной-единственной реальности. Видимость подлинного спора возникает из-за того, что они говорят на разных языках, кванторы которых имеют разные значения… Разногласия возникают из-за значения слов, а не из-за природы реальности»[225].

В заключение главы мы кратко остановимся на методологических принципах, которых, с точки зрения Хирша, следует придерживаться онтологам при разрешении многих споров о существовании. Этих принципов два, и применение того или иного зависит от характера конкретного спора. Первый принцип можно назвать карнаповской толерантностью[226]:

(КТ) Карнаповская толерантность: участникам спора следует признать, что обе стороны правы.

Следование (КТ) уместно, когда оспариваемое утверждение о существовании чего-либо является двусмысленным и не имеет однозначной интерпретации на обычном русском (английском и т. д.) языке. В таком случае нет четкого разделения онтологических

---

[224] Hirsch E. Quantifier Variance and Realism // Hirsch E. Quantifier Variance and Realism. Essays in Metaontology Oxford, Oxford University Press, 2011 p. 79

[225] Bricker, Phillip, "Ontological Commitment", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/ontological-commitment/>.

[226] Hirsch E. Quantifier Variance and Realism // Hirsch E. Quantifier Variance and Realism. Essays in Metaontology Oxford, Oxford University Press, 2011 p. 82

позиций на ревизионистские и следующие здравому смыслу, и участникам спора следует применить принцип доверия и признать, что каждая из сторон говорит истину на своем языке.

Второй принцип можно назвать принципом обыденного языка или следования здравому смыслу:

(ЗС) Здравый смысл: участникам спора следует признать, что права сторона, следующая здравому смыслу.

Следовать данному принципу необходимо, когда для соответствующих слов и выражений естественного языка возможна лишь одна интерпретация, и одна из сторон диспута говорит нечто абсурдное с точки зрения здравого смысла. В соответствии с (ЗС) позиции пердурантизма, мереологического нигилизма и универсализма неверны и должны быть отвергнуты. Если же сторонники этих позиций продолжают их придерживаться, то они, помимо прочего, совершают методологическую ошибку, поскольку считают, что онтологические вопросы являются сложными метафизическим вопросами, которые нельзя решить простым обращением к обычному словоупотреблению: «Что может помешать этому диспутанту просто согласиться с обычным употреблением и здравым смыслом, так это неявное предположение о том, что любой вопрос онтологии должен быть в высшей степени теоретическим, потому что любой такой вопрос касается того, как описать мир в терминах метафизически привилегированного смысла квантора»[227]. Здесь явно подразумевается позиция Теодора Сайдера, который считает, что онтологические вопросы являются эпистемически метафизическими, они должны формулироваться на специальном онтологическом языке, кванторы которого разделяют реальность на естественные части, и их нельзя решить простым применением эмпирических или концептуальных методов. Необходима долгая и трудная метафизическая работа по выявлению наилучшей теории и ее онтологических обязательств. Одно из преимуществ дефляционизма заключается в том, что для многих споров вся эта работа оказывается ненужной, что не только позволяет получить ответы на соответствующие онтологические вопросы, но и экономит время и усилия философов, которые могут обратиться к тем проблемам, для которых дефляционное решение не подходит. К этим проблемам Хирш относит, например, существование чисел и других

[227] Ibid., p. 83

абстрактных объектов или существование Бога. В связи с этим он дает еще одну методологическую рекомендацию – невозможно заранее сказать, применим ли дефляционизм к каким-то онтологическим проблемам или нет, каждый случай необходимо исследовать индивидуально: «Однако я просто завершу это обсуждение, подчеркнув важность того, чтобы не предполагать, что карнаповский подход либо верен для всех онтологических вопросов, либо не верен ни для одного из них. Нужно изучить каждый случай и посмотреть, существует ли правдоподобная интерпретация, при которой обе стороны окажутся правы»[228].

Список литературы

1. Eklund M. The Picture of Reality as an Amorphous Lump // Sider T., Hawthorne J., Zimmerman D. (eds.) Contemporary Debates in Metaphysics. Malden, Blackwell Publishing, 2008 pp. 382-396

2. Finn S., Bueno O. Quantifier Variance Dissolved // Royal Institute of Philosophy Supplement. 2018. № 82. pp. 289–307

3. Jiang A. Against Hirsch's metaontological deflationism // Synthese. 2021. № 199. pp. 14333–14348

4. Hirsch E. Ontological Arguments: Interpretive Charity and Quantifier Variance // Sider T., Hawthorne J., Zimmerman D. (eds.) Contemporary Debates in Metaphysics. Malden, Blackwell Publishing, 2008 pp. 367-381

[228] Hirsch E. Ontology and Alternative Languages // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 pp. 255-256

5. Hirsch E. Ontology and Alternative Languages // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 pp. 255-256

6. Hirsch E. Physical-Object Ontology, Verbal Disputes, and Common Sense // Philosophy and Phenomenological Research. 2005. № 70(1). p. 71

7. Hirsch E. Quantifier Variance and Realism. Essays in Metaontology Oxford, Oxford University Press, 2011

8. Hirsch E. Three Degrees of Carnapian Tolerance // Blatti S., Lapointe S. (eds.) Ontology after Carnap. Oxford, Oxford University Press, 2016 pp. 105-121

9. Hirsch E., Warren J. Quantifier variance // Kusch M. (ed.) The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism London, Routledge, 2020 pp. 349-357

10. Sud R., Manley D. Quantifier variance // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 pp. 100-117

Глава 5. Легкая онтология Э. Томассон

Метаонтологическая теория Эми Томассон является дефляционной, поскольку в ее рамках онтологические вопросы, то есть вопросы существования, обесценены – лишены той глубины и трудности, которые приписываются им в рамках неокуайновской парадигмы, а значит ответить на них весьма просто. В связи с этим Томассон называет свою теорию[229] легкой онтологией: «Я называю это “легким” подходом к вопросам существования, поскольку он подразумевает, что те вопросы существования, которые имеют смысл, не являются глубокими и трудными темами для метафизических споров, а скорее вопросами, которые должны быть решены прямолинейно, используя нашу концептуальную компетентность, часто сочетая это с эмпирическими исследованиями»[230]. В обобщенном виде теорию

[229] Следует помнить, что название «легкая онтология» принадлежит метаонтологической, а не онтологической теории Томассон.
[230] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 20

можно сформулировать следующим образом (более точную формулировку мы дадим по ходу главы)[231]:

(ЛО) На осмысленные и полностью уточненные вопросы существования можно легко ответить, используя концептуальную компетентность или/и эмпирические исследования.

Теорию (ЛО) можно отнести к неокарнаповской парадигме, сама Томассон считает ее продолжением и развитием метаонтологии Рудольфа Карнапа. Она уверена, что метаонтологические взгляды Карнапа до сих пор неверно интерпретировались и ассоциировались с антиреализмом и верификационизмом: «… я утверждаю, что первоначальная позиция Карнапа часто отвергалась, потому что ее ошибочно ассоциировали с верификационизмом и антиреализмом. Но я буду утверждать, что существует способ интерпретации Карнапа, при котором его точка зрения не опирается на верификационизм и не ведет к антиреализму. Затем подход Карнапа был отброшен в сторону и забыт, учитывая распространенное предположение, что Куайн победил в дебатах Карнапа-Куайна и сделал мир безопасным для трудной метафизики»[232]. Поскольку теория Томассон основана на реинтерпретации теории Карнапа, то прежде, чем говорить о легкой онтологии, мы кратко рассмотрим, как именно Томассон понимает позицию Карнапа, и как эта интерпретация ведет ее к построению собственной теории.

В первой главе мы рассказывали про традиционное прочтение метаонтолгических взглядов Карнапа, которое Томассон считает ошибочным. Как мы помним, Карнап делил все онтологические вопросы на внутренние и внешние. Внутренние формулируются и отвечаются в рамках определенных языковых каркасов, они осмысленны и легитимны. Внешние, которые формулируются вне какого-либо языкового каркаса, лишены смысла и являются метафизическими псевдо-вопросами, ответить на которые невозможно. Или же их можно считать прагматическими вопросами о целесообразности принятия нами того или иного каркаса.

Приверженцы неокуайновской парадигмы, то есть сторонники тяжелой метафизики (hard metaphysics), интерпретировали это деление неправильно. Они утверждали, что у Карнапа:

---

[231] Ibid., p. 20
[232] Ibid., pp. 29-30

1. Ответы на внутренние вопросы не могут дать нам информацию о том, что объективно существует. Все существующее оказывается таковым лишь в рамках языковых каркасов. Позиция Карнапа становится антиреалисткой: «… идея о том, что ответы на внутренние вопросы должны быть даны “внутри лингвистической структуры”, опирается на некоторую форму антиреализма. Эта линия беспокойства может проявляться одним из двух способов: либо считается, что эта точка зрения подразумевает, что то, что есть (или что определенные спорные вещи: свойства, числа и т. д.), зависит от того, какой языковой каркас мы принимаем, что приводит к неприемлемому идеалистическому тезису. Или, во-вторых, считается, что эта точка зрения подразумевает, что мы не можем ответить на реальный вопрос метафизика: “что действительно существует вне всех каркасов?” – а только на неинтересные вопросы о том, что существует в соответствии с тем или иным каркасом»[233].

2. Провозглашение внешних вопросов псевдо-вопросами опирается на давно дискредитированный верификационизм – вопросы бессмысленны, поскольку не могут быть эмпирически верифицированы, то есть соотнесены с нашим опытом.

Томассон предлагает другое понимание Карнапа, которое должно объяснить деление вопросов на внутренние и внешние без антиреализма и верификационизма: «Существует простой, прямолинейный способ понимания различия внутренние/внешние, который может объяснить, почему на внутренние вопросы легко ответить, а внешние вопросы (теоретически понятые) являются псевдо-вопросами, без обращения к чему-либо вроде антиреализма или верификационизма»[234]. Основная идея новой[235] интерпретации заключается в

[233] Ibid., pp. 34-35

[234] Ibid., p. 35

[235] Томассон не претендует здесь на оригинальность и ссылается на Хью Прайса, предлагающего похожую интерпретацию. В частности, Прайс писал следующее: «На мой взгляд, полезно сформулировать точку зрения Карнапа в терминах различия между использованием и упоминанием. Законное использование таких терминов, как “число” и “материальный объект”, обязательно является внутренним, поскольку именно соответствие (более или менее) правилам рассматриваемого каркаса представляет собой использование. Но как внутренние вопросы, отмечает Карнап, эти вопросы не могли бы иметь того значения, которое им придает традиционная метафизика. Метафизика пытается локализовать их где-то в другом месте, но тем самым допускает ошибку использования-упоминания. Единственные законные внешние вопросы просто упоминают рассматриваемые термины» (Price H. Metaphysics after Carnap: The Ghost Who Walks // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds).

понимании различия внутренние/внешние в терминах использование/упоминание. Внутренние вопросы ставятся в рамках определенного языкового каркаса, то есть с *использованием* соответствующих терминов (число, свойство, материальный объект). Это использование управляется определенными правилами, которые задаются языковым каркасом. Например, каркас языка чисел позволяет нам при принятии предложения «На столе пять книг» ввести новый существительный термин (noun term) «число» и сказать, что «Число книг на столе равно пяти» или «Пять – это число». Затем мы можем ввести термины для свойств новых сущностей («четное», «простое» и т. д.), переменные, значениями которых могут быть числа, квантификацию по числам и т. д[236].

Как только правила языкового каркаса введены в действие, мы можем начать использовать подчиняющиеся этим правилам термины и без проблем оценивать истинность предложений существования, содержащих данные термины. Например, мы можем оценить истинность предложения «На столе лежит книга», используя простейшие эмпирические методы (с помощью нашего зрения, осязания и т. д.), поскольку это позволяют нам правила использования слов «стол», «книга», «лежит». А истинность предложения «Есть простое число между двумя и пятью» можно оценить с помощью математических доказательств, поскольку таковы правила, управляющие числовыми терминами. Таким же образом мы отвечаем на общие вопросы существования – используя правила для терминов вместе с обычными правилами дедукции. Из предложения «Есть простое число между двумя и пятью» правила позволяют вывести общее предложение «Есть по крайней мере одно число» или «Есть по крайней мере один

Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 324).

[236] Карнап формулирует правила для языкового каркаса чисел следующим образом: «В качестве примера системы, имеющей скорее логическую, чем фактическую природу, возьмем систему натуральных чисел. Каркас этой системы строится посредством введения в язык новых выражений с соответствующими правилами: (1) выражений чисел, подобных «пять», и форм предложений, подобных «на столе находится пять книг»; (2) общего термина «число» для новых объектов и форм предложений, подобных «пять есть число»; (3) выражений для свойств чисел (например, «нечетное», «простое»), отношений (например, «больше чем»), функций (например, «плюс») и форм предложений, подобных «два плюс три есть пять»; (4) числовых переменных («m», «n» и т. д.) и кванторов для общих предложений («для каждого n, ...») и экзистенциальных предложений («существует n такое, что…») с обычными правилами дедукции» (Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Издательство иностранной литературы, 1959, с. 303).

математический объект». Определение истинности предложений и выведение одних из других не представляют труда[237] для компетентных носителей языка, поскольку управляются набором простых и понятных правил использования тех или иных терминов: «… мы можем легко понять, почему на вопросы, задаваемые в рамках – или лучше сказать *с использованием* – языковых каркасов, легко ответить. Например, сами правила введения языка свойств (в сочетании с “обычными дедуктивными правилами”) позволяют нам делать вывод из обычной истины, такой как “дом красный”, что “дом обладает свойством быть красным” и, таким образом, давать простой утвердительный ответ на общий вопрос (задаваемый внутренне) “Есть ли свойства?”»[238]. Томассон подчеркивает, что Карнап не скатывается здесь в субъективизм – наши разговоры о свойствах действительно зависят от языковых правил, но сами свойства от них независимы и остаются объективными. Антиреализма у него тоже нет – *высказывания* о существовании тех или иных объектов совершаются нами в рамках языковых каркасов по определенным правилам. Но *сами объекты* существуют не в рамках этих каркасов, подобно тому, как персонажи романа существуют лишь в соответствии с выдуманной автором историей. Они существуют независимо от языка. Антиреалистское прочтение Карнапа – распространенная ошибка, которую нужно исправить: «Такое распространенное неправильное толкование, по-видимому, отчасти стоит за общим сопротивлением точке зрения Карнапа. Вместо этого суть заключается в простом, почти тривиальном наблюдении, что для того, чтобы вопрос был задан осмысленно, термины в нем должны регулироваться правилами использования: мы должны использовать языковой каркас, чтобы задать (внутренний) вопрос о существовании»[239]. Но вопрос может касаться объективного, независимого от всяких каркасов существования.

Внешние вопросы являются у Карнапа псевдо-вопросами не из-за того, что они не могут быть верифицированы. Задавая внешний вопрос о существовании чего-либо, мы пытаемся использовать термин («число», «свойство» т. д.) без каких-либо правил[240]. Но без них

---

[237] Речь здесь идет лишь об отсутствии принципиальных трудностей, поскольку соответствующие эмпирические исследования или дедуктивные выводы могут быть весьма нелегким делом, требующим приложения значительных усилий.

[238] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 37

[239] Ibid., pp. 34-35

[240] Если бы мы задавали их по правилам, то ответить на них было бы очень просто и вопросы были бы не внешними, а внутренними.

термин становится бессмысленным и на вопрос невозможно ответить, как нельзя ответить на вопрос «Существуют ли хаусады?», поскольку нам неизвестны правила, управляющие термином «хаусады», а значит этот термин лишен для нас смысла. Единственное отличие в том, что философам слова «число» или «свойство» кажутся осмысленными даже при внешнем употреблении, поскольку они и все мы знакомы с соответствующими языковыми каркасами, в рамках которых эти слова действительно осмысленны. Однако мы можем истолковать внешние вопросы прагматически: мы можем сказать, что соответствующие термины в них не используются, а только упоминаются. В такой ситуации использование терминов не должно будет подчиняться правилам языковых каркасов. Мы можем спросить: «Нужно ли нам слово "хаусады"?» и предложить набор правил для него, но в самом вопросе это слово не должно подчиняться предложенным правилам, так как оно не используется, а упоминается. Философы (если мы интерпретируем их по принципу доверия) таким же образом упоминают спорные термины «число», «пропозиция», «произвольная мереологическая сумма» и т. д., когда задают внешние вопросы о существовании вроде вопроса: «Нужно ли нам слово "число"?». В результате трудные метафизические споры сводятся к прагматическим спорам о языке: «… с этой точки зрения номиналиста в философии математики лучше всего рассматривать как предлагающего нам отказаться от использования числовых терминов в качестве существительных и вместо этого обойтись номиналистическим языком»[241].

Свою метаонтологическую теорию Томассон строит на основе изложенной нами интерпретации Карнапа. Главная для нее идея Карнапа заключается в том, что при внутреннем использовании терминов мы используем их по определенным правилам. Томассон развивает эту идею и формулирует теорию, которую можно представить в виде трех главных тезисов:

(MT 1) Слово «существует» управляется правилом использования, выраженным в схеме E, где «K» – общее существительное, а «Ks» – его множественное число.

[241] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 41

E: Ks существуют, если и только если условия применения (application conditions), актуально ассоциированные с «K», выполнены.

(MT 2) На осмысленные и полностью уточненные вопросы существования можно легко ответить, используя концептуальную компетентность или/и эмпирические исследования.

(MT 3) Значительное число онтологических споров может быть решено с помощью тривиальных аргументов из бесспорных посылок.

Мы подробно рассмотрим все три тезиса, начав с первого, который является центральным для всей теории. Из первого тезиса видно, что Томассон радикально переосмысляет роль квантора существования. Согласно неокуайновской парадигме, он присутствует во всех подлинных утверждениях о существовании (в канонической нотации) и сигнализирует о наличии у нас онтологических обязательств признать существование тех сущностей, по которым пробегает связанная квантором переменная. Даже такие противники ортодоксии, как Эли Хирш, все свое внимание сосредотачивают именно на нем – онтологические споры для Хирша являются чисто словесными, поскольку квантор существования может иметь разные и при этом равноправные значения. Но в (MT 1) и схеме E квантор вообще не упоминается, а главную роль играют общие существительные и их условия применения. Как же Томассон обосновывает такой отход от ортодоксальной позиции?

По ее мнению, слово «существует» является чисто формальным термином. Это слово не нацелено на описание каких-либо характеристик объектов, оно не является предикатом первого порядка: «“Существует” просто не выполняет ту же функцию, что парадигмальные предикаты первого порядка, такие как “красный”»[242]. «Существует» является предикатом второго порядка, с чем согласны многие известные философы, в том числе и Карнап, полагавший, что «…утверждение о том, что существует человек (∃x(Hx)), эквивалентно утверждению второго порядка о том, что класс людей непустой или что свойство или понятие Человек инстанцированы»[243]. Томассон в

[242] Ibid., p. 84
[243] Ibid., p. 84

целом согласна с этой позицией, она принимает так называемый тезис Канта-Фреге:

(ТКФ) Существование является предикатом второго порядка, предикатом понятий, пропозициональных функций, свойств и т. д.

Однако прежние формулировки тезиса кажутся ей неудачными. Возьмем, например, вариант (ТКФ), который считает существование предикатом понятий (concepts): утверждение о существовании чего-либо необходимо эквивалентно утверждению о том, что соответствующее понятие инстанцировано. Но что это понятие из себя представляет? Если мы будем считать его некоей ментальной сущностью, то нам придется отвергнуть эквивалентность, так как объект может существовать и в том возможном мире, где понятие о нем отсутствует (например, потому, что в этом мире вообще нет мыслящих существ). Чтобы избежать проблемы, мы можем занять платонистскую позицию, но это приведет к собственным трудностям. Нам надо будет объяснять природу объективно существующих понятий, доказывать их существование и т. д. Кроме того, наша позиция станет для номиналистов неприемлемой по умолчанию. Подобные трудности возникают со свойствами, пропозициональными функциями и другими объективными сущностями. В связи с этим Томассон считает целесообразным использовать в формулировке (МТ 1) термины («общие существительные»), а не свойства. Но и при таком подходе нужна осторожность. Мы не можем просто сказать, что утверждение «Ks существуют» эквивалентно утверждению «Термин “K” обладает непустым экстенсионалом», поскольку Ks могут существовать в возможных мирах, где нет термина «K». Проблем можно будет избежать, если мы прибегнем к так называемым «условиям применения» термина. Все общие существительные подчиняются определенными конститутивными правилами, частью которых являются условия применения, говорящие нам, в каких ситуациях применимо данное существительное. Например, слово «мяч» применимо, когда имеется сплошной или полый внутри шар из какого-нибудь упругого материала, отскакивающий от твердой поверхности. Чтобы не возникла проблема возможных миров, в которых термин «K» не существует или имеет другие условия применения, необходимо ригидифицировать наше упоминание этих условий, то есть привязать его к актуальному миру: Ks существуют, если и только если условия применения, *актуально ассоциированные* с «K», выполнены. Сплошной или полый

внутри шар из какого-нибудь упругого материала, отскакивающий от твердой поверхности, может существовать в возможном мире w_1, в котором нет нашего слова «мяч» или в котором этим словом обозначается что-то другое. Но само наличие шара с такими характеристиками означает, что актуальные условия для слова «мяч» в w_1 выполнены, а значит мячи в нем существуют. Необходимая эквивалентность не нарушена, и мы имеем полное право сказать:

($E_{мяч}$) Мячи существуют, если и только если есть сплошной или полый внутри шар из какого-нибудь упругого материала, отскакивающий от твердой поверхности.

Как мы видим, утверждения о существовании формулируются с помощью условий применения общих существительных. Какая же роль остается для квантора существования? В принципе, мы можем сохранить ортодоксальную эквивалентность между квантифицированными утверждениями и утверждениями о существовании, но они по-прежнему будут разъясняться через условия применения, и мы получим следующий вариант схемы E:

(E*) $\exists x(Kx)$, если и только если условия применения, актуально ассоциированные с «K», выполнены.

Против данной схемы есть еще одно возражение. Может показаться, что она неправомерно приравнивает утверждения о существовании объектов к утверждениям, касающимся условий применения терминов, но, когда мы говорим, что нечто существует, мы говорим об окружающем нас мире, о том, что этот мир содержит, а не о терминах нашего языка и их применении к объектам. В связи с этим следует подчеркнуть, что схема E **не** утверждает синонимию между «Ks существуют» и «Условия применения, актуально ассоциированные с «K», выполнены». Сказать о существовании Ks, не значит сказать, что актуальные условия применения термина «K» выполнены. Вместо этого схема E показывает нам, как перейти от упоминания термина «K» к его использованию – мы имеем право пользоваться термином «K» и заявлять о существовании Ks, когда выполнены актуальные условия применения данного термина. Другими словами, схема E дает нам правило использования слова «существует», как и сказано в (MT 1), первом тезисе метаонтологии Томассон. Она пишет об этом следующее: «Схему эквивалентности, включающую

“существует”, не следует воспринимать как сообщение о синонимии. Вместо этого схема (E) демонстрирует связь между правилами использования, которая позволяет нам перемещаться вверх и вниз по семантической лестнице, от упоминания терминов и оценки того, выполняются ли условия их применения, до использования этих терминов при обсуждении того, существуют ли сущности такого рода. Пока эти термины используются, утверждения, сделанные с их использованием, действительно, как и хотел бы критик, относятся к миру, а не к языку»[244].

Тезис (МТ 1) можно рассматривать как дефляционный взгляд на слово «существует» и квантор ∃, подобный дефляционной теории истины. Все дефляционные теории истины придерживаются в том или ином виде трех основных положений[245]:

1. То, чем является истина, исчерпывается схемой, наподобие следующих:

(СЭ) Пропозиция, что p истинна ≡ p
(СР) «p» истинно ≡ p

Первая представляет собой схему эквивалентности, в ней «истинна» применяется к пропозициям. Вторая называется схемой раскавычивания, и в ней «истинно» применяется к предложениям.

2. Истина представляет собой экспрессивное средство, которое можно использовать вместо бесконечных дизъюнкций и конъюнкций. Например, католик, верящий в непогрешимость папы римского, может сказать: «Все, что говорит папа, истинно» вместо перечисления всего того, что сказал папа и что может быть полностью ему неизвестно. Истина не играет какой-то существенной и глубокой объяснительной роли.

3. Истина не является свойством или же подлинным, содержательным (genuine, substantive) свойством. Она не обладает какой-либо природой, о которой можно сказать что-либо содержательное.

Дефляционная теория существования придерживается трех аналогичных положений:

1. То, чем является существование, исчерпывается схемой E или E*.

---

[244] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 87
[245] Eklund M. What is deflationism about truth? // Synthese. 2021. № 198(Suppl 2) p. 632-633

2. Существование представляет собой экспрессивное средство. Томассон замечает, что слово «существует» в нашей обыденной речи чаще всего используется в отрицаниях, которые должны указать людям на их ошибки: «Как правило, они используются для того, чтобы разуверить слушателей в ошибках, которые, по нашему мнению, они совершают, [в тех случаях, когда] люди говорят о чем-то (или рисуют, или...), а на самом деле они совершают ошибку, рассказывают историю, притворяются или что-то в этом роде»[246]. Позитивные утверждения о существовании, в свою очередь, могут использоваться для отрицания отрицаний, которые мы считаем ошибочными. Наиболее типичная ситуация, в которой теист скажет: «Бог существует» – это спор с отрицающим его существование атеистом.

3. Существование не является свойством или же подлинным, содержательным свойством. Оно не обладает какой-либо природой, о которой можно сказать что-либо содержательное. В связи с этим легкая онтология отвергает все предлагавшиеся ранее содержательные критерии существования – независимость от сознания, каузальная эффективность, нахождение в пространстве-времени и т. д. «Природа» существования может быть понята через набор банальностей, таких как схема Е.

Поскольку понятие условий применения является центральным для метаонтологии Томассон, мы остановимся на нем подробнее. Их можно кратко определить следующим образом:

(УП) Условия применения термина – некоторые базовые правила использования данного термина, которые являются частью набора правил, конституирующего значение термина.

В случае сортальных[247] терминов условия применения являются условиями наличия/отсутствия референции: если условия в

[246] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 pp. 87-88
[247] Сорталии или сортальные термины – это общие существительные, с которыми ассоциированы принципы индивидуации и критерии тождества обозначаемых ими объектов. Говоря более строго, мы можем определить сорталии так: «Если «F» является сортальным термином (термином, соответствующим сортальному понятию), тогда выражения вида «это F», «то F», «такое-то F» могут быть использованы для выделения индивидуального объекта (принцип индивидуации) таким образом, что появляется возможность определить, что считается тем же самым индивидуальным

какой-то ситуации выполнены, то употребленный в данной ситуации термин является референциальным и ссылается на объект. Например, условия применения сортального термина «кошка» в актуальном мире выполняются во многих ситуациях, и его употребления в них будут референциальными. Однако условия применения сортального термина «единорог» в нашем мире не выполняются никогда, и все употребления термина (если он употребляется именно как сортальный термин) не являются референциальными[248].

Овладение условиями применения слов является частью процесса овладения языком: дети могут узнать, какими правилами управляется то или иное слово, наблюдая за взрослыми и пытаясь употреблять слово самостоятельно. Взрослые корректируют это употребление и исправляют ошибки детей. В результате этого процесса компетентный носитель языка может сказать, применимо ли данное слово, и является ли оно референциальным в какой-либо актуальной или гипотетической ситуации. Если да, то он имеет полное право заявить, что в данной ситуации «Есть некоторое К» («There is a K»). Затем, пользуясь простыми концептуальными взаимосвязями между утверждениями, он сможет сказать, что «Ks существуют» («Ks exist»).

Более точно мы можем охарактеризовать условия применения терминов следующим образом:

1. Условия применения – это семантические правила использования, которыми овладевают говорящие, но эти правила не обязательно должны принимать форму необходимых и достаточных условий и не обязательно должны быть поддающимися формулировке.

Многие компетентные носители не в состоянии сформулировать точные условия применения для самых простых и

объектом, который был выделен, а что – нет (критерий тождества)» (Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 140 https://philpapers.org/rec/KONVEB). Сортальными терминами будут, например, «телевизор», «стол», «кошка», так как, опираясь на определенные свойства (для каждого случая разные), мы без труда сможем указать, сколько собак, кошек или телевизоров присутствует в каком-либо месте. Но термин «красная вещь» сортальным **не** будет, так как, указывая на стол красного цвета, мы не можем с уверенностью сказать, сколько точно красных вещей у нас имеется: являются ли ножки стола, столешница и сам стол разными красными вещами или одной единственной вещью?

[248] Это упрощенный пример, в нем не рассматривается возможность того, что термин «единорог» ссылается на актуально существующие фиктивные объекты. О фиктивных объектах подробнее см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 92-111 https://philpapers.org/rec/KONVEB

распространенных слов, однако они могут с уверенностью применять данные слова в различных ситуациях: «Условия применения следует рассматривать как семантические правила, аналогичные грамматическим правилам; точно так же, как компетентные носители языка должны быть мастерами следования грамматическим правилам, но необязательно уметь их формулировать (хотя, вероятно, именно нормативные практики этих носителей языка в устной речи, исправление речи других и т. д., фиксируют грамматические правила для конкретного языка), компетентные носители языка должны быть мастерами в следовании семантическим правилам, но не обязательно уметь их формулировать»[249]. Более того, вполне возможно, что условия применения каких-либо слов не могут быть сформулированы в принципе: как минимум, каждый язык содержит определенный набор базовых слов, то есть таких, которые нельзя выучить, выучив их словесное определение. В этих случаях носители языка овладевают базовыми словами через остенсивное определение или сравнение с парадигмальными случаями, а некоторые слова могут оказаться врожденными в том смысле, что человек с рождения обладает концептуальной ролью, которую остается только связать с определенным сочетанием звуков[250]. Подводя итог описанию первой характеристики условий применения, Томассон пишет: «Короче говоря, вместо того, чтобы думать об условиях применения как об определениях, которые могли бы процитировать компетентные говорящие (или кто-либо другой), мы должны вместо этого думать о них как о правилах, определяющих, когда уместно и неуместно использовать термин, которым говорящие овладевают, приобретая компетентность в применении и отказе от [применения] нового термина в различных ситуациях, и которые (после освоения) позволяют компетентным носителям языка оценить, будет ли этот термин надлежащим образом применяться в ряде реальных и гипотетических ситуаций»[251].

2. Условия применения – это не просто условия, при которых у нас имелись бы свидетельства о применимости данного термина, а скорее условия, при которых применение этого термина было бы правильным.

[249] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 92

[250] Томассон ссылается на работу Сюзан Кэри: Carey S. The Origin of Concepts. Oxford, Oxford University Press, 2009

[251] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 93

Другими словами, условия применения носят нормативный характер. Они не просто говорят нам, как мы можем узнать, применим ли термин в тех или иных ситуациях, они дают нам *нормативные* основания для применения терминов в этих ситуациях. Если условия выполнены, то у нас есть полное право использовать слово.

3. Условия применения не обязательно должны быть дескриптивными, они могут включать отсылки к экспертному мнению и самому миру.

Третья характеристика необходима, чтобы сделать метаонтологию Томассон совместимой с популярными экстерналистскими и каузальными теориями референции для терминов естественных видов. Например, условия применения для «утконос» или «тигр» не ограничиваются описаниями анатомических и физиологических особенностей данных биологических видов, поскольку новые научные открытия могут коренным образом изменить наши представления об этих особенностях. Однако термины в этом случае своего значения не изменят, и их по-прежнему можно будет применять к утконосам и тиграм, поскольку их условия применения отсылают к мнению ученых-биологов и к самому окружающему нас миру, который содержит два биологических вида, обозначаемых словами «утконос» и «тигр». Как пишет Томассон: «Там, где термины имеют отсылающие-к-миру [world-deferential] правила, подобные этим, мы можем обратиться к миру (или к экспертам, обладающим специальными знаниями о мире), чтобы выяснить, что именно отличает вид *утконосов* от других биологических видов, каковы его существенные особенности и так далее»[252].

4. Условия применения **не** могут принимать следующую форму:

(СУЩ) «“K” применим, если и только если Ks существуют».

Утверждение подобной формы всегда истинно, но не является условием применения.

Данная особенность является ключевой для метаонтологии Томассон. Если для некоторых слов нельзя найти других условий применения, кроме (СУЩ), то все попытки Томассон дать

[252] Ibid., p. 94

дефляционное истолкование «существует» и квантора ∃ потерпят неудачу: «Чтобы показать, что мы можем использовать E для получения легкого подхода к вопросам существования, я должна показать, как мы можем надеяться понять условия применения термина “K” без включения в них требования о существовании Ks (хотя их выполнение, конечно, *влечет за собой* существование Ks – учитывая соответствующие концептуальные связи)»[253]. Для доказательства четвертого пункта Томассон последовательно приводит примеры условий применения для основных видов терминов, хотя и напоминает, что в соответствии с первым пунктом условия не обязаны поддаваться формулировке.

Главная задача Томассон на данном этапе – дать примеры условий применения для различных сортальных терминов, поскольку именно они фигурируют в онтологических вопросах. Эти термины можно, прежде всего, разделить[254] на субстанциальные сорталии (substance sortals) – «собака», «стол», «животное», «артефакт», которые приложимы к объекту во все время его существования, и фазовые или акцидентальные сорталии – «щенок», «ребенок», «учитель», которые приложимы к объекту на протяжении определенного периода времени или отражают играемую им роль, но могут перестать применяться к нему, хотя объект при этом существовать не перестанет.

Акцидентальные сорталии не представляют особой трудности, ассоциированные с ними условия применения можно легко сформулировать без упоминания существования соответствующих Ks. Например, мы можем сказать, что термин «учитель» применим, если и только если есть *личность*, которую наняли для обучения. В результате, существование учителей выводимо из утверждений, где учителя не упоминаются. Это возможно благодаря тому, что подобные выводы не являются онтологически амплиативными (ontologically ampliative), они не вводят новых сущностей – личность, о которой говорится в условиях применения, это и есть тот самый учитель, к которому должен быть применен термин. Мы отвечаем на вопрос о существовании учителей, просто определяя, отвечает ли объект (личность) каким-либо дополнительным условиям (нанят для обучения).

Гораздо сложнее сформулировать аналогичные условия для субстанциальных сорталий. При их применении мы можем делать

[253] Ibid., p. 96

[254] Grandy, Richard E. and Max A. Freund, "Sortals", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/sum2023/entries/sortals/>

поистине амплиативные выводы, то есть выводить существование новых объектов из утверждений, которые не содержат терминов, ссылающихся на данные объекты. Субстанциальные сорталии можно разделить на два вида: производные существительные (derivative nouns) и базовые номинативные термины (basic nominative terms). Найти соответствующие четвертому пункту условия применения для первого вида немного легче, поэтому мы начнем с него, оставив более сложный вид напоследок.

Производные существительные вводятся на основе базовых. Однако они не являются акцидентальными сорталиями, так как ни один из базовых номинативных терминов не ссылается на тот же самый объект, что и вводимое нами новое существительное, как это было в случае «учитель»-«личность». Примером подобных производных существительных являются институциональные термины (institutional terms). Например, мы можем применить слово корпорация, в ситуации, когда оформлены все требуемые законом документы для создания корпораций. Самое главное, что в таком случае у нас есть гарантия того, что вводимый нами новый термин (существительное «корпорация») будет обладать референтом – он будет ссылаться на только что основанную корпорацию. Здесь нет аналогии с акцидентальными существительными: будет абсурдным сказать, что правильно оформленные бумаги – это и есть наша новая корпорация. Об этой особенности производных существительных Томассон пишет: «… мы действительно вводим референцию на новую сущность, а не просто переназываем старую сущность новой акцидентальной сорталией. Термины для законов, браков, долгов, тачдаунов и т. д. аналогичным образом явно вводятся путем указания (в других терминах) условий, при которых создается закон, заключается брак, возникает долг, засчитывается тачдаун. Эти условия могут быть сформулированы в форме правил, которые позволяют нам перейти от высказываний, в которых не используется релевантный существительный термин (или любой синонимичный или кореференциальный термин – хотя в нем могут использоваться другие существительные), к высказываниям, в которых используется новое существительное»[255].

Опираясь на данные условия применения, мы без труда сможем выводить существование обозначаемых производными существительными объектов. Например, мы можем вывести возникновение новой корпорации из двух посылок, одна из которых является

[255] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 100

правилом, опирающимся на условия применения слова «корпорация», а вторая – простым эмпирическим фактом (базовым для данного случая):

(КОРП) 1. Если оформлена вся необходимая в соответствии с законодательством документация, то возникает новая корпорация.

2. Петр Иванов оформил всю необходимую в соответствии с законодательством документацию.

3. Возникла новая корпорация.

Для легкой онтологии самым важным в этом выводе является то, что нам не надо доказывать существование корпораций перед тем, как сделать вывод – в базовом эмпирическом факте из п. 2 никакие «корпорации» (или кореференциальные термины) не фигурируют, и правило из п. 1 не требует, чтобы какие-либо корпорации уже существовали перед тем, как возникнет новая. В то же время у нас есть гарантия того, что новая корпорация возникнет, если выполнены условия из п. 1. Эта гарантия основывается на условиях применения термина «корпорация» – при выполнении антецедента из п. 1 мы имеем право применить термин «корпорация» и можем быть уверены, что примененный нами термин будет референциальным, то есть будет ссылаться на объект, на корпорацию. Поскольку же базовый факт из п. 2 выполняет антецедент, то мы имеем право заключить, что возникла корпорация. Как пишет Томассон: «При условии, что мы используем термины в соответствии с их обычными правилами использования, на поставленные вопросы о существовании могут быть даны прямые ответы. В каждом случае истинность базового утверждения гарантирует выполнение условий применения термина, так что мы можем заключить, что объект существует и термин ссылается на него, не полагаясь на предварительное суждение о том, что существует объект, тождественный рассматриваемому»[256].

Аргументы, подобные (КОРП), работают не только для институциональных терминов, но и для многих других производных существительных. Из утверждения «Петр родился 5 октября» мы можем вывести «Рождение Петра произошло 5 октября», из чего далее выводится существование рождений и вообще событий. Из утверждения «Толпа запаниковала» мы можем вывести «Толпа пришла в состояние паники», из чего далее выводится существование состояний

[256] Ibid., p. 102

паники и вообще состояний (states). Томассон, однако, отмечает, что легкость этих выводов связана с тем, что они касаются производных существительных, чье применение опирается на уже имеющиеся в нашем распоряжении более базовые слова: «документация», «Петр», «толпа» и т. д. Гораздо труднее найти соответствующие четвертому пункту условия применения для базовых терминов. Как мы можем сформулировать условия применения для «K» без упоминания существования Ks, если «K» является базовым термином? Томассон признает эту трудность: «Действительно, можно было бы опасаться, что условия применения для базовых сортальных терминов “K” *должны* апеллировать к существованию Ks (а не к тому, что они выполняются существованием сущностей других видов), что делает невозможным апеллирование к тому, выполняются ли условия применения, чтобы определить, являются ли объекты соответствующего рода существующими, и, таким образом, делает легкий подход к вопросам существования неприменимым для этого диапазона терминов»[257].

При решении данной проблемы базовые термины необходимо разделить на два вида. Термины первого вида являются базовыми, поскольку ссылаются на базовые, фундаментальные сущности. К таким терминам относятся, прежде всего, научные термины – «электрон», «кварк», «частица», «суперструна» и т. д. Для легкой онтологии особых проблем они не создают: эти термины не являются базовыми в нашей концептуальной схеме и вводятся учеными в рамках гипотез или теорий, то есть на основе других терминов. Например, термин «частица» вводится, по словам Томассон, «… как часть общей теории, оценивается в основном на основе его эмпирической адекватности и применяется в ситуациях на основе определенных эмпирических условий»[258]. В результате формулировка условий применения этих терминов без упоминания их существования не представляет принципиальных проблем, хотя нахождение точных условий может быть трудной задачей, решение которой невозможно без привлечения данных эмпирических наук.

Метаонтологический интерес представляют базовые термины второго вида – они являются базовыми в рамках нашей концептуальной схемы. Такими терминами могут быть самые обычные слова, которые маленькие дети приобретают в ходе освоения языка, например «стол», «собака», «чашка», «игрушка» и т. д. Возьмем для примера

[257] Ibid., pp. 103-104
[258] Ibid., p. 105

слово «чашка». Сможем ли мы сформулировать условия для его применения без отсылки к существованию чашек и без использования кореференциальных с ним слов? Томассон уверена, что сможем, поскольку формулировка не обязательно должна выглядеть привычной и естественной для нас. Условия могут выглядеть так:

($E_{чаш}$) Чашки существуют, если и только если есть частицы, организованные чашкообразно[259].

Такие условия являются достаточными, но они не необходимы. Философы и ученые, отвергающие частицы, могут заменить их на точки пространства-времени, суперструны или другие фундаментальные объекты: «… кажется, что существует множество различных онтологических описаний, которые мы могли бы использовать, чтобы выразить достаточные условия для применения обычной сорталии "чашка": если частицы расположены чашкообразно, есть чашка; если есть цельное вещество [plenum stuff], расположенное чашкообразно, есть чашка; если есть положение дел, состоящее из объекта, экземплифицирующего чашковость [cuphood], есть чашка; если есть набор тропов, включающий чашкость [cupness] и т. д., есть чашка, или если есть определенный вид изменения или возмущения в области пространства-времени, есть чашка и т. д»[260].

Такой ответ может не удовлетворить всех критиков. Дело в том, что во всех условиях применения фигурируют те или иные объекты (в самом широком смысле этого слова), а значит термин «объект» является подлинно базовым, и Томассон должна предоставить его условия применения, которые не нарушали бы требования пункта 4, то есть не упоминали бы никакие объекты. Можно ли это сделать? Отвечая на эту критику, Томассон выделяет два различных употребления слова «объект». Первый она называет покрывающим (covering) использованием, при котором «объект» является своего рода сорталией второго порядка, то есть используется как замена для любого первопорядкового сортального термина. Используя «объект» таким

---

[259] Слово «чашкообразно» в данной формулировке заимствовано из лексикона мереологических нигилистов, которые отвергают существование обычных объектов (чашек, столов, стульев и т. д.), но пытаются сохранить истинность большинства наших высказываний о них. О мереологическом нигилизме подробнее см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 309-312 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[260] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 107

образом, мы можем вывести «Есть некоторый объект» из «Есть некоторое S», где S – сортальный термин. «Есть некоторый объект» выводится из «Есть некоторая чашка/собака/личность/частица» и т. д. Данное использование слова «объект» не является базовым, поскольку это слово наследует условия применения техierсорталий первого порядка, которые оно заменяет. При таком использовании нам не нужно убеждаться, что есть некоторый объект, перед тем, как сказать, что есть некоторая чашка. Наше рассуждение будет идти в обратном направлении – из наличия чашки мы выведем наличие объекта.

Второе употребление превращает «объект» в сорталию первого порядка, стоящую в одном ряду со всеми другими, то есть с «чашкой», «столом», «частицей» и т. д. При таком употреблении «объект» действительно является одним из самых базовых слов/понятий нашего языка. Вполне возможно, что оно не приобретается нами, а является врожденным. Здесь Томассон ссылается на работу Сюзан Кэри[261]: «Кэри … утверждает, что это сортальное понятие “объект” (наряду с “числом”, “агентом” и “причиной”) является частью “базового знания” [core cognition]: тех базовых понятий, которыми обладают не владеющие языком младенцы, разделяя их с другими животными (которые имеют общих с нами эволюционных предков), такими как хлопковые тамарины и макаки-резусы, и которые остаются нетронутыми в знании взрослых. Это базовое понятие объекта, по-видимому, связано с индивидуализирующими принципами, которые позволяют младенцам создавать “объектные файлы” [“object files”], индивидуализировать и отслеживать различные объекты в мире посредством изменений в местоположении, свойствах, окклюзии и так далее – рассматривая их как одного и того же индивида во время этих изменений и оценивая, когда они сохраняются или перестают существовать»[262] Индивидуализирующие принципы, о которых пишет Кэри, и будут нужными Томассон условиями применения термина «объект»: младенцы и животные оценивают наличие/отсутствие объекта через наличие/отсутствие внешних границ, сопротивления, внутренней связности и т. д. того, с чем они взаимодействуют. Точно таким же образом, опираясь на те же критерии, мы в состоянии применять термин «объект» в тех ситуациях, где мы не знаем заранее о существовании какого-либо объекта.

[261] Carey S. The Origin of Concepts. Oxford, Oxford University Press, 2009

[262] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 pp. 109-110

Мы рассмотрели условия применения для всех видов терминов, начиная с акцидентальных сорталий и заканчивая наиболее базовой сорталией – словом «объект». Все эти условия применения можно сформулировать без упоминания существования обозначаемых терминами объектов, что и требуется четвертой характеристикой. Теперь мы можем увидеть обоснованность второго тезиса метаонтологии Томассон – на осмысленные и полностью уточненные вопросы существования можно легко ответить, используя концептуальную компетентность и/или эмпирические исследования. Концептуальная компетентность дает нам знание условий применения терминов, а эмпирические исследования необходимы, чтобы узнать, выполнены ли эти условия: «Ведь компетентному носителю достаточно воспользоваться своим знанием правил употребления термина – в сочетании с доступом к любой релевантной эмпирической информации – чтобы определить, соблюдены ли условия применения, и таким образом оценить, существуют ли соответствующие сущности»[263]. Если мы знаем, что слово «мяч» применяется, когда есть сплошной или полый внутри шар из какого-нибудь упругого материала, отскакивающий от твердой поверхности, то нам остается лишь взглянуть вокруг себя и убедиться, что такой шар действительно имеется. Если это так, то мы можем применить слово «мяч» и сказать: «Есть мяч», а затем обобщить это утверждение и прийти к выводу о том, что мячи существуют. Нам нет необходимости вступать в онтологические споры о существовании обычных объектов, опровергать мереологических нигилистов или строить сложные метафизические аргументы для обоснования нашего вывода. Простые носители языка, не искушенные в философии, способны легко ответить на вопросы о существовании, над которыми метафизики бьются много столетий или даже тысячелетий без особых успехов. Онтологические проблемы не являются эпистемически метафизическими в терминологии Теодора Сайдера, то есть отсутствуют принципиальные проблемы в их решении с помощью концептуальных и/или эмпирических методов, хотя применение данных методов может быть делом долгим и трудоемким. Например, установление существования новой частицы может потребовать долгих эмпирических исследований со стороны ученых, но с метафизическими трудностями они при этом не столкнутся. Трудоемкой может оказаться и чисто концептуальная работа, например, из-за нечеткости (vagueness) многих наших понятий. Решать ее должны уже не

[263] Ibid., p. 113

ученые-эмпирики, а философы. Но и в этом случае на их пути нет принципиальных метафизических препятствий. В процессе уточнения наших обыденных понятий философы вполне могут решить, что от них лучше вообще отказаться и ввести собственные, технические термины вместо обыденных или наряду с ними – они могут говорить о тропах, мереологических суммах, временных частях и т. д. Однако после проделанной философами концептуальной работы у этих новых терминов должны появиться ясные и четкие условия применения, и философы получат возможность с легкостью ответить на все онтологические вопросы, в которых используются эти термины. И вновь никаких метафизических проблем не остается: «Но хотя может потребоваться серьезная концептуальная работа, здесь нет глубоких метафизических загадок, которые нужно разгадать, и нет необходимости апеллировать к наилучшей "общей теории" или проводить какие-либо эпистемически метафизические исследования для решения вопросов существования»[264]. Вся неокуайовская методология оказывается излишней – философам больше не нужно отыскивать онтологические обязательства наших наиболее успешных научных теорий, им достаточно установить, выполняются ли условия применения тех или иных терминов.

Подобная легкость в решении вопросов существования и позволяет Томассон назвать свою метаонтологическую теорию дефляционной[265]. Легкость обеспечивается, среди прочего, тем, что существование лишено внутренней природы, и при ответе на онтологические вопросы философам не нужно пытаться эту природу раскрыть, достаточно лишь удостовериться в выполнении условий применения термина. В связи с этим Томассон отвергает все содержательные критерии существования, предлагавшиеся различными философами. К наиболее известным можно отнести следующие[266]:

---

[264] Ibid., p. 114

[265] Выше мы писали, что Томассон предлагает дефляционную теорию существования, подобную дефляционной теории истины – существование/истина лишены содержательной природы, внутренней сущности. Здесь же говорится о том, что вся ее метаонтология является дефляционной – она обесценивает онтологические вопросы, поскольку считает их очень легкими, лишенными принципиальных трудностей. Это разные, но взаимосвязанные вещи – онтологические вопросы являются легкими, *потому что* существование лишено содержательной природы.

[266] Каждого из данных критериев придерживается не только указанный нами философ, но и многие другие.

- Каузальная эффективность: «Все, что существует, вносит свой вклад в каузальные силы чего-нибудь»[267].
- Нахождение в пространстве-времени плюс каузальная эффективность: «a существует $=_{df}$ a принадлежит пространственно-временной каузальной системе, которой является наш мир»[268].
- Независимое от сознания обладание сущностными свойствами, чей сущностный статус также независим от сознания[269].

Легкая онтология делает поиски этих и других подобных критериев бессмысленными: «… мы отрицаем, что нам следует даже искать какой-либо принцип следующей формы: для каждого x, x существует, если и только если x является таким-то (каузально эффективным, независимым от сознания, обладающим реальной природой ...). Таким образом, дефляционный подход предполагает отказ от идеи о том, что существует общий содержательный критерий существования»[270]. Такой отказ от поисков содержательного критерия, который был бы необходимым и достаточным для существования, объясняется тем, что условия применения терминов нашего языка являются чрезвычайно разнообразными. Всегда найдутся такие термины, которые мы можем использовать в ситуациях, где нет ничего каузально эффективного, независимого от сознания и т. д. В этих ситуациях мы вправе применить соответствующий термин и заявить о существовании обозначаемых им объектов, которые не будут обладать указанными характеристиками. То есть для каждого из предлагаемых критериев возможен контрпример, доказывающий, что они не являются необходимыми и достаточными. Для примера рассмотрим существование неодушевленных обычных объектов – столов, стульев, статуй и т. д. Элиминативист Трентон Меррикс отвергает их существование на основании первого из критериев: все ординарные объекты не привносят каких-либо новых каузальных сил по сравнению с

[267] Armstrong D. A World of States of Affairs. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, p. 41
[268] Aune B. Metaphysics. The Elements. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1985, p. 35
[269] Elder C. Real Natures and Familiar Objects. Cambridge, MA, MIT Press, 2004
[270] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 116

организованными соответствующим образом частицами[271]. Организованные мячеобразно частицы могут сделать все, что сделал бы мяч, если бы существовал. Для опровержения этой и всех подобных позиций легкая онтология обращается к условиям применения тех сортальных терминов, чье использование в данных ситуациях является уместным: если перед нами находятся организованные мячеобразно частицы, нам не нужны какие-либо аргументы, и мы можем смело применять сорталию «мяч». Томассон пишет следующее: «Кажется, что мир, который описывает элиминативист – это мир, в котором есть [мячи], в соответствии с условиями применения, связанными с сортальным термином [“мяч”]. До тех пор, пока они обладают теми же сорталиями с теми же условиями применения, что и те, которые используются сторонником обычных объектов, трудно понять, как реалисты и элиминативисты могут действительно расходиться в своих ответах»[272]. Привнесение новых каузальных сил не входит в условия применения нашего слова «мяч», а значит мячи существуют в тех ситуациях, где есть организованные мячеобразно частицы.

Даже если привнесение новых каузальных сил (или обладание хоть какими-то каузальными силами) необходимо для существования объектов определенного вида, данный критерий не будет универсальным. Всегда найдутся объекты другого вида, у которых условия применения их сорталий этого не требуют. Например, симфонии или романы (в отличие от их отдельных исполнений и экземпляров) могут существовать, вообще не обладая каузальными силами, поскольку таковы условия применения терминов «симфония» и «роман». Подводя итог, мы можем сказать, что общая ошибка сторонников содержательных критериев заключается в превращении критерия, приложимого к одному виду объектов, в общий критерий существования[273]. Но критерии существования лишь отражают условия применения терминов нашего языка, которые чрезвычайно многообразны, а значит ни один критерий не может быть универсальным, кроме чисто формального критерия – мы имеем право заявить о существовании чего-либо, если выполняются условия применения его термина: «Учитывая связи между условиями применения и существованием,

---

[271] Merricks T. Objects and Persons. New York, Oxford University Press, 2001 p. 56

[272] Thomasson A. Ordinary Objects. Oxford, Oxford University Press, 2007 p. 156

[273] Онтологические плюралисты, о которых мы говорим в главе 7, тоже обвинили бы сторонников содержательных критериев существования в неправомерном обобщении – перенесении способа бытия, свойственного лишь одной категории сущностей, на все существующее вообще.

условия применения наших терминов могут (по семантическому нисхождению) быть выражены на объектном языке как условия существования объектов (если таковые имеются), на которые ссылаются эти термины, и условия существования объектов разных видов могут быть настолько различными, насколько различны условия применения наших терминов. Таким образом, хотя каждый из этих предложенных критериев может быть релевантен как условие существования некоторых видов вещей (например, независимость от сознания может быть релевантным критерием для фундаментальных частиц или гор), они не используются легитимно в качестве критериев существования чего бы то ни было вообще (например, независимость от сознания не может быть легитимно использована в качестве критерия существования денег или произведений искусства)»[274].

Упомянутая в приведенной нами цитате взаимосвязь между метаязыком, на котором формулируются условия применения термина, и объектным языком, на котором говорится об условиях существования обозначаемых термином объектов, является основой для (МТ 3), третьего тезиса метаонтологии Томассон – значительное число онтологических споров может быть решено с помощью тривиальных аргументов из бесспорных посылок. Мы уже встречались с такими аргументами при обсуждении ее теории – с помощью (КОРП) мы доказывали существование корпораций. Чтобы аргумент стал явно онтологическим, к нему необходимо добавить еще один вывод – «Корпорации существуют». Третий тезис утверждает, что подобные аргументы могут решить большинство или даже все онтологические споры, в которые философы вовлечены столетиями. Мы можем доказать существование свойств, чисел, событий:

(СВ) 1. Этот мяч красный.

2. Если мяч красный, то мяч обладает свойством *быть красным*.

3. Этот мяч обладает свойством *быть красным*.

4. Свойства существуют.

(ЧИС) 1. На столе стоят две кружки.

2. Если на столе стоят две кружки, то число стоящих на столе кружек равно двум.

[274] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 pp. 120-121

3. Число стоящих на столе кружек равно двум.
4. Числа существуют.

(СОБ) 1. Петр родился 5 октября.
2. Если Петр родился 5 октября, то событие рождения Петра произошло 5 октября.
3. Событие рождения Петра произошло 5 октября.
4. События существуют.

В каждом из этих аргументов вторые посылки являются отражением на объектном языке (языке первого порядка) метаязыковых условий применения соответствующих терминов – «свойство», «число», «событие». Всем носителям языка должна быть очевидна истинность вторых посылок, так как они являются концептуально необходимыми аналитическими истинами – их истинность основана на значении входящих в них слов, то есть на условиях их применения. Истинность первых посылок устанавливается самым элементарным эмпирическим исследованием. В результате происходит обесценивание онтологических споров – они решаются с помощью тривиальных аргументов из бесспорных посылок. Как отмечает Томассон, такой легкий подход к онтологии не является чем-то совершенно новым. Представители так называемого неофрегеанского направления в философии математики, а также Стефан Шиффер[275] отвечали на некоторые онтологические вопросы[276] с помощью тривиальных аргументов. Свою легкую онтологию Томассон представляет как обобщение и развитие этих теорий – в отличие от них, легкая онтология должна решать все вопросы о существовании, а не только какую-то их часть: «Идея о том, что определенные онтологические споры могут быть легко разрешены путем тривиальных аргументов из бесспорных истин, знакома по некоторым дискуссиям в современной метафизике. До недавнего времени эта идея развивалась в основном в изолированных группах, например, неофрегеанцами в философии математики и Стивеном Шиффером в его обсуждениях различных плеонастических сущностей, а также мной при защите обычных объектов. Лишь

[275] Schiffer S. The Things We Mean. Oxford, Oxford University Press, 2003

[276] У нео-фрегеанцев это вопросы о существовании математических объектов, а у Шиффера – вопросы о так называемых плеонастических сущностях (pleonastic entities), к которым он причисляет пропозиции, свойства, события и т. д., то есть все те сущности, которые, с его точки зрения, существуют лишь в некоем неполноценном или скудном (thin) смысле.

относительно недавно эта точка зрения начала признаваться в качестве единого подхода – и она также привлекает все больше симпатий»[277]. В связи с таким родством неофрегеанства и метаонтологии Томассон мы сделаем небольшое отступление и рассмотрим, как два его представителя – Боб Хейл и Криспин Райт – решают проблему существования чисел.

Неофрегеанство, далее НФ, является ограниченным метаонтологическим подходом, который сосредотачивает свое внимание на существовании математических объектов и особенно чисел. НФ можно охарактеризовать как сочетание платонизма и неологицизма (что такое принципы абстракции, будет объяснено ниже)[278]:

(П) Платонизм: существуют независимые от сознания абстрактные объекты.

(НЛ) Неологицизм: математика аналитична.

(ПА) Принципы абстракции: ключом к обоснованию первых двух принципов является опора на принципы абстракции, такие как принцип Юма.

Как и теория Томассон, неофрегеанская метаонтология Хейла и Райта – они называют ее абстракционизмом[279], поскольку центральную роль в ней играет принцип абстракции – заметно отходит от неокуайновской ортодоксии, которая при решении онтологических вопросов ставила во главу угла квантор существования. Вместо этого НФ сосредотачивает внимание на терминах нашего языка – онтологически нагруженное понятие объекта должно объясняться через сингулярные термины. Объект – это все то, что может быть обозначено сингулярным термином, то есть именем или определенной дескрипцией. Данное положение Криспин Райт называет тезисом синтаксического приоритета (syntactic priority thesis), поскольку функцией

[277] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 pp. 132-133

[278] Eklund M. The metametaphysics of neo-Fregeanism // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 p. 146

[279] Hale B., Wright C. The Metaontology of Abstraction // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 178

слов, принадлежащих к синтаксической категории синглулярных терминов, является ссылка (referring) на те или иные объекты: «Ключевым моментом платонизма Фреге, согласно нашей интерпретации, является тезис о синтаксическом приоритете: категория объектов, в частности, должна быть объяснена как включающая в себя все, на что может ссылаться сингулярный термин, где подразумевается, что сингулярный термин получает референцию, благодаря его включению в истинные утверждения соответствующего типа»[280].

Говоря более обобщенно, существует соответствие между онтологическими категориями и типами терминов, которые их обозначают (сингулярные термины, предикаты и т. д.). Именно поэтому для определения того, какие объекты существуют, нам следует выяснить, на что ссылаются сингулярные термины в истинных утверждениях: «Если сущности, принадлежащие к определенной онтологической категории, являются просто тем, что обозначают выражения определенной логической категории, тогда мы можем аргументировать существование сущностей такого рода, утверждая, что существуют истинные утверждения, включающие выражения соответствующего типа. Если, например, существуют истинные утверждения, включающие выражения, функционирующие как сингулярные термины, то существуют объекты некоторого соответствующего вида. Если сингулярные термины таковы, что, если они вообще обладают референтом, они ссылаются на числа, то есть числа»[281]. Поскольку объект – это то, на что ссылаются сингулярные термины, то для полноты теории нам необходимо независимое определение этих терминов, мы не можем просто сказать, что сингулярные термины – это термины, которые могут ссылаться на объекты. Чтобы избежать круга в определении, НФ дает инференциальное определение сингуляррных терминов, то есть определяет их через их взаимодействие с другими видами терминов, через синтаксическую роль в предложениях, через выводы с их участием и т. д. Сингулярные термины, в отличие, например, от союзов или глаголов, особенно хорошо подходят для утверждений тождества вроде «Марк Твен – это Сэмюэл Клеменс».

Следует заметить, что для НФ-метаонтологии важны не сингулярные термины сами по себе, но сингулярные термины в рамках истинных предложений. Возьмем, например, термин «Эйфелева

[280] Wright C. Frege’s Conception of Numbers as Objects. Aberdeen, Aberdeen University Press, 1983 p. 53

[281] Hale B. The Bearable Lightness of Being // Axiomathes. 2010. № 20 p. 406

башня». Это сингулярный термин и его функция – ссылаться на объект. Но как мы можем быть уверены, что он действительно ее выполняет и на что-то ссылается? По мнению сторонников НФ, термин будет ссылаться, если он является частью истинного предложения, поскольку в истинном предложении сингулярный термин действительно выполняет предназначенную ему функцию. Если бы он ее не выполнял, то предложение не было бы истинным. Если «Эйфелева башня была построена в XIX веке» истинно, то термин «Эйфелева башня» ссылается на объект. Получается, что сингулярным терминам для обладания референцией «… требуется не больше того, что они встречаются в истинных утверждениях, свободных от всех эпистемологических, модальных, цитатных и других форм лексики, которые, как стандартно признается, ставят под угрозу прямую референциальную функцию»[282].

Данный подход Хейл и Райт использовали для доказательства существования чисел. В частности, Хейл сформулировал так называемый Фрегеанский аргумент в пользу их существования[283]:

1. Если ряд выражений функционирует как сингулярные термины в истинных высказываниях, то существуют объекты, обозначаемые выражениями, принадлежащими этому ряду.

2. Числа, а также многие другие числовые выражения, функционируют таким образом во многих истинных утверждениях (как чистой, так и прикладной математики).

3. Существуют объекты, обозначаемые этими числовыми выражениями (т.е. существуют числа).

Но с числами есть дополнительная сложность – противники НФ могут отвергнуть истинность всех предложений, сингулярные термины которых должны ссылаться на числа. Фикционалисты (см. главу 6), например, скажут, что предложение «Два плюс три равняется пяти» ложно и представляет собой чрезвычайно полезную фикцию, в связи с чем и кажется нам истинным. Сторонникам НФ нужно каким-то образом показать, что спорные утверждения выводимы из тех, с которыми все согласятся. Для этого Хейл и Райт используют

---

[282] Hale B., Wright C. The Reason’s Proper Study. Oxford, Oxford University Press, 2001 p. 8

[283] Hale B. Abstract Objects, Oxford, Blackwell, 1987 p. 11

фрегеанский принцип абстракции – с его помощью мы можем вводить новые сингулярные термины, опираясь на бесспорные утверждения, в которых этих терминов нет. Сам Фреге пояснял его на понятии направления: «Суждение: “Прямая a параллельна прямой b” в знаках:

a // b

также может пониматься как равенство. Если мы так поступаем, то получаем понятие направления и говорим: “Направление прямой a равно направлению прямой b”. Таким образом, мы заменили знак // на более общий =, тем, что распределили особое содержание первого между a и b. Мы расчленили содержание иначе, нежели изначальный способ и, благодаря этому, получили новое понятие»[284]. Задействованный у Фреге принцип абстракции для направлений можно сформулировать следующим образом (где dir – направление, а // – параллельность):

(НАПР) $dir(a) = dir(b) \leftrightarrow a \,//\, b$

Принцип (НАПР) можно рассматривать как имплицитное определение понятия направления, с помощью которого мы можем вводить это понятие/обозначающий его сингулярный термин туда, где его до этого не было: от разговора о параллельных прямых мы переходим к разговору о направлениях этих прямых и утверждаем, что эти направления тождественны. В более общем виде принцип абстракции у Хейла и Райта выглядит так:

(ПА) $(\forall x)(\forall y)(\Sigma(x) = \Sigma(y) \leftrightarrow E(x, y))$,

где x и y – переменные определенного типа, Σ – формирующий термин оператор (term-forming operator), а E – отношение эквивалентности предметов определенного типа, то есть такое, которое является рефлексивным (каждое x находится в этом отношении к себе), симметричным (если x E-относится к y, то y E-относится к x) и транзитивным (если x E-относится к y, а y E-относится к z, то x E-относится к z). В примере Фреге x и y – прямые, отношение E –

[284] Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск, Сибирское университетское издательство, 2008 с. 199

отношение параллельности, а оператор Σ формирует термин «направление».

Хейл и Райт рассматривают (НАПР) и другие примеры принципа абстракции как имплицитные стипулятивные определения вводимых понятий/сингулярных терминов, что должно дать принципу аналитический статус. При этом предполагается, что отношение эквивалентности и его реляты уже знакомы нам и никаких вопросов не вызывают, а значит мы имеем полное право воспользоваться (ПА) и обоснованно ввести новые сингулярные термины: «Что имеет решающее значение с абстракционистской точки зрения, так это эпистемологическая перспектива, которая рассматривает эти принципы, по сути, как стипулятивные имплицитные определения оператора – и, следовательно, нового вида термина, образованного с его помощью, и соответствующего сортального понятия. Для этой цели предполагается, что отношение эквивалентности E уже понято, и что типы сущностей, составляющих его область применения, знакомы – что каждый соответствующий пример правой части абстракции [E(x, y)] имеет условия истинности, которые понятны и о которых в достаточно широком диапазоне случаев может быть известно, удовлетворены они или нет…»[285]. Поскольку E(x, y) и Σ(x) = Σ(y) имеют одни и те же условия истинности, и Σ(x) = Σ(y) выводится из E(x, y) с помощью аналитически истинного принципа абстракции (ПА), мы без труда можем переходить от утверждений, где нет данного сингулярного термина к утверждениям, где он фигурирует. Теперь следует вспомнить, что в НФ-подходе именно с помощью сингулярных терминов определяется существование объектов. В результате следует главный метаонтологический вывод – существование определенного рода объектов может быть тривиально выведено из бесспорных посылок с помощью аналитически истинного принципа. В процессе вывода мы правомерно переходим от утверждения, не имеющего определенных экзистенциальных импликаций (утверждение о параллельных прямых не подразумевает в явном виде существования направлений), к утверждению, обладающему этими импликациями (утверждение о тождестве направлений прямых подразумевает существование направлений). Хейл и Райт называют центральной онтологической идеей то, «… что допустимо фиксировать условия истинности одного вида утверждений как совпадающие с условиями истинности другого

[285] Hale B., Wright C. The Metaontology of Abstraction // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 179

– “вид” здесь относится к чему-то вроде логической формы – таким образом, что явные экзистенциальные импликации первого превышают последствия второго, хотя эпистемологический статус последнего … наследуется первым»[286]. Если истинно, что имеются параллельные друг другу линии, то истинно, что существует такой абстрактный объект, как направление.

Поскольку НФ касается в основном философии арифметики, центральным для метаонтологической позиции Хейла и Райта является принцип абстракции, позволяющий доказать существование чисел. Он получил название принципа Юма и выглядит следующим образом[287]:

(ПЮ) Число Fs тождественно числу Gs, если и только если Fs и Gs являются равночисленными (equinumerous), где Fs и Gs являются равночисленными, если и только если Fs находятся во взаимно однозначном соответствии с Gs.

С его помощью мы можем перейти от разговора о равночисленности каких-либо объектов к разговору об их числе, из которого уже можно, с точки зрения НФ, делать онтологические выводы: поскольку в истинном предложении есть синглулярные термины, ссылающиеся на числа («число Fs», «число Gs»), то числа существуют. Если на столе лежит по пять вилок и ложек, то мы можем сказать, что «Вилки и ложки на столе равночисленны», а затем сказать, что «Число вилок на столе тождественно числу ложек» и утверждать, что числа существуют.

По мнению Томассон, аргументы сторонников НФ можно представить таким образом, что становится заметным сходство этого подхода и ее собственной легкой онтологии. Аргументы с использованием принципа Юма аналогичны, по сути, тривиальным аргументам с бесспорными посылками, о которых говорится в третьем тезисе метаонтологии Томассон (МТ 3). Типичный неофрегеанский аргумент она представляет следующим образом:

(НФЧ) 1. Бесспорная истина: Чашки и блюдца раночисленны.

---

[286] Ibid., pp. 180-181

[287] Eklund M. The metametaphysics of neo-Fregeanism // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 p. 143

2. Концептуальная истина (принцип Юма): Число ns = числу ms, если и только если ns и ms равночисленны.

3. Выведенное утверждение: Число чашек = числу блюдец.

Затем неофрегеанцы выводят существование чисел из присутствия ссылающихся на них сингулярных терминов («число чашек» и «число блюдец») в истинном выведенном утверждении. Параллели между НФ и метаонтологией Томассон очевидны. Главное отличие между теориями в том, какую именно концептуальную истину они используют. Концептуальные истины неофрегеанцев – принципы абстракции (при доказательстве существования чисел – это принцип Юма), которые они рассматривают как имплицитные стипулятивные определения, а концептуальные истины Томассон – истины, базирующиеся на условиях применения тех или иных терминов нашего языка. Из этой разницы вытекает и различие в степени общности теорий: принципы абстракции позволяют выводить существование лишь тех или иных абстрактных объектов, а условия применения есть у всех терминов нашего языка. Поэтому Томассон рассматривает метаонтологию НФ как частный случай своей теории: «Обобщение подхода таким образом делает его более мощным. Хотя неофрегеанский … подход был создан в основном для решения споров о сущностях, отличных от конкретных объектов, этот подход [подход Томассон] столь же эффективен для решения вопросов о существовании обычных конкретных объектов, как и для решения споров о трудноуловимых абстрактных или философских сущностях»[288]. С помощью аргумента, аналогичного (НФЧ), мы можем доказать существование конкретных объектов, например, столов:

(СТОЛ) 1. Бесспорная истина: Есть частицы, организованные столообразно.

2. Концептуальная истина: Если есть частицы организованные столообразно, то есть столы.

3. Выведенное утверждение: Есть столы.

---

[288] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 pp. 141-142

Более того, у подхода Томассон есть еще одно преимущество – он может обойтись вообще без аргументов подобных (СТОЛ) в случае, если критик поставит под сомнение его первую посылку (критик может оказаться элиминативистом в отношении всех объектов или считать, что существует лишь один объект – наша Вселенная). Легкая онтология позволяет компетентному носителю языка при восприятии определенным образом выглядящей ситуации заявить, что есть столы: «… компетентный носитель имеет не меньшее право, используя свою концептуальную компетентность, сделать вывод "есть стол" из достоверного наблюдения за интерьером ресторана, чем сделать вывод "есть свойство" из знания истинности того, что "платье Бейонсе красное". Использование подхода, который я рекомендовала, позволяет нам рассматривать оба онтологических вывода как одинаково допустимые для тех, кто обладает соответствующей концептуальной компетенцией»[289].

Подводя итог изложению своей метаонтологии, Томассон перечисляет ее главные достоинства и преимущества. Во-первых, легкая онтология дает возможность простого решения всех онтологических споров, которое философы ведут не одно столетие. Во-вторых, как способы поиска ответов на онтологические вопросы, так и сами ответы хорошо согласуются с нашими обыденными представлениями, со здравым смыслом и не требуют ничего, кроме языковой компетенции и эмпирической информации. В-третьих, теория объясняет наше знание математических и других абстрактных объектов[290].

Несмотря на перечисленные достоинства, легкая онтология не завоевала значительного признания, она и родственные ей подходы остаются позицией меньшинства. Какие же аргументы выдвигаются против этой метаонтологии? Мы рассмотрим несколько основных возражений.

Одно из наиболее распространенных возражений обвиняет легкую онтологию и родственные ей теории, в частности неофрегеанство, в неправомерном смешении языка и мира. При доказательстве реального существования объектов Томассон опирается на концептуальные, аналитические истины, которые отражают лингвистические правила, то есть правила использования слов нашего языка. Но

[289] Ibid., p.143

[290] Подробнее о трудностях со знанием абстрактных объектов см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 82-85 https://philpapers.org/rec/KONVEB

выводить метафизические следствия из лингвистических посылок неправильно. Мы действительно можем прийти к выводу, что какой-либо термин уместен в определенной ситуации, но где гарантия того, что обозначаемый термином объект существует? Томассон пишет об этом возражении так: «Идея заключается в следующем: истины, лежащие в основе легких выводов, являются фундаментальными *лингвистическими* или *концептуальными* принципами (отражающими правила использования наших терминов или понятий); сущности – это объекты в мире. Итак (возражение продолжается), как лингвистические принципы могут гарантировать существование реальных сущностей?»[291]. Для противников теории это выглядит как трюк фокусника, вытаскивающего кролика из пустого цилиндра: «Аргументы выдвигаются с ощутимым чувством дерзости, как будто кролика вот-вот вытащат из шляпы»[292]. Мэтти Эклунд критикует неофрегеанцев теми же самыми словами, заявляя, что их теория: «… может показаться неприятно близкой к попытке вытащить кролика из шляпы. Действительно ли можно получить столь много за столь мало?»[293]. Томассон уверена, что все подобные возражения основаны на недопонимании легкой онтологии и родственных ей теорий. Они не являются антиреалистскими. Тривиальные аргументы Томассон и неофрегеанцев позволяют нам с легкостью выводить существование тех или иных объектов, но они не создают их. Концептуальные истины вводят новые термины, такие как «пропозиция», «число», «свойство», «событие», «стол», но в результате этого появляется лишь *новое слово*, а **не** *новый объект*. Сами объекты существуют, как правило, независимо[294] от нашего сознания и языка (если речь не идет

[291] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 pp. 215-216

[292] Yablo S. A Priority and Existence // Boghossian P., Peacocke, C. (eds.) New Essays on the A Priori. Oxford: Oxford University Press p. 197

[293] Eklund M. Neo-Fregean Ontology // Philosophical Perspectives, 2006, № 20 p. 97

[294] Это позиция самой Томассон. Некоторые родственные ее теории подходы считают, что с помощью тривиальных аргументов можно доказать существование только не вполне реальных объектов, наподобие пропозиций или свойств, которые Стивен Шиффер называет плеонстическими сущностями и считает своего рода тенями предложений или терминов нашего языка. Шиффер пишет об этом так: «Возможно, лучшим ответом на характерную особенность “нечто из ничего” было бы допустить существование сущностей, которые, казалось бы, чудесным образом возникли благодаря манере говорить, но относиться к их существованию соответствующим образом дефляционно или минималистично. Состояния, события, свойства и пропозиции действительно существуют, но, признавая это, мы просто подыгрываем языковым играм, которые вводят эти понятия, и в природе этих вещей нет ничего

о социальных сущностях, вроде корпораций или браков). Существование соответствующих объектов скрытно утверждается в бесспорных истинах из тривиальных аргументов. Например, в первой посылке из аргумента (СТОЛ) говорится о существовании организованных столообразно частиц, но в ситуации, где есть организованные таким образом частицы, стол уже существует. Аргумент нужен, чтобы показать, что в этой ситуации мы имеем право применить слово «стол» и сказать, что столы существуют. Сами столы ни нами, ни нашим языком не создаются. Однако нам не следует волноваться, что в мире не хватит объектов для вводимых нами терминов, и они останутся без референтов – наличие объекта гарантируется той бесспорной истиной, с которой начинается тривиальный аргумент, хотя в этой посылке и нет ссылающегося на данный объект термина: «… с точки зрения сторонника легкой онтологии, мы можем сказать, почему у нас нет причин беспокоиться о том, что может не хватить соответствующих принципам “объектов”: концептуальные истины, лежащие в основе тривиальных выводов, являются аналитическими принципами, которые гарантируют, что иногда для применения нового термина требуется не больше, чем для выполнения определенных других условий (или чем требуется для выполнения условий истинности бесспорного предложения). С этой точки зрения, поскольку для применения “стол” требуется не больше, чем для того, чтобы были частицы, организованные столообразно, не требуется никакой метафизической магии, никакого “внезапного появления”, чтобы был стол при условии, что есть частицы, организованные столообразно (а учитывая, что есть стол, гарантированно есть объект в покрывающем смысле слова “объект”)»[295]. Легкая онтология может вытащить кролика из шляпы только потому, что он там уже находится.

Чтобы подчеркнуть реалистский характер своей теории, Томассон проводит четкое различие между метаонтологическим и онтологическим компонентами легкой онтологии:

(МЕТОНТ) На метаонтологическом уровне легкая онтология является дефляционной теорией – вопросы о существовании являются осмысленными и на них можно дать ответы, но эти ответы можно дать с помощью тривиальных аргументов, используя

большего, чем определяют эти маленькие языковые игры» (Schiffer S. A Paradox of Meaning // Noûs. 1994. № 28(3). p. 305).

[295] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 p. 220

эмпирические и концептуальных средства и не испытывая при этом принципиальных трудностей эпистемически метафизического характера.

(ОНТ) На онтологическом уровне легкая онтология является простым реализмом (simple realism). На большинство из интересующих философов вопросов о существовании теория дает положительный ответ – соответствующие сущности существуют. Обо всех этих сущностях мы можем сказать, что они существуют в одном и том же простом смысле. Сущности, чье существование доказывается тривиальными аргументами (это могут быть как абстрактные пропозиции, так и конкретные столы), не создаются нами и не обладают какимлибо скудным или ущербным существованием.

Кроме вышеизложенной общей критики против тривиальных аргументов выдвигаются и более частные возражения. Некоторые философы, вслед за Куайном[296], ставят под вопрос само существование аналитических истин и осмысленность деления истин на аналитические и синтетические. Но вторые посылки тривиальных аргументов являются истинами именно такого типа. Томассон подробно разбирает и пытается опровергнуть аргументы Куайна[297]. Мы не будем на этом останавливаться, так как это займет слишком много места и уведет нас в сторону от метаонтологии. Скажем лишь, что согласно результатам проведенного Philpapers в 2020 году опроса, 62.48% принявших в нем участие философов признают деление истин на аналитические и синтетические[298]. Поэтому позиция Томассон не является маргинальной или экзотической в этом отношении.

Другой вид критики опирается на так называемый аргумент плохой компании. По мнению некоторых философов, с помощью аргументов, аналогичных тривиальным аргументам, можно «доказать» существование того, чего доказать таким образом явно нельзя или доказать существование явно несуществующих объектов. В своих аргументах Томассон использовала, например, следующие концептуальные истины, которые она называет влекущими существование кондиционалами (existence-entailing conditionals):

[296] Quine W. V. O. Two Dogmas of Empiricism // Philosophical Review. 1951. № 60(1). p. 20-43

[297] Thomasson A. Ordinary Objects. Oxford, Oxford University Press, 2007 pp. 28-53

[298] https://survey2020.philpeople.org/survey/results/all

1. Если мяч красный, то мяч обладает свойством быть красным (а значит есть свойства).

2. Если на столе стоят две кружки, то число стоящих на столе кружек равно двум (а значит есть числа).

3. Если есть частицы организованные столообразно, то есть столы.

Проблема в том, что нетрудно придумать концептуальные истины, неотличимые на первый взгляд от данных кондиционалов, но ведущие к абсурдным выводам. Тим Баттон, например, предлагает такой кондиционал (мы приводим его на английском, поскольку в переводе смысл теряется)[299]:

4. If I did it for him, then I did it for his sake (and so there are sakes).

В английском есть устойчивое выражение «for someone's sake», означающее «ради кого-либо», поэтому «I did it for his sake» можно перевести как «Я сделал это ради него». Очевидно, что никаких объектов, обозначаемых английским сиингулярным термином «sake», не существует. Примерным аналогом русском языке может быть такой кондиционал[300]:

5. Если он ничего не делает, то он бьет баклуши (а значит есть баклуши).

В пользу существования теистического Бога тоже можно сформулировать подобный кондиционал:

6. Если понятие *Бог* включает совершенство (свойство *быть совершенным*), то Бог существует.

[299] Button T. Deflationary metaphysics and ordinary language // Synthese. 2020. № 197. p. 35

[300] Изначально слово «баклуши» действительно ссылалось на объект – обрубки древесины, но во фразеологизме «бить баклуши» его референциальная функция уже утрачена, и из того, что человек бездельничает, не следует существования каких-либо объектов.

Но большинство современных философов, даже верующих и даже сторонников онтологического аргумента, посчитают такое простое доказательство бытия Бога слишком легким и неправомерным.

Мэтти Эклунд предлагает еще два кондиционала, которые взятые вместе приводят к очевидному противоречию. Эти кондиционалы должны ввести в наш язык два новых термина «хсредце» («xheart») и «хпечень» («xliver»)[301]:

7-1. Только если есть сердце и нет хпеченей, то есть хсредце.

7-2. Только если есть печень и нет хсердец, то есть хпечень.

Каждый из кондиционалов доказывает существование объектов определенного вида, но они не могут сосуществовать, а значит, по крайней мере один из кондиционалов не является концептуальной истиной. Но какой и почему? И есть ли принципиальное отличие плохих кондиционалов от хороших?

Томассон уверена, что да, принципиальная разница существует, и она заключается в тех терминах, которые используются в плохих/хороших кондиционалах. В хороших кондиционалах введение новых терминов должно отвечать определенным условиям. Если эти условия соблюдены, то мы можем сказать, что новый сортальный термин минимально введен (minimally introduced) в наш язык. Условий всего три (L – язык не содержащий вводимый термин):

1. Термин должен вводиться с помощью кондиционала, дающего достаточные условия для его применения, сформулированного с использованием существующих терминов L и/или других минимально введенных терминов.

2. Введение этого термина не должно аналитически влечь за собой ничего такого, что можно было бы сформулировать на нерасширенном L, и что уже аналитически не вытекало бы из истин, изложенных на L.

3. Термин также должен быть связан с достаточными условиями соприменения (coapplication conditions), чтобы мы могли выносить суждения о тождестве и различии объектов, обозначаемого им сорта. Это условие делает вводимые термины сортальными.

[301] Eklund M. Neo-Fregean Ontology // Philosophical Perspectives. 2006. №20. pp. 112-113

Данные условия должны отсеять все плохие кондиционалы. Первое отвергает кондиционалы Эклунда 7-1 и 7-2, поскольку в них новые термины не вводятся с помощью уже существующих терминов, а с помощью друг друга. Второе условие позволяет отвергнуть кондиционал 6 о существовании Бога, поскольку существование всемогущего и всеведущего творца аналитически влечет за собой, например, существование того, кто сотворил вселенную из ничего. Однако ничто в языке, в котором нет понятия теистического Бога, этого аналитически не влечет. Третье условие должно исключить sakes и баклуши из кондиционалов 4 и 5 и все подобные абсурдные объекты – у обозначающих их терминов «sakes» и «баклуши» нет условий соприменения и мы не можем сказать, когда человек бьет те же самые баклуши, что и раньше.

Некоторые критики считают, что даже хорошие кондиционалы (как и тривиальные аргументы, в которые они входят) не достигают нужной Томассон цели и не имеют онтологического значения. По мнению Томаса Хофвебера[302], функция этих кондиционалов в нашем языке совсем другая, в связи с чем мы не можем делать на их основании выводы о существовании чего-либо. Например, сам кондиционал 1 «Если мяч красный, то мяч обладает свойством быть красным (а значит есть свойства)» и подобные ему кондиционалы вполне правомочны, но добавление в скобках неверно. Причина этого проста – функция кондиционалов заключается в смене акцентов, привлечении нашего внимания к какому-то аспекту того, что утверждается, а не в доказательстве существования тех или иных сущностей. Хофвебер поясняет это на примере. Томассон считает концептуальной истиной следующий кондиционал:

(ЮП) Если Юпитер обладает четырьмя спутниками, то число спутников Юпитера равно четырем[303].

Данный кондиционал концептуально истинен, поскольку утверждения «Юпитер обладает четырьмя спутниками» и «Число спутников Юпитера равно четырем» концептуально эквивалентны:

(ЮП*) Юпитер обладает четырьмя спутниками, если и только если число спутников Юпитера равно четырем.

[302] Hofweber T. Thomasson on Easy Arguments // Garcia-Godinez M. (ed.) Thomasson on Ontology. Cham, Palgrave Macmillan, 2023 pp. 39-60

[303] На самом деле у Юпитера около ста спутников.

В нашем повседневном языке присутствуют оба этих утверждения, в связи с чем Хофвебер задается вопросом – почему это так? Зачем нужны два разных, но концептуально эквивалентных предложения? Он пишет: «… возникает вопрос, почему в нашем языке должны быть оба этих концептуально эквивалентных предложения, и почему мы когда-либо произносили одно, а не другое в обычном общении. В конце концов, они концептуально эквивалентны, поэтому, какое из них мы бы использовали, не может иметь значения. В частности, поскольку одно из эквивалентных предложений длиннее и сложнее, казалось бы, от него должно быть мало пользы. В конце концов, зачем лишние усилия?»[304].

Хофвебер отвечает на данный вопрос так: два эквивалентных предложения разной формы нужны для эффекта фокусировки (focus effect), то есть для привлечения внимания слушателей к определенному аспекту того, что говорится. Когда мы говорим: «Число спутников Юпитера равно четырем», мы хотим акцентировать внимание не на том, что у Юпитера вообще есть спутники, а на том, что их всего четыре. Того же самого эффекта можно было бы достичь особым выделением слова «четырьмя» в первом предложении – мы могли бы произнести его громче или написать заглавными буквами «Юпитер обладает ЧЕТЫРЬМЯ спутниками». Доказательством этому может служить характер вопросов, подходящих для каждого из предложений: «То, что это так, можно доказать, посмотрев на соответствие вопросов и ответов в различных предложениях, т. е. какие предложения являются правильными ответами на какие вопросы. В двух словах, если вы спросите, что я ел на обед, можно ответить, что у меня было два рогалика, но странно отвечать, что количество рогаликов, которые я съел, равно двум. Это подчеркивает неправильную вещь: сколько я съел, а не что я съел. Но если вы спросите, сколько у меня было рогаликов на обед, то все в порядке»[305]. Для предложений про спутники Юпитера вопросы также разнятся:

(ЮП-1) Есть ли у Юпитера спутники? – Юпитер обладает четырьмя спутниками.

(ЮП-2) Сколько именно у Юпитера спутников? – Число спутников Юпитера равно четырем.

---

[304] Hofweber T. Thomasson on Easy Arguments // Garcia-Godinez M. (ed.) Thomasson on Ontology. Cham, Palgrave Macmillan, 2023 pp. 44

[305] Ibid., p. 45

Хофвебер приходит к выводу, что семантической функцией слова «четыре» является в обоих случаях модификация существительного «спутник», а не ссылка на объект (число четыре): «… тогда “четыре” в “Число спутников Юпитера равно четырем” не является референциальным. Его семантическая функция заключается в модификации существительного, но синтаксически оно появляется вдали от существительного для эффекта фокусировки. Но референция – это также семантическая функция, и она несовместима с модификацией существительного»[306].

В ответ на данное возражение Томассон частично соглашается с Хофвебером – изменение положения слова «четыре» в предложении может быть связано с эффектом фокусировки. Однако данный эффект никак не связан с вопросом о наличии у слова референта: мы можем сказать: «Петр любит Марию» или «Мария любима Петром», где место того или иного имени определяется нашим желанием сфокусировать внимание собеседника на Петре либо Марии. Однако во всех случаях имена ссылаются на соответствующих людей: «Таким образом, их присутствие в предложении с эффектом фокусировки само по себе не может дать нам никаких оснований сомневаться в том, что соответствующие термины выполняют референциальную функцию»[307].

В заключение главы мы кратко остановимся на вопросах методов онтологии. Томассон отвергает куайновскую методологию выявления онтологических обязательств научных теорий, в чем она видит одно из важных преимуществ легкой онтологии. Мы не обязаны принимать существование тех и **только** тех сущностей, по которым мы должны квантифицировать в наших наилучших научных теориях.

Во-первых, квантификация не играет никакой онтологической роли – через тривиальные аргументы мы можем вводить новые термины в язык и доказывать существование тех объектов, по которым мы ранее не квантифицировали. Все происходит наоборот, квантификация следует за сингулярными терминами – введя новый термин, мы можем, если захотим, заменить его переменной, связанной квантором существования.

[306] Ibid., p. 47

[307] Thomasson A. Ordinary Objects. Oxford, Oxford University Press, 2007 p. 278

Во-вторых, куайновская стратегия перефразирования (о ней см. главу 1) теряет всякий смысл – даже если мы, например, перефразируем все предложения с упоминанием чисел так, чтобы эти упоминания убрать, мы всегда можем воспользоваться тривиальными аргументами и их вернуть. Томассон приходит к выводу, что «… должны ли мы квантифицировать по числам, столам, пропозициям, свойствам или чему-либо еще, в значительной степени не имеет значения, если любое утверждение, которое мы использовали бы для замены квантифицированного утверждения, приводит нас путем тривиальных выводов к тому, в котором мы действительно используем соответствующие ссылающиеся существительные или квантифицируем по сущностям такого рода»[308]. Впрочем, Томассон отвергает лишь исключительность куайновского критерия, мы не должны признавать существование **только** тех сущностей, по которым мы квантифицируем, но квантификация может быть одним из способов доказательства существования, хотя тривиальные аргументы делают ее не особо полезной.

В-третьих, Томассон отвергает куайновскую зацикленность на научных теориях – тривиальные аргументы могут выводить существование из самых обычных истинных утверждений, не являющихся частью научной теории. Шляпы, столы и кружки не фигурируют в научных теориях, однако они существуют, и мы можем это доказать. Куайновский критерий может быть полезен для проведения различия между базовыми для науки сущностями и всеми остальными.

Если принять методологию Томассон, то что произойдет с онтологией как входящей в состав метафизики философской дисциплиной? По сути, она должна исчезнуть, поскольку тривиальные аргументы дадут ответ на значительное большинство специфически философских онтологических вопросов – о существовании свойств, пропозиций, чисел, множеств, обычных объектов и т. д. Причем подавляющее большинство этих ответов будут утвердительными – спорные сущности действительно существуют. По мнению Томассон, такой результат следует оценивать положительно, поскольку раньше онтологические споры были бесплодными и не могли быть удовлетворительно разрешены с помощью ортодоксальной методологии. Но исчезновение онтологии не означает конца метафизики в целом, которая может заниматься самыми различными вопросами, не касающимися существования каких-либо сущностей: «Помимо вопросов

[308] Ibid., p. 131

существования, метафизика рассматривает целый ряд вопросов, которые являются (имплицитно или эксплицитно) модальными вопросами: вопросы о сущностях и природе, условиях тождества и постоянства, условиях существования, контрфактических ситуациях и так далее. Метафизика также рассматривает вопросы взаимоотношений: вопросы о том, как связаны сущности "более высокого уровня" и "более низкого уровня", вопросы о конституции, зависимости, супервентности, редукции и (наиболее заметно в недавней литературе) базировании [grounding]»[309]. Томассон уверена, что все они могут быть решены концептуальными и/или эмпирическими методами, без обращения к тяжеловесной метафизике, характерной для неокуайновского подхода.

Некоторые философы, соглашаясь с Томассон относительно легкости вопросов существования, не разделяют ее мнения о конце онтологии. В частности Джонатан Шаффер, чья теория будет рассмотрена в главе 9 согласен с тем, что на большинство традиционных онтологических вопросов легко дать положительный ответ, но онтология как дисциплина должна отвечать не на куайновский вопрос «Что есть?», а на аристотелевский вопрос «Что на чем базируется?».

Список литературы

1. Brenner A. Easy ontology, application conditions and infinite regress // Analysis. 2018. № 78(4). pp. 605-614

2. Garcia-Godinez M. (ed.) Thomasson on Ontology. Cham, Palgrave Macmillan, 2023

[309] Ibid., p. 325

3. Korman D. Easy Ontology without Deflationary Metaontology // Philosophy and Phenomenological Research. 2019. № 99(1). pp. 236-243

4. Raab J. The unbearable circularity of easy ontology // Synthese. 2021. № 199(1-2). pp. 3527-3556.

5. Thomasson A. Answerable and Unanswerable Questions // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 pp. 444-471

6. Thomasson A. Existence Questions // Philosophical Studies. 2008. № 141. pp. 63–78

7. Thomasson A. Experimental Philosophy and the Methods of Ontology // Monist. 2012. № 95(2). pp. 175–99

8. Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014

9. Thomasson A. Ordinary Objects. New York: Oxford University Press, 2007

10. Thomasson A. The Easy Approach to Ontology // Axiomathes. 2009. № 19(1). pp. 1–15

Глава 6. Фикционалистская метаонтология С. Ябло

Рассматриваемый в данной главе фикционализм, хотя и не причисляется к дефляционизму, о котором шла речь в двух предыдущих главах, является достаточно близкой к нему позицией. Он также производит своего рода обесценивание некоторых онтологических споров, поскольку считает спорные сущности фиктивными, существующими лишь согласно определенной истории, фикции. В связи с этим фикционализм и дефляционизм часто объединяют, называя их промежуточными позициями между антиреализмом, умеренной формой которого является фикционализм, и реализмом, умеренной формой которого является дефляционизм: «Фикционализм и дефляционизм – это два умеренных метаонтологических взгляда , которые занимают промежуточное положение между крайностями жесткого реализма и крайнего элиминативизма в отношении определенных видов сущностей (например, чисел, множеств, пропозиций, возможных

миров или вымышленных персонажей). Фикционализм – это умеренная форма антиреализма, которая отрицает существование рассматриваемых сущностей, но оправдывает разговоры об этих сущностях как о чем-то сродни полезной художественной литературе... Дефляционизм, с другой стороны, является умеренной формой реализма, которая утверждает не только то, что рассматриваемые сущности существуют, но и то, что их существование может быть установлено с помощью так называемых “легких аргументов” – аргументов, которые, предположительно, опираются исключительно на неоспоримые предпосылки и тривиальные умозаключения»[310].

В данной главе будет рассказано об одной фикционалистской метаонтологической теории – фигурализме Стивена Ябло. Но перед этим мы дадим общую характеристику фикционализма[311].

Фикционализм в отношении какого-либо дискурса строится на аналогии между ним и парадигмально фикциональными дискурсами – художественными произведениями, рассказами, романами, фильмами и т. д., в связи с чем объекты этого дискурса оказываются несуществующими (чаще всего) или же наделенными тем же онтологическим статусом, что фиктивные объекты – литературные герои, вымышленные страны, города, предметы[312]. Это можно назвать тезисом об аналогии[313]:

(AH) Целевой дискурс может быть с пользой интерпретирован по аналогии с естественным способом интерпретации парадигмально вымышленного дискурса, и последующая теория целевого дискурса поддерживает антиреалистский подход к его кажущемуся предмету.

Сразу следует сказать, что все фикционалистские теории делятся на герменевтические и революционные:

[310] Contessa G. It Ain’t Easy: Fictionalism, Deflationism, and Easy Arguments in Ontology // Mind. 2016. № 125(499) p. 763

[311] Последующие изложение общей характеристики фикционализма частично заимствовано из гл. 8 «Моральный фикционализм» книги Кононова Е. А. Метаэтика. Теоретический обзор. М. 2023 https://philpapers.org/rec/KONALX

[312] О фиктивных объектах см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 92-111 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[313] Skiba L., Woodward R. Fictionalist strategies in metaphysics // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 p. 260

(ГФ) Герменевтический фикционализм: целевой дискурс уже является фикциональным.

(РФ) Революционный фикционализм: целевой дискурс должен стать фикциональным.

Для герменевтического фикционалзма наш математический, модальный и т. д. дискурсы уже являются фикциональными. Все реально совершаемые высказывания в их рамках должны интерпретироваться по аналогии с фиктивными высказываниями. Революционный фикционализм предлагает эту аналогию как новую, революционную интерпретацию дискурсов, которые в настоящее время таковыми не являются. Как правило, эта разновидность фикционализма является продолжением теории ошибки в отношении целевого дискурса – актуально совершаемые высказывания в его рамках ложны, но полезный для нас дискурс можно сохранить, рассматривая его как фикцию. Рассматриваемый в данной главе фигурализм принадлежит к герменевтическому фикционализму.

Более полно фикционализм вообще можно охарактеризовать с помощью трех принципов: фактуальности, квази-фикциональности и полезности.[314] Рассмотрим каждый из них более подробно.

(Факт) Каждое кажущееся утверждение соответствующего типа действительно является утверждением, то есть чем-то, что может быть истинным или ложным; оно выражает пропозицию; оно является репрезентацией (аккуратной или нет) того, как обстоят дела. Оно может обладать истинностным значением (truth-apt).

Принцип фактуальности утверждает когнитивистскую позицию относительно соответствующих дискурсов. Если взять, например, моральный фикционализм, то мы можем сказать, что моральные утверждения (по крайней мере, при их буквальном понимании) действительно нечто утверждают и могут быть истинными или ложными. Это противопоставляет фикционализм различным видам нонкогнитивизма, для которых соответствующие утверждения являются выражением чувств, предписаний, установок, принятия норм и так далее.

[314] Kroon F., McKeown-Green J., Brock S. A critical introduction to fictionalism London, Bloomsbury Academic, 2018 p. 93

(Квази-фикц) Каждое утверждение p соответствующего типа напоминает утверждения о фиктивных объектах постольку, поскольку нормой принятия (norm of acceptance) или согласия (assent) для утверждений этого типа является не истина, а истина в фикции или истории F. Эта истина в фикции F понимается одним из стандартных путей, которым понимается это понятие в литературной фикции: или в терминах истины утверждения p с прибавлением «в фикции F» (то есть «в фикции F p») или в терминах притворства (pretence), базирующегося на фикции F.

Данный принцип носит название принципа **квази**-фикциональности, поскольку заявляется лишь аналогия, а не полное тождество, соответствующего дискурса и художественных произведений. Математика или мораль для фикционалистов не являются в буквальном смысле литературными произведениями, но лишь похожи на них. Это сходство и раскрывает данный принцип. Оно состоит в том, что в рассматриваемом дискурсе и в художественной литературе действует одна и та же норма принятия. Поясним это на примере, сравнив обычное и литературное утверждение. Все мы примем и согласимся с двумя следующими утверждениями, одно из которых касается реального мира, а другое – выдуманного:

(1) Джо Байден является президентом США.

(2) Шерлок Холмс является частным детективом.

Хотя мы принимаем каждое из этих утверждений, мы принимаем их на разных основаниях. Первое мы примем, поскольку оно истинно. Второе мы тоже примем, но не из-за его истинности: это утверждение ложно, так как Шерлок Холмс никогда не существовал и не был детективом. Мы принимаем его, поскольку в рамках литературных произведений, рассказов Конан Дойла, Шерлок Холмс действительно является частным детективом. Оно является истинным в фикции F, где F – тот или иной рассказ Конан Дойла (или все они вместе).

Как видно из формулировки принципа, истину в фикции F можно понимать двояко. В зависимости от этого фикционализм делится на два вида – фикционализм содержания (content fictionalism) и фикционализм силы (force fictionalism):

(Фсод) При обычном произнесении предложения дискурса D утверждается некоторое содержание, однако утверждаемое содержание отличается от буквального.

В соответствии с данной разновидностью фикционализма, когда человек произносит предложение: «Шерлок Холмс является частным детективом», он действительно делает утверждение, однако утверждает он не то, что Холмс является детективом (такое утверждение было бы ложным), а то, что, *в соответствии с произведениями Конан Дойла*, Шерлок Холмс является частным детективом. То есть содержание предложения включает в себя скрытое добавление или префикс, поэтому данную разновидность фикционализма называют иногда префикс-фикционализмом. В таком виде утверждение является истинным.

(Фсил) При обычном произнесении предложения дискурса D содержание, выражаемое предложением, на самом деле не утверждается, вместо этого выполняется другой речевой акт.

В данной разновидности фикционализма реальное содержание предложения остается неизменным, однако речевые акты при произнесении предложений (1) и (2) оказываются разными, хотя мы можем этого и не замечать. Какой же именно речевой акт происходит вместо утверждения? По мнению большинства философов, наиболее подходящим является притворство (pretense, make-believe). Мы только притворяемся, что утверждаем нечто, подобно тому, как актер на сцене притворяется, что он – Гамлет или Макбет.

Последним основным принципом фикционализма является принцип полезности.

(Полез) Вклад, вносимый продолжением участия в данном дискурсе, является достаточно весомым для продолжения этого участия. Вклад, как теоретический, так и практический, достаточен для того, чтобы продолжать делать кажущиеся утверждения в рамках дискурса, несмотря на то, что полагаемые дискурсом объекты не существуют, и утверждения (понимаемые буквально) являются ложными.

Именно приверженность принципу полезности отличает фикционалистов от аболиционистов, считающих, что от

соответствующего дискурса следует вообще отказаться. Для того чтобы быть полезными, дискурс или теория необязательно должны быть истинными. Например, математический фикционализм признает, что полагаемые математическим дискурсом объекты (числа, множества, функции и т. д.) не существуют, но это никак не уменьшает полезности математики в самых разных областях нашей жизни.

Такое сочетание несуществования и полезности Стивен Ябло считает отправной точкой для принятия фикционализма как метаонтологической теории. Он называет его Затруднительное положение (The Predicament)[315]:

(ЗП) Затруднительное положение: 1. мы произносим предложения, которые, как кажется, обязывают нас признать существование определенных сущностей, 2. мы не верим в то, что эти сущности существуют.

Для тех, кто оказался в подобном затруднительном положении, куайновская ортодоксия предлагает три возможных выхода:

1. Показать, как нежелательные обязательства могут быть удалены путем перефразирования.

2. Прекратить произнесение проблемных предложений.

3. Прекратить сопротивление и признать нежелательные обязательства.

Для Куайна и его последователей невозможно продолжать использовать какой-либо дискурс в неизменном виде, не признавая при этом его онтологических обязательств. Те, кто так делает, вызывают лишь сожаление: «Я сожалею о таком поверхностном стиле мысли, согласно которому мы можем свободно употреблять абстрактные термины всеми возможными для терминов способами без того, чтобы признавать тем самым существование каких-либо абстрактных объектов. В соответствии с этим решением абстрактные обороты речи – это просто лингвистические употребления, свободные от метафизического обязательства в отношении особого царства сущностей»[316]. Фикционализм предлагает сделать именно это, то есть он предлагает еще один выход, помимо трех указанных выше, и Ябло ставит своей

[315] Yablo S. Go figure: A path through fictionalism // Midwest Studies in Philosophy. 2001. № 25(1). p. 72

[316] Куайн У. В. О Слово и объект М.: Логос, Праксис, 2000, с. 144

целью показать, что в этом нет ничего предосудительного и достойного сожаления. Для этого он последовательно рассматривает несколько форм фикционализма, чтобы в итоге прийти к наиболее убедительной – фигурализму.

Куайн, сам того не замечая, упоминает фикционалистскую возможность решить проблему нежелательных обязательств, не отказываясь от проблемного дискурса: «Один из способов, с помощью которого человек может не разделять онтологические обязательства своего дискурса, – это ... занять несерьезную позицию. Родитель, рассказывающий сказку о Золушке, обязан допускать в свою онтологию добрую фею и карету из тыквы не более, чем истинность самой сказки»[317]. Ябло убежден, что такую «несерьезную позицию» можно превратить в отдельный метаонтологический подход, что даст четвертый выход из затруднительного положения:

4. Рассматривать предложения как фикциональные или притворные.

В своем наиболее простом воплощении такой фикционализм считает, что люди притворяются (make as if), когда они утверждают, что S, убеждены в том, что S или слышат от других информацию о том, что S. Это притворство служит полезной цели – оно упрощает принимаемую людьми теорию, укорачивает доказательства и т. д. Если остановиться на таком представлении о фикционализме и не предлагать никакого дальнейшего объяснения того, что люди на самом деле делают, когда притворяются, что S, то мы получим инструменталистский фикционализм или просто инструментализм, самую базовую версию фикционализма силы:

(ИНСТ) Инструментализм: произнесение предложения S является притворным утверждением, что S, и служит какой-либо полезной цели.

По мнению Ябло, инструментализм сталкивается с тремя серьезными проблемами, которые он решить не в состоянии. Первая из них касается феноменологии. Когда мы произносим: «Два плюс три

---

317 Quine W. V. O. From a Logical Point of View. 2nd edn. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980 p. 103

равно пяти» или «Число апостолов равно двенадцати»[318], то данные произнесения подавляющему большинству из нас не кажутся чем-то притворным. Они выражают наши подлинные убеждения. Если же при произнесении мы не утверждаем, что два плюс три равно пяти или что число апостолов равно двенадцати, то у этих произнесений должно быть какое-то другое реальное содержание, которое мы действительно утверждаем. Но инструментализм ничего не говорит о данном содержании. Поэтому первую проблему можно назвать проблемой реального содержания.

Вторая проблема связана с тем, что мы характеризуем наши произнесения как правильные и неправильные. Сказать, что два плюс три равно пяти, правильно, а сказать, что два плюс три равно семи – нет. Интуитивно кажется, что произнесение правильно, если и только если его реальное содержание истинно. Однако инструменталисты умалчивают о реальном содержании, а значит не могут провести требуемое различие между правильными и неправильными произнесениями. Эту вторую проблему можно назвать проблемой правильности.

Третья проблема связана с поведением людей. Люди ведут себя так, как вели бы, если бы действительно были убеждены в истинности соответствующих высказываний: они утверждают их, подкрепляют их свидетельствами и аргументами, отстаивают свою правоту, если другие оспаривают их и т. д. Все это указывает на присутствие подлинных убеждений.

В качестве примера инструментализма Ябло приводит теорию Хартри Филда в книге «Наука без чисел»[319] – в соответствии с ней мы квази-утверждаем различные вещи относительно математических объектов, поскольку это значительно сокращает наши доказательства и упрощает формулировки теорий относительно конкретных объектов. Но о том, что мы действительно утверждаем какое-то S*, когда квази-утверждаем S, у Филда ничего не говорится. В этом и заключается слабость его теории и всех разновидностей инструментализма вообще – дополнение теории и введение реального (реально утверждаемого) содержания для притворных утверждений помогло бы решить три указанных проблемы.

[318] В своих работах Ябло сосредотачивает почти все свое внимание на математическом фикционализме, в связи с чем приводимые им примеры касаются чисел и других математических объектов.
[319] Field H. Science Without Numbers. Princeton, Princeton University Press, 1980

Все фикционалисты пытаются отличить правильные притворные или квази-утверждения от неправильных. Притворство является своеобразной игрой по вполне определенным правилам. Для каждого притворного утверждения, что S, есть набор условий C, при выполнении которых притворно утверждать, что S, является правильным:

(ПРАВ) Притворное утверждение, что S, является правильным, если и только если C(S).

Отбросив инструментализм, сторонник фикционализма мог бы указать на C(S) как на реальное содержание притворного утверждения, что S: при произнесении предложения S мы притворно утверждаем его буквальное содержание и действительно утверждаем, что выполнены условия, которые делают произнесение правильным. По сути, мы действительно утверждаем нечто о самом предложении: мы утверждаем, что произнести его в данный момент является уместным действием в соответствии с правилами притворства. Такую разновидность фикционализма Ябло называет метафикционализмом:

(МЕТФ) Метафикционализм: произнесение предложения S является утверждением, что S обладает свойством *являться подходящей вещью для произнесения в данный момент в соответствии с правилами притворства*.

Поясним это на примере. Произнесение предложения «Два плюс три равно пяти» будет правильным, если и только если данное равенство следует из аксиом и определений стандартной арифметики. Арифметика будет задавать правила притворства в данном случае, а значит, для метафикционалиста произнесение предложения «Два плюс три равно пяти» будет утверждением, что это предложение обладает свойством *являться подходящей вещью для произнесения в данный момент в соответствии со стандартной арифметикой*.

Метафикционализм сразу же сталкивается с серьезной проблемой. Как кажется, два плюс три с необходимостью равняется пяти, другой результат здесь невозможен, и мы знаем это априорно. Однако другая стандартная арифметика возможна (история математики могла бы сложиться по-другому), в результате чего предложение «Два плюс три равно пяти» **не** обладает с необходимостью свойством *являться подходящей вещью для произнесения в данный момент в соответствии со стандартной арифметикой*. Кроме того, наши

знания о том, какова стандартная арифметика, не являются априорными (мы получаем их в школе в процессе обучения). Метафикционалим неоправданно изменяет модальный и познавательный статус того, что мы утверждаем при произнесении предложения.

Другая проблема связана с тем, что является предметом нашей заботы, что нас волнует при произнесении предложений. Нас будет заботить то, что число голодающих в мире увеличивается. Но мало кого волнуют аксиомы и определения стандартной арифметики. Если же метафикционализм прав, то притворно утверждая, что число голодающих в мире увеличивается, мы на самом деле утверждаем, что говорить об увеличении числа голодающих в мире уместно в соответствии со стандартной арифметикой. Вряд ли нас заботит, что уместно, а что нет по правилам арифметики.

Со второй проблемой связана третья – феноменологическая. Когда мы говорим: «Число голодающий людей в мире увеличилось», нам совсем не кажется, что мы утверждаем нечто, хотя бы отдаленно связанное с арифметикой. Предложение про голодающих касается правил арифметики не в большей степени, чем предложение «Снег белый» касается правил русского языка, в соответствии которыми оно составлено.

Мы можем воспользоваться этой аналогией с правилами русского языка и предложить более успешный вариант фикционализма. При произнесении предложений с упоминанием чисел мы *опираемся* на правила арифметики, хотя и *не говорим* ничего, чтобы их касалось. Точно так же при произнесении любого осмысленного предложения мы опираемся на правила русского языка, хотя подавляющее большинство произносимого нами этих правил не касается. Фикция, как и правила языка, служит посредником, а не посланием.

Правила языка говорят нам, при каких условиях в мире истинны те или иные предложения, то есть дают условия истинности предложений. Ябло предлагает определить вклад правил более точно следующим образом[320]:

1. Ситуация, когда условия K достаточны в соответствии с набором правил R для истинности предложения S, обозначается как $R^K \geq S$.

[320] Yablo S. Go figure: A path through fictionalism // Midwest Studies in Philosophy. 2001. № 25(1). p. 76

2. Ситуация, когда условия K необходимы в соответствии с набором правил R для истинности предложения S, обозначается как $R^K \leq S$.

3. Ситуация, когда условия K необходимы и достаточны в соответствии с набором правил R для истинности предложения S, обозначается $R^K = S$.

Воспользовавшись этими обозначениями, мы можем определить буквальное содержание предложения S так:

(БС) litcontent(S) = [условия K таковы, что $R^K = S$]

Буквальным содержанием предложения являются его условия истинности в соответствии с правилами R. Формула $R^K = S$ внешне напоминает формулу математической операции возведения в степень, в связи с чем Ябло пользуется этой аналогией и предлагает еще один вариант определения:

(БС*) litcontent(S) = $\log_R(S)$

Из определения видно, что R нужны для закрепления соответствующего содержания за предложением S, но сами они в этом содержании не задействованы. Аналогично, равенство $2 = \log_3 9$ не говорит о том, что число 3 каким-либо образом «задействовано» в числе 2.

Теперь для получения новой разновидности фикционализма осталось заменить правила языка R на фикцию F, а буквальное содержание на реальное. Получится, что реальным содержанием S является **не** то, что S уместно в соответствии с фикцией, а те условия K, которые делают S уместным в соответствии с фикцией:

(БСФ) realcontent(S) = [условия K таковы, что $F^K = S$]

(БСФ*) realcontent(S) = $\log_F(S)$

Условия K будут уже не условиями истинности, а условиями фиктивности, то есть уместности для произнесения в соответствии с фикцией F. Этот вариант фикционализма Ябло называет объектным фикционализмом:

(ОФ) Объектный фикционализм (object fictionalism): произнесение предложения S является утверждением, что выполнены

условия K, которые делают S уместным в соответствии с фикцией F, то есть что $\log_F(S)$.

Фикция F определяет, какими должны быть условия K в каждом конкретном случае. Например, фикция арифметики определяет, что при наличии нескольких E, можно говорить о существовании сущности (числа), которая измеряет их по мощности («measures them cardinality-wise»): при наличии пяти E, этой сущностью будет число 5, при наличии миллиона E, этой сущностью будет число 1000000 и т. д. Фикция возможных миров определяет, что если нечто возможно, то можно говорить о существовании возможного мира, в котором это нечто действительно имеет место. Фикция свойств определяет, что если есть некоторые Q и только они являются Q, то можно говорить о существовании свойства Q-вости, которое инстанцировано только ими. Говоря более формально, объектный фикционализм утверждает, что:

$\log_F$(число E's = n) = есть n E's.
$\log_F$(есть мир, такой, что H) = возможно, что H.
$\log_F$(x обладает Q-востью) = x является Q.

В соответствии с (БСФ*) можно сказать:

realcontent(число E's = n) = есть n E's.
realcontent(есть мир, такой, что H) = возможно, что H.
realcontent(x обладает Q-востью) = x является Q.

Теперь мы можем сказать, что именно мы действительно утверждаем при притворном утверждении чего-либо:

притворное утверждение «Число E's = n» является действительным утверждением, что *есть n E's*.

притворное утверждение «Есть H-мир» является действительным утверждением, что *возможно, что H*.

притворное утверждение «x обладает Q-востью» является действительным утверждением, *что x является Q*.

В объектном фикционализме истинность-в-фикции какого-либо предложения зависит от реальной истинности сопоставляемого с ним другого предложения: «Число планет в Солнечной системе

равно восьми» истинно-в-фикции, поскольку «Есть восемь планет в Солнечной системе» истинно simpliciter. Притворное утверждение истинного-в-фикции является действительным утверждением реально истинного.

Переход к объектному фикционализму решает три упомянутые выше проблемы метафикционализма. Проблемы заботы и феноменологии: когда мы говорим, что число голодающих увеличивается, то мы действительно утверждаем, что раньше голодающих было меньше, а сейчас и в будущем их больше и больше. Это как раз то, что и должно нас заботить, наши утверждения связаны с положением людей и никак не касаются арифметики. Модальная проблема: притворное утверждение предложения «Два плюс три равно пяти» является действительным утверждением, касающимся того факта, что если имеются два F's и три G's, то при отсутствии пересечения у нас имеется пять (F-или-G)'s. Данное утверждение можно представить как: $(\exists_2 xFx \ \& \ \exists_3 yGy \ \& \ \neg\exists z(Fz \ \& \ Gz)) \rightarrow \exists_5 u(Fu \lor Gu)$, что является логической истиной, которая необходима и априорна. Мы получили нужный модальный статус.

Несмотря на все свои достоинства, объектный фикционализм сталкивается с фатальной для себя проблемой, которая была впервые сформулирована Стюартом Броком[321] и Гидеоном Розеном[322] для модального фикционализма (проблема Брока-Розена), а затем обобщена для всего фикционализма Дэниелом Ноланом и Джоном О'Лири-Хоторном[323].

В соответствии с объектным фикционализмом предложение S притворно утверждаемо, если и только если оно истинно-в-фикции. Кроме этого, оно притворно утверждаемо, если и только если его реальное содержание истинно simpliciter. Проблема в том, что из этих определений можно вывести реальное существование фиктивных сущностей, что подрывает саму основу фикционализма. Рассмотрим, как это можно сделать на примере арифметической фикции («#(K's)» обозначает число K's):

(a) «#(K's)=n» притворно утверждаемо, если и только если в соответствии с числовой фикцией #(K's)=n.

---

321 Brock S. Modal Fictionalism: A Response to Rosen // Mind. 1993. № 102 pp. 147–150

322 Rosen G. A Problem for Fictionalism about Possible Worlds // Analysis. 1993. № 53. pp. 71–81

323 Nolan D., O'Leary-Hawthorne J. Reflexive Fictionalisms // Analysis. 1996. № 56. pp. 26–32.

(b) «#(K’s)=n» притворно утверждаемо, если и только если реально есть n K’s.

(c) В соответствии с числовой фикцией #(четные простые числа)=1.

(d) «#(четные простые числа)=1» притворно утверждаемо.

из (b) и (d) следует, что

(e) Реально есть простое число.

Следствие (e) явно неприемлемо для арифметического фикционализма, ведь его главная цель – сохранение числового дискурса при реальном отсутствии чисел, то есть при номинализме. Фикционалисту нужно иметь возможность сказать:

(e*) Реально нет чисел.

Но и из этого, если пройти предыдущий аргумент в обратную сторону, получится нечто неприемлемое для фикционалиста:

из (b) и (e*) следует, что

(d*) «#(числа)=0» притворно утверждаемо.

из (a) и (d*) следует, что

(c*) В соответствии с числовой фикцией #(числа)=0.

Но фикционализм утверждает нечто обратное: в соответствии с числовой фикцией чисел очень много, их бесконечно много. Подобные неприемлемые выводы для объектного фикционализма (ОФ) получаются во всех областях. Например, для фикционализма свойств из

(e**) Реально нет свойств.

получается, что

(c**) В соответствии с фикцией свойств, свойство *быть свойством* не инстанцировано.

Более того, полученные таким образом результаты не просто ложны, но опровергают сами себя. Возьмем, например, утверждение из (c*), которое должно быть истинно в соответствии с числовой фикцией: «#(числа)=0» или «Число чисел равно нулю». Оно не просто ложно в рамках фикции, но и не может быть истинным: если число чисел равно нулю, то одно число все-таки существует – число ноль.

Объектный фикционализм решить эту проблему не может и должен быть модифицирован. Чтобы показать, как именно его следует модифицировать, Ябло берет только что рассмотренное нами предложение «Число чисел равно нулю». На первый взгляд оно ложно и опровергает себя, однако многие похожие на него предложения кажутся нам истинными. Возьмем, например, выражение «нести чепуху»[324], которое применяется к человеку, говорящему бессмыслицу или очевидную ложь. Оно практически никогда не понимается буквально, мы не думаем, что несущие чепуху люди действительно несут какой-то особый предмет – чепуху. Но мы можем вообразить ситуацию, где это выражение используется буквально. Представим себе наивного, очень доверчивого и плохо знающего русский язык Неда. Его приятель Петр решил подшутить над ним и убедил, что все, о ком говорят, что они несут чепуху, действительно несут какой-то предмет. При общении с Недом, мы замечаем это абсурдное убеждение и пытаемся разубедить его, говоря, что это просто фигура речи. Но Нед очень упрям и отвечает нам: «Может быть вам и кажется, что это фигура речи, но я так не думаю. Петр все очень убедительно доказал». В раздражении мы восклицаем: «Все, кто говорит, что люди несут чепуху, несут чепуху». Опровергает ли данное предложение само себя, превращаясь в нечто наподобие парадокса лжеца? Если правильно его интерпретировать, то нет: в первый раз выражение «несут чепуху» имеет буквальный смысл – «буквально несут чепуху», а во второй раз переносный – «говорят очевидную ложь». В результате предложение имеет тот же смысл, что и предложение «Все, кто говорит, что люди буквально несут чепуху, говорят очевидную ложь». Аналогичным образом номиналист в отношении чисел может сказать: «Число чисел равно нулю» и сказать нечто истинное. Как может фикционализм объяснить это в случае номиналиста?

[324] Ябло использует английское выражение «full of it».

Объектный фикционализм ошибочно считал, что единственная функция фиктивных X (абстрактных чисел) – помогать нам говорить о реальных Y (конкретных объектах). На самом же деле X могут играть две разных роли:

1. Они могут быть репрезентационными средствами (representational aids). Так функционируют «бабочки» в предложении «У меня бабочки в животе» и числа в «Число спутников Марса равно двум».

2. Они могут быть репрезентируемыми вещами (things-represented). Так функционируют «бабочки» в предложении «Бабочки порхают вокруг цветка» и числа в «На самом деле чисел нет».

Если модифицировать объектный фикционализм и дополнить его второй ролью для X, то мы получим то, что Ябло называет рефлексивным фикционализмом:

(РЕФ) Рефлексивный фикционализм: фиктивные объекты X могут быть как репрезентационными средствами, так и репрезентируемыми вещами.

Поскольку X могут быть или не быть репрезентационными средствами и быть или не быть репрезентируемыми вещами, получается четыре варианта предложений, из которых остается три, если отбросить вариант, где X не появляются ни в какой из ролей:

1. Первый вариант, где X функционируют только как репрезентационные средства. Это можно назвать прикладной X-речью (applied X-talk), примером которой будет предложение «Число спутников Марса равно двум». В прикладной X-речи невозможна посылка (c) из вышеприведенного аргумента, подрывающего объектный фикционализм, поскольку в ней числа являются репрезентируемыми вещами.

2. Второй вариант, где X функционируют только как репрезентируемые вещи. Это можно назвать явной X-речью (explicit X-talk), примером которой будет предложение «Числа существуют», произносимое платонистом или «Числа не существуют», произносимое номиналистом во время философских споров о существовании чисел. Для явной X-речи посылки (a) и (b) не имеют силы, так как говорят о притворной утверждаемости в рамках фикции.

3. Третий вариант, где X функционируют и как репрезентационные средства, и как репрезентируемые вещи. Это можно назвать

самоприкладной X-речью (self-applied X-talk), примером которой будет предложение «Число четных простых чисел равно нулю», произносимое номиналистом, где простые числа являются репрезентируемыми вещами, а число ноль – репрезентационным средством. Для самоприкладной X-речи посылка (a) имеет силу, но будет признана номиналистом ложной – номиналист с полным правом может притворно утверждать «Число четных простых чисел равно нулю», хотя в рамках фикции число четных простых чисел равно единице.

В рефлексивном фикционализме предложения с X могут функционировать по-разному, и нет единой фикции F, которая управляла бы всеми их случаями. Вместо нее Ябло вводит множество разных притворных игр (make believe games) G, каждая из которых имеет свои правила: «Рефлексивный фикционализм пытается учесть тот факт, что X-предложения открыты для множества интерпретаций, что соответствует различным способам разделения их X-образных отсылок на искренние и притворные. Препятствием на пути к разнообразию контента является наша универсальная фикция F. Поэтому F придется убрать. На ее место мы предлагаем притворные игры G, где подразумевается, что в разные игры можно играть с одинаковыми предложениями, и они будут такими, как того требует ситуация. Изменения в игре, в которую мы играем с S, приводят к изменениям в реальном содержании в соответствии со следующим правилом: realcontent(S) = $\log_G$(S), где G – текущая игра. (Прикладная X-речь становится самоприкладной, когда приемлемость в G попадает под контроль фактов о X). Реальное содержание – это условие, каким бы оно ни было, которому S обязано своей приемлемостью в G»[325]. Если номиналист говорит: «Число спутников Марса равно двум», то игра G_1, в которую он вовлечен, управляется фактами о Марсе и его спутниках, и высказывание является приемлемым. Если же номиналист говорит: «Число чисел равно нулю»», то игра G_2, в которую он вовлечен, управляется фактами о числах, и высказывание также является приемлемым. Высказывания не противоречат друг другу, поскольку входят в разные игры с разными правилами.

Понятие притворных игр (games of make-believe) Ябло заимствует у Кендала Уолтона[326], чья теория фикции оказала на него значительное влияние. В связи с этим мы сделаем небольшое

[325] Yablo S. Go figure: A path through fictionalism // Midwest Studies in Philosophy. 2001. № 25(1). p. 82

[326] Walton K. Mimesis as Make-believe. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1990

отступление и кратко охарактеризуем данную теорию. По мнению Уолтона, в процессе восприятия того или иного произведения потребители участвуют в своего рода игре, притворстве. Само произведение как материальный предмет (книга, кинопленка, холст с нанесенными на него красками и так далее) являются в такой игре вспомогательными средствами, реквизитом (props). Суть же игры в том, что люди представляют, притворяются, что окружающий их мир действительно таков, каким его описывает произведение. Подобно тому как дети в процессе игры воображают, что их игрушечное оружие – настоящее, так и читатели рассказов Конан Дойля представляют (по крайней мере, на время чтения) Холмса не как выдуманного персонажа, а как реального человека: «Чтобы понять картины, пьесы, фильмы и романы, мы должны сначала взглянуть на куклы, детские лошадки, игрушечные грузовики и плюшевые мишки. Занятия, в которых используются репрезентативные произведения искусства и которые дают им их смысл, лучше всего рассматривать как продолжение детских притворных игр. На самом деле, я выступаю за то, чтобы рассматривать эти занятия как притворные игры, и я буду утверждать, что репрезентативные работы выполняют роль реквизита в таких играх, как куклы и плюшевые мишки в детских играх»[327]. Отсюда то сопереживание, та эмоциональная вовлеченность, которую вызывают произведения искусства. На самом деле люди понимают, что никакого Шерлока Холмса не существует, но лишь притворяются, что он реален. Как и у всех других игр, у этой игры тоже есть правила. Они задаются реквизитом – текстом, фильмом, картиной, содержание которых накладывает определенные ограничения на работу воображения аудитории, санкционируют определенные интерпретации и запрещают другие. Если человек, читая рассказ «Этюд в багровых тонах», будет представлять Холмса балериной в пачке и пуантах, то он окажется неправ, и его соответствующее утверждение будет ложным. Реквизит (текст рассказа) не санкционирует такую интерпретацию.

В этом и большинстве других случаев, реквизит играет вспомогательную роль, помогая нам лучше понять фиктивное содержание игры. Реальное содержание нам не интересно – нам важно не то, из какой бумаги сделана книга, как она была напечатана и т. д., а то, что в ней написано. Но так происходит не во всех играх, которые Уолтон разделяет на ориентированные на содержание (content oriented), для

---

[327] Walton K. Mimesis as Make-believe. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1990 p. 11

которых важно фиктивное содержание игры, и ориентированные на реквизит (prop oriented), для которых важно реальное содержание, касающееся используемого в игре реквизита: «Но реквизит не всегда является инструментом на службе у притворства. Иногда притворство – это средство для понимания реквизита. Реквизит сам по себе может быть в центре нашего внимания, и смысл рассмотрения его как реквизита в (актуальных или потенциальных) притворных играх может заключаться в том, чтобы предоставить полезные или проясняющие способы его описания или осмысления. Само по себе участие в игре может быть не особенно увлекательным, и нас может мало интересовать содержание воображаемого мира или предмет наших фантазий. Игра может быть придумана просто для того, чтобы прояснить или раскрыть особенности реквизита для того, чтобы мы могли наблюдать за его ролью в ней. Это притворная игра, служащая познанию реквизита. Я называю это ориентированным на реквизит притворством и противопоставляю его ориентированному на содержание притворству, интерес которого заключается в содержании притворства, в вымышленном мире»[328].

Чтобы лучше понять данное различие, рассмотрим конкретный пример, используемый самим Уолтоном[329]. Дети играют на природе и представляют, что пни являются медведями. Пни в данном случае являются реквизитом, который задает правила игры: если дети натыкаются на очень большой пень, то это значит, что им встретился огромный медведь, маленький пень может означать медвежонка. Если они убегают от большого пня с криками ужаса, то это означает, что они убегают от огромного медведя и т. д. Во время игры они используют еще один реквизит – веревки, которые они пытаются набросить на пни, то есть поймать медведей в лассо. Игра самих детей ориентирована на содержание – их интересуют медведи и их поимка с помощью лассо. Теперь представим мать детей, которая недовольна тем, что после игры они часто забывают принести веревки обратно. Она говорит дочери: «В прошлый раз ты забыла лассо на одном из медведей. Больше так не делай». Мать тоже участвует в игре, она называет веревку лассо, а пень медведем. Но ее игра ориентирована на реквизит – для нее важно, что дети оставляют веревки висеть на

---

[328] Walton K. Metaphor and Prop Oriented Make-Believe // Kalderon M. Fictionalism in Metaphysics. Oxford, Oxford University Press, USA, 2005 p. 65

[329] Walton K. Mimesis as Make-believe. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1990 p. 21

пнях. С помощью слова «медведь» она передает дочери информацию о реквизите игры – о пне.

Ябло заимствует данные идеи Уолтона о притворных играх и использует их в своей метаонтологической теории, к рассмотрению который мы возвращаемся.

Рефлексивный фикционализм справляется с проблемами гораздо успешнее предыдущих версий фикционализма, но и его Ябло считает неполной и несовершенной версией. Чтобы увидеть это, вернемся к примеру с номиналистом, который стал теперь сторонником рефлексивного фикционализма и ему не терпится опробовать новые возможности. Но его энтузиазм, скорее всего, быстро исчезнет, поскольку ему не о чем будет говорить. Единственное, что он может сказать с помощью явной X-речи – это «Чисел не существует», а с помощью самоприкладной X-речи – «Число чисел равно нулю». Этим оба типа речи исчерпываются. Остается только прикладная X-речь, которая была и в предыдущей версии фикционализма. Не в лучшей ситуации окажется и платонист, ведь он верит в существование чисел в реальности. Зачем ему понадобятся числа как репрезентационные средства и связанные с ними типы речи? В представленном виде рефлексивный фикционализм оказывается никому не нужным. Чтобы исправить это, необходимо добавить еще один, последний компонент, последнее различие.

Еще раз вернемся к номиналисту. Представим, что он произносит предложение: «Неверно, что существует много четных простых чисел». Как его можно интерпретировать? Возможно, он хочет сказать что-то о том, каковы числа в реальности – он не признает существование чисел вообще, а значит и того, что существует много четных простых чисел. В этом случае можно сказать, что он говорит в невовлеченной (disengaged) манере. С другой стороны, возможно он хочет сказать нечто о числах в том виде, в котором их представляют участники соответствующей игры, игры в арифметику. В рамках арифметики четное простое число всего одно – число 2, а значит неверно, что таких чисел много. В данном случае можно сказать, что номиналист говорит в вовлеченной (engaged) манере. Номиналист должен иметь возможность использовать обе манеры – невовлеченную в философских спорах и вовлеченную во время математических разговоров.

Вовлеченный номиналист и платонист могут обсуждать числа, их свойства, отношения и т. д., несмотря на то, что номиналист

не признает существования чисел. При этом числа функционируют как репрезентируемые вещи, но не в реальности, а в рамках фикции. Именно такого варианта не хватает рефлексивному фикционализму, поскольку в явной X-речи, где числа были репрезентируемыми вещами, имелись в виду только числа в реальности. Если мы добавим две разных манеры говорить об X, то получим релятивный рефлексивный номинализм:

(РРЕФ) Релятивный рефлексивный фикционализм: фиктивные объекты X могут быть как репрезентативными средствами, так и репрезентируемыми вещами, а говорить о них можно как в вовлеченной, так и в невовлеченной манере.

Вовлеченную манеру можно рассматривать как особую разновидность притворных игр G. Для этого все притворные игры следует разделить на два основных типа: 1. какая-либо игра G является базовой, если приемлемость в ней зависит от того, какими вещи являются на самом деле, в реальности; 2. какая-либо игра G* является паразитической, если приемлемость в ней зависит от того, какими вещи воображаются в ходе другой игры (ей может быть базовая игра G). Вовлеченный номиналист участвует в паразитической игре G*, в которой приемлемость высказываний о числах зависит от того, какими числа воображаются в прикладной арифметике.

Мы практически вплотную подошли к фикционалистской теории самого Ябло – фигурализму. Фигурализм – это тот же релятивный рефлексивный фикционализм, новое название лишь подчеркивает аналогию между участием в различных притворных играх, которые вводит фикционализм, и повседневным использованием метафорического, фигурального языка, в котором слова используются не в буквальном, а в переносном смысле. Такую же аналогию проводил и повлиявший на Ябло Уолтон, который считал метафоры разновидностью притворных игр: «метафорическое высказывание (в его контексте) подразумевает, подсказывает, представляет или напоминает о (возможной) притворной игре. Высказывание может быть актом вербального участия в подразумеваемой игре, или это может быть просто произнесение предложения, которое может быть использовано для участия в игре. Говоря то, что она говорит, говорящая описывает вещи, которые являются или могли бы быть реквизитом в

подразумеваемой игре»[330]. Особенность метафор для Уолтона в том, что они связаны с притворными играми, ориентированными на реквизит – при использовании метафор нам важно передать определенное реальное содержание. Когда мы метафорически говорим: «Город Таранто расположен в каблуке Апеннинского сапога», то нас интересует не сходство Апеннинского полуострова с сапогом, а реальное местоположение города. Ябло заимствует у Уолтона эту аналогию и провозглашает используемые в прикладной математике числа созданиями экзистенциальной метафоры (creatures of existential metaphor): «Рассматриваемое в свете теории Уолтона, наше предположение … можно сформулировать следующим образом: числа в том виде, в каком они используются в прикладной математике, являются созданиями экзистенциальной метафоры. Они являются частью мира, в который мы играем, потому что притворство представляет собой желаемый – иногда незаменимый – способ доступа к определенным условиям реального мира, а именно: условиям, которые делают подобное притворство уместным в соответствующей игре. Подобно тому, как мы делаем вид, что, например, с людьми соединены запасы чего-то, называемого “удачей”, чтобы иметь возможность метафорически описать некоторых из них как индивидуумов, чья удача “на исходе”, мы делаем вид, что с множествами [pluralities] соединены “числа”, чтобы иметь возможность выразить (иначе трудно выразимый) бесконечно дизъюнктивный факт о релятивных мощностях [relative cardinalities], например, так: число Fs делимо на число Gs»[331].

(ФИГ) Фигурализм: фиктивные объекты X являются созданиями экзистенциальной метафоры.

Для подтверждения центральной для фигурализма аналогии между фиктивными и метафорическими объектами Ябло приводит несколько примеров, сравнивая арифметические и обыденные метафорические высказывания[332]:

(А) «11 больше, чем 7» – «Бежать сломя голову быстрее, чем ползти улиточьим шагом».

---

[330] Walton K. Metaphor and Prop Oriented Make-Believe // Kalderon M. Fictionalism in Metaphysics. Oxford, Oxford University Press, USA, 2005 p. 74

[331]

[332] Yablo S. Go figure: A path through fictionalism // Midwest Studies in Philosophy. 2001. № 25(1). p. 86

(B) «11 является простым числом» – «Невидимая рука рынка действует независимо от сознательных усилий людей».

(C) «Простые числа в основном нечетные» – «Бури в стакане воды возникают в основном из-за пустяков».

(D) «Число F's велико, если и только если есть много F's» – «Артист является гвоздем программы, если и только если он является самым известны артистом, принимающим участие в мероприятии».

Все эти утверждения являются необходимо истинными, как для числовых, так и для фигуральных высказываний. На этом сходство арифметических и обыденных фигуральных выражений не заканчивается. И в тех, и в других используются особые слова – «число», «семь», «одиннадцать», «невидимая рука», «гвоздь программы» – которые нужны для передачи контингентной информации о конкретной реальности: «Петр владеет одиннадцатью машинами, что больше, чем семь машин, которыми владеет Павел», «Петр бежит сломя голову, а значит он движется быстрее, чем ползущий улиточьим шагом Павел». Кроме того, возможность передавать с их помощью такую контингентную информацию является главным основанием для наличия данных особых слов в нашем языке. Нас интересует, что Петр движется быстрее Павла, а не то, сломал ли он голову (для нас очевидно, что он этого не делал). Аналогичным образом нас интересует то, что одиннадцать столов, чашек, мячей и т. д. больше, чем семь столов, чашек или мячей, а не сами числа 11 или 7. Еще одна общая особенность заключается в том, что полезность данных слов не зависит от действительного наличия/отсутствия у них референтов. Даже если нет никакой невидимой руки или числа 11, мы все равно можем продолжать использовать эти слова с точно такой же эффективностью.

Помимо данного сходства, подтверждением фигурализма является его объяснительная сила. По мнению Ябло, он может успешно объяснить многие характерные черты соответствующих дискурсов, которые другие метаонтологические подходы объясняют с трудом. Если брать в качестве примера математический дискурс, то фигурализм дает объяснение следующих особенностей:

1. Незначительность, беспредметность (insubstantiality) – числа представляются нам тонкими, лишенными скрытой существенной природы. Им присуще не больше, чем того требует наше понятие о них, разработанное в математике. Никто не ожидает, что однажды откроют некую до сих пор скрытую существенную характеристику

чисел, подобно тому, как можно открыть что-то новое об электроне или нейтрино. Но именно так и должно быть, если числа – фикции, созданные для описания конкретной реальности. Они настолько полно охарактеризованы, насколько это требуется для выполнения поставленной перед ними цели.

2. Неопределенность (indeterminacy) – отношения тождества у чисел гораздо менее определенны, чем у конкретных объектов. На эту особенность чисел указывал Бенацерраф, который приводил в пример два стандартных способа интерпретации утверждений арифметики в терминах теории множеств [333]. Эти способы (предложенные Джоном фон Нейманом и Эрнстом Цермело) идентифицируют натуральные числа с различными теоретико-множественными прогрессиями, то есть множествами множеств, удовлетворяющих аксиомам Пеано. Согласно предложению Цермело, мы отождествляем 0 с пустым множеством Ø и отождествляем любое число n+1 с {n}. Согласно же предложению фон Неймана, мы отождествляем 0 с пустым множеством Ø и отождествляем любое число n+1 с объединением n и {n}, т. е. {n, {n}}. Соответственно начальные сегменты этих двух прогрессий будут выглядеть так:

Цермело: Ø, {Ø}, {{Ø}}, {{{Ø}}} ...
Фон Нейман: Ø, {Ø}, {Ø, {Ø}}, {Ø, {Ø}, {Ø, {Ø}}} ...

Каждый из способов дает успешную интерпретацию натуральных чисел, но проблема в том, что они несовместимы друг с другом. Противоречие становится очевидным, например, при ответе на вопрос: число 2 представляет собой {{Ø}} или {Ø, {Ø}}? Мы сталкиваемся с выбором из двух несовместимых, но одинаково успешных вариантов. Само по себе наличие разных способов интерпретации не приводит к проблемам для противников фикционализма. Основная трудность в том, что эти способы одинаково приемлемы, у нас нет основания предпочесть один из них другому. Аналогичная ситуация имеет место в отношении фиктивных персонажей: является ли Дон Жуан, фигурирующий в пьесе «Севильский озорник, или Каменный гость» Тирсо де Молины тем же самым Доном Жуаном, который фигурирует в опере «Дон Жуан, или Наказанный развратник» Моцарта? Или, когда мы фигурально называем человека Дон Жуаном, то с кем

---

[333] Benacerraf P. What Numbers Could not Be // The Philosophical Review. 1965. № 74(1). pp. 47-73

из этих героев мы его сравниваем? Как кажется, во всех этих случаях, также как и в случае чисел, нет какого-либо объективного факта, который помог бы дать однозначный ответ на вопросы о тождестве.

3. Прозрачность (translucency) – мы как бы «смотрим» сквозь выражения, обозначающие числа, и непосредственно «видим» сообщаемый с их помощью факт. Если нам говорят: «Число зебр в Африке сократилось вдвое», то нам даже не придет в голову, что это является утверждением о числе, нам сразу же понятно, что оно касается зебр и только их. Фигуральные выражения ведут себя аналогично. Если нам говорят: «Я чувствовал себя не в своей тарелке», то нам даже не придет в голову, что это утверждение как-то связано с тарелками.

4. Нетерпеливость (impatience) – люди, постоянно упоминающие числа в своих утверждениях, оказываются крайне равнодушными в отношении их реального существования. Представим выступающего на конференции математика, в докладе которого содержится множество утверждений о числах. Во время доклада один из других участников встает и говорит, что на самом деле никаких чисел не существует – философы очень убедительно это доказали[334], и весь доклад в связи с этим становится бессмысленным. Как прореагирует математик и большинство участников конференции, даже если они согласятся с доказательством философов? Скорее всего, они проявят нетерпеливость и сочтут это плохой шуткой или досадной помехой выступлению. Точно также мы отреагируем, когда нам скажут, что на самом деле в местах пешеходных переходов нет никаких зебр.

5. Репрезентациональность (representationality) – все «открытые» до сих пор абстрактные объекты оказались на удивление полезными репрезентативными средствами, с помощью которых удобно передавать информацию о конкретных объектах. Но если они являются фиктивными сущностями, созданными именно для этой цели, то в таком факте нет ничего удивительного.

6. Необходимость и априорность – то, что какая-либо сущность существует, представляет собой парадигмальный случай контингентного, познаваемого апостериорно положения дел. Однако математические утверждения, переполненные, как кажется, экзистенциальными обязательствами, являются необходимыми и априорными. Фикционализм, как мы говорили выше, может объяснить это,

[334] Для усиления этого мысленного эксперимента можно заменить философов на всеведущего и никогда не ошибающегося Оракула, который изрек, что чисел не существует.

приравняв их реальное содержание к логическим истинам: реальное содержание «2 + 3 =5» – это логическая истина:

$$«\exists_2 xFx \,\&\, \exists_3 yGy \,\&\, \neg\exists z(Fz \,\&\, Gz)) \rightarrow \exists_5 u(Fu \vee Gu)».$$

Несмотря на все перечисленные достоинства, фикционализм в целом и фигурализм в частности не стал доминирующей метаонтологической позицией. Против него было выдвинуто несколько серьезных возражений, из которых мы рассмотрим два – одно против герменевтического фикционализма вообще, а в второе против фигурализма Ябло конкретно.

Наиболее серьезным аргументом против герменевтического фикционализма является феноменологический. Он опирается на тот очевидный факт, что подавляющее большинство из нас не замечают никакого притворства со своей стороны при произнесении математических, модальных, моральных и т. д. высказываний. Их феноменология не отличается от феноменологии самых обычных фактуальных высказываний: буквальное содержание предложения «Семь больше пяти» не кажется нам метафорическим, фиктивным, притворным и т. д. Оно сообщает об определенном факте так же, как это делает буквальное содержание предложения «Юпитер больше Земли». Если же герменевтический фикционализм прав, и мы только притворно утверждаем буквальное содержание математических, модальных и т. д. предложений, то мы на протяжении своей жизни совершаем огромное количество грубейших ошибок относительно наших собственных действий и не замечаем их. Однако притворство – это такая установка, которая должна быть заметна тому, кто ей обладает. Актер, играющий на сцене, понимает, что его реплики являются лишь притворными утверждениями.

Один из сторонников аргумента, Джейсон Стенли, пишет об этом следующее: «… позиция герменевтического фикционализма подразумевает, что для человека недоступно, занимается ли он притворством или нет. Например, рассмотрим герменевтический фикционализм относительно арифметики. Компетентные пользователи арифметического дискурса, безусловно, будут отрицать, что они притворяются, когда обсуждают арифметику. В таких случаях герменевтический фикционалист должен утверждать, что тот факт, что пользователь языка притворяется, недоступен для него даже в принципе. Итак, притворство, несомненно, является психологической установкой человека по отношению к содержанию; оно относится к тому же

семейству отношений, что и убеждение. Таким образом, сторонник герменевтического фикционализма придерживается тезиса о том, что существует (нефактивное) психологическое отношение, которое x может иметь к пропозиции, даже если для x недоступно, что x имеет такое отношение (в отличие от определенного другого в семействе) к этой пропозиции. Если герменевтический фикционалист прав, то x может придерживаться пропозициональной установки притворства по отношению к пропозиции, при этом для x в принципе не является доступным, что x придерживается пропозициональной установки притворства по отношению к этой пропозиции. Но это вводит новую и довольно радикальную форму утраты осведомленности первого лица [first-person authority] в отношении собственных ментальных состояний»[335].

В ответ на данный аргумент Ябло вводит понятие симуляции[336] убеждения, которое является особым подвидом притворства. Притворство или притворное убеждение (making believe) представляет собой соединение двух компонентов: 1. пребывание как бы в состоянии наличия убеждения, 2. пребывание в этом состоянии через сознательные усилия. Такое притворство характерно для актерской игры, участия в различных играх, чтения художественной литературы, просмотра фильмов и т. д. Но иногда притворство может состоять только из одного, первого компонента. Такую его разновидность Ябло называет симуляцией:

(СИМ) Симуляция: человек симулирует убеждение, что S в том случае, если все выглядит в релевантном отношении так, как если бы он был убежден в S, но при сознательном размышлении об этом он обнаруживает, что не убежден в S или является агностиком в его отношении, или не связывает уместность своей позиции с убеждением в S.

Когда речь идет о нашем участии в математическом, модальном и т. д. дискурсе, то их притворный характер может стать заметным лишь после долгого и систематического сознательного размышления. В обычной жизни мы этого не замечаем: «Притворство – это сознательная деятельность, или та, которую легко довести до

---

335 Stanley J. Hermeneutic Fictionalism // French P., Wettstein H. (eds.) Midwest Studies in Philosophy Volume XXV: Figurative Language, Oxford, Blackwell, 2001 pp. 46-47

336 Yablo S. Go figure: A path through fictionalism // Midwest Studies in Philosophy. 2001. № 25(1). p. 90

сознания. Симуляция – нет. Может даже оказаться большим сюрпризом, что мы симулируем»[337]. Очевидно, что противникам фикционализма такое решение феноменологической проблемы может показаться ad hoc.

Эми Томассон выдвигает против фигурализма еще одно возражение[338]. По ее мнению, существует радикальное отличие между математическим дискурсом и метафорами/притворными играми, что делает проводимую фигурализмом аналогию неоправданной. Во время участия в притворных играх мы всегда знаем разницу между обязательствами притворного утверждения чего-либо и обязательствами реального утверждения того же самого. Для прояснения этого Томассон обращается к уолтоновскому примеру игры, в которой дети воображают пни медведями: «В случае с притворством о медведях мы можем понять разницу между тем, что значит утверждать, что на заднем дворе действительно пять медведей, и тем, что значит *просто притворяться*, что утверждаешь это… как бы мы ни понимали условия применения слова “медведь”, они не выполняются при наличии лишь пня – есть нечто большее (или, скорее, нечто другое), что требуется для того, чтобы здесь действительно были медведи. Итак, говорящий, который *притворно* утверждает (в притворной игре), что медведей пять, но *реально* обязывает себя только в отношении реального содержания, а именно того, что там пять пней, берет на себя совсем другие обязательства, чем тот, кто серьезно утверждает буквальное содержание, что там пять медведей»[339]. Даже ребенку понятно различие между притворным утверждением о медведе, которое для своей уместности требует наличия пня, и реальным утверждением о медведе, требующим наличия медведя. Точно так же дело обстоит с метафорой: уместное метафорическое утверждение о зебре на дороге требует присутствия белых или желтых полосок краски, но уместное буквальное утверждение требует присутствия настоящего животного. Разница между ними велика и очевидна.

Теперь вернемся к математическому дискурсу: есть ли разница в обязательствах при притворном и реальном утверждении, что число спутников Марса равно двум? Если мы попробуем вообразить ситуации, необходимые для уместности притворного и реального утверждений о числе спутников, то никакой очевидной разницы не

---

[337] Ibid., p. 90

[338] Thomasson A. Ontology Made Easy. Oxford, Oxford University Press, 2014 pp. 187-194

[339] Ibid., p. 187

обнаружим. И в том, и в другом случае мы представим два небесных тела, вращающихся вокруг четвертой от Солнца планеты. В результате ключевая для фигурализма аналогия между математическим дискурсом и притворными играми нарушается.

Что же могут ответить сторонники фигурализма? По мнению Габриэля Контессы, Томассон неправомерно смешивает притворство и воображение. Когда мы попытаемся *вообразить* две ситуации, то мы действительно не заметим никакой разницы в силу того простого факта, что числа, если они реальны, являются абстрактными объектами и не могут быть наглядно нами представлены. Но *притворство* подобной наглядности не требует: совершая притворное утверждение мы притворяемся, что абстрактные числа существуют, а совершая реальное утверждение, мы действительно в этом убеждены. Контесса пишет об этом так: «Фикционалист может просто ответить, что для того, чтобы числа действительно существовали, нужно просто, чтобы они были – независимые от разума, не привязанные к пространству и времени, причинно-следственно инертные абстрактные объекты, которые делают арифметические истины истинными. Я подозреваю, что беспокойство Томассон основано на смешении притворства и воображения. Конечно, мир не выглядел бы сильно по-другому, если бы на самом деле существовали числа, в то время как, возможно, он выглядел бы иначе, если бы существовали, скажем, драконы или эльфы. Итак, хотя нам легко представить, что существуют драконы или эльфы (т.е. создать мысленный образ мира, в котором есть драконы или эльфы, который отличается от нашего мысленного образа реального мира), неясно, сможем ли мы успешно представить, что существуют числа, поскольку, если бы были числа, наш мир не выглядел бы для нас иначе. Однако для того, чтобы притвориться, что существуют числа, не требуется способность создавать мысленный образ мира, содержащего числа»[340].

Список литературы

[340] Contessa G. It Ain't Easy: Fictionalism, Deflationism, and Easy Arguments in Ontology // Mind. 2016. № 125(499). p.771

1. Armour-Garb B., F. Kroon (eds.) Fictionalism in Philosophy. Oxford, Oxford University Press, 2020

2. Eklund, Matti, "Fictionalism", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2024 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/fictionalism/>

3. Kalderon M. (ed.) Fictionalism in Metaphysics. Oxford, Oxford University Press, 2005

4. Kroon F., McKeown-Green J., Brock S. A critical introduction to fictionalism London, Bloomsbury Academic, 2018

5. Nolan D., O'Leary-Hawthorne J. Reflexive Fictionalisms // Analysis. 1996. № 56. pp. 26–32

6. Rosen G. A Problem for Fictionalism about Possible Worlds // Analysis. 1993. № 53. pp. 71–81

7. Sainsbury R. M. Fiction and fictionalism. New York, Routledge, 2009

8. Skiba L., Woodward R. Fictionalist strategies in metaphysics // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 pp. 259-269

9. Walton K. Mimesis as Make-Believe, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1990

10. Yablo S. Go figure: A path through fictionalism // Midwest Studies in Philosophy. 2001. № 25(1). pp. 72-102

11. Yablo S. Things: Papers on Objects, Events, and Properties, Oxford, Oxford University Press, 2010

12. Бурьян В.В., Черкасов Г.В. Фикционализм, неустранимость и цикады: критика неустранимости математики и ее значение для онтологического статуса абстрактных объектов // Вестник

Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 404–413

13. Целищев В. В. Неправдоподобность фикционализма в философии математики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4(28). С. 85-95

Глава 7. Онтологический плюрализм К. Макдэниела

В наиболее общем виде онтологический плюрализм (ОП) можно определить как позицию, утверждающую, что имеется несколько способов бытия (ways of being)[341].

(ОП 1) Онтологический плюрализм: имеется несколько способов бытия.

Все существующее существует, но существует оно по-разному – тот способ, которым существуют, например, числа отличается от способа существования электронов или деревьев. Во избежание путаницы необходимо сразу же провести различие между ОП как метаонтологической и ОП как собственно онтологической позицией. Первый из них, как мы только что сказали, касается множества

[341] Turner J. Ontological pluralism // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 p. 184

способов бытия, а второй говорит о существовании множества вещей или видов вещей, но не о тех способах, которыми они существуют. Эти две позиции независимы друг от друга. Например, ван Инваген, теорию которого мы рассматривали в главе 2, на метаонтологическом уровне является строгим монистом – бытие/существование для него унивокально, и все существующее существует в одном и том же смысле, одним и тем же способом. Но на онтологическом уровне его можно назвать плюралистом: он признает, как минимум, две категории объектов – конкретные и абстрактные.

В данной главе речь пойдет о метаонтологическом ОП[342], мы рассмотрим позицию наиболее известного его представителя Криса Макдэниела.

Макдэниел утверждает, что противостояние онтологического монизма и плюрализма всегда было одной из важнейших тем в истории философии, поскольку многие философы стремились ответить на вопрос о природе бытия: «Один из древнейших вопросов метафизики касается не различной природы сущих [beings], а скорее природы самого бытия [being]: является ли бытие единым или оно фрагментарно? … Существует много видов сущих – камни, личности, артефакты и, возможно, числа, абстрактные утверждения и, возможно, даже Бог, – но существует ли также много видов бытия?»[343]. В современной аналитической традиции доминирующим взглядом является монизм: бытие/существование унитарно и унивокально, то есть не существует разных видов или способов бытия, а сам термин «бытие» является однозначным. Такие ведущие метафизики, как Питер ван Инваген или Теодор Сайдер и их последователи придерживаются следующих двух тезисов:

(ОМ) Онтологический монизм:

1. Метафизический тезис – бытие/существование унитарно и не делится на различные виды или способы.

2. Семантический тезис – «бытие/существование» унивокально, то есть однозначно.

Однако в истории западной философии монизм никогда не был столь доминирующей позицией. Макдэниел приводит имена

---

[342] Далее под ОП всегда подразумевается метаонтологическая позиция.

[343] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 1

многих известнейших философов, которых можно назвать онтологическими плюралистами[344]:

- Фома Аквинский различал бытие Бога и сотворенных вещей,
- Лейбниц различал бытие монад и хорошо обоснованных феноменов,
- Кант различал бытие эмпирической и трансцендентальной реальности,
- Лотце различал бытие вещей, событий и идеальных законов,
- Бертран Рассел различал бытие абстрактных и конкретных объектов.

В средние века ОП был весьма распространенной позицией, которой придерживались многие ведущие философы, такие как Генрих Гентский или Фома Аквинский[345]. Для них главной мотивацией ОП была теологическая, связанная с радикальным отличием Бога от всех сотворенных вещей. В связи с данным различием мы не можем сказать, что Богу и его творениям какое-либо свойство, в том числе и бытие, присуще в одном и том же смысле: «лучший способ сформулировать доктрину о том, что Бог радикально отличается от Своих созданий, состоит в том, что не существует буквальной предикации какой-либо фундаментальной черты, которая была бы верна как для Бога, так и для конечных созданий; Бог и Его создания не обладают никакими общими фундаментальными свойствами»[346].

В отличие от аналитической традиции, ОП никогда не переставал быть значимой и заметной теорией в континентальной философии. Его наиболее известным представителем[347] был Мартин Хайдеггер, на основе работ которого Макдэниел формулирует одну из возможных версий плюрализма. Мы остановимся на ней более подробно, хотя следует сразу заметить, что Макдениел не является ее сторонником и приводит ее лишь в качестве показательного примера того, как можно сформулировать ОП.

---

[344] Ibid., pp. 2-3
[345] Cross R. Duns Scotus. Oxford, Oxford University Press, 1999 p. 34-35
[346] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 5
[347] По крайней мере, в интерпретации Макдэниела.

По мнению Хайдеггера[348], мы не можем заниматься собственно онтологией, не решив прежде этого метаонтологического вопроса, то есть не определив смысла «бытия»: «Всякая онтология, располагающая она сколь угодно богатой и прочно скрепленной категориальной системой, остается в основе слепой и извращением самого своего ее назначения, если она прежде достаточно не прояснила смысл бытия и не восприняла это прояснение как свою фундаментальную задачу»[349]. Данный проект по определению смысла «бытия» является семантическим, но базируется на метафизических основаниях, касающихся наличия различных способов бытия. Ответ на вопрос о смысле «бытия» даст нам необходимые и достаточные условия для того, чтобы быть сущностью (being an entity). Однако этот ответ не будет простым перечислением того, что есть, или перечислением онтологических категорий вместе с необходимыми и достаточными условиями для принадлежности к ним. Вместо этого он должен прояснить, что значит быть, а не просто сказать, что есть.

В итоге своих размышлений над данным вопросом Хайдеггер приходит к выводу что слова «бытие», «существование», «есть», «является сущностью» («is an entity») являются аналогическими по своему смыслу. Что это значит? Аналогическое слово или выражение имеет общий смысл, который приложим к объектам разного вида в силу обладания ими различными свойствами. В качестве примера подобного слова можно привести слово «здоровый». Мы можем назвать здоровым человека, его систему кровообращения, его диету, съеденное им яблоко и т. д. Но все перечисленное можно назвать здоровым благодаря наличию разных свойств: человек здоров, если его организм находится в состоянии благополучия; система кровообращения здорова, если она хорошо выполняет свою функцию; диета является здоровой, если она способствует благополучию организма и т. д. Получается, что каждый из этих здоровых объектов здоров своим особым образом. Но несмотря на это, аналогическое выражение имеет и общий смысл, который в случае «здоровый» обеспечивается сложной системой взаимосвязей между организмом, его частями, его пищей и т. д. Поэтому мы можем сказать: «Петр и его легкие здоровы», и это не будет ошибкой силлепса (см. главу 2).

На вопрос о смысле аналогического выражения, будь то «здоровый» или «бытие», можно ответить, указав все те разные способы,

---

[348] Здесь и далее в главе все мнения и утверждения Хайдеггера рассматриваются в интерпретации Макдэниела.

[349] Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект 2013 с. 11

какими объекты являются здоровыми или существующими. В случае «бытия» эти способы будут теми, о которых говорится в определении онтологического плюрализма. Их можно также назвать модусами бытия или бытийными модусами. Хайдеггер насчитывает несколько таких способов или модусов: экзистенция, присущая человеческим существам, которую он называет Dasein; подручность, присущая человеческим орудиям (например, молотку); наличность, присущая объектам в пространстве-времени; жизнь, присущая живым организмам; наличие, присущее абстрактным объектам (числам, пропозициям). Вместе с тем есть и общий смысл «бытия», поэтому мы можем сказать: «Петр и камень существуют» и не совершить ошибку – хотя Петр экзистирует, а камень наличен, оба они есть: «В соответствии с этим можно сказать, например: [физическое] тело никогда не экзистирует (existiert nie), но имеется в наличии. Наоборот, Dasein, т. е. мы сами, никогда не наличны, но Dasein экзистирует. Однако и Dasein как экзистирующее, и [физическое] тело как наличное всякий раз сущи»[350]. Одной из важных задач философа является понимание того, что именно объединяет разные способы бытия в единое целое: «Каждое сущее имеет некоторый способ быть. Вопрос в том, носит ли этот способ быть в каждом сущем один и тот же характер – как это полагала античная онтология и, в сущности, вынуждена утверждать и последующая философия вплоть до сего дня – или отдельные способы бытия различаются между собой. Каковы основные способы бытия? В самом ли деле имеется некое многообразие таких способов? Как возможна множественность способов быть и как ее можно понять, исходя из смысла бытия вообще? Как можно вопреки множественности способов быть вообще говорить о едином понятии бытия? Эти вопросы можно свести воедино в проблеме возможных модификаций бытия и единства его многообразия»[351].

Хайдеггер признает общее понятие бытия, но можно спросить: должен ли он и любой другой онтологический плюралист это делать? Может показаться, что для плюралиста более правильным и последовательным будет признать лишь отдельные смыслы «бытия» (способы бытия) и отказаться от общего смысла «бытия» (бытия вообще). Макдэниел уверен, что нет. При отказе от общего смысла плюралист не сможет одновременно принять два своих главных тезиса,

---

[350] Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001 с. 33

[351] Ibid., с. 22

метафизический и семантический, относительно бытия. Такой плюралист должен иметь возможность утверждать:

(М 1) Есть сущности x и y, такие что x существует одним способом, в то время как y существует другим способом.

(С 1) Есть несколько различных смыслов слов «бытие», «существование», «есть» и т. д., каждый из которых соответствует определенному способу существования, модусу бытия. Ни один из этих способов не присущ всем вещам вообще. Другого смысла слов «бытие», «существование», «есть» и т. д. нет.

Проблема для отвергающего общий смысл «бытия» плюралиста в том, что из истинности (С 1) следует многозначность тезиса (М 1) и его ложность при любом из этих многих значений, поскольку не будет такого значения «есть» из (М 1), при котором тезис был бы истинным. В этом легко убедиться на примере. Отвергающий общий смысл «бытия» плюралист уподобляет это слово таким многозначным словам, как, например, слово «ключ». В отношении этого слова мы можем сформулировать аналогичные тезисы (представим, что «ключ» имеет только два значения):

(МКЛ) Есть только два вида ключей: те, которыми открывают замки, и те, которые бьют из-под земли.

(СКЛ) Есть только два смысла слова «ключ». Один смысл – «приспособление для открывания замков», второй смысл – «источник, бьющий из-под земли».

Из тезиса (СКЛ) следует двусмысленность первого тезиса, который можно проинтерпретировать двумя способами, причем в любой из двух интерпретаций (МКЛ) оказывается ложным:

(МКЛ*) Есть только два вида приспособлений для открывания замков: те, которыми открывают замки, и те, которые бьют из-под земли.

(МКЛ**) Есть только два вида источников, бьющих из-под земли: те, которыми открывают замки, и те, которые бьют из-под земли.

То же самое произойдет и с тезисами о «бытии». Отвергающий общий смысл «бытия» плюралист совершает ошибку, и без общего смысла ему не обойтись. Тезис (С 1) должен быть изменен:

(С 1*) Есть несколько различных смыслов слов «бытие», «существование», «есть» и т. д., каждый из которых соответствует определенному способу существования, модусу бытия. Ни один из этих способов не присущ всем вещам вообще. Наряду с этим есть общий смысл слов «бытие», «существование», «есть» и т. д., приложимый ко всем способам существования.

Благодаря признанию общего смысла плюралист в состоянии ответить на аргумент ван Инвагена (см. главу 2) в пользу унивокальности бытия, который опирается на тесную связь между числом и бытием/существованием: «Унивокальность числа и тесная связь между числом и существованием должны убедить нас в том, что есть, по крайней мере, очень веские основания полагать, что существование унивокально»[352]. Плюралист может сказать, что аргумент относится лишь к общему смыслу, но наряду с ним есть и более частные смыслы, которые отражают наличие разных способов бытия.

Данный общий смысл «бытия» лучше всего выражается, по мнению Макдэниела, с помощью квантора существования формальной логики ∃. То есть он частично соглашается с четвертым тезисом метаонтологии Инвагена, который мы рассматривали в главе 2:

(МИ 4) Единственный смысл бытия или существования может быть адекватно схвачен с помощью квантора существования формальной логики.

Но плюралист должен немного изменить формулировку тезиса, чтобы он выглядел следующим образом:

(МИ 4*) Общий смысл бытия или существования может быть адекватно схвачен с помощью квантора существования формальной логики.

---

[352] van Inwagen P. Meta-Ontology // Erkenntnis. 1998. № 48(2/3). p. 236

Но как же в таком случае лучше всего выразить частные смыслы «бытия», соответствующие его отдельным способам? Макдэниел уверен, что и их лучше всего выражать с помощью кванторов существования, только для этого подойдут ограниченные кванторы. Понятие ограниченного квантора не является чем-то новым и используется в логике. Такой квантор «пробегает только некоторое собственное подмножество того, что пробегает неограниченный квантор»[353]. Лучше всего пояснить это на примере. Предположим, что Петр в поисках яблока идет на кухню и заглядывает в холодильник, но ни одного яблока там не находит. Он говорит:

(Я) Яблок нет.

Как лучше всего перевести это высказывание на язык логики предикатов? Очевидно, мы **не** можем перевести его как

(Я 1) $\neg\exists x(Ax)$, где A означает «быть яблоком».

В таком виде оно будет утверждать, что яблок вообще не существует. Для правильного перевода мы можем использовать квантор, ограниченный лишь холодильником Петра:

(Я 2) $\neg\exists_f x\ (Ax)$.

Теперь высказывание правильно утверждает, что яблоки отсутствуют только в его холодильнике, а не во всем мире. Следует, однако, подчеркнуть, что мы легко можем заменить (Я 2) эквивалентным утверждением, но с неограниченным квантором. Для этого нужно добавить еще один предикат F, означающий «находиться в холодильнике Петра»:

(Я 3) $\neg\exists x(Fx\&Ax)$

Подобные ограниченные кванторы можно предложить для каждого из имеющихся способов бытия. Для хайдеггерианских способов такими кванторами будут $\exists_{\text{экзистенция}}$, $\exists_{\text{подручность}}$, $\exists_{\text{наличность}}$, $\exists_{\text{жизнь}}$, $\exists_{\text{наличие}}$. Квантор $\exists_{\text{подручность}}$, например, в силу своего значения пробегает лишь по тем сущностям, которым присуща подручность как

353 McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 24

способ бытия, то есть по человеческим орудиям. Утверждение о существовании молотков мы можем представить так:

(МОЛ) $\exists_{\text{подручность}}x(Hx)$, где H означает «быть молотком».

С точки зрения хайдеггерианского плюралиста, данные ограниченные кванторы первичны по своему значению (prior in meaning) по отношению к общему неограниченному квантору. Общий квантор должен быть объяснен, исходя из ограниченных кванторов, но не наоборот. Из этой первичности следует, что ограниченные кванторы должны быть семантически примитивными – не должно быть возможности определить их, используя неограниченный квантор и каколибо предикат, как это было сделано в (Я 3).

Когда Хайдеггер говорит о «проблеме возможных модификаций бытия и единства его многообразия»[354], то это можно интерпретировать как проблему определения общего неограниченного квантора существования с помощью семантически примитивных ограниченных кванторов. Макдэниел признает, что у самого Хайдеггера нет четкого решения этой проблемы. Ясно лишь, что бытие вообще не является простой дизъюнкцией различных способов/модусов бытия, а представляет собой аналогическое понятие, чье единство обеспечивается некоторой взаимосвязью между способами бытия, которая и делает все эти способы способами *бытия*. Определение общего квантора с помощью ограниченных должно это каким-то образом отразить.

Однако при таком подходе возникает еще одна серьезная проблема для ОП – становится слишком трудно найти принципиальное отличие ОП от онтологического монизма. Дело в том, что монист вполне может признать наличие ограниченных кванторов существования. Как мы уже говорили, они не являются чем-то экзотическим и используются в логике. Единственное отличие в том, что для мониста семантически примитивным будет общий квантор, а ограниченные будут определены через него и какой-либо предикат, как это было сделано в (Я 3). Например, хайдеггерианский квантор $\exists_{\text{подручность}}$ пробегает лишь по человеческим орудиям, а значит мы можем определить его следующим образом[355]:

[354] Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-
[355] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 26

(ПОД) x обладает подручностью: $\exists_{\text{подручность}}y\ (x=y) =_{df.} \exists y\ (x=y$ и x является орудием).

Получается, что вся разница между плюрализмом и монизмом сводится к тому, какие именно кванторы они считают примитивными, ограниченные или неограниченный. Как кажется, подобное различие не является слишком важным. Для решения этой проблемы Макдэниел обращается к понятию фундаментальности, заимствованному им у Теодора Сайдера (см. главу 3): «Несмотря на то, что [плюралист] признает общее понятие бытия [мониста], а [монист] в принципе мог бы признать различные смыслы “бытия” [плюралиста], все еще остается вопрос о том, какой из них более *метафизически фундаментален*»[356]. В соответствии с теорией Сайдера, в мире существует объективная фундаментальная структура, и наши понятия/термины могут ее отражать. Если они это делают, то мы можем сказать, что они разделяют мир на естественные части. Возьмем, например, два свойства: *быть электроном* и *быть электроном или коровой*. Первое из них является фундаментальным и разделяет мир на естественные части, то есть на электроны и все остальное. Второе является простой дизъюнкцией (mere disjunction), дизъюнкты которой почти ничего между собой не связывает. Оно не делит мир на естественные части, то есть на электроны плюс коровы и все остальное.

Различие между монизмом и плюрализмом заключается в том, какие именно кванторы в этих теориях разделяют мир на естественные части. Для монистов это делает неограниченный квантор, а ограниченные кванторы представляют собой простые ограничения (mere restrictions). Так же как простая дизъюнкция (*быть электроном или коровой*) менее фундаментальна, чем ее дизъюнкты (*быть электроном*, *быть коровой*), простые ограничения ($\exists_{\text{экзистенция}}$, $\exists_{\text{подручность}}$, $\exists_{\text{наличность}}$ и т. д.) менее фундаментальны чем неограниченный квантор $\exists$. Для плюралистов все наоборот: ограниченные кванторы, хотя и называются ограниченными, являются более фундаментальными по сравнению с неограниченным квантором; их уже нельзя назвать простыми ограничениями. Здесь необходимо сделать важную оговорку. Фундаментальными для плюралистов будут только те ограниченные кванторы, которые соответствуют способам бытия, а все остальные (например, квантор $\exists_f$ из примера выше, ограниченный холодильником Петра) будут простыми ограничениями. Список

[356] Ibid., p. 27

фундаментальных ограниченных кванторов не является произвольным, а отражает структуру мира: «Хайдеггер [или любой другой плюралист] не рассматривает свой список различных разновидностей бытия как произвольный. Он стремится к тому, чтобы его список отражал реальную онтологическую структуру мира. Не существует способа бытия для каждого способа разграничения области неограниченного квантора существования. Не существует способа, которым могли бы обладать все, и только те вещи, которые либо уродливы, либо представляют собой простое число. Не существует способа, которым могли бы обладать все, и только те вещи, которые либо меньше трех футов ростом, либо верят в существование пришельцев из космоса. Хайдеггер считает, что способы бытия, на которые он обращает наше внимание, метафизически особенные: ограниченные кванторы, которые их представляют, обладают статусом, не разделяемым большинством их собратьев. Есть только несколько гордых ограниченных кванторов, которые являются метафизически базовыми»[357].

Поскольку плюралист признает несколько кванторов, его позицию можно спутать с мнением сторонника кванторной изменчивости (quantifier variance) или варинтиста, который, как кажется, делает то же самое[358]. Необходимо отделить плюрализм от вариантизма. По мнению вариантистов, мы можем интерпретировать сторонников различных онтологических позиций, как говорящих на разных языках, в которых кванторы существования имеют разное значение. Ни один из этих кванторов не является более фундаментальным, чем другие, все они равноправны. Плюралист также признает несколько в равной мере фундаментальных кванторов. В чем же разница? На самом деле разница есть и весьма существенная. Кванторы вариантиста являются различными, конкурирующими кандидатами на значение одного и того же неограниченного квантора. Поскольку ни один из них **не является** фундаментальным, мы не можем отдать предпочтение какому-либо из них, из чего вариантист делает вывод о равной истинности различных онтологических позиций на соответствующих языках. Плюралист же признает несколько ограниченных кванторов, каждый из которых **является** фундаментальным наряду с остальными. Кроме того, плюралист может признать, что у неограниченного квантора есть такое значение, которое будет более фундаментальным, чем все другие возможные кандидаты, хотя оно и будет

[357] Ibid., p. 29
[358] Теория наиболее известного представителя вариантизма, Эли Хирша, рассмотрена в главе 4.

менее фундаментальным, чем значения ограниченных кванторов. Никакого равноправия различных онтологических позиций отсюда не следует.

Теперь, используя понятие фундаментальных ограниченных кванторов, мы можем дать более развернутое и подробное определение ОП[359], который в таком виде можно назвать квантификационным плюрализмом:

(ОП 2) Онтологический плюрализм (квантификационный плюрализм) – имеется несколько способов бытия. Несколько способов бытия имеется, если есть несколько возможных значений для семантически примитивных ограниченных кванторов, таких что (1) каждый ограниченный квантор имеет непустой домен (область применения), который должным образом включен в домен неограниченного квантора, (2) ни один из этих доменов не пересекается, и (3) каждое значение, по крайней мере, столь же фундаментально, как значение неограниченного квантора.

Это общее определение, но с точки зрения Макдэниела наиболее приемлем тот вариант плюрализма, который в п. 3 утверждает, что значения ограниченных кванторов более фундаментальны, чем значение неограниченного квантора.

Приведенное нами определение проясняет, в чем заключается позиция ОП, но должны ли мы принять эту позицию и стать плюралистами? Есть ли убедительные аргументы в пользу ОП? Макдэниел приводит несколько, но мы рассмотрим два наиболее удачных на наш взгляд.

Первый из них опирается на аналогичность бытия. Как мы писали выше, Хайдеггер (в интерпретации Макдэниела) считал слова «бытие», «существование», «есть» и др. аналогическими по своему смыслу, то есть имеющими общий смысл, который приложим к объектам разного вида в силу обладания ими различными свойствами. Макдэниел переносит это представление со слов на свойства, то есть превращает его из семантического в метафизическое: «Предпочитаемая мной точка зрения заключается в том, что аналогический термин – это термин, который выражает аналогическое свойство или отношение. Таким образом, феномен аналогии в первую очередь метафизический, а не семантический, и аналогический термин может быть

[359] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 34

унивокальным в обычном языке»[360]. Бытие является одним из таких аналогических свойств. Для пояснения этого утверждения нам необходимо выяснить подробнее, что такое аналогическое свойство.

Аналогические свойства Макдэниел уподобляет определимым и определенным (determinable-determinate) свойствам. В соответствии с установившейся терминологией, более общие свойства объектов являются определимыми по отношению к их более частным разновидностям, то есть определенным свойствам. Цвет является определимым по отношению к красному, зеленому, синему и другим цветам. Масса по отношению к 1 кг, 2 кг, 10 г или 45 т. Причем обладание одним из определенных свойств с необходимостью влечет обладание соответствующим определимым – все красные объекты являются цветными. Подобным образом более общее аналогическое свойство *быть здоровым* связано с более частными свойствами *быть благополучным организмом*, *быть хорошо функционирующей частью организма*, *быть способствующим благополучию организма* и т. д. Эти более частные свойства называются аналогическими случаями (analogue instances). Сходство между аналогическими свойствами-аналогическими случаями и определимыми-определенными свойствами в том, что случаи и определенные свойства (*быть красным*, *быть благополучным организмом*) являются своего рода уточнениями более общих свойств (*быть цветным*, *быть здоровым*). Про цветной/здоровый объект мы можем спросить: каким именно образом он является цветным или здоровым? Возможными ответами будут те или иные определенные свойства или аналогические случаи. Разница же в том, что определимые свойства столь же естественны (фундаментальны), что и определенные, но аналогическое свойство менее естественно, чем его случаи.

Говоря более обобщенно, мы можем сказать, что существует своего рода континуум свойств. На одном его конце находятся такие совершенно фундаментальные свойства, как *быть электроном*. На противоположном конце расположены простые дизъюнкции. Таким будет, например, свойство *быть ключом**, которым обладают объекты являющиеся либо приспособлениями для открывания дверей, либо бьющими из-под земли источниками. Аналогические свойства находятся примерно посередине между этими двумя крайностями – они не совершенно фундаментальны (хотя их аналогические случаи такими могут быть), но и не являются простыми дизъюнкциями.

---

[360] Ibid., p. 48

Более строго мы можем определить аналогическое свойство следующим образом[361]:

(АС) Если свойство F является аналогическим, то F не является совершенно естественным свойством, и существуют свойства, Gs, такие, что (1) каждое из Gs более естественно, чем F, (2) необходимо, что все, что экземплифицирует одно из Gs, является F, (3) каждое из Gs присуще меньшему числу видов вещей, чем F.

Бытие Макдэниел относит к аналогическим свойствам, случаями которого являются фундаментальные отдельные способы бытия. Такой метафизический, в противоположность семантическому, подход к аналогии позволяет Макдэниелу легко обойти аргументы онтологического мониста ван Инвагена в пользу унивокальности бытия, поскольку Инваген рассматривает свой третий тезис (бытие унивокально) как семантический. Макдэниел утверждает, что, в принципе, он может этот тезис принять: «Свойство может быть аналогичным и в то же время являться единственным семантическим значением предиката – и поэтому ни в каком семантическом смысле этот предикат не является менее чем унивокальным»[362]. Вполне возможно, что предикат нашего естественного языка «существует» является унивокальным и обозначает только аналогическое свойство бытия, но не его отдельные случаи, то есть способы бытия. Но для плюралиста из этого следует лишь то, что наш язык не является совершенным и не в полной мере отражает фундаментальную структуру реальности, но возможны более совершенные языки, где для каждого способа бытия есть свой предикат или соответствующий ему квантор. В таком случае ОП можно будет определить «… как мнение о том, что существуют возможные языки с семантически примитивными ограниченными кванторами, которые, по крайней мере, столь же естественны, как и неограниченный квантор»[363], и эти языки отражают фундаментальную структуру реальности лучше, чем наш язык.

Но как мы можем доказать, что какое-либо свойство является аналогическим? По мнению Макдэниела, такие свойства являются систематически изменчиво полиадичными (systematically variably polyadic) и систематически изменчиво аксиоматичными (systematically variably axiomatic). Рассмотрим эти особенности

[361] Ibid., p. 56
[362] Ibid., p. 54
[363] Ibid., p. 146

свойств подробнее на конкретных примерах, начав с полиадичности. Адичность (арность, местность) свойства или отношения зависит от числа сущностей, которые необходимы для насыщения данного свойства или отношения, то есть получения полноценного факта[364]. Фундаментальные свойства унарны, то есть для их насыщения нужна только одна сущность: для насыщения свойства *красный* (предположим, что оно фундаментально) подойдет один красный мяч, и мы получим полноценный факт, выражаемый предложением «Мяч красный». Для насыщения бинарного отношения, например *выше, чем*, необходимы уже две сущности, например, два человека, Петр и Павел или их упорядоченная пара <Петр, Павел>, и мы получим полноценный факт, выражаемый предложением «Петр выше, чем Павел». Для насыщения тернарного отношения, например *находится между*, понадобится три сущности и т. д.

Некоторые свойства и отношения могут изменять свою адичность и делать это систематически, что свидетельствует об их аналогичности: мы имеем дело не с одним фундаментальным свойством, а с несколькими аналогическими случаями, каждый из которых обладает собственной адичностью. Поэтому нам и кажется, что объединяющее эти случаи аналогическое свойство меняет адичность. Более формально данную изменчивость можно определить так[365]:

(СИП) Систематически изменчивая полиадичность: признак F систематически изменчиво полиадичен только в том случае, если существуют онтологические категории O_1 и O_2, такие, что всякий раз, когда некоторые вещи в O_1 участвуют в F, для полного насыщения F необходимо ровно n вещей, тогда как всякий раз, когда только вещи в O_2 участвуют в F, для полного насыщения необходимо ровно m вещей F (где n – это не то же самое число, что m).

Это определение Макдэниел поясняет на примере отношения части (parthood relation), поскольку он причисляет себя к композициональным плюралистам и считает, что существует несколько фундаментальных отношений части, которые объединены в одно общее, но уже аналогическое отношение. Представим, что верна онтология, включающая регионы пространства-времени, материальные объекты, занимающие эти регионы (предположим, что они пребывают во

[364] Ibid., p. 57
[365] Ibid., p. 57

времени, находясь целиком в каждом из моментов)[366], свойства и факты, понимаемые не как истинные пропозиции, а как сущности, которые могут делать пропозиции истинными. Возьмем материальные объекты – они пребывают во времени, находясь целиком в каждом из моментов, но с течением времени они могут терять старые и приобретать новые части[367]. В связи с этим части материальных объектов являются их частями лишь по отношению к тем или иным регионам пространства-времени. Отношение части оказывается тернарным – материальный объект x часть материального объекта y в регионе пространства-времени z. Однако для самих регионов это неверно – один из них можно назвать частью другого безотносительно к еще какому-то региону. Отношение части оказывается бинарным – регион пространства-времени x часть региона пространства-времени y. В результате у нас есть, как минимум, две онтологические категории – материальный объект и регион пространства-времени – в применении к которым отношение части имеет разную адичность. Получается, что помимо тематически-нейтрального (topic-neutral) отношения части, то есть отношения применимого ко всем онтологическим категориям, у нас имеется несколько тематически-специфических (topic-specific) отношений части, применимых лишь в пределах одной онтологической категории. Что же из этого следует? Наиболее разумным в такой ситуации будет сделать вывод, что отношение части не является полностью естественным/фундаментальным, но и не является простой дизъюнкцией (специфические отношения части являются именно отношениями *части*, а не совершенно разными отношениями), а аналогически объединяет несколько более естественных отношений.

Еще один признак аналогических свойств/отношений – их систематически изменчивая аксиоматичность. У каждого свойства или отношения есть, так сказать, своя «логика», состоящая из тех необходимых истин, которые можно выразить только с помощью чисто логических терминов плюс термин, обозначающий данное свойство или

[366] Таково мнение эндурантистов. Противоположная позиция пердурантистов утверждает, что материальные объекты пребывают во времени, находясь в каждом из моментов не целиком, а только своими временн**ы**ми частями. Подробнее об этом см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 360-385 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[367] Мереологический эссенциализм это отвергает. Согласно этой теории ни один составной материальный объект не в состоянии приобрести или потерять ни одну из своих частей. В примере предполагается ложность данной позиции. Подробнее об этом см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 324 https://philpapers.org/rec/KONVEB

отношение. Совокупность таких истин управляет свойством/отношением – они приложимы ко всем возможным ситуациям, в которых данное свойство или отношение экземплифицированы. Если совокупность этих истин меняется от одной онтологической категории к другой, то свойство/отношение являются систематически изменчиво аксиоматичными:

(СИА) Систематически изменчивая аксиоматичность: признак F систематически изменчиво аксиоматичен только в том случае, если принципы, управляющие признаком F, систематически меняются в зависимости от онтологической категории объектов, которым присущ признак F.

Следует добавить, что если признак систематически изменчиво полиадичен, то он систематически изменчиво аксиоматичен, но не наоборот. Поясним определение на примере вышеупомянутой онтологии, сравнив отношение части у регионов пространства-времени и фактов. Отношение части у регионов управляется принципами классической мереологии:

1. (Неограниченная композиция): в любом случае, когда имеются два региона, имеется и регион, составленный из них.

2. (Экстенсиональность): в любом случае, когда регионы r_1 и r_2 составлены из одних и тех же регионов, регионы r_1 и r_2 тождественны.

3. (Транзитивность): если регион r_1 является частью региона r_2, а регион r_2 является частью региона r_3, то регион r_1 является частью региона r_3.

Однако очевидно, что неограниченная композиция и экстенсиональность не приложимы к частям фактов – объектам и свойствам. Из существования Эйфелевой башни и свойства *быть сделанным из золота* вовсе не следует существования того факта, что Эйфелева башня сделана из золота. Получается, что принципы систематически меняются от одной онтологической категории к другой. Из этого мы можем сделать тот же самый вывод, что и раньше – тематически-нейтральное отношение части является аналогическим, а тематически-специфические отношения части – его случаями.

Подводя итог данным рассуждениям, Макдэниел пишет: «Движущая интуиция заключается в том, что в высшей степени

естественные черты обладают своего рода единством во всех своих случаях. Когда в какой-либо черте отсутствует это единство, причем систематически, в то время как тематически-специфические черты демонстрируют такое единство, можно с полным основанием утверждать, что тематически-специфические черты более естественны, чем тематически-нейтральные. Поскольку мы думаем, что в отношении части есть некоторое единство, мы будем склонны думать, что отношение части – это аналогическое отношение, а не простая дизъюнкция. Если мы принимаем онтологию регионов, материальных объектов и фактов, мы не обязаны говорить, что отношение части аналогично. Интуиции, выявленные здесь, не являются дедуктивным доказательством того, что отношение части аналогично. Тем не менее они действительно делают это утверждение обоснованным и оказывают значительное давление, настаивая на том, что отношение части аналогично».[368]

Теперь осталось перенести эти рассуждения на бытие/существование. В результате переноса мы можем сформулировать следующий индуктивный аргумент:

(ИААС) 1. Если существование является систематически изменчиво полиадичным и/или систематически изменчиво аксиоматичным, то у нас есть хорошие основания, чтобы считать его аналогическим свойством.

2. Существование является систематически изменчиво полиадичным и/или систематически изменчиво аксиоматичным.

3. У нас есть хорошие основания, чтобы считать существование аналогическим свойством.

Первая посылка подкрепляется интуициями, которые должны у нас возникнуть при рассмотрении вышеизложенного примера с отношением части. Остается обосновать истинность второй посылки. Макдэниел делает это, рассматривая несколько различных онтологических схем[369], которые должны показаться нам приемлемыми и правдоподобными, и из которых следует систематическая изменчивая полиадичность и аксиоматичность бытия.

[368] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 59

[369] Макдэниел не называет себя сторонником всех этих онтологических схем, но считает их правдоподобными.

В качестве первой схемы рассмотрим эндурантизм[370] плюс платонизм в отношении абстрактных объектов[371]. Эта теория утверждает, что материальные объекты пребывают во времени, находясь целиком в каждом из моментов. В связи с эти для теории возникает серьезная проблема. Дело в том, что с течением времени объекты изменяются, теряют старые и приобретают новые свойства. Красный мяч является красным в один момент времени t_1, а после перекраски будет синим в последующий момент времени t_2, но согласно эндурантизму в каждом из моментов времени мяч находится целиком. Получается, что один и тот же мяч целиком красный и целиком синий, а это является противоречием. Данная проблема получила название проблемы врeменных внутренних свойств (problem of temporary intrinsics). Одно из решений проблемы предлагает считать, что объекты обладают свойствами не просто так, а в отношении регионов пространства-времени. Правильным будет сказать не «Мяч является красным», а «Мяч является красным в регионе r_1», что уже не противоречит «Мяч является синим в регионе r_2». Унарное свойство оказывается бинарным отношением. Рассматриваемая нами онтологическая схема считает, что существование подобно в этом отношении всем другим свойствам материальных объектов. Этот взгляд кажется Макдэниелу весьма разумным: материальные объекты с метафизической необходимостью пространственны и темпоральны, они всегда существуют в том или ином месте в то или иное время; невозможно представить материальный объект, который нигде не находится. Такую необходимость можно объяснить наилучшим образом, предположив, что существование материальных объектов является отношением между объектом и регионом пространства-времени: «мы можем объяснить, почему материальные объекты с необходимостью являются пространственно-временными сущностями: само их бытие присуще им только относительно некоторой части пространства-времени, и поэтому возможный мир без пространства-времени – это мир, в котором отсутствуют материальные объекты»[372]. Существование материальных объектов – бинарное отношение между ними и

[370] Подробнее об эндурантизме см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 360-367 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[371] Подробнее об абстрактных объектах см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 67-91 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[372] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 62

регионами пространства-времени. Однако абстрактные объекты, числа или пропозиции, с необходимостью существуют независимо от пространства и времени – будет абсурдным сказать, что число 2, например, где-нибудь находится. Существование абстрактных объектов – унарное свойство. В результате можно сделать вывод, что бытие/существование является систематически изменчиво полиадичным, а значит аналогическим свойством, более фундаментальными случаями которого являются два способа бытия, которые можно назвать бытие-здесь (being-there) материальных объектов и субсистенцией (subsistence) абстрактных объектов. Макдэниел отмечает, что придерживающийся данной схемы онтологический плюралист может признать наличие не только разных способов (модусов) бытия, но и наличие разных его порядков (orders of being). Он может сказать, что существовать безотносительно к чему-либо в определенном метафизическом смысле лучше, чем существовать в отношении к чему-либо. Относительное существование метафизически менее совершенно, так как зависит от чего-то постороннего. Получается, что субсистенция является способом бытия более высокого порядка, чем бытие-здесь. А какой-нибудь способ бытия с тернарной адичностью был бы способом еще более низкого порядка по сравнению с бытием-здесь.

Еще одна онтологическая схема, в которой бытие является систематически изменчиво полиадичным, состоит из субстанций (substances), под которыми Макдэниел подразумевает конкретные партикулярии[373], и их атрибутов (attributes), то есть свойств. Атрибуты не могут существовать сами по себе, независимо от субстанций – красный цвет или масса в 1 кг с необходимостью должны быть присущи тому или иному объекту. Их способ бытия можно назвать бытием-в (being-in), то есть они существуют **в** той или иной субстанции. Этот способ является бинарным: атрибут x существует в субстанции y. Отношение между атрибутом и субстанцией называют присущностью (inherence), и противник плюрализма вынужден считать это отношение базовым и не подлежащим объяснению. Но плюралист может редуцировать его к способу бытия атрибута, бытию-в.

Для субстанций в этой схеме характерен другой способ бытия – абсолютное бытие (absolute being). Они существуют сами по себе, а не в чем-то другом. Этот способ является унарным: субстанция x

[373] О них подробнее см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 51-66 https://philpapers.org/rec/KONVEB

существует. Здесь мы также встречаемся с порядками бытия – унарное абсолютное бытие субстанций более совершенно, чем бинарное бытие-в атрибутов, а значит способ бытия первых является способом более высокого порядка, чем способ бытия вторых.

В итоге мы опять должны прийти к выводу, что бытие является систематически изменчиво полиадичным, а значит представляет собой аналогическое свойство.

Нам осталось рассмотреть онтологические схемы, в которых бытие является систематически изменчиво аксиоматичным. Но в начале нам необходимо определить, какие именно принципы управляют бытием. В случае рассматриваемого выше примера отношения части управляющими принципами были принципы мереологии. Мереология является «логикой» отношения части. Что же является «логикой» бытия? По мнению Макдэниела, ей является логика квантификации (logic of quantification), то есть логика, использующая квантор существования. Если эта логика варьируется от одной онтологической категории к другой, то бытие является систематически изменчиво аксиоматичным. Для доказательства этого Макдэниел вновь рассматривает несколько возможных и правдоподобных с его точки зрения онтологических схем.

Одна из таких схем включает наряду с актуальными конкретными объектами простые интенциональные объекты или интенционалии (mere intentionalia). Среди этих простых интенционалий есть два следующих типа объектов:

Неполные объекты (incomplete objects) – данные объекты таковы, что для некоторого свойства, они не обладают ни этим свойством, ни его отрицанием.

Противоречивые объекты (inconsistent objects) – данные объекты таковы, что для некоторого свойства, они и обладают этим свойством, и не обладают им.

Для обращения с этими двумя видами объектов лучше всего подходит так называемая паранепротиворечивая логика (paraconsistent logic), которая не позволяет выводить из противоречия все, что угодно: «Существование паранепротиворечивой логики показывает, что можно разумно рассуждать о противоречивых объектах и что можно постулировать их, не будучи приверженным

утверждению, что *каждый* объект является противоречивым объектом»[374]. Но для актуальных конкретных объектов из рассматриваемой схемы будет вполне достаточно обычной, классической логики. Такая разница в логике между объектами из разных онтологических категорий вполне приемлем и правдоподобна с точки зрения Макдэниела: объекты с различными фундаментальными свойствами подчиняются разным фундаментальным законам, и если объект неполон или противоречив, то нет ничего удивительного в том, что он подчиняется другим логическим законам по сравнению с обычным объектом. Он пишет так: «Естественно думать, что естественные свойства лежат в основе законов природы: причинно-следственный профиль объектов определяется естественными свойствами, которые они экземплифицируют. Когда объекты экземплифицируют принципиально разные виды характеристик, они участвуют в различных фундаментальных законах. С точки зрения, описанной здесь, фундаментальные законы логики основаны на способах бытия сущностей, которыми они управляют. Логика существования – это квантификационная логика: для точек зрения, в которых имеются разные способы существования, нет ничего удивительного в том, что ими могут управлять разные законы логики»[375]. В итоге у нас имеется правдоподобная онтологическая схема, в которой бытие является систематически изменчиво аксиоматичным.

Другая онтологическая схема признает фундаментальное различие между вещами (things) и веществом (stuff): вещи индивидуализированы (individuated) и их можно сосчитать; вещество неиндивидуализировано и счету не поддается. Про вещи мы можем спросить, сколько (how many) их, но про вещество можно спросить лишь как много (how much) его имеется. Подобную схему отстаивает, например, Нед Маркозиан, который называет ее смешанной онтологией:

«**Смешанная онтология**: (i) Физический мир – это на фундаментальном уровне мир как вещей, так и вещества. (ii) Среди самых базовых фактов о физическом мире есть факты о вещах, а также факты о веществе. (iii) Наиболее точное описание физического мира должно быть в терминах как вещей, так и вещества. (iv) Дискурс о вещах (thing talk) и квантификация по вещам, так же как дискурс о

[374] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 69
[375] Ibid., p. 70

веществе (stuff talk) и квантификация по веществу, являются неизбежными»[376].

Для онтологического плюралиста главным в определении является четвертый пункт. Из него следует что «логика» вещей – это обычная логика с уже знакомыми нам кванторами, но «логика» вещества другая. В ней используются так называемые множественные кванторы (plural quantifiers), например, «некоторые Fs являются G». Предложения с этими кванторами не могут быть систематически перефразированы в предложения без их использования, поскольку фундаментальная структура мира для своего выражения требует обоих видов кванторов, одного для квантификации по вещам, а другого для квантификации по веществу. Основная мотивация Маркозиана для признания этих двух разновидностей квантификации «состоит в том, чтобы учесть возможность существования объектов, у которых отсутствуют собственные части [proper parts], но, тем не менее, они качественно неоднородны в протяженной области пространства. По его мнению, сфера может быть наполовину красной, наполовину синей, несмотря на отсутствие частей, которые являются ее красной и синей половиной. Маркозиан объясняет эту кажущуюся возможность, утверждая, что такой объект состоит из порции вещества, которая сама содержит две порции вещества, одна из которых красная, а другая синяя»[377]. В данной онтологической схеме сущности из разных онтологических категорий подчинены разным принципам, а значит бытие является систематически изменчиво аксиоматичным.

Мы рассмотрели несколько различных онтологических схем. Взятые вместе они должны обосновать вторую посылку аргумента (ИААС), доказывающего, что бытие/существование является аналогическим свойством в определении Макдэниела, а значит имеются его отдельные аналогические случаи – способы бытия.

Второй из аргументов Макдэниела в пользу онтологического плюрализма является, по сути, рядом соображений и примеров, которые должны показать теоретические достоинства ОП, его превосходство над другими теориями. Мы должны принять ОП, поскольку он обладает большей объяснительной силой, то есть способен с легкостью объяснить то, что вызывает затруднения у других теорий.

[376] Markosian N. Simples, Stuff, and Simple People // The Monist. 2004. № 87(3). p. 413
[377] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 72

Макдэниел рассматривает онтологические категории, базирование (grounding)[378], сущности и т. д. Но мы остановимся на наиболее показательном, с нашей точки зрения, примере – на «почти ничто» (множественное число – «almost nothings»).

К почти ничто относятся такие чисто негативные сущности как дыры, щели, тени и т. д., чье существование зависит от отсутствия таких позитивных сущностей, как пончики, стены, солнечный свет и т. д. Наш повседневный дискурс содержит множество ссылок на почти ничто: «Мы квантифицируем по дырам и даже считаем их: мы говорим, например, что в сыре есть несколько дыр, точнее, семь. Мы приписываем им характерные черты и говорим так, как будто они находятся в отношениях: эта дыра шириной в 3 фута, намного шире, чем вон та шина. Дыры, по-видимому, сохраняются во времени, о чем свидетельствует тот факт, что на моем свитере та же дыра, что и в прошлый раз, когда вы видели меня одетым в него. Мы даже говорим так, как будто ямы каузально эффективны: я сильно вывихнул лодыжку, потому что "не обратил внимания на зазор" и упал в промежуток между поездом и пешеходным переходом. Мы видим ямы на дорогах и сворачиваем, чтобы их объехать. Мы верим в дыры. Если наши убеждения верны, дыры должны обладать какой-то реальностью»[379].

Проблеме почти ничто посвящено большое количество философской литературы[380], философы спорят о природе подобных сущностей и пытаются объяснить их характерные особенности. Однако оказалось, что удовлетворительно объяснить все характеристики почти ничто весьма непросто. По мнению Макдэниела, это связано с тем, что практически все философы, занимающиеся данной проблемой, являются онтологическими монистами. Для них все существующее существует в одном и том же смысле, одним и тем же способом, а значит дыры в сыре, если они действительно существуют, так же реальны, как и сам сыр. Такой вывод, очевидно, непривлекателен и, если есть такая возможность, его следует избежать. Но как? Совсем отвергнуть почти ничто – значит отвергнуть значительную часть

[378] О базировании подробнее см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 163-184 https://philpapers.org/rec/KON-VEB

[379] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 140

[380] см. статью Lewis D., Lewis S. Holes // Australasian Journal of Philosophy. 1970. №48. pp. 206–12 и монографию Casati R., Varzi A. Holes and other Superficialities. Cambridge, Mass, MIT Press, 1994

нашего повседневного дискурса. Перефразировать все их упоминания очень непросто или невозможно[381]. В итоге, как пишет Рой Серенсен, «кажется парадоксальным говорить, что отсутствия [absences] существуют, но не лучше сказать, что отсутствий не существует»[382].

У плюралиста при решении проблемы есть значительное преимущество – все характерные особенности почти ничто он может объяснить их особым способом существования. Остается лишь подыскать подходящий способ. Но здесь есть свои трудности: «кажется, что та реальность, которой обладают дыры, в некотором смысле дегенеративна или менее полноценна, чем та реальность, которой обладают "позитивные" сущности. На самом деле, трудно понять, что можно было бы иметь в виду, утверждая, что дыры и другие "отсутствия" в каком-либо смысле являются "отсутствиями", если вид существования, которым они обладают, такой же, как вид существования "присутствий". Того факта, что каждое "отсутствие" обязательно существует только в том случае, если существует какое-то "присутствие", недостаточно для того, чтобы гарантировать уместность этих ярлыков: возможно, каждый конкретный объект обязательно зависит от существования Бога, но это не означало бы, что мы являемся отсутствиями, в то время как Бог – это присутствие»[383]. Способ бытия отсутствий должен не просто быть другим, чем у положительных сущностей, он должен отражать меньшую полноценность, дегенеративность их существования. Макдэниел предлагает собственное оригинальное решение – почти ничто вообще не обладают фундаментальным способом бытия, подобным способам бытия положительных сущностей. Как же это возможно?

Для простоты изложения предположим, что смысл «бытия» из нашего естественного языка адекватно выражается семантически примитивным неограниченным квантором существования $\exists$. Плюралист в таком случае может ввести несколько своих ограниченных кванторов, выражающих отдельные способы бытия. Предположим, что плюралист признает всего два фундаментальных способа, один

---

[381] Casati, Roberto and Achille Varzi, "Holes", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/sum2023/entries/holes/>

[382] Sorensen R. Seeing Dark Things: the Philosophy of Shadows. Oxford, Oxford University Press, 2008, p. 19

[383] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 141

для конкретных материальных объектов, а второй для абстрактных, а значит и ограниченных кванторов будет всего два – $\exists_m$ и $\exists_a$. Теперь обратим наше внимание на домены этих трех кванторов, то есть на множества объектов, по которым они пробегают. С точки зрения нашего плюралиста все, что существует, существует лишь двумя фундаментальными способами, а значит оно попадает либо в домен $\exists_m$, либо в домен $\exists_a$. Но каким должен быть домен неограниченного квантора $\exists$? Кажется, что ответ очевиден – этот квантор называется неограниченным, а значит пробегает по всему существующему вообще, независимо от способа его существования. Но все существующее существует только двумя фундаментальными способами. Получается, что его домен должен представлять собой простое объединение доменов ограниченных кванторов. Макдэниел считает, что очевидность является кажущейся. Да, домен квантора $\exists$ должен включать в себя домены $\exists_m$ и $\exists_a$, но он может содержать больше объектов. Если это так, то мы сможем сказать, что есть такие объекты, для которых верно, что нет фундаментального способа, которым они существуют. Их способ существования, представленный квантором $\exists_b$, производен и может быть определен всецело негативно. Макдэниел называет его бытием-из-вежливости (being-by-courtesy) и определяет так:

(БИВ) $\exists_b x\Phi =_{df.} \exists x\Phi \& \sim(\exists_m x\Phi$ или $\exists_a x\Phi)$.

Важно помнить, что для плюралиста неограниченный квантор не является фундаментальным, а значит существующие из вежливости объекты в фундаментальном смысле вообще не существуют. Макдэниел пишет об этом следующее: «Бытие-из-вежливости – это поистине дегенеративный способ быть. С одной стороны, о вещах, которые являются сущими из вежливости [beings by courtesy], можно действительно сказать, что они существуют, т.е. они подпадают под действие неограниченного квантора обычного английского языка. С другой стороны, ни на одном языке с только совершенно естественными кванторными выражениями, не осуществляется квантификация по сущим из вежливости. Это дает нам другой способ сформулировать утверждение о том, что некоторые сущности более реальны, чем другие: x более реален, чем y, если x обладает фундаментальным способом бытия, в то время как y является просто сущим из вежливости»[384].

[384] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 pp. 147-148

Однако, в связи с тем, что неограниченный квантор нашего естественного языка ∃ гораздо менее естественен/фундаментален, чем фундаментальные ограниченные кванторы $\exists_m$ и $\exists_a$, возникает трудность. Данный квантор менее естественен в том числе и потому, что его домен **не является** простым объединением доменов $\exists_m$ и $\exists_a$, а дополнительно включает сущих из вежливости. Но в таком случае возможен нефундаментальный, но более естественный, чем ∃ неогрниченный квантор, чей домен **является** простым объединением доменов $\exists_m$ и $\exists_a$. Назовем его $\exists_d$. Теперь вспомним теорию референциального магнетизма из главы о метаонтологии Сайдера (см. главу 3) – естественные сущности или аспекты структуры мира является своего рода «магнитами», которые притягивают слова из нашего языка и становятся их референтами. Если это так, то значением нашего неограниченного квантора будет значение $\exists_d$, чей домен – объединение доменов $\exists_m$ и $\exists_a$, а значит мы не сможем утверждать, что сущие из вежливости существуют хоть в каком-то смысле. Макдэниел уверен, что в данном случае доверие при интерпретации сильно перевешивает магнетизм: слишком уж много в нашем языке отсылок к сущим из вежливости и квантификации по ним. Значение ∃ менее естественно, чем значение $\exists_d$, но оно лучше согласуется с нашим использованием языка, а значит действительно является значением используемого нами квантора. Из этого следует, что наши утверждения о существовании сущих из вежливости, хотя и истинны, являются лишь следствием метафизического несовершенства нашего языка – неограниченный квантор в нем менее естественен, чем мог бы быть.

Как мы видим, при решении этой трудности различные кванторы или их возможные значения сравнивались между собой по своей естественности. Опираясь на возможность такого сравнения, Макдэниел вводит понятие степеней (degrees) бытия или реальности, в дополнение к уже рассмотренным способам и порядкам:

(CP) x менее реален в степени n, чем y, если и только если (1) «$\exists_1$» является самым естественным квантором, который пробегает по x, (2) «$\exists_2$» является самым естественным квантором, который пробегает по y, (3) «$\exists_2$» является более естественным квантором, чем «$\exists_1$» в степени n.

Данное понятие позволяет плюралисту выстроить своеобразную иерархию всего существующего, на вершине которой будут существующие в самом естественном, фундаментальном смысле

сущности, а в самом низу – наименее реальные сущие из вежливости. Разделение всего существующего на более или менее реальное, сходно с позицией Кита Файна, чья теория будет рассмотрена в главе 9.

Вернемся к проблеме почти ничто. Теперь ее решение не должно вызвать особых трудностей – почти ничто являются сущими из вежливости. Это объясняет все их характеристики, их своеобразное положение между существующим и несуществующим, почему они являются почти ничем и при этом все-таки существуют и т. д. Причем данное объяснение не является ad hoc – бытие-из-вежливости присуще не только почти ничто, но и многому другому. К сущим из вежливости можно отнести[385]:

поссибилии (possibilia), то есть всего лишь возможные, но не актуальные индивиды или миры.

фиктивные объекты, то есть воображаемые объекты, встречающиеся в произведениях искусства и литературы – персонажи книг, вымышленные животные, города, страны и т. д.[386]

простые интенционалии, то есть всего лишь интенциональные объекты – не существующие в реальности объекты наших мыслей, представлений и т. д., даже те, которые являются метафизически невозможными.

обычные объекты, то есть привычные для всех нас столы, стулья, камни и т. д. Признание их сущими из вежливости может помочь решить многие мереологические споры[387] или даже избежать их. Оно позволит нам «отвлечь внимание от вопросов о том, существуют ли эти сущности, и сосредоточиться вместо этого на вопросе о том, как они существуют»[388].

---

[385] Макдэниел подчеркивает, что список представляет лишь возможных кандидатов в сущие из вежливости, и не все из них он таковыми считает.

[386] О фиктивных объектах подробнее см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 92-11 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[387] О мереологии подробнее см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 305-329 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[388] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 162

В результате рассмотрения почти ничто и других трудных метафизических проблем Макдэниел приходит к выводу, что онтологический плюрализм, в отличие от монизма, располагает значительным арсеналом средств для их решения. Плюралист может прибегнуть к различным способам, порядкам и степеням бытия для объяснения особенностей тех или иных сущностей. На этом фоне монистическая онтология выглядит обедненной.

Несмотря на все эти преимущества ОП, монизм в его неокуайновской форме продолжает оставаться господствующей и ортодоксальной метаонтологической позицией. Почему же это так? Какие возражения выдвигаются против плюрализма? Одно из наиболее распространенных обвиняет плюрализм в превращении сущностных (essential) различий, то есть различий в природах (natures) между сущностями (entities), в онтологические различия, то есть различия в их способах существования. Это обвинение в адрес плюрализма было выдвинуто Трентоном Мерриксом, Рейнхардтом Гроссманном, Питером ван Инвагеном и др.

Меррикс пишет, что «плюралисты постулируют различие в бытии там, где вместо этого есть различие в виде [difference in kind] между сущностями, которые существуют одинаковым образом»[389]. Ту же самую претензию высказывает и Гроссман. По его мнению, аргументация всех плюралистов строится примерно одинаковым образом – сначала плюралист провозглашает фундаментальное различие между некоторыми видами сущностей, а затем делает вывод, что такое различие должно быть различием в их способах бытия. Это явный non sequitur: «Этот тип аргументации очевидно ошибочен. Из того факта, что два вида вещей фундаментально различаются по своим свойствам, просто не следует, что они должны иметь разные способы бытия. Конечно, они могут существовать разными способами, но то, что они действительно так существуют, нельзя показать таким образом. Конкретные вещи фундаментально отличаются от абстрактных тем, что только первые обладают временн**ы**ми свойствами и находятся во временн**ы**х отношениях друг к другу. Но этот факт, каким бы впечатляющим и важным он ни был, никоим образом не доказывает, что в дополнение к этому различию существует также разница в их способах бытия»[390].

---

389 Merricks T. The Only Way To Be // Noûs. 2019. № 53(3) p. 603

390 Grossmann R. The existence of the world: An introduction to ontology. London, Routledge, 1992 p. 96

Инваген заходит в своей критике еще дальше и называет признание способов бытия фундаментальной метаонтологической ошибкой, возникающей из смешения природы вещи со способом ее бытия: «так называемые специфические кванторы являются проявлением фундаментальной метаонтологической ошибки, которая, как я, сторонник “скудного представления о бытии”, неоднократно утверждал, лежит в основе идеи (распространенной среди сторонников “насыщенных” представлений о бытии) о том, что существуют различные и несводимые модусы бытия: ошибка приписывания способам бытия вещи признака, который должным образом принадлежит ее природе»[391]. Такое смешение происходит из-за слишком большого различия природ вещей. Плюралисты рассуждают, с точки зрения Инвагена, примерно так: между двумя данными видами вещей, например, между конкретными и абстрактными объектами, существует огромная разница. Разница настолько велика, что ее нельзя приписать природам этих объектов, их сущностям. Она должна быть онтологической разницей в способах их бытия. Но одно не следует из другого, их рассуждения ошибочны. Впрочем, Инваген признает, что у него нет отдельного аргумента против позиции плюралистов, но он считает ее крайне контринтуитивной. Вместо этого в адрес плюралистов он обращает гневную тираду (она адресована Бертрану Расселу, призвавшему различие в способах бытия абстрактных и конкретных объектов): «Нет, Рассел, нет! Отношения сильно отличаются от столов, да, но это просто означает, что члены одного из этих двух классов объектов имеют сильно отличающуюся природу от членов другого – что свойства отношений сильно отличаются от свойств столов ... Но когда вы описали радикально разные свойства, которыми обладают отношения и столы, вы не только сделали все, *что необходимо* для описания огромной разницы между отношениями и столами, вы сделали все, *что можно сделать* для ее описания. Вот что такое описание огромной разницы. Перестаньте пытаться сделать что-то большее, когда больше нечего делать: перестаньте пытаться выразить огромную разницу между отношениями и столами, говоря, что у них разные виды бытия»[392].

Плюралисты могут воспользоваться данным отсутствием прямых аргументов. Если монисты объявляют ОП контринтуитивной позицией, то плюралисты могут попытаться вызвать противоположные

[391] van Inwagen P. Modes of being and quantification // Disputatio. 2014. № 6(38). p. 21–22

[392] Ibid., p. 23

интуиции. Именно так поступает Байрон Симмонс. Для него центральная интуиция плюрализма как раз и состоит в признании чисто онтологической разницы между объектами, наряду с разницей в природах. Каждая вещь обладает как бытием, так и природой. Если вещи могут различаться по природе, то почему бы им не различаться и по бытию? Симмонс пишет об этом так: «Сущности [entities] обладают как бытием, так и природой. Природа сущности состоит как из ее сущностных [essential], так и из привходящих характеристик. Она говорит нам, на что похожа эта сущность, и дает нам нечто похожее на ее полное понятие. Плюралист считает, что сущности могут отличаться не только по своей природе, но и по своему бытию. Таким образом, основная плюралистическая интуиция, на мой взгляд, заключается в том, что существуют особые онтологические различия между определенными сущностями (где мы можем сказать, что имеется *онтологическое различие* между двумя сущностями только в том случае, если одна из этих сущностей обладает способом бытия, которого нет у другой)»[393]. Данную основную интуицию можно подкрепить мысленным сопоставлением двух ситуаций. В первой мы сравниваем объекты с разными природами – кошку и канарейку, гору и кротовую кочку и т. д. Все это – весьма разные объекты и различия между ними могут быть очень большими, но эти различия остаются различиями в природе, в сущностных или привходящих свойствах. Во второй ситуации мы сравниваем два доллара, один из которых актуален, а второй является лишь возможным (merely possible)[394]. По

[393] Simmons B. Ontological Pluralism and the Generic Conception of Being // Erkenntnis. 2022. №87. pp. 1278-1279

[394] Плюралист Симмонс признает разницу в способах бытия между актуальными и лишь возможными объектами. Это он сочетает с модальным реализмом, в связи с чем и актуальные, и лишь возможные объекты являются конкретными объектами, отличающимися только способом бытия: «Я принимаю модальный реализм с абсолютной актуальностью …. Я верю, что за пределами реальности существует огромное множество конкретных, но всего лишь возможных миров, населенных различными конкретными, но всего лишь возможными индивидуумами. Эти конкретные возможные индивидуумы обладают присущими им качественными характеристиками и служат объектами многих наших мыслей. Но учитывая, что актуальность абсолютна, статус объекта как актуального не является, как предположил бы Льюис …, просто вопросом его принадлежности к нашему миру. Актуальное и просто возможное не находятся в онтологическом равенстве. Напротив, существует подлинное, объективное и именно онтологическое различие между теми мирами и индивидами, которые являются актуальными, и теми, которые ими не являются: актуальные конкретные сущности наслаждаются не только *конкретным возможным существованием*, но и *актуальным существованием* как способом своего бытия — они не только существуют$_c$, но и существуют$_@$; в то время как просто возможные конкретные сущности не

своим природам они ничем не отличаются и обладают одними и теми же свойствами. Разные у них лишь способы бытия – один актуален, а второй лишь возможен. При сопоставлении данных ситуаций у нас должна возникнуть интуиция, что во второй из них мы имеем дело со специфически онтологическим различием между вещами: «Возьмем … разницу между реальным и просто возможным серебряным долларом. Эта разница совершенно не похожа на разницу между кошкой и канарейкой, горой и кротовой кочкой или столом и табличкой. Ибо эти вещи различаются по своей природе. Но реальный и просто возможный серебряный доллар не обязательно должны отличаться по своей природе. Они могут иметь точно такой же размер, форму, вес и химический состав. Тем не менее, при всем их сходстве, между ними, по-видимому, все еще существует важное и фундаментально онтологическое различие: один актуален, другой просто возможен»[395]. Однако аргументация плюралистов не обязательно должна сводиться к интуициям. Мы видели, что Макдэниел приводит аргументы в пользу ОП, в частности аргумент от систематически изменчивой полиадичности и аксиоматичности бытия, доказывающий его аналогичность.

В заключение главы мы кратко остановимся на методах и задачах онтологии с точки зрения плюрализма. Согласно куайновской ортодоксии главным онтологическим вопросом является вопрос «Что есть?». Очевидно, что для плюралистов это будет лишь частью главного вопроса, ведь ответ на него не скажет нам, какими именно способами есть то, что есть. Главным вопросом должен стать «Что и как есть?». Для ответа на него онтология должна составить перечень всех способов бытия. Но как это сделать? Ответ относительно прост – нужно составить перечень всех онтологических категорий. Макдэниел отождествляет способы бытия и онтологические категории: «Отстаиваемая здесь точка зрения уважает интуицию о том, что тот факт, что объект принадлежит к определенной онтологической категории, является более глубоким фактом, чем любой факт, касающийся свойств, которыми обладает этот объект. Категория, к которой принадлежит объект, является не просто еще одним свойством среди

обладают актуальным существованием – они просто существуют$_c$» (Simmons B. Ontological Pluralism and the Generic Conception of Being // Erkenntnis. 2022. №87. pp. 1277). Следует отметить одну отличительную особенность – в теории Симмонса один объект может обладать сразу двумя способами бытия.

[395] Simmons B. Ontological Pluralism and the Generic Conception of Being // Erkenntnis. 2022. №87. p. 1279

многих, которыми обладает объект, а скорее онтологически предшествует любому свойству, которым обладает объект. Свойства разделяют сущих [beings] в мире. Онтологические категории разделяют само бытие [being]»[396]. Исходя из этого, Макдэниел формулирует главные задачи онтологии и метаонтологии:

(ГЗО) Главная задача онтологии – нахождение правильного списка онтологических категорий.

(ГЗМ) Главная задача метаонтологии – определение того, что значит быть онтологической категорией и что значит подпадать под онтологическую категорию.

Такая постановка задач значительно облегчает поиск способов бытия, поскольку многие философы составляли списки онтологических категорий и пытались дать общее определение данному понятию[397]. Задачу (ГМЗ) решает рассмотренная в данной главе метаонтологическая теория: онтологическая категория – это способ бытия, подпадать под онтологическую категорию – значит обладать соответствующим способом бытия. Задачу (ГЗО) должна решить онтология, в связи с чем Макдэниел не пытается найти ее решение в рамках своей метаонтологической теории: «Представление об онтологических категориях, защищаемое здесь, ничего не говорит о большом количестве онтологических споров первого порядка. Оно не скажет вам, например, о том, принадлежат ли субстанции или абстрактные сущности, или модусы, или события к различным онтологическим категориям»[398]. Это дает ОП определенное преимущество, поскольку делает его совместимым с различными предлагаемыми схемами онтологических категорий.

---

[396] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 pp. 124-125

[397] см. монографию Вестерхоффа Westerhoff J. Ontological Categories: Their Nature and Significance. Oxford, Oxford University Press, 2005 и недавно вышедший кембриджский элемент Perović K. Ontological Categories. A Methodological Guide. Cambridge, Cambridge University Press, 2024

[398] McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017 p. 125

Список литературы

1. Cotnoir A., Edwards D. From Truth Pluralism to Ontological Pluralism and Back // The Journal of Philosophy. 2015. № 112(3). pp. 113-140

2. McDaniel K. A Return to the Analogy of Being // Philosophy and Phenomenological Research. 2010. № 81(3). pp. 688–717

3. McDaniel K. Being and Almost Nothingness // Noûs. 2010. № 44(4). pp. 628–49

4. McDaniel K. Degrees of Being // Philosophers' Imprint. 2010. № 13(19). pp. 1–18

5. McDaniel K. Ontological Pluralism, the Gradation of Being, and the Question "Why Is There Something Rather than Nothing?" // Goldschmidt T. (ed.) The Puzzle of Existence: Why Is There Something Rather Than Nothing? London, Routledge, 2013

6. McDaniel K. The Fragmentation of Being. Oxford, Oxford University Press, 2017

7. McDaniel K. Ways of Being // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds). Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 pp. 290-319

8. Simmons B. Ontological Pluralism and the Generic Conception of Being // Erkenntnis. 2022. № 87. pp. 1275-1293

9. Spencer J. Ways of Being // Philosophy Compass. 2012. № 7(12). pp. 910–918

10. Turner J. Logic and Ontological Pluralism // Journal of Philosophical Logic. 2012. №41. pp. 419–448

11. Turner J. Ontological pluralism // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 pp. 184-196

12. Turner J. Ontological Pluralism // Journal of Philosophy. 2010. № 107(1). pp. 5–34

Глава 8. Неомейнонгианская метаонтология Т. Парсонса

Неомейнонгианские метаонтологические теории объединяет признание наличия несуществующих объектов – есть, имеются такие объекты, которые не существуют. В этом они следуют за Алексисом Мейнонгом, который писал, что «…имеются предметы, о которых было бы верно сказать, что предметов такого рода не существует»[399].

(НМ) Неомейнонгианство: есть объекты[400], которые не существуют.

[399] Майнонг А. О теории предметов // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 209

[400] В русском переводе Мейнонга для передачи "Gegenstand" используется слово «предмет», однако в английском языке его переводят как "object". В связи с тем, что глава посвящена не самому Мейнонгу, а его англоязычным последователям, которые предлагают теории "несуществующих объектов" ("nonexistent objects") мы будем использовать русское слово «объект» для перевода английского «object».

Кроме самого наличия несуществующих объектов для НМ чрезвычайно важна возможность ссылаться на эти объекты с помощью имен собственных и квантифицировать по ним. В связи с этим Марк Сэйнсбери дает более развернутое определение неомейнонгианства, включая в него один онтологический и два семантических тезиса[401]:

(НМО) Неомейнонгианство, онтологический тезис: некоторые вещи не существуют.

(НМС 1) Неомейнонгианство, семантический тезис 1: некоторые имена собственные ссылаются на вещи, которые не существуют, и могут быть использованы для утверждения истин о таких вещах.

(НМС 2) Неомейнонгианство, семантический тезис 2: некоторые кванторы пробегают по вещам, которые не существуют, и могут быть использованы для утверждения истин о таких вещах.

С точки зрения НМ, утверждения, касающиеся несуществующих объектов, весьма распространены в нашей повседневной жизни: мы говорим о фиктивных объектах, литературных персонажах, героях мифов, выдуманных странах, предметах и событиях, мы обсуждаем всего лишь возможные события и факты, события, которые только должны произойти в будущем, но могут никогда не случиться и т. д. Многие интенциональные объекты, то есть объекты наших мыслей, установок, эмоций или желаний оказываются всего лишь интенциональными, то есть не существующими в реальности. Для нас не кажется чем-то необычным утверждение о слишком доверчивом человеке: «Есть много вещей, в которые он верит, но которые не существуют». Мы регулярно используем имена собственные для обозначения объектов, о несуществовании которых нам хорошо известно: «Шерлок Холмс – великий детектив. Шерлок Холмс никогда не существовал, он был придуман Артуром Конаном Дойлом». Даже само отрицание существования чего-либо, как кажется, требует от нас признания его наличия в некотором смысле. Когда мы говорим: «Золотая гора не существует», то словосочетание «золотая гора» в этом истинном предложении должно на что-то ссылаться. Самым

[401] Sainsbury R. M. Fiction and fictionalism. New York, Routledge, 2009 p. 45

очевидным кандидатом в референты будет несуществующий объект – сама золотая гора.

Однако, несмотря на все эти факты, многим философам тезис НМ о наличии несуществующих объектов кажется чем-то абсурдным и очевидно ошибочным. Например, Уильям Лайкан писал о мейнонговской квантификации по несуществующим объектам «… для меня она в буквальном смысле ахинея или пустой звук»[402]. Даже сам Мейнонг предлагал свой знаменитый тезис о том, что «имеются предметы, о которых было бы верно сказать, что предметов такого рода не существует» для тех, кто «предпочитает парадоксальный способ выражения». Этот тезис Тед Парент назвал «шокером Мейнонга» («Meinong's shocker»)[403]. В связи с подобной реакцией, одной из главных задач всех неомейнонгианских метаонтологических теорий является смягчение или устранения этой кажущейся абсурдности и бессмысленности их главного тезиса. Они должны сделать шокер Мейнонга менее шокирующим.

За последние десятилетия появилось множество НМ теорий, которые пытаются создать убедительную и аргментированную мейнонгианскую метаонтологию. Они по-разному осмысляют шокирующий тезис Мейнонга, в связи с чем Мэти Эклунд предложил разделить все НМ теории на две группы[404]. Первая утверждает, что несуществующие вещи не обладают существованием, но обладают неким обедненным или «разбавленным» бытием, которое и имеют в виду, когда говорят, что они есть. Говоря другими словами, эта группа теорий проводит различие между бытием (x есть) и экзистенцией/существованием (x существует), что дает следующую версию онтологического тезиса:

(НМ 1) Есть объекты, которые не существуют.

Теории, придерживающиеся (НМ 1), Эклунд называет мейнонгианством способов или модусов бытия (modes-of-being). К нему можно отнести теорию, предложенную Эдвардом Залтой, который писал следующее: «В частности, предпочтительнее отличать бытие (то есть логическое или метафизическое существование) от

402 Lycan W. The Trouble with Possible Worlds // Loux M. (ed.) The Possible and the Actual. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1979 p. 290

403 Parent T. Ontological commitment and quantifiers // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 p. 91

404 Eklund M. Metaontology // Philosophy Compass. 2006. № 1(3) p. 328

экзистенции (то есть физического существования). И кто-то предпочтет использовать квантор “∃” для обозначения первого и “(∃x)(E!x&...)” для обозначения второго. У такого способа выражения есть много преимуществ. С одной стороны, мы можем представить утверждение “есть несуществующие объекты”, не превращая его в логическую ложь. Это тезис, с которым мы должны быть в состоянии не соглашаться, не предполагая, что философы, принимающие этот тезис, могут быть опровергнуты только на логических основаниях»[405]. Как мы видим, Залта считает, что парадоксальность тезиса преодолевается при различении бытия и существования.

Вторая группа теорий не различает бытие и существование и утверждает, что некоторые вещи лишены бытия/существования. Это дает звучащую еще более парадоксально версию онтологического тезиса:

(НМ 2) Есть объекты, которых нет.

Теории, придерживающиеся (НМ 2), Эклунд называет безобязательственным (non-commitment) мейнонгианством: в соответствии с ним, утверждение, что есть какие-то объекты, не несет само по себе никаких онтологических обязательств по признанию их бытия/существования[406]. К этому виду НМ можно отнести теории Ричарда Роутли[407], Грэма Приста[408] и Франческо Берто[409]. Впрочем, сразу следует заметить, что деление является достаточно условным: например, Теренс Парсонс, чьей теории посвящена данная глава, предпочитает занимать нейтральную позицию в отношении различия между бытием и существованием: «Я никогда не мог найти здесь ничего, кроме терминологической проблемы, и если возникает вопрос о том,

[405] Zalta E. Intensional Logic and the Metaphysics of Intentionality. Cambridge, MA, MIT Press, 1988 p. 103

[406] Сходного деления придерживается П. ван Инваген, который использует при этом другую терминологию: у него мейнонгианство утверждает, что «есть вещи, такие что нет таких вещей («there are things such that there are no such things»), а неомейнонгианство утверждает, что «есть вещи, которые не существуют» («there are things that do not exist»). См. van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 8

[407] Routley R. Exploring Meinong’s Jungle and Beyond. Canberra, Australian National University, RSSS, 1980

[408] Priest G. Towards Non-Being. The Logic and Metaphysics of Intentionality. Oxford, Oxford University Press, 2005

[409] Berto F. Existence as a Real Property. Dordrecht, Springer, 2012

обладают ли несуществующие объекты каким-либо бытием, я намерен оставаться нейтральным в этом вопросе»[410]. Каким же образом сторонники (НМ 2) преодолевают парадоксальность этого тезиса? Они утверждают, что объекту для обладания свойствами не обязательно существовать – он может быть объектом, являться носителем свойств, даже не существуя. Говоря другими словами, объектность (objecthood) является более широким по своему объему понятием, чем бытие/существование. Как пишет об этом Натан Сэлмон «… Метафизическое состояние наличия свойств вполне отделимо от онтологического состояния существования. Предикация предшествует существованию. Конечно, все, что существует, обладает свойствами, но это потому, что наличие свойств метафизически совершенно неизбежно – в отличие от смерти и налогов»[411]. При таком подходе (НМ 2) теряет парадоксальность: «есть» означает обладание свойствами, а «нет» в конце – бытие/существование. Подобная идея восходит к самому Мейнонгу, который утверждал независимость так-бытия (Sosein) объекта, то есть наличия у него свойств, от его бытия (Sein): «Это все не отменяет тот факт, что на так-бытие некоторого предмета никак не влияет его небытие. Этот факт является настолько важным, что заслуживает того, чтобы быть ясно сформулированным в виде принципа независимости бытия от так-бытия. И чтобы лучше понять, какова область распространения этого принципа, необходимо принять во внимание факт, что ему подчиняются не только предметы, которые не существуют фактически, но и предметы, которые не могут существовать, так как их существование в принципе невозможно»[412]. Получается, что неомейнонгианские метаонтологические теории придерживаются так называемого принципа независимости:

(НЕЗАВ) Принцип независимости: обладание свойствами независимо от бытия/существования.

Данный принцип позволяет сторонникам НМ говорить о несуществующих объектах, приписывать им свойства и не впадать при этом в абсурд и бессмыслицу. Именно признание несуществующих объектов является центральной особенностью неомейнонгианской

---

[410] Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven and London, Yale University Press, 1980 p. 10

[411] Salmon N. Existence // Philosophical Perspectives. 1987. №1, Metaphysics. p. 97

[412] Майнонг А. О теории предметов // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 208

метаонтологии, отделяющей ее от всех других метаонтологических теорий. Эта метаонтология дополняет онтологический вопрос Куайна вопросом о несуществующих объектах:

(ГВО) Главный вопрос онтологии: что существует?

(ДВО) Дополнительный вопрос онтологии: есть ли несуществующие объекты?

и дает на него положительный ответ, который резко контрастирует с куайновским тезисом «Все существует», отрицающим несуществующие объекты. Но для полноценного положительного ответа сторонникам НМ необходимо создать развернутую теорию объектов такого рода. В данной главе мы рассмотрим одну из попыток сделать это, принадлежащую Теренсу Парсонсу, который прямо ставил перед собой эту цель: «Моей целью было выдвинуть определенную теорию несуществующих объектов»[413]. Свою теорию Парсонс рассматривает как продолжение и развитие теории объектов Мейнонга, хотя и подчеркивает, что его теория – не простое изложение взглядов последнего. Теория Парсонса учитывает и пытается ответить на критику, выдвинутую против Мейнонга Бертраном Расселом и Уиллардом Куайном.

Любая подобная теория должна предложить то, что Парсонс называет принципом свертывания (comprehension principle) для объектов. Этот принцип должен соотнести свойства с объектами, которым эти свойства присущи. Как кажется, наиболее простым и разумным для мейнонговской теории объектов должен быть неограниченный принцип свертывания, который утверждает, что имеется объект, обладающий любым набором свойств:

(НПС) Неограниченный принцип свертывания: для любого множества свойств некоторый объект обладает всеми свойствами из этого множества и никакими другими свойствами.

Однако в таком виде принцип неприемлем и вызывает множество проблем. В процессе изложения взглядов Парсонса мы увидим, какой принцип взамен (НПС) он предлагает, и как он справляется с

[413] Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven and London, Yale University Press, 1980 p. xii

наиболее серьезными возражениями против него, к которым относятся три следующие:

1. Проблема логического противоречия, указанная Расселом: несуществующие объекты, например круглый квадрат, обладающий свойствами *быть круглым* и *быть некруглым*. Рассел писал, что такое нарушение неприемлемо и любая альтернативная теория будет лучше мейнонговской: «Признается, что такие объекты не существуют, но тем не менее предполагается, что они являются объектами. Эта точка зрения трудна сама по себе, но главное возражение состоит в том, что такие объекты, по общему признанию, склонны нарушать закон противоречия. Утверждается, например, что существующий ныне король Франции существует, а также не существует; что круглый квадрат является круглым, а также некруглым и т. д. Но это неприемлемо, и если какая-либо теория может найти способ избежать этого результата, ее, конечно же, следует предпочесть»[414]. Об этой же проблеме писал и Куайн (прообразом вымышленного философа Вимана у него является Мейнонг): «… круглый квадратный купол Беркли-колледжа нельзя признать даже в качестве не воплощенной в действительность возможности. Можем ли мы теперь подвести Вимана к признанию еще и царства не воплощаемых в действительность невозможностей? Если да, то относительно них можно задать довольно много неудобных вопросов. Можно даже надеяться поймать Вимана на противоречии самому себе, заставив его признать, что некоторые из этих сущностей одновременно круглые и квадратные»[415].

2. Проблема тривиальности, также указанная Расселом. Если (НПС) позволяет объекты с произвольным набором свойств, то мы легко можем превратить любой несуществующий объект в существующий. Например, такой несуществующий объект, как золотая гора, обладает лишь двумя свойствами – золотистостью и гористостью. Но мы можем добавить к этим двум свойствам свойство существования и получим существующую золотую гору. Но такой горы, как мы знаем, не существует. Если же мы признаем это и скажем, что существующей золотой горы не существует, то вернемся к первой проблеме логического противоречия.

3. Проблема критерия тождества, указанная Куайном. Он приводит пример несуществующих лысого и толстого людей, стоящих в дверном проеме. Первый обладает свойствами *быть лысым* и *стоять*

[414] Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск, Сибирское университетское издательство, 2009 с. 22
[415] Куайн У. В. О Слово и объект М.: Логос, Праксис, 2000, с. 328

в дверном проеме, а второй свойствами *быть толстым* и *стоять в дверном проеме*. Являются ли эти два человека одним и тем же человеком, лысым толстяком, или нет? У нас нет четкого критерия тождества, позволяющего дать однозначный ответ: «Возьмем, к примеру, возможного толстого человека в этом дверном проеме и еще – возможного лысого человека в этом дверном проеме. Это один возможный человек или два возможных человека? Как можно решить эту проблему? Каким образом много возможных людей находятся в этом дверном проеме? Больше ли там возможных худых людей, чем возможных толстых? Сколько среди них одинаковых? Или – будут ли все они одним возможным человеком вследствие их одинаковости? Верно ли, что никакие две возможные вещи не являются одинаковыми? То же ли это самое, что сказать, что невозможно, чтобы две вещи были одинаковыми? Или, наконец, может быть понятие тождества просто неприменимо к не воплощенным в действительность возможностям? Но какой смысл может иметь разговор о сущностях, о которых нельзя осмысленно утверждать, что они тождественны сами себе и отличны одна от другой?»[416]. В своем возражении Куайн применяет свой знаменитый тезис о том, что «нет сущности без тождества» («no entity without identity») – если мы не можем указать критерий тождества для какого-либо класса объектов, то это является веским основанием для непризнания подобных объектов.

Свою метаонтологическую теорию Парсонс ограничивает конкретными объектами и оставляет за скобками вопрос об абстрактных объектах и присущем им особом способе бытия (субсистенция, subsistence или Bestand у Мейнонга). Кроме этого, Парсонс следует ортодоксальной позиции в отношении существующих конкретных объектов, и его единственное, но ключевое, отличие от ортодоксии заключается в признании наличия несуществующих конкретных объектов: «В частности, я намерен использовать слово “существует” таким образом, чтобы оно охватывало именно те объекты, которые, по мнению ортодоксальных философов, существуют. В частности, оно включает в себя все обычные физические объекты, которые мы обычно воспринимаем как существующие, и не включает единорогов, золотые горы, крылатых лошадей, круглые квадраты (круглые квадратные вещи), Пегаса или Шерлока Холмса. Теория, приведенная ниже, будет утверждать, что есть единороги, есть такая вещь, как

[416] Там же, с. 327-328

Пегас и т.д. Но ничего из этого не существует»[417]. Как же именно Парсонс обосновывает наличие всех этих объектов? Начинает он с предположения о существующих объектах: нет двух физических объектов, обладающих одними и теми же свойствами. По его мнению, такое предположение не является чем-то надуманным и неправдоподобным и свидетельствует не о нехватке объектов, а об изобилии свойств: каждый объект в мире обладает по крайней мере одним свойством, присущем только ему и ничему другому. На основе данного предположения можно установить однозначную корреляцию между реально существующими объектами и множествами свойств. В итоге мы получим список всех существующих объектов, в котором каждому из них соответствует уникальное множество:

o_1	Множество свойств объекта o_1
o_2	Множество свойств объекта o_2
o_3	Множество свойств объекта o_3
.	
.	
o_n	Множество свойств объекта o_n

Список объектов с левой стороны исчерпывает онтологию, признаваемую сторонниками ортодоксального подхода. По мнению Парсонса, мы вполне способны продолжить список, поскольку множеств свойств для этого хватает. Возьмем любое непустое множество свойств, например, такое, в котором присутствуют два свойства, золотистость и гористость, не присущие вместе ни одному реально существующему объекту. В результате мы получим множество, которое можно будет соотнести с несуществующим объектом – золотой горой:

o_{n+1}	{золотистость, гористость, ...}

При желании вместо многоточия можно добавить еще какилибо свойства, но двух первых достаточно для того, чтобы o_{n+1} не был ни одним из существующих объектов. Этот список объектов можно продолжать и дальше, добавляя новые множества свойств, не встречающиеся у реальных объектов. Парсонс полагает, что мы не можем

417 Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven and London, Yale University Press, 1980 p. 11

сразу же, без рассмотрения аргументов за и против, отвергнуть дополнение списка несуществующими объектами лишь на том основании, что они не существуют – это будет проявлением предубеждения: «Но, как заметил Мейнонг, это не значит, что не имеется нереальных золотых гор; хотя некоторые ограниченные люди возражают против этого, это просто потому, что они предубеждены! (Он назвал это “предубеждением в пользу актуального” …)»[418]. В результате мы получим полный список всех возможных множеств свойств, каждому из которых будет соответствовать объект, у каких-то множеств объект будет существующим, у каких-то – несуществующим, но принцип соответствия остается прежним.

Полученный список строится на основе двух принципов, которые являются центральными для метаонтологии Парсонса; второй из них представляет собой принцип свертывания и должен преодолеть недостатки (НПС):

1. Никакие два объекта (реальные или нереальные) не обладают абсолютно одинаковыми нуклеарными (nuclear) свойствами.

2. (ППС) Парсоновский принцип свертывания: для любого множества нуклеарных свойств некоторый объект обладает всеми свойствами из этого множества и никакими другими нуклеарными свойствами.

Как мы видим, в этих формулировках вводится новое понятие нуклеарного свойства, и все свойства, которые входят в множества, соотносимые с объектами, должны быть нуклеарными. Различие между нуклеарными и экстрануклеарными свойствами является для Парсонса примитивным и не подлежащим определению, хотя его можно прояснить на примерах. Именно отсутствие такого разделения в (НПС) ведет к возникновению перечисленных выше проблем. Начнем с проблемы тривиальности: если бы свойство существования было нуклеарным, то в правой части нашего списка появилось бы множество {быть золотым, быть горой, существовать ...}, которое соответствовало бы существующей золотой горе, хотя, как нам известно, такой горы не существует. Для предотвращения такого нежелательного результата, свойство существования и соответствующий ему предикат «существует» следует признать экстрануклеарным и не

[418] Ibid., p. 18

подпадающим под действие (ППС). Парсонс приводит еще несколько примеров как нуклеарных, так и экстрануклеарных предикатов[419]:

(НП) Нуклеарные предикаты: «является синим», «является высоким», «ударил Сократа», «был ударен Сократом», «ударил кого-то», «является золотым», «является горой» и т. д.

(ЭНП) Экстрануклеарные предикаты:

Онтологические: «существует», «является мифическим», «является фиктивным».

Модальные: «является возможным», «является невозможным».

Интенциональные: «является мыслимым Мейнонгом», «почитаем кем-то».

Технические: «является полным» («is complete»).

По мнению Парсонса, данное деление предикатов и соответствующих им свойств не является чем-то совершенно новым и сходно с делениями, предлагавшимися Фреге и Расселом. Экстрануклеарные предикаты – те, которые Фреге считал предикатами второго порядка, приложимыми не к индивидам, а к понятиям. К ним он относил, в частности, предикат «существует».

Хотя точного определения данным разновидностям предикатов дать нельзя, у нас есть процедура (decision procedure), с помощью которой мы можем правильно разделить предикаты: «Наша историческая ситуация дает очень приблизительную процедуру принятия решения о том, является ли предикат нуклеарным или экстрануклеарным. Она такова: если все согласны с тем, что предикат обозначает обычное свойство индивидов, то это нуклеарный предикат, и он обозначает нуклеарное свойство. С другой стороны, если все согласны с тем, что он не обозначает обычное свойство индивидов (по какой-либо причине), или если в прошлом были споры о том, обозначает ли он обычное свойство индивидов, то это экстрануклеарный предикат, и он не обозначает нуклеарное свойство. Конечно, эта "процедура

[419] Ibid., p. 23

принятия решения" очень несовершенна. Вероятно, ее главное достоинство заключается в том, что она дает нам достаточно четкие примеры нуклеарных и экстрануклеарных предикатов, чтобы мы могли интуитивно различать их и могли легко классифицировать новые случаи»[420]. По мнению Парсонса, у нас есть подобная интуиция, и любой человек, ознакомившийся с приведенными выше примерами, сможет применять деление к новым случаям.

Аналогичное деление предикатов предлагалось и другими сторонниками неомейнонгианства помимо Парсонса. Например, Ричард Роутли (Сильван) делил предикаты на характеризующие и нехарактеризующие[421]. Парадгмальными представителями первого типа являются дескриптивные предикаты «сухой», «пыльный», «является треугольником», «является золотой горой», «бежит», «сидит», «спит» и т. д. Парадигмальными представителями второго являются онтические предикаты «существует», «является созданным», «возможен», «является контингентным» и т. д. Роутли также не дает четкого принципа деления и лишь ссылается на исторические примеры: «Различие, которое следует провести, не совсем новое, но оно похоже на различия, которые проходят через всю историю философии; например, традиционное различие между предикатами, определяющими сущность, и теми, которые не могут быть использованы для определения сущности или природы вещи; Фреге различает уровни, в соответствии с которыми "существует", в отличие от "является красным", является предикатом второго уровня; различие Мейнонга и Малли между konstitutorisch и ausserkonstitutorisch предикатами, которое связано с разделением Мейнонгом предикатов (или, скорее, свойств) на порядки; разделение Расселом предикатов … на элементарные и неэлементарные, а также современное разделение предикатов на те, которые выражают свойства, и те, которые этого не делают. Все эти подразделения проводят различие, с которого можно начать, между такими предикатами, как "круглый", "тяжелый", "сухой", "холодный", "мокрый", "красный", с одной стороны, и "существует" – с другой»[422].

Для многих критиков подобное отсутствие четкого критерия является неприемлемым и значительно ослабляет убедительность теории. Например, Грэм Прист считает, что без критерия списки

---

420 Ibid., p. 24

421 Routley R. Exploring Meinong's Jungle and Beyond. The Sylvan Jungle – Volume 1. Cham, Springer, 2018 p. 346

422 Ibid., p. 345

свойств выглядят искусственно сконструированными (gerrymandered) для решения проблем, вызванных (НПС): «Стандартный ответ, начиная с Мейнонга, состоял в том, чтобы принять [(НПС)], только если свойства, используемые в [(НПС)], имеют определенный вид: принимаемые, характеризующие, нуклеарные, названия могут быть разными. И существование (среди прочего) не является таким предикатом. Проблема для этого подхода – дать принципиальную характеристику того, что представляет собой характеризующий предикат и почему. Насколько мне известно, никто не смог этого сделать. Некоторые классы предикатов могут быть отграничены и считаться безопасными. Но без соответствующего обоснования трудно избавиться от ощущения, что класс подвергся искусственному конструированию просто для того, чтобы избежать проблем»[423].

В дополнение к этому Прист выдвигает феноменологическое возражение против предлагаемого деления свойств/предикатов вообще и признания существования экстрануклеарным, нехарактеризующим свойством в частности. Как кажется, мы можем сформировать представление об объекте, характеризуемом любым набором свойств, нашему воображению ничего не может помешать: «… кажется, что мы можем думать об объекте, удовлетворяющем любому набору условий. По крайней мере, с феноменологической точки зрения нет абсолютно никакой разницы между размышлением об объекте, который обладает только официально характеризующими свойствами – какими бы они ни были – и объекте, который также обладает некоторыми нехарактеризующими свойствами, скажем, существованием»[424]. В подтверждение этого Прист приводит конкретный пример. Рассмотрим два объекта – объект *a*, который является существующим злым демоном и объект *b*, который представляет собой вымышленного, реально не существующего демона. Охарактеризованные таким образом объекты могут вызвать очень разную реакцию у какого-нибудь впечатлительного человека – он будет бояться только демона *a*, именно потому, что тот реально существует. Существование в этом примере должно рассматриваться как характеризующее, нуклеарное свойство, потому что оно является ключевым для объяснения разницы в реакции человека.

Чтобы справиться с данной проблемой Парсонс несколько модифицирует свое деление свойств на нуклеарные и

[423] Priest G. Towards Non-Being. The Logic and Metaphysics of Intentionality. Oxford, Oxford University Press, 2005 p. 83

[424] Ibid., p. 83

экстрануклеарные. Он вводит дополнительный тезис, идея которого восходит к самому Мейнонгу[425]: каждому экстрануклеарному свойству соответствует свой собственный ослабленный (watered-down) нуклеарный аналог[426]. Например, экстрануклеарному свойству *существовать* (existing) будет соответствовать нуклеарное свойство *быть существующим* (being existent). Человек из примера Приста боится злого демона, поскольку тот обладает нуклеарным, характеризующим свойством *быть существующим*, однако, как мы знаем, такого демона не существует, то есть он не обладает полноценным и не ослабленным свойством *существовать*. Отношения между полноценными экстрануклеарными свойствами и их ослабленными аналогами можно определить следующим образом:

(ОСЛАБ) Если p – это ослабленная версия P, то (1) P является экстрануклеарным, (2) p является нуклеарным, (3) трудно определить разницу между p и P, (4) любой реальный объект обладает p, если и только если он обладает P. Для каждого экстрануклеарного свойства P имеется по крайней мере одно нуклеарное свойство p, соответствующее п. (4).

Получается, что расхождение между обладанием двумя версиями свойств имеется лишь у несуществующих объектов – реально существующий стол будет обладать как свойством *существовать*, так и свойством *быть существующим*. Но существующая золотая гора из примера Рассела будет обладать лишь ослабленным нуклеарным свойством *быть существующим*, что решает указанную Расселом проблему тривиальности: мы не можем заставить любую вещь существовать, приписав ей свойство существования, поскольку приписанное таким образом свойство будет ослабленной нуклеарной версией существования. Кроме того, не возникает никакого противоречия, когда мы говорим: «Существующая золотая гора не существует», поскольку в первом и втором упоминании существования речь идет о разных свойствах.

По мнению критиков, подобное уточнение деления свойств выглядит ad hoc и является слишком нечетким и плохо мотивированным. Например, Франческо Берто пишет об этом уточнении

[425] Meinong A. Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit // Haller R., Kindinger R. (eds.) Alexius Meinong Gesamtausgabe VI. Graz, Akademische Druck und Verlagsanstalt, 1972

[426] Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven and London, Yale University Press, 1980 p. 44

следующее: «Каков именно статус нуклеарных двойников экстра-нуклеарных свойств? Мы знаем, что свойство P и его ослабленный нуклеарный аналог [p] являются коэкстенсивными по отношению к существующим объектам, но это лишь частичное совпадение выглядит как случайное: его использование заключается в том, чтобы согласовать [p] с P, так сказать, в максимально возможной степени. Не должны ли мы тогда независимо объяснить и мотивировать разницу между P и [p] в отношении несуществующих объектов?»[427]. Главный вопрос – почему p и P совпадают у существующих объектов и не совпадают у несуществующих? – остается без ответа.

Тем не менее Парсонс уверен, что предложенное деление свойств выполняет свое основное назначение – оно решает проблемы, стоящие перед неомейнонгианской метаонтологией. Мы только что видели, как оно решает проблему тривиальности. Кроме этого, оно дает критерий тождества для несуществующих объектов, на отсутствие которого указывал Куайн. Этот критерий Парсонс называет принципом тождества нуклеарно неразличимых:

(ПТНН) Если x и y обладают одними и теми же нуклеарными свойствами, то x=y.

Решает ли это проблему возможного толстого и возможного лысого человека в дверном проеме, о которой говорил Куайн в приводимой выше цитате? Тождественны ли они? С точки зрения теории Парсонса, *быть толстым*, *быть лысым* и *быть человеком* являются нуклеарными свойствами, а быть возможным – экстрануклеарным. Множество разных объектов обладают тремя данными нуклеарными свойствами, часть из них возможны, а часть – нет. В связи с этим невозможно однозначно ответить на вопрос Куайна о тождестве, но это никак не связано с несуществованием объектов, о которых идет речь, а связано с тем, что вопрос сформулирован недостаточно четко: «Таким образом, вопрос о том, являются ли “они” одним и тем же возможным человеком или нет, не имеет смысла; это не имеет ничего общего с “их” несуществованием, это просто тот факт, что не было выделено никаких конкретных объектов, о которых можно было бы задать этот вопрос. Некоторые возможные толстяки в дверном проеме – это также возможные лысые мужчины, которые стоят в дверном

[427] Berto F. Existence as a Real Property. Dordrecht, Springer, 2012 p. 128

проеме, а некоторые – нет»[428]. Сколько же всего возможных людей в дверном проеме? Столько, сколько существует непротиворечивых множеств нуклеарных свойств, включающих свойства *быть человеком* и *находиться в дверном проеме*: «Их будет, по крайней мере, счетно бесконечно [countably infinite] много. Возможно ли, что толстяков больше, чем худых? Вероятно, нет; каждого из них бесконечное количество, но паритет предполагает, что количество элементов будет одинаковым для каждого»[429].

При ответе на вопрос о числе возможных людей Парсонс, как мы видим, ограничивает соответствующие им множества свойств непротиворечивыми (consistent) множествами. Это возвращает нас к еще одному возражению Рассела – Мейнонг и его последователи признают наличие таких невозможных несуществующих объектов, как круглый квадрат. Но это ведет к противоречию, в связи с тем, что квадрат, поскольку он квадрат, является некруглым, а значит круглый квадрат обладает одновременно двумя противоречащими друг другу свойствами – *быть круглым* и *быть некруглым*. Данный аргумент Рассела Парсонс представляет более строго следующим образом[430]:

1. Круглый квадрат[431] является круглым.
2. Круглый квадрат является квадратным.
3. ∀x (x является квадратным ⊃ ~ (x является круглым)).
4. ~ (Круглый квадрат является круглым).
5. Круглый квадрат является круглым ∧ ~ (Круглый квадрат является круглым).

Парсонс уверен, что данный аргумент не достигает своей цели и уязвим для критики. Квантор всеобщности в третьей посылке должен быть достаточно широким, чтобы пробегать и по круглому квадрату, о котором идет речь в первых двух посылках. Но в таком случае у нас нет оснований принимать ее истинность – круглый квадрат как раз и является исключением. Сторонник аргумента может сказать, что «неверно, что x является круглым» является частью значения «x

[428] Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven and London, Yale University Press, 1980 p. 28
[429] Ibid., p. 29
[430] Ibid., p. 38
[431] Следует помнить, что Парсонс ограничивает свою теорию конкретными объектами, в связи с чем под «круглым квадратом» имеется в виду круглый и квадратный конкретный объект, например, круглый и квадратный купол Беркли-колледжа, о котором писал Куайн.

является квадратным», а значит третья посылка представляет собой аналитическую истину. Парсонс это отвергает: «Но я не думаю, что это правда. Даже если бы кто-то мог определить слово “квадратный” таким образом, чтобы включить в его определение “не круглый”, такое определение было бы искусственным и не соответствовало бы значению этого слова в обычном употреблении. Если быть квадратным означает не быть круглым, то это из-за некоторых геометрических принципов, которые связывают эти два понятия, а не просто из-за одних только определений»[432]. Можно возразить, что эти геометрические принципы действуют с необходимостью и тем самым подкрепляют третью посылку. Кроме того, она может быть основана на нашей интуиции о том, что квадратность квадрата делает неверным, что он является круглым, квадратность и круглость исключают друг друга. По мнению Парсонса, все эти рассуждения правильны, но ограниченны – и геометрические принципы и наши интуиции приложимы лишь к реально существующим объектам и не распространяются на несуществующие, к которым принадлежит круглый квадрат: «… квадратность исключает круглость для реальных объектов (и вообще для всех возможных объектов), и обычно мы имеем дело, в первую очередь, с реальными объектами. Существует давняя традиция, согласно которой реальность должна быть согласованной определенным образом, и одним из таких способов является исключение круглости из-за квадратности… поскольку мы, в первую очередь, имеем дело с реальными объектами, мы инстинктивно делаем выводы о взаимоисключаемости свойств (таких как круглость и квадратность), которые присущи реальным вещам. Вполне естественно, что мы должны чувствовать силу этих инстинктов, когда пытаемся обсуждать нереальные вещи»[433].

Но как быть с несуществующими круглыми некруглыми объектами, не должна ли любая последовательная неомейнонгианская теория признать их и впасть тем самым в логическое противоречие? Парсонс с этим не согласен. Он проводит различие между противоречивыми (contradictory) и невозможными объектами. Первые из них удовлетворяют формулу формы P(a) & ~ P(a). Таких объектов не только не существует, их вообще нет, поскольку, если бы они были, то могли бы быть истинны логические противоречия, чего Парсонс допустить не хочет. Круглый квадрат к таким объектам не относится.

---

[432] Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven and London, Yale University Press, 1980 p. 39

[433] Ibid., pp. 40-41

Он является одним из невозможных объектов, которым Парсонс дает определение, не прибегая к понятию противоречивости: невозможный объект – объект, который не является возможным. Возможный же объект определяется так:

(ВОЗМ) x является возможным, если и только если возможно, что существует некоторый объект, который обладает всеми нуклеарными свойствами x.

Все существующие объекты возможны по определению. Круглый квадрат невозможен, поскольку невозможно существование объекта, обладающего его нуклеарными свойствами *быть круглым* и *быть квадратным*. Но он есть, поскольку не является противоречивым.

Многие несуществующие объекты в теории Парсонса не только являются невозможными, но и обладают другими «странными» характеристиками, которыми не обладает ни один из существующих объектов. Принцип (ППС), в частности, не требует, чтобы объекты были логически замкнутыми (logically closed): объект может обладать свойством *быть синим* и свойством *быть квадратным*, но не обладать вытекающим из него свойством быть *синим-и-квадратным*. Кроме этого, некоторые из несуществующих объектов будут неполными (incomplete). Полные объекты Парсонс определяет следующим образом:

(ПОЛН) Объект является полным, если и только если для каждого нуклеарного свойства объект обладает либо этим свойством, либо его отрицанием.

Отрицание в (ПОЛН) является нуклеарным отрицанием, которому Парсонс дает такое определение: для каждого нуклеарного свойства p, есть другое нуклеарное свойство q, которым *существующие* объекты обладают, если и только если они не обладают p и которое можно назвать нуклеарным отрицанием p или не-p. В соответствии с данными определениями все существующие объекты являются полными, но для несуществующих объектов это неверно. Золотая гора, например, будет неполной в отношении всех нуклеарных свойств кроме тех, которые эксплицитно указаны в ее характеристике, то есть свойств золотистости и гористости. Она не будет

обладать ни таким нуклеарным свойством как белизна, ни его нуклеарным отрицанием небелизной.

Парсонс особо подчеркивает, что полноту не следует смешивать с логической замкнутостью. Возможен, например, логически замкнутый несуществующий объект, не являющийся полным. Чтобы его получить, можно взять золотую гору и добавить к ее двум нуклеарным свойствам золотистости и гористости все свойства, логически вытекающие из данных двух. Получится логически замкнутая золотая гора, которая, однако, не будет полной: из золотистости и гористости не вытекает ни свойство *весить сто тысяч тонн*, ни его отрицание.

Представленная нами теория несуществующих объектов обладает, по мнению Парсонса, целым рядом преимуществ по сравнению с ортодоксальной метаонтологической позицией, которая такие объекты отвергает. Важнейшее из них – та легкость, с которой она справляется с фиктивными объектами, трудными для понимания в рамках ортодоксальной позиции.

В своей повседневной жизни мы часто утверждаем предложения, касающиеся фиктивных объектов, например литературных или мифологических персонажей:

1. По иронии судьбы, некий вымышленный детектив (а именно Шерлок Холмс) гораздо более знаменит, чем любой настоящий детектив, живой или мертвый.

2. Нескольким греческим богам также поклонялись римляне, хотя они называли их по-другому.

3. Любой хороший современный криминалист знает о химическом анализе больше, чем знал Шерлок Холмс.

Большинство сочтет эти утверждения истинными, и prima facie они обязывают нас к признанию Шерлока Холмса и греческих богов. Критически настроенный человек может отвергнуть это prima facie обязательство. Однако, по мнению Парсонса, утверждения 1-3 мало чем отличаются от следующих утверждений, касающихся очевидно реальных объектов:

1*. По иронии судьбы, некий античный философ (а именно Платон) гораздо более знаменит, чем любой современный философ, живой или мертвый.

2*. В нескольких греческих городах также проживали римляне, хотя они называли их по-другому.

3*. Любой хороший современный криминалист знает о химическом анализе больше, чем знал Антуан Лавуазье.

Признание истинности утверждений 1*-3* обязывает нас признать существование Платона, греческих городов и Антуана Лавуазье. Но если между утверждениями 1-3 и 1*-3* нет релевантной разницы, то нам точно таким же образом следует признать существование Шерлока Холмса и греческих богов. Здесь-то и возникает проблема для сторонников куайновской ортодоксии, поскольку любой здравомыслящий человек согласится с истинностью утверждений об их несуществовании:

(ШХ) Шерлок Холмс не существует.

(ГБ) Греческих богов не существует.

Для неомейнонгианской метаонтологии Парсонса такой проблемы нет, поскольку она может заявить, что Холмс и боги есть, но не существуют:

(ШХ*) Шерлок Холмс есть, но не существует.

(ГБ*) Греческие боги есть, но не существуют.

Последователи Куайна могут, не выходя за рамки своей парадигмы, попытаться решить проблему несколькими способами, ни один из которых не кажется Парсонсу убедительным. Во-первых, они могут сказать, что утверждения 1-3 находятся в так называемом неэкстенсиональном контексте, в котором не возникает онтологических обязательств. Подобные контексты создаются такими выражениями «возможно, что», «он убежден в том, что» и т. д. Если мы принимаем как истинное утверждение «Петр убежден в том, что в Японии живут единороги», то у нас нет обязательств принимать существование единорогов. Есть два главных признака наличия неэкстенсионального контекста: провал подстановочности тождественных (substitutivity of identicals) и провал экзистенциального обобщения (existential generalization). Однако оба этих признака отсутствуют как в утверждениях 1*-3*, так и в утверждениях 1-3.

Подстановочность тождественных не работает в неэкстенсиональных контекстах – в них замена одного референциального

выражения на другое с тем же самым референтом может повлечь изменения истинностного значения. Умозаключения, наподобие следующего, в них не валидны:

Петр убежден в том, что Марк Твен – великий писатель.
Марк Твен – это Сэмюэл Клеменс.
Петр убежден в том, что Сэмюэл Клеменс – великий писатель.

Но аналогичные умозаключения валидны в вышеприведенных примерах:

По иронии судьбы, некий античный философ (а именно Платон) гораздо более знаменит, чем любой современный философ, живой или мертвый.

Платон – это Аристокл.

По иронии судьбы, некий античный философ (а именно Аристокл) гораздо более знаменит, чем любой современный философ, живой или мертвый.

По иронии судьбы, некий вымышленный детектив (а именно Шерлок Холмс) гораздо более знаменит, чем любой настоящий детектив, живой или мертвый.

Шерлок Холмс – это главный герой рассказа «Пестрая лента».

По иронии судьбы, некий вымышленный детектив (а именно главный герой рассказа «Пестрая лента») гораздо более знаменит, чем любой настоящий детектив, живой или мертвый.

Экзистенциальное обобщение также работает в приведенных примерах. Из

«по иронии судьбы, некий античный философ (а именно Платон) гораздо более знаменит, чем любой современный философ, живой или мертвый»

мы можем вывести

«по иронии судьбы, некто гораздо более знаменит, чем любой современный философ, живой или мертвый» или

«∃x(по иронии судьбы, x гораздо более знаменит, чем любой современный философ, живой или мертвый)».

Аналогичным образом из

«по иронии судьбы, некий вымышленный детектив (а именно Шерлок Холмс) гораздо более знаменит, чем любой настоящий детектив, живой или мертвый»

мы можем вывести

«по иронии судьбы, некто гораздо более знаменит, чем любой настоящий детектив, живой или мертвый» или
«∃x(по иронии судьбы, x гораздо более знаменит, чем любой настоящий детектив, живой или мертвый)».

Парсонс признает, что в случае фиктивных объектов, Холмса и греческих богов, *экзистенциальное* экзистенциальное обобщение (*existential* existential generalization) не работает, поскольку мы не можем выводить, что «По иронии судьбы, некто *существующий* гораздо более знаменит, чем любой настоящий детектив, живой или мертвый», но этого и не требуется, поскольку речь идет о простом экзистенциальном обобщении, которое оказывается правомочным в данном случае. Сторонники ортодоксии с этим, естественно, не согласятся поскольку для них квантор существования является экзистенциально нагруженным: «∃x» означает не только «x есть», но и «x существует», поскольку бытие и существование у них между собой не различаются. У Парсонса «∃x» означает «x есть», причем «есть» используется в экзистенциально не нагруженном смысле. Для полноценных утверждений о существовании он использует предикат E!, который мы не можем приписать Шерлоку Холмсу или греческим богам. Они будут одними из значений переменной x в формуле

$\exists x(\neg E!x)$.

Но для определения экстенсиональности тех или иных контекстов требуется, по мнению Парсонса, лишь экзистенциально не нагруженный квантор ∃.

Сторонники ортодоксии могут согласиться с

«∃x(по иронии судьбы, x гораздо более знаменит, чем любой настоящий детектив, живой или мертвый)»

но заявить, что в данном случае мы имеем дело с так называемой подстановочной квантификацией (substitutional quantification), которая не несет с собой никаких обязательств. Подстановочную квантификацию можно определить следующим образом[434]:

(ПОДК) ∃x(x является A) означает, что имеется имя, такое что результатом замены переменной x в открытом предложении «x является A» данным именем является истинное предложение.

При таком решении у ортодоксов нет четкого критерия – способа определить, когда квантификация является обязывающей, а когда подстановочной. Без такого критерия слишком легко избавиться от любых нежелательных обязательств: «Моя главная причина, по которой я не воспринимаю подстановочную квантификацию всерьез, заключается в том, что ее можно с таким же успехом использовать, чтобы вообще избежать обязательств к *чему угодно*. Если я настаиваю на том, что коровы есть, противник коров может признать истинность моих слов, но утверждать, что это на самом деле не обязывает его к тому, что коровы есть, поскольку "есть" может быть воспринято как простая подстановка»[435].

Еще один возможный для ортодоксов путь – предложить такое перефразирование проблемных высказываний, в которой никакой референции к фиктивным объектам не будет. Парсонс сильно сомневается в возможности успешного перефразирования утверждений, подобных утверждениям 1-3, а саму убежденность сторонников ортодоксии в его возможности считает ничем не подкрепленной верой: «С тех пор как Рассел показал, как это делается с предложениями типа "Король Франции не лыс", широко распространилась "вера в перефразирование", которая даже иногда имеет тенденцию опережать предубеждение в пользу актуального. Степень, в которой вера в существование подходящего перефразирования превосходит способность верующего дать такое перефразирование, часто бывает весьма

[434] van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. xli

[435] Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven and London, Yale University Press, 1980 p. 36

поразительной…»[436]. Вера в существование перефразирования в случае фиктивных объектов является особенно уязвимой, поскольку: 1. не было предложено никаких убедительных примеров перефразирования, 2. невозможно провести принципиальное различие между утверждениями 1-3 и 1*-3* – почему первые нуждаются в перефразировании, а вторые нет? Единственно возможный ответ ортодоксов на этот вопрос (Шерлока Холмса и греческих богов нет, а Платон и греческие города есть) совершает предвосхищение основания (begging the question), то есть заранее решает в свою пользу спорный вопрос о фиктивных объектах.

Кроме этого, любым теориям, работающим в рамках ортодоксальной парадигмы, крайне трудно объяснить, почему первое из следующих утверждения является истинным, а второе – нет[437]:

Пегас является крылатым конем из греческой мифологии.

Зевс является крылатым конем из греческой мифологии.

В результате рассмотрения различных ортодоксальных решений проблемы фиктивных объектов Парсонс приходит к выводу, что мейнонгианское решение является prima facie убедительным: «При беспристрастном рассмотрении я полагаю, что в ортодоксальной традиции нет ничего, что могло бы подорвать prima facie правдоподобность, предлагаемую примерами, подобными [1-3], наличия несуществующих объектов. Конечно, я не доказал, что есть несуществующие объекты; я не верю, что кто-то мог бы сделать это без предвосхищения основания»[438]. Именно способность дать интуитивно приемлемую и лишенную особых трудностей теорию фикитивных объектов является для Парсонса главным преимуществом мейнонгианской метаонтологии по сравнению с ортодоксальной куайновской[439]. У нас

[436] Ibid., p. 36

[437] Сторонникам другой неортодоксальной позиции – фикционализма, о котором шла речь в главе 6, объяснить эту разницу гораздо проще. Она основана на правилах фикции, то есть притворной игры, связанной с греческими мифами.

[438] Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven and London, Yale University Press, 1980 p. 37

[439] Для других сторонников неомейнонгианства главным может быть другое преимущество. Например, для Тима Крейна – это возможность создать убедительную теорию несуществующих интенциональных объектов (nonexistent intentional objects). В своей книге «Объекты мысли» он пишет: «Всякий раз, когда кто-то думает, он думает о чем-то. Или, другими словами, всякий раз, когда кто-то думает, есть нечто, о чем

нет возможности воспроизвести теорию в полном объеме, поэтому мы ограничимся ее краткой характеристикой.

Теория фиктивных объектов (ФО), то есть объектов, фигурирующих в тех или иных фикциях – произведениях искусства, литературы, музыки и т. д., покоится на трех базовых принципах[440]:

(A) Герои фикции (fictional characters), как правило, не существуют.

(B) Тем не менее герои фикции есть.

(C) Их несуществование не уменьшает их литературной ценности.

Общая теория несуществующих объектов дает Парсонсу более чем достаточное число кандидатов в ФО, однако для полноценной теории необходим метод, позволяющий сказать, какие из этих кандидатов являются соответствующими героями фикций. Но перед обсуждением метода необходимо провести различие между туземными (native) для повествования объектами и объектами-иммигрантами. Туземные объекты – те, которые полностью вымышлены и выдуманы при создании истории, а объекты-иммигранты перенесены в повествование откуда-то извне. Например, в рамках историй Артура Конан Дойля, Шерлок Холмс является туземным объектом, а Лондон – объектом-иммигрантом. Однако в рамках другой истории, написанной по мотивам рассказов Дойля каким-либо другим автором, Холмс будет объектом-иммигрантом. Предлагаемая Парсонсом теория касается туземных ФО, которых не существует в реальности.

В повествованиях туземные ФО характеризуются определенным образом: автор рассказывает нам о внешности, происхождении, занятиях, поступках и т. д. описываемых им персонажей. Кроме того, уже вне рамок самих повествований нам известно некоторое число фактов о них, об их восприятии читателями, критиками, влиянии на реальный мир и т. д. Например, о Шерлоке Холмсе можно утверждать следующее:

он думает. Некоторые вещи, о которых он думает, существуют, а некоторые – нет. Есть истинные и ложные утверждения о несуществующих вещах, о которых он думает. И все же весь мир – реальный мир, реальность, бытие, Вселенная, называйте это как хотите – содержит не больше того, что существует. Цель этой книги – защитить эти прописные истины» (Crane T. The Objects of Thought. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 3).

[440] Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven and London, Yale University Press, 1980 p. 50

1. Он является детективом.
2. Он живет на Бейкер-стрит 222B.
3. Он не существует.
4. Он является выдуманным детективом.
5. О нем думало много людей.
6. Им восхищаются многие настоящие детективы.

К этому списку Парсонс применяет свое деление предикатов/свойств на нуклеарные и экстрануклеарные: в первых двух предложениях имеет место нуклеарная предикация, а в остальных экстрануклеарная. С помощью этого деления мы можем сказать, каким именно несуществующим объектом является Шерлок Холмс и, что очень важно, сохранить истинность утверждений 1-6. Шерлок Холмс – это тот несуществующий объект, который обладает всеми теми нуклеарными свойствами, которые приписаны ему в рамках соответствующего повествования, в данном случае – в рамках рассказов Конан Дойля.

(ШХ) Шерлок Холмс = тот объект, который обладает именно теми нуклеарными свойствами, которые приписываются ему в произведениях Артура Конан Дойля.

В более общем смысле туземный ФО можно охарактеризовать следующим образом (это не является определением, поскольку φ встречается как слева, так и справа от знака равенства):

(ТФО) φ из истории s = тот объект x, который для каждого нуклеарного свойства p обладает этим свойством, если и только если φ из истории s таков, что в s он обладает p.

Вместо φ мы можем подставить имя или определенную дескрипцию, обозначающую туземного ФО. Имя «Шерлок Холмс» или «Выдуманный Конан Дойлем детектив, живущий на Бейкер-стрит» дадут нам несуществующий объект, обладающий такими нуклеарными свойствами, как *быть детективом*, *расследовать преступления*, *быть другом Ватсона* и т. д. Как и многие другие несуществующие объекты этот объект будет неполным, например, он не будет обладать ни свойством *иметь родинку на спине*, ни его отрицанием. Это соответствует нашим ожиданиям от подобного объекта, поскольку

Конан Дойл нигде не упоминает ни наличие родинки на спине Холмса, ни ее отсутствие.

Изложенная нами теория фиктивных объектов сталкивается с серьезной проблемой – проблемой авторства или творчества. Для подавляющего большинства из нас очевидно, что ФО творятся, создаются писателями, поэтами, сценаристами и т. д. Они не просто не существуют, но их вообще нет до того, как они были созданы. Однако для неомейнонгианской теории это не так – несуществующие объекты, с которыми мы отождествляем ФО, есть независимо от творческой деятельности автора; трудно представить, как кто-то может создать подобный несуществующий объект, и можно ли вообще осмысленно говорить об этом. Марк Сэйнсбери замечает, что данная проблема имеется у всех версий мейнонгианства: «Все версии мейнонгианства сталкиваются с проблемой реалистичного описания творческого процесса. Авторы художественных произведений интуитивно создают своих персонажей, они творят их. Мейнонгианцам запрещено говорить об этом, поскольку их точка зрения подразумевает, что вымышленных персонажей не существует и, следовательно, они не творятся»[441]. Получается контринтуитивное следствие, что Конан Дойл не является творцом Шерлока Холмса. Парсонсу приходится согласиться с этим – мы говорим, что авторы создают своих персонажей, но это лишь нестрогий и неточный способ описания отношений между автором и несуществующим объектом. Правильно сказать, что авторы делают определенные несуществующие объекты фиктивными объектами, то есть теми, о которых говориться в фикции, в повествовании. Можно даже сказать, что в результате этого несуществующий объект приобретает новое экстрануклеарное свойство – *фиктивное существование*, то есть существование в соответствии с некоторой фикцией: «Я уже говорил, что, в популярном смысле, автор создает персонажей, но это тоже трудно поддается анализу. Это не означает, например, что автор создает этих персонажей, поскольку их не существует. Он или она также не превращает их в объекты, поскольку они были объектами до того, как появились в историях. Мы могли бы сказать, я полагаю, что автор делает их *фиктивными* объектами, и что они не были фиктивными объектами до творческого акта. Мы могли бы даже сказать, что автор наделяет их *фиктивным существованием* … если не путать это с обычным существованием»[442].

[441] Sainsbury R. M. Fiction and fictionalism. New York, Routledge, 2009 p. 57
[442] Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven and London, Yale University Press, 1980 p. 188

Различные неомейнонгианские метаонтологические теории, одну из которых мы рассмотрели в данной главе, приобретают все большую популярность. По словам Туомаса Тахко, «мейнонгианство в последние годы переживает своего рода ренессанс, и можно ожидать, что эта тенденция сохранится»[443]. Но для сторонников ортодоксальной куайновской парадигмы она остается неприемлемым отклонением от ставшего общепринятым в данной парадигме отождествления бытия и существования. Например, Питер ван Инваген бросает своеобразный вызов последователям Мейнонга – привести хотя бы один пример несуществующего объекта. Инваген уверен, что о любом приведенном примере можно будет сказать, что этот объект существует или его вообще нет: «В общем, нет таких вещей, которые не существовали бы. Этот тезис кажется мне настолько очевидным, что я с трудом представляю, как его аргументировать. Я могу сказать только одно: если вы считаете, что есть вещи, которых не существует, приведите мне пример. Правильным ответом на ваш пример будет либо "Это тоже существует", либо "Такой вещи нет"»[444]. Инваген разбирает множество предполагаемых примеров несуществующих объектов и в каждом случае выносит один из двух упомянутых в цитате вердиктов. Такого объекта, как золотая гора нет – следуя Расселу, мы можем успешно перефразировать истинное утверждение «Золотая гора не существует» и убрать кажущуюся референцию. Фиктивные же объекты не только есть, но и существуют. Согласно Инвагену[445], они являются особой разновидностью абстрактных объектов – теоретическими объектами литературной (в случае литературных героев) критики.

Кроме того, сама идея о наличии несуществующих объектов кажется Инвагену внутренне противоречивой, поскольку для него верна следующая цепочка дедуктивных выводов[446]:

1. Есть вещи, которые не существуют,

---

443 Tahko T. E. An introduction to metametaphysics. Cambridge, Cambridge University Press, 2015 p. 27

444 van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 10

445 О теории фиктивных объектов Инвагена см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 103-106 https://philpapers.org/rec/KONVEB

446 van Inwagen P. Being. A Study in Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2023 p. 83

следовательно,
2. ∃x x не существует,
следовательно,
3. ∃x ¬ x существует,
следовательно,
4. ∃x ¬ ∃y y = x,
следовательно,
5. ∃x x ≠ x.

Инваген приходит к выводу, что «… идея о том, что есть вещи, которых не существует, противоречит сама себе и должна быть отвергнута»[447]. Очевидно, что неомейнонгианцы с этим не согласятся, поскольку их представления о кванторе ∃ отличаются от ортодоксальных, и этот квантор для них не является экзистенциально нагруженным, а утверждение о наличии несуществующих объектов записывается как «∃x(¬E!x)» и не ведет к указанному Инвагеном противоречию.

Список литературы

1. Berto F. Existence as a Real Property. Dordrecht, Springer, 2012

2. Bealer G. Review: Terence Parsons, Nonexistent Objects // Journal of Symbolic Logic. 1984. № 49(2). pp. 652-655

3. Crane T. The Objects of Thought. Oxford, Oxford University Press, 2013

4. Findlay J. Meinong’s Theory of Objects and Values. Oxford, Oxford University Press, 1963

[447] Ibid., p. 83

5. Fine K. Critical Review of Parsons' Nonexistent Objects // Philosophical Studies. 1984. № 45. pp. 94–142

6. Howell R. Nonexistent Objects by Terence Parsons // Journal of Philosophy. 1983. № 80(3). pp. 163-173

7. Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven and London, Yale University Press, 1980

8. Priest G. Towards Non-Being. The Logic and Metaphysics of Intentionality. Oxford, Oxford University Press, 2005

9. Routley R. Exploring Meinong's Jungle and Beyond. Canberra, Australian National University, RSSS, 1980

10. Zalta E. Intensional Logic and the Metaphysics of Intentionality. Cambridge, MA, MIT Press, 1988

11. Селиверстов В.В. Значение и становление теории предметов Алексиуса Майнонга // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 198–201

12. Селиверстов В. В. Сверхонтология Алексиуса Майнонга: по ту сторону бытия и небытия // Эпистемология и философия науки. 2021. № 58(1). С. 220-234

13. Селиверстов В. В. «Существующая золотая гора» как главная проблема теории Майнонга // Философский журнал. 2023. № 16(2). С. 191-203

14. Селиверстов В. В. Эрнст Малли: от Майнонга к Залте // Эпистемология и философия науки. 2014. № 42(4). С. 202-208

15. Фролов К. Г. Мейнонгианский анализ понятия существования: проблемы и затруднения // Философия науки. 2021. № 1(88). С. 13-29

Глава 9. Неоаристотелевская метаонтология Д. Шаффера и К. Файна

Рассматриваемые в данной главе метаонтологические теории принадлежат к неоаристотелевской парадигме в метаонтологии. Они значительно отходят от куайновской ортодоксии и пытаются радикально переосмыслить тот вопрос, на который должна отвечать онтология, а не только предложить новые ответы на него. Хотя позиция Куайна остается популярной и продолжает именоваться ортодоксальной, неористотелевские теории набирают популярность и приобретают все большую известность, что отмечается многими исследователями. В частности, Майкл Греч пишет: «Начиная с 1990-х годов, группа философов в аналитической традиции стала испытывать недовольство куайновской характеристикой метафизики по метаметафизическим причинам. Они считают, что метафизика как философская

деятельность имеет смысл, но считают, что Куайн неверно охарактеризовал ее цель. В частности, они считают, что вопрос, который Куайн считает фундаментальным для метафизики – вопрос “Что есть?” – вовсе не является фундаментальным. Одним из этих философов является Джонатан Шаффер»[448]. Об этом же говорит и Жолт Капелнер: «В течение последних нескольких десятилетий возникло новое направление в метафизике и метаонтологии, называемое нео-аристотелианством… Нео-аристотелианцы, такие как Кит Файн, ныне покойный Э. Д. Лоу и Джонатан Шаффер, часто противопоставляют себя куайнианцам, представителям, по-видимому, доминирующего взгляда на современную метаонтологию, происходящего от работ У. Куайна… Нео-аристотелианцы утверждают, что куайнианство является ошибочным представлением о том, что такое онтология, и что они могут дать жизнеспособную альтернативу»[449]. Нео-аристотелианство можно считать подходом/парадигмой в рамках как метафизики[450], так и метаонтологии. Нас, естественно, интересует

---

[448] Grech M. Two Ways of Saying No to Quine // Symposia Melitensia. 2021. № 17. pp. 40

[449] Kapelner Z. Reconciling Quinean and Neo-Aristotelian Metaontology. Master’s thesis, Central European University, 2015 p. 1

[450] (Нео-)аристотелианский подход в метафизике Туомас Тахко характеризует следующим образом: «Выражение “аристотелевская метафизика” предполагает приверженность взгляду на то, что существует наука, отличная от естествознания и предшествующая ему. Метафизика – это “первая философия”, ядро и начало любого философского и рационального исследования мира. Задача метафизики состоит не в том, чтобы служить науке или устранять концептуальную путаницу, а в том, чтобы изучать бытие и фундаментальную структуру реальности на самом общем уровне. Этот взгляд конкурирует с недавней дефляционной концепцией о методах и целях метафизики. Один из подходов, который прочно обосновался в этой области, можно было бы назвать “куайновским”. Согласно куайновской, “натурализованной” концепции, метафизика неразрывно связана с наукой в своих методах и целях. На вопросы о природе реальности следует отвечать с помощью применения “упорядоченной теории”. Философы …, которых в различных отношениях можно охарактеризовать как “неоаристотелевцев”, продолжают рассматривать метафизику как исследование, отличное от естествознания. Они используют то, что они считают отчетливо философскими, часто априорными, методами для обсуждения метафизических понятий, таких как сущность, субстанция, зависимость, потенциальность, основание и других категорий бытия и отношений между сущностями, описываемых языком, который не является чисто экстенсиональным. Мы также можем противопоставить аристотелевскую метафизику кантовской метафизике: категории занимают центральное место в обеих, но в аристотелевской метафизике они являются категориями бытия, тогда как в кантовской метафизике они являются категориями рассудка» (Tahko T. Introduction // Tahko T. (ed.) Contemporary Aristotelian Metaphysics. Cambridge, Cambridge University Press, 2011 p. 1).

последнее, и в данной главе мы рассмотрим две метаонтологические теории, принадлежащие Джонатану Шафферу и Киту Файну.

В своей метаонтологической теории Шаффер стремится кардинально переосмыслить основной вопрос куайновской онтологии, а не просто дать на него новый ответ. Для Куайна главным вопросом был «Что есть/существует?».

(ГВО$_{к}$) Главный вопрос онтологии (Куайн): что существует?

По мнению Шаффера, постановка именно этого вопроса как основного в онтологии, значительно обедняет эту философскую дисциплину. Во-первых, ответить на этот вопрос очень легко – практически все сущности, о которых спорят онтологи (временн**ы**е части, универсальные мереологические суммы, абстрактные объекты и т. д.) существуют, просто не все из них являются базовыми, фундаментальными сущностями. Во-вторых, даже если мы найдем удовлетворительный ответ на этот вопрос, то это не даст нам полной и целостной картины реальности: мы не будем знать, какие взаимоотношения имеют место между разными сущностями, то есть какие из них фундаментальны, а какие – производны и базируются на фундаментальных. В связи с этим главным вопросом онтологии должен стать вопрос «Что на чем базируется?».

(ГВО$_{аш}$) Главный вопрос онтологии (Шаффер): что на чем базируется?

Такой взгляд на онтологию (и метафизику в целом) Шаффер возводит к Аристотелю и противопоставляет его доминирующему куайновскому: «Согласно доминирующему сейчас куайновскому взгляду, метафизика – это [область исследований] того, что есть. Осмысленная таким образом метафизика заинтересована такими вопросами, как существуют ли свойства, существуют ли значения [meanings] и существуют ли числа. Я буду выступать в пользу возрождения более традиционного аристотелевского взгляда, согласно которому метафизика – это [область исследования] того, что на чем базируется [about what grounds what]. Возрожденная таким образом метафизика не утруждает себя вопросами о том, существуют ли

свойства, значения и числа. Конечно же да! Вопрос в том, являются ли они фундаментальными или нет»[451].

Переосмысление основного вопроса должно повлечь за собой перестройку всей онтологии, ее задач и методов. Доминирующая куайновская онтология[452] отвечала на вопрос ($ГВО_к$), в связи с чем ее задачей было сказать, что есть, что существует, то есть составить перечень существующих сущностей:

($ЗО_к$) Задача онтологии (метафизики) – сказать, что существует.

С куайновской точки зрения, то, что существует составляет домен квантификации. Этот домен представляет собой простое множество (или класс) сущностей, которое лишено всякой внутренней структуры. Поэтому решить задачу ($ЗО_к$) – означает составить список или перечень сущностей, которые являются элементами данного множества. Сделать это можно путем выявления экзистенциальных (онтологических) обязательств нашей наилучшей теории, что и является куайновским методом в онтологии:

($МО_к$) Метод онтологии (метафизики) – выявление экзистенциальных обязательств нашей наилучшей теории.

Для выявления обязательств мы берем нашу наилучшую теорию или несколько теорий, переводим их в каноническую логическую форму и смотрим, по каким сущностям пробегают переменные, связанные квантором существования. По сути, нам нужно найти такой домен экзистенциальной квантификации, который требуется для истинности упорядоченной теории.

Шаффер признает[453] позитивную роль, которую сыграла куайновская метаонтология в деле возрождения онтологии и утверждения статуса этой дисциплины в рамках аналитической традиции:

---

[451] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 347

[452] Здесь мы излагаем представление Шаффера о куайновской метаонтологии, подробнее о ней рассказано в первой главе книги.

[453] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 348-349

1. Куайновская метаонтология дает целостное и интегрированное представление об онтологии как дисциплине. ($МО_к$) дает подходящий метод для решения задачи, поставленной в ($ЗО_к$), и эта задача не оказывается нерешаемой.

2. Она обещает возможность прогресса в онтологии. Например, сам Куайн превратился из номиналиста в реалиста относительно чисел, благодаря применению ($МО_к$), поскольку квантификация по числам оказалась неустранимой из логически упорядоченной версии современной физики. То есть онтология с куайновской точки зрения выглядит как «прогрессивная исследовательская программа (не путать с онтологией – обменом догадками о том, что существует)»[454].

3. Она помогла освободить метафизику от «позитивистского ступора», в который ее ввергли позитивисты вроде Карнапа или Шлика, последний из которых писал: «Эмпирик не говорит метафизику: “то, что вы говорите, ложно”, но: “то, что вы говорите, вообще ничего не утверждает!”. Он не противоречит ему, но говорит: “Я вас не понимаю”»[455]. Куайновская метаонтология смогла показать позитивистам, что поиск ответов на онтологические вопросы тесно связан с наукой и логикой – ответы извлекаются из наилучшей научной теории, облеченной в соответствующую логическую форму.

Несмотря на все эти заслуги, Шаффер отвергает куайновский подход к онтологии/метафизике, как слишком близкий к позитивистскому и ведущий, в конечном итоге, к дефляционным выводам[456]. Подобно позитивистам Куайн отвергает традиционную метафизику, а их спор можно рассматривать как внутренний спор между прагматистами: «Действительно, хотя учебники выставляют Куайна и Карнапа противниками, Куайна лучше понимать как антиметафизического союзника своего наставника. Дебаты Куайна-Карнапа – это междоусобные дебаты между антиметафизическими прагматиками (относительно аналитико-синтетического различия, и того, является ли, как следствие, локус прагматической оценки молекулярным или холистическим)»[457]. Куайновский метод состоит в выявлении

[454] Yablo S. Does Ontology Rest on a Mistake? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1998. №72(Supp). p. 229

[455] Schlick M. Positivism and Realism // Ayer A. J. (ed.) Logical Positivism. London, Macmillan Publishing, 1959 p. 107

[456] Следует подчеркнуть, что Шаффер имеет в виду подход самого Куайна. Неокуайновские теории, рассмотренные в главах 2 и 3, не являются дефляционным.

[457] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 349

экзистенциальных обязательств нашей наилучшей теории, но выбор наилучшей теории является прагматическим выбором, что сближает его с выбором языкового каркаса у Карнапа: «Карнап утверждает, что онтологические вопросы... это вопросы не факта, а выбора удобной концептуальной схемы или каркаса для науки; и с этим я согласен только в том случае, если то же самое будет допущено для каждой научной гипотезы»[458].

Шаффер предлагает альтернативную точку зрения на онтологию, ее задачу и метод. С этой точки зрения, которую Щаффер возводит к Аристотелю, онтология занимается не экзистенциальными вопросами, а вопросами фундаментальности, базирования и онтологической зависимости. Соответствующим образом меняется и задача данной дисциплины:

($ЗО_{аш}$) Задача онтологии (метафизики) – сказать, что на чем базируется.

Такая неоаристотелевская точка зрения предполагает иерархичный взгляд на реальность как на упорядоченную отношениями первичности по природе (priority in nature) между различными сущностями. Первичные сущности образуют скудный базис реальности, а отношение базирования (grounding) генерирует на основе этого базиса изобильную надстройку из вторичных, производных сущностей. Задача онтологии – воспроизвести эту структуру и выяснить, что на чем базируется, какие именно сущности являются первичными, а какие производными.

Для выполнения этой задачи необходим подходящий метод, отличающийся от куайновского:

($МО_{аш}$) Метод онтологии (метафизики) – задействование диагностических средств для выявления того, что фундаментально, вместе с диагностическими средствами для выявления отношения базирования.

Но как же быть с куайновским вопросом ($ГВО_к$)? Ведь он никуда не исчезает, неоаристотелевская метаонтология Шаффера (далее НМШ) не может объявить его бессмысленным и должна как-то на него ответить. Шаффер признает уместность этого вопроса, но он не

[458] Quine W. V. O. The Ways of Paradox. New York, Random House, 1966 p. 211

считает его центральным для онтологии по той простой причине, что на него легко ответить. Практически все спорные сущности (числа, мереологические суммы, возможные миры и т. д.) существуют, но это ничего не говорит нам о том, являются ли они фундаментальными или производными, что и должна выяснить онтология: «Вопросы о существовании действительно играют роль для неоаристотелевцев моего типа. То, что существует – это базовые сущности [grounds], отношения базирования и базирующиеся сущности. Следовательно, утверждения о существовании накладывают ограничения на базу и отношения базирования, чтобы они были достаточным основанием для базирующихся сущностей. Так, например, учитывая, что числа существуют, они должны либо считаться субстанциями (базовыми сущностями), либо требуется объяснение того, как они базируются на реальных субстанциях»[459]. То есть вопросы о существовании остаются, но они теряют свою центральную роль, поскольку:

а. Они перестают быть конечной целью онтологического исследования. После того, как мы установили, что некая сущность существует, нам необходимо выяснить, является ли она фундаментальной или базируется на другой сущности.

б. Ответы на них не так значимы, поскольку постулирование существования новых, но производных сущностей не добавляет ничего принципиально нового и не нарушает принцип онтологической экономности. Производные сущности – это, по словам Дэвида Армстронга, «бесплатный онтологический завтрак»[460]. В связи с этим Шаффер занимает позицию пермиссивизма[461]:

(ПЕРМ) Пермиссивизм: подавляющее число предполагаемых сущностей, о которых ведутся онтологические споры, существует.

Следует заметить, что пермиссивизм не является необходимым следствием неоаристотелевской метаонтологии и является независимой от нее позицией.

---

[459] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 353

[460] Armstrong D. A World of States of Affairs. Cambridge, Cambridge University Press, 1997 pp. 12-13

[461] Эта позиция похожа на простой реализм Э. Томассон, о котором говорилось в главе 5.

Шаффер полагает, что его формулировки задачи и метода онтологии превосходят куайновские, поскольку предполагают более адекватное и точное представление об онтологической структуре реальности. Всего возможны три типа структуры, о которых мы уже говорили в первой главе, где приведены их схематические изображения:

1. Плоское представление о реальности в куайновской метаонтологии. Цель онтологии – нахождение множества или класса существующих сущностей E. Это множество лишено всякой внутренней структуры. Для каждой предполагаемой сущности есть всего лишь два варианта – она либо является элементом E и, следовательно, существует, либо не является.

2. Распределенное представление о реальности в плюралистской метаонтологии. Цель онтологии – нахождение нескольких множеств или классов существующих сущностей $E_1 - E_n$, то есть нескольких онтологических категорий. Для каждой предполагаемой сущности есть n+1 вариантов – она существует и попадает в одну из категорий, или она вообще не существует и не попадает ни в одну из них.

3. Упорядоченное представление о реальности в неоаристотелевской метаонтологии. Цель онтологии – нахождение пары <F, G> фундаментальных сущностей F и отношений базирования G, которые генерируют всю иерархическую структуру бытия. Для каждой предполагаемой сущности есть четыре варианта – она фундаментальна и входит в F, она является отношением и входит в G, она является производной и генерируется из F с помощью G или она вообще не существует.

Третье представление дает гораздо более полную картину, чем первые два. Кроме этого, оно включает в себя всю информацию, содержащуюся в них: если мы найдем пару <F, G> и сгенерируем из нее всю производную структуру реальности, то мы тем самым найдем множество всех существующих сущностей E, а различные разновидности отношений базирования G дадут нам онтологические категории $E_1 - E_n$. По мнению Шаффера, онтологические категории представляют собой различные способы, которыми производные сущности зависят от субстанций, то есть фундаментальных сущностей, а значит пара <F, G> даст нам и их. Однако обратное неверно – если мы найдем, например, множество E, то мы тем самым не узнаем про то, какие сущности из E фундаментальны, и какими отношениями они связаны с нефундаментальными сущностями, то есть мы не будем знать о паре <F, G>. Плюрализм дает чуть более подробную картину,

но и он ничего не говорит о паре <F, G>: мы знаем, что существуют разные категории $E_1 - E_n$, но это опять же не дает нам информации об отношениях между этими категориями, какие из них являются более базовыми, чем другие.

Упорядоченное представление о реальности в сочетании с пермиссивизмом кажется Шафферу наиболее убедительной и сильной позицией, в пользу которой он приводит три аргумента. Первый доказывает, что центральные для куайновской метаонтологии вопросы о существовании являются тривиальными, и пермиссивизм в отношении ответов на них наиболее разумен. Второй доказывает необходимость и плодотворность вопросов о фундаментальности и базировании, а третий показывает превосходство неоаристотелевской методологии. Мы рассмотрим все три, начав с первого из них.

Поскольку куайновское представление об онтологии остается ортодоксальной позицией, то вопросы о существовании занимают центральное место в большинстве онтологических споров. Шаффер пытается оспорить это и показать на четырех конкретных примерах (числа, свойства, мереологически составные объекты и фиктивные объекты), что все данные споры касаются тривиальных вопросов, поскольку ответы на них очевидны – спорные сущности существуют. Для этого он использует простейшие аргументы из очевидных посылок. В пользу существования чисел можно привести следующий аргумент:

(СЧ) 1. Есть простые числа.
2. Следовательно, есть числа.

Первая посылка (СЧ) является математическим трюизмом и дает нам так называемую муровскую уверенность (moorean certainty), то есть является одним из муровских фактов[462], которые можно определить следующим образом[463]:

[462] Эти факты названы в честь Джорджа Мура, который с их помощью пытался опровергнуть скептицизм в отношении существования внешнего мира: то, что у меня есть руки, более очевидно и несомненно, чем все философские аргументы в пользу скептицизма.

[463] Lewis D. Elusive knowledge // Australasian Journal of Philosophy. 1996. №74 (4). p. 549

(МФ) Муровский факт: факт, который мы знаем лучше, чем мы знаем посылки любых философских аргументов, доказывающих обратное.

Любому человеку, обладающему минимальными познаниями в математике, известно о существовании простых чисел, это очевидный и несомненный факт. Поэтому любой онтолог, доказывающий их несуществование, осуществляет тем самым reductio ad absurdum своих посылок: если посылки ведут к отрицанию столь очевидного факта, то одна или несколько из них неверны. Вывод в (СЧ) следует в соответствии со стандартным удаляющим прилагательное правилом вывода (adjective-drop inference). С помощью такого правила вывода мы можем, например, сказать: «В вазе есть красные розы, следовательно в вазе есть розы»[464]. Муровская уверенность в истинности первой посылки должна отразить все попытки ее опровергнуть. Фикционалист будет утверждать, что посылка верна лишь в рамках числовой фикции, а значит вывод (СЧ) не следует из посылки, или же он тоже верен в рамках фикции, и на самом деле никаких чисел нет. Однако сказать, что первая посылка истинна в рамках фикции – значит сказать, что вне ее рамок она ложна, а поскольку в ней нет скрытого оператора фикции («В рамках фикции чисел истинно, что …»), то это значит сказать, что она ложна simpliciter, а это вступает в противоречие с муровской уверенностью в ее истинности. В результате осуществляется reductio позиции фикционалистов.

Последователи Карнапа могут заявить, что между посылкой и следствием происходит смена значения слова «есть», поскольку сменяются языковые каркасы. В посылке оно имеет внутреннее значение в рамках языкового каркаса чисел, а в следствии – внешнее. По мнению Шаффера, это противоречит лингвистическим данным: у нас нет никаких лингвистических оснований, чтобы считать, что значение слова «есть» хоть как-то меняется. Кванторные выражения в наших естественных языках однозначны.

Другие критики могут сказать, что все кванторные слова и выражения естественного языка являются онтологически

[464] Подобный вывод валиден только в отношении интерсективных прилагательных (intersective adjectives). Выводы с неинтерсективными прилагательными, наподобие «фальшивый», явно неправомерны: «В шкатулке есть фальшивые алмазы, следовательно в шкатулке есть алмазы». Но прилагательное «простые» относится к интерсективным, поскольку простые числа – это самые настоящие числа.

нейтральными, как утверждал, например, Джоди Аззуни[465]. Поэтому можно принять истинность заключения аргумента (СЧ), но отвергнуть существование чисел. Такая позиция кажется Шафферу крайне контринтуитивной: компетентный носитель языка воспримет заключение (СЧ) как утверждение о существовании чисел, а не какое-то онтологически нейтральное высказывание. Нейтралисты, кроме того, вынуждены будут принять нелепую конъюнкцию: «Числа не существуют, и числа есть»[466].

Аргументы, подобные (СЧ), можно привести в пользу существования практически всех спорных сущностей. Шаффер приводит еще три таких аргумента:

(СС) 1. Есть свойства, общие для меня и для вас.
2. Следовательно, есть свойства.

(СМСО) 1. Мое тело обладает собственными частями (например, руками).
2. Следовательно, есть объекты, обладающие собственными частями.

(СФО) 1. Артур Конан Дойл создал Шерлока Холмса.
2. Следовательно, есть Шерлок Холмс.

В этих аргументах первые посылки являются очевидно истинными, поскольку представляют собой повседневный, биологический и литературный трюизмы.

Из этих примеров Шаффер делает вывод о тривиальности практически всех онтологических споров, воспринимаемых как споры о существовании. Все спорные вопросы получают положительный ответ, что и приводит к отстаиваемому Шаффером пермиссивизму: «Поэтому я рекомендую широкий пермиссивизм в отношении существования. Обратите внимание, что я не пытался указать пределы пермиссивизма. Я, конечно, не хочу сказать, что каждая сущность-кандидат должна считаться существующей (неоаристотелианцы оставляют мусорное ведро для несуществующего…). Например, если сущность-кандидат описана таким образом, что влечет за собой информацию о базировании (например, “платоново число”,

[465] О его теории мы кратко говорили в главе 2.
[466] Неомейнонгианцы (см. главу 8), которые проводят различие между бытием и существованием не посчитают эту конъюнкцию нелепой и самопротиворечивой.

понимаемое как трансцендентная субстанция), или таким образом, что порождает противоречия (например, “неидентичное себе создание”), нет необходимости оставаться пермиссивистом. Моя точка зрения заключается лишь в том, что следует быть пермиссивистом в отношении тех сущностей, которые куайнианцы обычно считают наиболее спорными»[467].

Даже спор о существовании Бога[468] должен разрешаться, с точки зрения Шаффера, пермиссивистски. Очевидным ответом (с которым все должны согласиться) на вопрос: «Существует ли Бог?» будет: «Да, конечно же существует». Даже атеисту следует ответить таким образом. Вся разница между ним и теистом сводится не к признанию существования Бога, а к вопросу о его фундаментальности. Атеист Шаффер считает, что Бог – это фиктивный объект, подобный Шерлоку Холмсу или Евгению Онегину. Все они существуют, что доказывается (СФО), но не являются фундаментальными или независимыми от сознания объектами. В связи с этим спор атеиста и теиста нельзя рассматривать как спор о существовании, каким он должен представляться в куайновской метаонтологии. Если бы это было так, то следующий аргумент был бы хорошим теистическим аргументом (но очевидно, что он таковым не является):

(СБ) 1. Бог – фиктивный объект.
2. Фиктивные объекты существуют (доказано аргументом (СФО)).
3. Следовательно, Бог существует.

Если атеист примет (СБ) и согласится с существованием Бога на его основании, то это вряд ли удовлетворит теиста. Спор между ними является спором о фундаментальности, каким он и представляется в неоаристотелевской метаонтологии[469].

---

[467] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 359

[468] Здесь Бог подразумевается таким, каким его представляет классический теизм.

[469] Ансельм Кентерберийский писал примерно об этом же в Прослогионе: «Значит, убедится даже безумец, что хотя бы в уме есть нечто, больше чего нельзя ничего себе представить, так как когда он слышит это (выражение), он его понимает, а все, что понимается, есть в уме. И, конечно, то, больше чего нельзя себе представить, не может быть только в уме. Ибо если оно уже есть по крайней мере только в уме, можно представить себе, что оно есть и в действительности, что больше. Значит, если то, больше чего нельзя ничего себе представить, существует только в уме, тогда то,

Приводимые Шаффером аргументы чрезвычайно схожи с аргументами легкой онтологии Эми Томассон, которые также приводят к пермиссивистским выводам о существовании практически всех спорных объектов. Например, аналогом аргумента (СС) будет такой аргумент Томассон:

($СС_{том}$) 1. Этот мяч красный.
2. Если мяч красный, то мяч обладает свойством *быть красным*.
3. Этот мяч обладает свойством *быть красным*.
4. Свойства существуют.

Ключевое отличие в том, что Томассон в своем аргументе опирается на априорную концептуальную истину (вторая посылка), которая в соответствии с ее теорией является отражением условий применения тех или иных терминов нашего языка (в данном случае термина «свойство»). По мнению Шаффера, его подход, основанный на муровской уверенности, обладает преимуществом, поскольку опора на априорные истины может вызвать лишние возражения, да и само существование таких истин часто отвергается. Кроме того, сущности, чье существование доказывается через априорные истины, часто считаются существующими в некоем легковесном (lightweight), не совсем полноценном смысле[470], что для него неприемлемо: «Заметим, наконец, что этот пермиссивизм не является “легковесным”…, по крайней мере, в том смысле, в котором легковесный реалист рассматривает утверждения о существовании как аналитические, основанные на предполагаемых аналитических амплиативных кондиционалах, таких как “если есть частицы, расположенные столообразно,

больше чего нельзя себе представить, есть то, больше чего можно представить себе. Но этого, конечно, не может быть. Итак, без сомнения, нечто, больше чего нельзя себе представить, существует (existit) и в уме, и в действительности» (Ансельм Кентерберийский Сочинения М., Канон, 1995 с. 128-129). Даже безумец (атеист) должен признать существование Бога в уме. Весь вопрос в том, существует ли Бог еще и в реальности, то есть, как именно он существует, а не существует ли он вообще. Этот вопрос разумнее всего, с точки зрения Шаффера, представить как неоаристотелевский вопрос о фундаментальности.

[470] Эми Томассон (см. главу 5), хотя и использует априорные истины, не считает доказанные с их помощью сущности онтологически неполноценными и называет свою позицию простым, а не легковесным, реализмом. Разница между пермиссивизмом Томассон и Шаффера сводится к использованию аналитических истин/муровской уверенности.

то есть стол”. Я не занимаю такой дефляционной позиции в отношении существования, не делаю никаких аналитических утверждений и ничего не говорю о частицах. Скорее, я рассматриваю сущности, подобные столам, как полноценные “тяжеловесные” записи в реестре сущностей и просто добавляю, что их существование очевидно»[471].

Но достаточно ли муровской уверенности для обоснования существования всех спорных сущностей? Критики, в свою очередь, могут опереться на достаточно сильные интуиции, говорящие в пользу нереальности некоторых из спорных объектов. Например, выводом (СФО) является утверждение о том, что есть Шерлок Холмс, что Шерлок Холмс существует. Однако практически любой человек, даже согласный с первой посылкой (СФО) «Артур Конан Дойл создал Шерлока Холмса», скажет: «Шерлок Холмс – это выдуманный персонаж, а не реальная личность. Он нереален». Шаффер полагает, что такие интуиции можно объяснить в рамках его теории. Дело в том, что слово «реальный» используется в разных смыслах, оно может отделять как существующее от несуществующего, так и объективное от субъективного или базовое от производного. Когда обычный человек говорит, что Холмс не реальная личность, а выдуманный персонаж, то он не отрицает его существование и говорит лишь о способе этого существования – существование Холмса является производным, субъективным, зависимым от сознания и т. д. Более непосредственные интуиции о несуществовании (а не просто нереальности) можно истолковать как имплицитные и не замечаемые нами в повседневной жизни ограничения домена квантора существования. Если человек утверждает, что Санта-Клаус не существует, то он ограничивает домен используемого им квантора и не включает в него абстрактные или зависимые от сознания сущности, к которым относится Санта-Клаус. Таким же образом следует интерпретировать и философов. Например, мереологический нигилист Киан Дорр, защищая свою позицию от обвинений в контринтуитивности, пишет: «То, что мы обсуждаем в онтологической комнате, это вопрос о том, что есть, строго говоря, – что есть на самом деле, в конечном счете, – что есть в самом фундаментальном смысле»[472]. Как видно из цитаты, отрицающий существование мереологически составных объектов Дорр

[471] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 360

[472] Dorr C. What We Disagree About When We Disagree About Ontology? // Kalderon M. (ed.) Fictionalism in Metaphysics Oxford, Oxford University Press, 2005 p. 24

оговаривается, что имеет в виду существование в фундаментальном смысле. Ему приходится вводить разные смыслы существования. По сути, это разные по объему домены квантора. Неоаристотелевская метаонтология может обойти эти сложности – в онтологической комнате обсуждается не то, **что существует в фундаментальном смысле**, а то, **что является фундаментальным**. Нигилисты отрицают не существование составных объектов, а их фундаментальность.

Критики могут обвинить пермиссивизм в нарушении принципа бритвы Оккама – он умножает сущности без необходимости. Если задействовать перефразирование, фикционализм или что-то подобное, то можно обойтись гораздо меньшим числом сущностей. Но Шаффер отвергает этот упрек на том основании, что принцип следует применять лишь к фундаментальным сущностям. Именно их не следует умножать без необходимости, вопрос об их существовании действительно является глубоким, но это не куайновский вопрос: если принять пермиссивизм и признать существование всех спорных сущностей, то куайновский вопрос о существовании фундаментальных сущностей оказывается неоаристотелевским вопросом об их фундаментальности, вопросом не о том, существуют ли они, а вопросом о том, как они существуют: «Я прихожу к выводу, что современная метафизика, поскольку она была вдохновлена куайновской задачей, запутала себя тривиальностями. Хофвебер … говорит о “загадке онтологии”, а именно о том, как могло случиться, что (i) метафизика, как кажется, задает глубокие и трудные вопросы, когда (ii) вопросы о существовании кажутся мелкими и тривиальными. *Это является загадкой лишь при куайновском предположении, что метафизика задает вопросы о существовании*. Глубокие вопросы о числах, свойствах и частях (среди прочего) заключаются не в том, существуют *ли* такие вещи, а в том, *как*»[473].

Чтобы доказать это утверждение о важности и решающем значении вопросов о базировании и фундаментальности Шаффер рассматривает семь ключевых онтологических (метафизических) дебатов и пытается показать, что они являются спорами о фундаментальности.

[473] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 pp. 361-362

1. Первые дебаты касаются метафизического реализма и идеализма. Идеалист Беркли, например, не отвергал само существование таких объектов, как камни, но считал их идеями или сочетанием идей в умах людей или уме Бога. Неоаристотелевская метаонтология предлагает наилучшую интерпретацию этого спора: базируются ли камни и другие «материальные» объекты на идеях или они являются независимыми от сознания?

2. Точно таким же образом следует истолковать дебаты относительно математических объектов между реалистами и конструктивистами. Последние признают их существование, но считают его зависимым от активности людей, от нахождения ими соответствующих доказательств.

3. В противостоянии реализма и номинализма относительно универсалий номиналисты[474] не отрицают существование свойств, но считают их чем-то производным, например, множествами конкретных партикулярий. Для реалистов все наоборот: свойства-универсалии фундаментальны, а партикулярии производны.

4. Аналогичен предыдущему спор относительно природы партикулярий[475] – конкретных объектов. Ни одна из сторон не отрицает их существование. Предмет спора – фундаментальный статус партикулярий. Являются ли они пучками свойств или нет?

5. Дуализм и материализм (физикализм) в отношении сознания. Является ли сознание (mind) фундаментальной и независимой от материи субстанцией?

6. Субстантивализм и реляционизм[476] в отношении пространства. Реляционисты признают существование пространства, но считают его производным от отношений между занимающими пространство объектами.

7. Монизм и плюрализм в отношении космоса. Вопрос касается приоритета: первичен ли космос как целое по сравнению с его частями или дело обстоит наоборот?

После рассмотрения всех этих споров неизбежно напрашивается вывод о необходимости пересмотра центрального вопроса

---

[474] Об универсалиях см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 33-50 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[475] О партикуляриях см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 51-66 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[476] О пространственном субстантивализме и реляционизме см. Koons R., Pickavance T. The Atlas of Reality. A Comprehensive Guide to Metaphysics Malden, Wiley-Blackwell, 2017 pp. 373-389

онтологии: вместо куайновского «Что есть?» им должен стать аристотелевский «Что на чем базируется?». Шаффер приходит к такому же заключению: «Таким образом, я утверждаю, что метаметафизика, которая могла бы правильно осмыслить эти центральные вопросы, должна правильно осмыслить утверждения о базировании. Эти центральные метафизические вопросы – вопросы не о том, существуют ли сущности, а только о том, как они это делают»[477].

Несмотря на такой внушительный список дебатов, многие критики Шаффера полагают, что аристотелевский вывод слишком категоричен и поспешен. Действительно ли все онтологические споры касаются фундаментальности тех или иных сущностей, а их существование беспроблемно? Юрай Кригел утверждает, что далеко не все онтологические споры таковы и рано списывать со счетов куайновский вопрос: «Трактовка онтологии Шаффером может быть вполне правдоподобной для многих типичных онтологических дебатов. Но к некоторым она применима не очень гладко. Когда римляне пришли к убеждению, что частота дождей не зависит от капризов Юпитера, и на самом деле Юпитера не существовало, их новая точка зрения заключалась явно не в том, что Юпитер оказался супервентен химическим процессам, приводящим к дождю, или базируется на них. Когда в детстве нам говорили, что нет ни призраков, ни монстров, и что Санта-Клауса не существует, опять же, новость, которую сообщили нам наши родители, была не о базировании и фундаментальности»[478]. То же самое можно отнести к ведьмам, призракам, флогистону, élans vitals и т. д. Те, кто отвергает эти объекты, отвергает не просто их фундаментальный статус, но само существование. Трактовка Шаффером спора о существовании Бога и позиции атеиста в этом споре также неудовлетворительна. Подавляющее большинство атеистов не считает, что Бог существует, но является производным и базируется на чем-либо или зависит от сознания людей. Для них Бог, каким его представляют теисты, просто-напросто не существует и обладает тем же онтологическим статусом, что и ведьмы или призраки. Бог как фиктивный объект представляет собой совсем не того Бога, о котором идут дебаты теистов и атеистов. Частью самого понятия о Боге

[477] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 363
[478] Kriegel U. Existence, Fundamentality, and the Scope of Ontology // Argumenta, 2015, №1(1) p. 100

является его трансцендентность, независимость от чего-либо вне его, сотворение им мира и т. д.

Кригел обобщает это рассуждение относительно Бога и превращает его в контраргумент против позиции Шаффера: многие предполагаемые сущности концептуально, по определению должны обладать некоторым свойством или набором свойств, и без них вообще не могут считаться существующими. Нефундаментальный бог – это не Бог, которого признают теисты, и если этот бог существует, то это не значит, что существует Бог теизма. Подобным образом следует трактовать и многие другие рассматриваемые Шаффером дебаты. Противники дуалистов, например, отвергают само существование души как бессмертной и независимой от тела субстанции, а не считают ее чем-то производным от материи. Элиминативные материалисты отрицают не фундаментальность, а существование ментальных свойств, состояний, событий в том виде, в котором их представляет наша фолк психология. Кригел приходит к выводу: «Такого рода “концептуальные” соображения – соображения, связанные с самим понятием некоторой предполагаемой сущности, – почти повсеместно используются элиминативистами в различных областях»[479].

На эту критику Шаффер предлагает два возможных ответа. Во-первых, он утверждает, что вопросы существования, в которых некоторые свойства считаются концептуально необходимыми для существования объектов, не являются куайновскими вопросами, а содержат в себе скрытый аристотелевский элемент. Мы, например, можем предложить следующие определения:

(ТЧ) Трансцендентное число: число, которое является абстрактной субстанцией.

(ИЧ) Имманентное число: независимое от сознания число, которое базируется на конкретных сущностях.

(КЧ) Концептуальное число: число, которое базируется на сознании.

С учетом данных определений можно сформулировать три вопроса о существовании:

[479] Ibid., p. 101

(ВТЧ) Существуют ли трансцендентные числа?

(ВИЧ) Существуют ли имманентные числа?

(ВКЧ) Существуют ли концептуальные числа?

При ответе на эти вопросы необходимо учитывать, как и утверждал Кригел, концептуально необходимые истины относительно спорных сущностей (чисел). Если числа не являются абстрактными субстанциями, то мы должны отрицательно ответить на вопрос (ВТЧ) и отвергнуть само существование тех чисел, о которых в нем идет речь. Однако данные вопросы не являются куайновскими, в них изначально встроен аристотелевский элемент – информация о фундаментальности и базировании: «Максимум, что может показать это … возражение, – это то, что метафизику можно сформулировать как касающуюся вопросов существования определенного рода, а именно тех, которые включают информацию о базировании в описание рассматриваемой сущности. Чтобы ответить на такие вопросы, все еще нужно определить, что на чем базируется»[480]. Практически любой вопрос можно переформулировать как вопрос о существовании. Вместо «Сделана ли Эйфелева башня из железа?» можно спросить: «Существует ли такой объект, который является Эйфелевой башней и является сделанным из железа?». Даже с помощью вопроса во второй формулировке мы ищем информацию не просто о существовании чего-либо, а о его свойствах. Точно так же с помощью вопросов (ВТЧ) и др. мы ищем информацию о базировании и фундаментальности.

Во-вторых, Шаффер готов признать, что наряду с аристотелевскими вопросами в онтологии есть место для куайновских, хотя он уверен, что все наиболее интересные вопросы относятся к первому типу. Более того, отвечая на аристотелевский вопрос «Что на чем базируется?», мы тем самым отвечаем и на куайновский вопрос «Что есть?», поскольку отношение базирования имеется только между чем-то существующим. В своей статье Кригел предлагает[481] более

[480] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 365

[481] Кригел пишет следующее: «Тем не менее, основная идея здесь заключается в том, что все типичные онтологические споры предполагают выбор между редуктивистским, элиминативистским и примитивистским вариантами. Важной особенностью процедуры в данном случае является то, что она затрагивает как вопросы существования, так и вопросы фундаментальности: она включает в себя как выбор между

инклюзивное представление об онтологии, которая должна делить все предполагаемые сущности на три категории: существующие фундаментально, существующие нефундаментально и вообще несуществующие. Для Шаффера такая картина вполне приемлема, он настаивает лишь на том, что мы можем распределить предполагаемые сущности по этим трем категориям в процессе ответа на аристотелевский вопрос. Куайновская ортодоксия нам этого сделать не позволит.

Третий аргумент Шаффера должен доказать превосходство аристотелевсой методологии в сравнении с куайновской. Для достижения этой цели Шаффер показывает, что куайновская методология на каждом своем этапе содержит скрытые аристотелевские предположения, а значит не может обойтись без ответа на вопросы о базировании и фундаментальности, хотя не признает этого открыто.

На первом этапе онтологического исследования куайновский метод предписывает нам найти наилучшую теорию:

(КМ 1) Куайновский метод, первый этап: найди наилучшую теорию (физика для Куайна).

Но какая именно теория (теории) является наилучшей и почему? Для Куайна наилучшими являются физические теории, а не теории химии, биологии или социологии. С чем это связано? По мнению Шаффера, соображения о фундаментальноти играют здесь решающую роль. Постулируемые физикой объекты являются наилучшими кандидатами на роль фундаментальных компонентов реальности, на которых базируются все остальные, химические, биологические и т.д. объекты[482]. Следовательно, первый этап содержит следующее аристотелевское предположение:

элиминативизмом и нон-элиминативизмом, так и выбор между редуктивизмом и нон-редуктивизмом (примитивизмом)… Обратите внимание, что как концепции существования, так и фундаментальности трактуют онтологические вопросы как требующие выбора между двумя вариантами: “существует” или “не существует” в одном случае, “является базовым” или “базируется” в другом. Предлагаемая здесь инклюзивная структура требует выбора из трех вариантов: “существует фундаментально”, “существует нефундаментально” и “не существует”» (Kriegel U. Existence, Fundamentality, and the Scope of Ontology // Argumenta, 2015, №1(1) p. 100).

[482] Это признает и сам Куайн когда пишет, что все события в мире зависят от изменений в микрофизических состояниях: «… почему такое особое уважение к физической теории? Это хороший вопрос, и часть его достоинства заключается в том, что он допускает хороший ответ. Ответ заключается не в том, что все, что стоит сказать,

(АП 1) Аристотелевское предположение на первом этапе: лучшая теория – теория фундаментального.

На втором этапе куайновский метод требует от нас перевести наилучшую теорию в каноническую логическую нотацию:

(КМ 2) Куайновский метод, второй этап: найди каноническую логику (логика первого порядка для Куайна).

Снова возникает похожий вопрос – какую логику считать канонической? Шаффер приводит пример с выбором из трех альтернатив: 1. классическая логика первого порядка, 2. интуиционистская логика первого порядка, 2. диалетеистская логика первого порядка. Куайн предпочитает первый вариант и отверг бы два других. Этот выбор также зависит от взглядов на фундаментальность. Интуиционистская логика тесно связана с конструктивным направлением в математике и может быть неприемлема для того, кто не считает разум фундаментальным. Диалетеизм, со своей стороны, тесно связан с признанием невозможных миров. Модальным реалистам, для которых миры фундаментальны, не обойтись в этой ситуации без диалетеизма. Но если считать эти миры производными теоретико-множественными конструкциями, то можно к нему не прибегать и оставить классическую логику. В результате мы можем сказать, что и второй этап куайновского метода содержит аристотелевское предположение:

(АП 2) Аристотелевское предположение на втором этапе: каноничность логики отчасти зависит от того, что является фундаментальным.

На третьем этапе куайновского метода нам необходимо объединить два первых этапа и перевести наилучшую теорию на язык канонической логики.

может быть переведено на технический словарь физики; даже не в том, что вся хорошая наука может быть переведена на этот словарь. Ответ скорее таков: в мире ничего не происходит, ни взмаха век, ни мелькания мысли, без некоторого перераспределения микрофизических состояний» (Quine W. V. O. Theories and Things Cambridge, MA, Harvard University Press, 1981 p. 98)

(КМ 3) Куайновский метод, третий этап: переведи наилучшую теорию на язык канонической логики (согласно Куайну допускается некоторое перефразирование).

Такой перевод не является чем-то автоматическим и допускает, а иногда даже требует, определенную свободу действий. Однако такая свобода не может быть неограниченной, иначе теряется весь смысл перевода как средства выявления онтологических обязательств. Если в Стандартной модели в физике элементарных частиц говорится об электронах, то как нам перевести это на язык канонической логики? Здесь возможны несколько вариантов:

1. Стандартный для куайновского подхода вариант – ∃x(Ex), где E обозначает «быть электроном». Мы получим утверждение: «Существует сущность, являющаяся электроном» и должны будем признать существование электронов.

2. Мы можем перевести утверждения из Стандартной модели на так называемый функторный язык (functorese). На что похож такой язык, можно понять из рассказа Борхеса «Тлен, Укбар, Орбис Терциус», где говорится следующее: «В предполагаемом Ursprache Тлёна, от которого происходят “современные” языки и диалекты, нет существительных, в нем есть безличные глаголы с определениями в виде односложных суффиксов (или префиксов) с адвербиальным значением. Например: нет слова, соответствующего слову “луна”, но есть глагол, который можно было бы перевести “лунить” или “лунарить”. “Луна поднялась над рекой” звучит “хлёр у фанг аксаксаксас млё”, или, переводя слово за словом, “вверх над постоянным течь залунело”»[483]. При переводе на функторный язык индивидные переменные заменяются на предикатные функторы. На одном из его вариантов мы можем сказать: «Существует место, которое электронит» или «Существует место, которое электронно» («There exists a place that is electronish») и исключить квантификацию по электронам и любым другим сущностям за исключением мест, то есть регионов пространства-времени.

3. Мы можем взять стандартный перевод из первого пункта и добавить к нему оператор фикции. Получится утверждение: «Согласно фикции Стандартной модели, существует сущность, являющаяся электроном». Онтологические обязательства исчезнут, и нам не придется признавать существование электронов.

[483] Борхес Х. Л. Сад расходящихся тропок. М., Азбука Premium, 2022 с. 21-22

Шаффер приходит к заключению, что «…если на переводы, включающие предикатные функторы и фиктивные операторы, не накладываются ограничения, нет никаких ограничений на то, какие референции сохранятся при переводе»[484]. Такими ограничениями будут соображения относительно базирования и фундаментальности. Что считать более фундаментальным, регионы пространства-времени или находящиеся в них электроны? Могут ли электроны быть чем-то фундаментальным или же их следует считать производными фиктивными объектами? При переводе куайновский метод должен неизбежно опираться на аристотелевское предположение:

(АП 3) Аристотелевское предположение на третьем этапе: уместный перевод – это перевод на язык фундаментального.

Следующий, четвертый этап куайновского метода требует от нас определить домен квантификации, который требуется, чтобы полученный перевод был истинным:

(КМ 4) Куайновский метод, четвертый этап: определи домен квантификации, требуемый для истинности полученного перевода (для Куайна все равночисленные домены одинаково хороши).

Здесь опять возникает проблема – что следует включать в домен? Дело в том, что «формально говоря, все равночисленные домены могут делать те же самые формулы истинными. Действительно, согласно теореме Левенгейма-Сколема, любые формулы, которые имеют истинную интерпретацию в непустой вселенной, имеют истинную интерпретацию во вселенной положительных целых чисел. Необходимы некоторые ограничения на соответствующие домены»[485]. Например, вместо домена электронов мы можем взять равночисленный домен синглетонов этих электронов, то есть множеств, состоящих из одного элемента (электрона). Выбор того или иного домена в данном случае опять связан с фундаментальностью, поскольку не все домены равны – некоторые из них являются метафизически привилегированными. Это ведет к аристотелевскому предположению:

---

[484] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 370

[485] Ibid., p. 371

(АП 4) Аристотелевское предположение на четвертом этапе: правильный домен – это домен фундаментального.

На последнем этапе куайновского метода мы определяем, к признанию каких сущностей нас обязывает найденная на первом этапе теория:

(КМ 5) Куайновский метод, пятый этап: выведи сущностные онтологические обязательства из элементов требуемого домена (с радикально элиминативистскими последствиями для Куайна).

Если мы будем следовать куйановской стратегии, то на пятом этапе будем вынуждены прийти к радикальному элиминативизму в отношении объектов всех специальных наук и объектов здравого смысла. На первом этапе лучшей теорией была физика, в которой не упоминаются объекты геологии, биологии и других специальных наук, а также самые обычные объекты – столы, стулья, чашки и т. д. Все они производны по отношению к тем сущностям, которые являются элементами домена физики или ее наиболее фундаментальной теории, например Стандартной модели или теории суперструн. Если вспомнить, что задачей онтологии в куайновской парадигме было составление списка существующего, то придется признать, что большинства из признаваемых нами объектов в нем не окажется. Там будут кварки, электроны, суперструны и др. подобные сущности. Из этого Шаффер делает вывод об ограниченном характере куайновского метода – в лучшем случае он дает лишь фундаментальные сущности, но ничего не говорит о производных сущностях и отношениях базирования между этими двумя категориями. Последователи Куайна будут вынуждены отвергнуть такой очевидный муровский факт, как существование столов. По словам Шаффера: «Это безумие. У такого безумия может быть метод, но оно остается безумием»[486]. Для получения приемлемого результата необходимо добавить следующее аристотелевское положение:

(АП 5) Аристотелевское предположение на пятом этапе: онтологическими обязательствами являются базовые сущности *плюс* отношения базирования и то, что базируется.

---

[486] Ibid., p. 372

Этого положения будет недостаточно, чтобы спасти куайновский метод, но оно могло бы уберечь его от «безумных» выводов. Все выявленные аристотелевские предположения показывают необходимость более радикальной перестройки онтологического метода, который изначально должен сфокусироваться на базировании и фундаментальности. Поскольку эти два понятия являются центральными для метаонтологии Шаффера, ему необходимо раскрыть их более подробно. Мы сейчас рассмотрим, как он это делает, а в заключение первой части данной главы остановимся на главных принципах шафферовского онтологического метода.

Центральное понятие базирования (grounding)[487] связывается Шаффером с онтологической зависимостью, первичностью по природе (priority in nature), метафизической причинностью[488], но строгого определения он не дает. Оно является примитивным и не подлежит определению, а используется для определения группы других понятий, которые благодаря этому образуют особое семейство (grounding family). Тем не менее понятие базирования можно прояснить тремя способами[489]:

- предоставить парадигмальные примеры
- провести аналогии
- дать формализм для описания понятия и его связей

Мы кратко расскажем, как Шаффер использует первые два способа[490], а затем перейдем к семейству понятий, связанных с базированием.

Можно привести несколько парадигмальных примеров базирования. Первый из них касается зависимости истины от бытия, о

[487] Более подробно об отношении базирования и взглядах на него других философов см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 163-184 https://philpapers.org/rec/KONVEB

[488] Следует отметить, что метафизическая причинность, о которой говорит Шаффер, **не** является причинностью в обычном смысле, но лишь аналогична ей. Базирование часто называют некаузальной зависимостью, как раз имея в виду, что оно не является причинностью в обычном смысле слова.

[489] Schaffer J. Grounding in the image of causation // Philosophical Studies. 2016. № 173(1). p. 51

[490] Предлагаемый Шаффером формализм можно найти в п. 3 его статьи Schaffer J. Grounding in the image of causation // Philosophical Studies. 2016. № 173(1). pp. 49-100

которой писал еще Аристотель: «… в самом деле, если имеется человек, то верна речь о том, что он человек. И это обратимо: если верна речь о том, что есть человек, то человек есть. Но верная речь ни в коем случае не есть причина бытия вещи, однако вещь, по-видимому, есть некоторым образом причина истинности речи: ведь в зависимости от того, существует ли вещь или нет, речь о ней называется истинной или ложной»[491]. Между человеком Сократом и пропозицией, *что Сократ существует*, имеется односторонняя зависимость – истинность пропозиции зависит от Сократа, существование которого делает пропозицию истинной.

Другой пример – ментальные и физические состояния. С точки зрения физикализма[492], более высокоуровневые ментальные состояния базируются на низкоуровневых физических, физическое реализует ментальное. Эта зависимость является односторонней (физическое не зависит от ментального) и связана с наличием объяснения: человек находится в определенном ментальном состоянии потому, что он находится в физическом.

Третий пример касается зависимости истинности молекулярной пропозиции, например, p&q от истинности составляющих ее атомарных пропозиций p и q. Такая зависимость подразумевается семантическим принципом композициональности.

Еще один пример – зависимость непустых множеств от их элементов. Кит Файн пишет о ней так: «Рассмотрим Сократа и множество, единственным элементом которого является Сократ. Тогда, необходимо, если Сократ существует, существует и множество. Но мы не хотим сказать в связи с этим, что Сократ зависит от множества, что то, чем является Сократ, зависит от того, чем является множество. Действительно, мы склонны утверждать обратное, что множество зависит от своего элемента»[493].

Кроме данных можно привести еще много примеров подобных зависимостей:

[491] Аристотель Сочинения в четырех томах т. 2 М., Мысль, 1978 с. 87
[492] Подробнее о физикализме см. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика. Тематический обзор. 2-е изд., испр. и доп. М. 2023 с. 385-416 https://philpapers.org/rec/KONVEB
[493] Fine K. Ontological dependence // Proceedings of the Aristotelian Society. 1995. №95. p. 271

То, на чем базируется	**То, что базируется**
естественные свойства ситуации	нормативные свойства ситуации
использование слов в сообществе	значение слов
математическая структура (в структурализме)	числа
регулярности в природе (в юмовской теории)	каузальные отношения
категорические свойства	диспозиционные свойства
определенные (determinate) свойства	определяемые (determinable) свойства
материальный носитель	дыра в этом носителе
интегрированное целое (в монизме)	фрагменты целого

Как видно из таблицы, с отношением базирования мы сталкиваемся не только в философии, науке и т. д., но и в повседневной жизни. Возьмем, например, самый обычный кусок сыра с дырками – наличие, расположение, форма, размер дыр в сыре базируются на самом куске сыра, на тех атомах и молекулах, из которых он состоит.

По мнению Шаффера, все эти примеры имеют ряд общих черт, заметных для любого непредвзятого наблюдателя – в них имеется односторонняя зависимость одного вида сущностей (свойств, объектов, событий, фактов и т. д.) от другого вида, который является более базовым, первичным. Он приходит к следующему выводу: «Я предполагаю, что эти примеры относятся к одному роду. Все они являются разновидностями базирования. Я не отрицаю того, что между примерами существует много различий, но хочу сказать, что существует еще и явная общность в отношении таких факторов, как своего рода “каузальное” ощущение создания, придания формы или порождения, интуитивная асимметрия в направлении и претензия на объяснение на заднем плане»[494].

[494] Schaffer J. Grounding in the image of causation // Philosophical Studies. 2016. № 173(1). p. 53

Кроме использования отдельных примеров базирование можно прояснить и с помощью аналогий. Главной для Шаффера является аналогия с причинностью – базирование представляет собой метафизическую причинность. Оба данных отношения сходны как по внутреннему содержанию, так и в своих внешних связях с другими понятиями.

1. Внутреннее содержание: оба отношения можно описать как порождение, производство или создание. В причинности движение мяча физически порождает, производит изменение (разбивание) в стекле при их столкновении. В базировании физические состояния человека метафизически порождают, производят его ментальные состояния.

Кроме этого, данные отношения имеют сходную внутреннюю структуру – они являются отношениями частичного порядка (partial ordering), то есть им присуща:

- ассимметричность: если x базируется (является причиной) на y, то y не базируется (не является причиной) на x. Движение мяча является причиной разбивания окна, но не наоборот. То, *что снег бел* зависит от белизны снега, но обратная зависимость невозможна: факт белизны снега никоим образом не основан на истинности соответствующей пропозиции.
- иррефлексивность: ничто не может базироваться (быть причиной) на самом себе. Если факт является фундаментальным, то нельзя сказать, что он базируется на самом себе, скорее, он вообще ни на чем не базируется.
- транзитивность: если x базируется (является причиной) на y, а y базируется (является причиной) на z, то x базируется (является причиной) на z.

2. Внешние связи с другими понятиями: оба отношения тесно связаны с понятиями необходимости и объяснения. В случае причинности это будет каузальная или же номологическая (то есть связанная с законами природы) необходимость и каузальное объяснение. Сгорание дерева необходимо приводит к выделению тепла, но необходимость эта является номологической и действует не во всех возможных мирах, а лишь в тех, в которых имеются те же самые законы природы, что и в актуальном мире. Процесс соединения химических веществ, из которых состоит дерево, с кислородом каузально объясняет выделение тепла. Аналогично этому базирование связано с

метафизическими необходимостью и объяснением. Если мяч является малиновым (определенное свойство), то он необходимо является красным (определяемое свойство) и это метафизическая необходимость – то же самое имеет место во всех возможных мирах, достижимых из актуального мира. Краснота мяча может быть объяснена присущей ему малиновостью – он является красным благодаря тому, что является малиновым. Это объяснение является метафизическим, что отличает его от, например, физического объяснения красноты мяча через физические свойства его поверхности, приводящие к отражению света в определенном диапазоне.

Рассмотренные нами примеры, характерные особенности и концептуальные связи базирования должны дать нам достаточно хорошее представление об этом центральном для метаонтологии Шаффера понятии. Он уверен, что именно оно подходит на роль примитивного и базового понятия онтологии: «Итак, я утверждаю, что базирование проходит все тесты на то, чтобы быть метафизическим примитивом, заслуживающим принятия. Оно не поддается анализу. Оно полезно. И ясно, что мы имеем в виду. (Конечно, понятие базирования может быть *незнакомо* некоторым метафизикам, воспитанным только на Куайне и Карнапе. Лучший совет, который я могу дать, – *поработайте с этим понятием* и посмотрите, поймете ли вы его)»[495].

Теперь мы можем определить через примитивное понятие базирования множество других важных для онтологии (и метафизики вообще) понятий.

(ФУН) Фундаментальность: x является фундаментальным = x не базируется на чем-либо.

(ПРОИЗ) Производность: x является производным (derivative) = x базируется на чем-либо.

(ИЦ) Интегрированное целое: x является интегрированным целым (integrated whole) = x является базой для каждой из своих собственных частей (примером такого интегрированного целого может быть окружность в ее отношении к полуокружностям и организм в отношении своих органов).

---

[495] Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 376

(ПС) Простая совокупность: x является простой совокупностью (mere aggregate) = каждая из собственных частей x является базой для x.

(ВЗ) Взаимозависимость (interdependence): x и y являются взаимозависимыми = существует интегрированное целое, собственными частями которого являются x и y.

Поскольку категории фундаментальности и производности являются исчерпывающими и исключающими одна другую, то все в мире является либо фундаментальным, либо производным, а значит мы можем сказать следующее о существовании вообще (по замечанию Шаффера, это не определение существования, которое представляет собой слишком базовое понятие, чтобы быть определимым, а лишь информативная эквивалентность):

(СУЩ) Существование: x существует, если и только если x является фундаментальным или x является производным.

Признавая подобную эквивалентность, Шаффер вступает в противоречие с ортодоксальной неокуайновской позицией, для представителей которой (например, для П. ван Инвагена, чья теория была рассмотрена во второй главе) существование является наиболее простым и первичным понятием, не допускающим не только определения, но и информативных эквивалентностей, подобных (СУЩ). Кроме того, многие философы отвергают (СУЩ) и все вышеприведенные определения, поскольку считают понятия базирования и фундаментальности слишком неопределенными и плохо проясненными, несмотря на все усилия Шаффера по их прояснению с помощью примеров и аналогий. По мнению Алекса Оливера, «…мы знаем, что попали в царство темной метафизики, по присутствию туманных слов “благодаря чему-то”»[496]. С Оливером согласен Томас Хофвебер, который протестует против так называемой эзотерической метафизики, причисляя к ней и рассуждения о базировании. Хофвебер пишет: «Наиболее распространенный способ быть эзотерическим метафизиком на практике – это … опираться на понятие о метафизическом приоритете: некое понятие, которое утверждает, что определенные

[496] Oliver A. The Metaphysics of Properties // Mind. 1996. №105. p. 48

факты или объекты являются метафизически более базовыми, чем другие факты или объекты. Эти понятия метафизического приоритета обычно получают названия, знакомые из повседневного языка, но, как предполагается, имеющие отчетливо метафизическое значение. Примеры таких понятий: более фундаментальный, первичный, основной, являющийся базой для и т. д. Сторонники этих версий эзотерической метафизики обычно полагают, что у нас есть некое представление об этих метафизических понятиях. И они пытаются обосновать это, приводя примеры, где мы все интуитивно сказали бы, что А является более базовым, чем В… Они опираются на весьма обыденное понятие о приоритете и приводят пример, где А является более базовым, чем В в этом обыденном смысле, а затем утверждают, что это показывает наше владение [понятием] приоритета в метафизическом смысле»[497]. Из цитаты понятно, что Хофвебер критикует попытки сторонников базирования обосновать это метафизическое понятие с помощью привычных нам из повседневной жизни представлений о приоритете, первичности одного явления перед другим. Выше мы приводили один из таких примеров – дыры в сыре базируются на материи, из которой сыр состоит. В таком и подобном ему случаях из жизни мы действительно интуитивно полагаем, что одно событие, явление или объект являются более базовыми, чем другие. Дыры в сыре таковы, потому что таков сам сыр. Однако, как утверждает Хофвебер, из этого не следует никаких выводов об особом, метафизическом отношении базирования, обладающим вполне определенными логическими свойствами – асимметричностью, иррефлекивностью, транзитивностью и так далее.

Еще один скептик, Крис Дэйли, критикует попытки сторонников базирования прояснить данное понятие. По мнению Дэйли, они делают это с помощью уточнения его логических свойств, нахождения связей базирования с другими философскими понятиями и с помощью описания конкретных случаев (Шаффер именно так и поступал). Однако, как полагает Дэйли[498], эти попытки обосновать базирования не достигают своей цели. Во-первых, указанные логические свойства не могут с абсолютной точностью выделить именно

[497] Hofweber T. Ambitious, Yet Modest, Metaphysics // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 268

[498] Daly C. Scepticism about grounding // Correia F., Schnieder B. (eds.) Metaphysical Grounding: Understanding the Structure of Reality. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 81-100

базирование и отличить его от других, сходных отношений. Во-вторых, другие философские понятия, с которыми пытаются связать базирование (фундаментальность, метафизическая зависимость), сами не слишком понятны, так что ничего не могут прояснить. А если используемые для прояснения базирования понятия действительно более ясны и лучше проработаны философами (редукция, объяснение), то их связь с базированием является спорной. В-третьих, предполагаемые примеры базирования, поскольку являются примерами спорного и неясного отношения, сами обладают сомнительной ясностью и ничем помочь не могут.

Другой тип скептиков, к которым можно отнести Кэтрин Кослицки[499] и Джесику Уилсон[500], отрицает необходимость отдельного обобщенного отношения базирования, хотя и признает более конкретные отношения зависимости между фактами или объектами. То есть они отрицают объединяющую силу понятия базирования. По их мнению, приведенная Шаффером таблица подтверждает существование множества различных отношений, которые невозможно обобщить и свести каким-то образом к базированию. Все эти отношения вполне могут быть легитимными и полезными для объяснения разных феноменов, но в них нет никакого единства, они слишком разнородны и не поддаются объединению. На это можно возразить, что бросающаяся в глаза разнородность возникает из разнообразия объектов, связываемых базированием, а не из-за отсутствия у него единства. Кроме того, все эти разнообразные отношения сохраняют общие формальные свойства (асимметричность, иррефлексивность, транзитивность и так далее), что может свидетельствовать об их единстве. Противников базирования такой ответ вряд ли удовлетворит. Если мы попытаемся втиснуть все разнообразие отношений, приведенных в начале главы в качестве примеров базирования, в узкие формальные рамки одного-единственного отношения, то мы рискуем потерять из виду множество метафизически важных деталей.

В ответ на это возражение некоторые сторонники базирования (например, Кит Файн[501]) приняли так называемый умеренный плюрализм, то есть позицию, согласно которой действительно

[499] Koslicki K. The Coarse-Grainedness of Grounding // Bennett K., Zimmerman D. (eds.) Oxford Studies in Metaphysics 9. Oxford, Oxford University Press, 2015 pp. 306-345

[500] Wilson J. No Work for a Theory of Grounding // Inquiry. 2014 № 57(5-6) pp. 535-579

[501] Fine K. Guide to ground // Correia F., Schnieder B. (eds.) Metaphysical Grounding: Understanding the Structure of Reality. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 37-80

существует множество разных типов базирования, которые, однако, имеют общие формальные черты, что и делает их все случаями одного и того же отношения. В противоположность этому, такие скептики, как Кэтрин Кослицки и Джесика Уилсон, являются крайними плюралистами, то есть они отрицают какое бы то ни было единство разных типов базирования. Но они признают множество так называемых отношений базирования с маленькой буквы g (small-g grounding relations), которые выполняют все функции, приписываемые общему понятию базирования. К таким отношениям Джесика Уилсон относит[502] функциональную реализацию, мереологическое отношение части и целого, отношение членства в математическом множестве, отношение между множеством и его собственным подмножеством (proper subset), отношение определимого и определенного свойств. По мнению Уилсон, когда философы прибегают к понятию базирования в конкретных случаях, им всегда приходится уточнять, какое именно из вышеперечисленных отношений они имеют в виду. Но в таком случае базирование вообще становится излишним и от него следует отказаться. Шаффер остается сторонником единого понятия базирования и в ответ на такие рассуждения возражает, что понятие базирования вообще необходимо, чтобы показать внутреннее единство всех этих разнообразных отношений. Без него Уилсон не может сказать, почему она перечисляет именно эти, а не другие отношения. Отвечая на аргументацию Уилсон, Шаффер вновь обращается к аналогии с причинностью: «без родового понятия мы неспособны перечислить виды. Например, теоретик, которая отказывается от общего понятия причинности, не будет иметь ясного способа перечислить ее собственные каузальные отношения с маленькой буквы c [“small-‘c’” causal relations]»[503].

В заключение данной части главы мы рассмотрим выдвинутые Шаффером методологические принципы онтологии, поскольку новые центральные понятия базирования и фундаментальности требуют от онтологов новой методологии. Эту методологию Шаффер называет «методологией наибольшей отдачи от затраченных средств» («bang-for-the-buck methodology»)[504].

---

[502] Wilson J. M. No Work for a Theory of Grounding // Inquiry. 2014. №57(5-6) p. 540
[503] Schaffer J. Ground Rules: Lessons from Wilson // Aizawa K., Gillett C. Scientific Composition and Metaphysical Ground. London, Palgrave Macmillan UK, 2016 p. 155
[504] Schaffer J. What Not to Multiply Without Necessity // Australasian Journal of Philosophy. 2015. № 93(4). p. 644

Целью ортодоксальной куайновской методологии было составление списка всего существующего, в котором не проводились какие-либо принципиальные различия между попавшими в него сущностями. Все «подозрительные» и «нежелательные» сущности (например, сущности без четких принципов тождества) должны были удаляться с помощью перефразирования, в результате чего список должен был быть настолько кратким, насколько это вообще возможно. В связи с этим одним из важнейших принципов был принцип бритвы Оккама:

(БР) Бритва: не умножай сущности без необходимости.

Метаонтология Шаффера ставит перед онтологией другую цель – выявление структуры бытия, его фундаментального и производного уровней и отношений между ними. Сущности уже не просто включаются в единый список, а делятся на две группы, соответствующие двум уровням. При этом производные сущности не считаются чем-то существующим сверх и помимо фундаментальных, но они все-таки существуют и должны включаться в единый список. Получается, что при введении производных сущностей мы умножаем их общее количество, но это умножение не представляет никаких проблем, поскольку такие сущности являются «бесплатным онтологическим завтраком». В связи с этим Шаффер предлагает новый, более ограниченный принцип, называемый им Лазером[505]:

(ЛЗ) Лазер: не умножай фундаментальные сущности без необходимости.

Данный принцип позволяет провести различие между онтологическими обязательствами теории (единый список всех сущностей) и затратами на эти обязательства, их, так сказать, стоимостью, выраженной в фундаментальных сущностях: «В свете лазера производные сущности являются дополнительными обязательствами, но они ничего не стоят. Точнее: производные сущности больше ничего не стоят, помимо затрат, понесенных при постулировании их фундаментальных оснований»[506].

[505] Ibid., p. 647

[506] Ibid., p. 648

Аналогично этому Шаффер предлагает новый принцип концептуальной экономии при построении онтологических и любых других теорий:

(БРК) Концептуальная бритва: не используй понятия без необходимости.

(ЛЗК) Концептуальный лазер: не используй примитивные понятия без необходимости.

Два новых принципа, (ЛЗ) и (ЛЗК), дают возможность разрешения некоторых методологических противоречий. Экономия всегда считалась лишь одной из теоретических добродетелей, то есть свойств, которыми должна обладать хорошая теория. Наряду с ней есть и другие добродетели, одной из которых является плодотворность (fruitfulness) – теория должна описывать/объяснять как можно больше явлений, их характеристик, взаимосвязей между ними и т. д. Если следовать старым принципам (БР) и (БРК), то совместить экономию и плодотворность будет чрезвычайно трудно: любое новое понятие или новая сущность, вводимые для объяснения дополнительного числа явлений, будут нарушать принципы экономии. Онтологам необходимо постоянно поддерживать баланс между двумя добродетелями. Новые принципы значительно облегчают эту задачу: для достижения плодотворности можно вводить сколько угодно сущностей и понятий, при условии, что они не являются фундаментальными и примитивными. Множество используемых сущностей и понятий превращаются теперь в достоинство теории: она тем более успешна, чем больше производных сущностей/понятий может ввести на основе небольшого числа фундаментальных/примитивных. Используя марксистскую терминологию, Шаффер утверждает желательность теории с наименьшим возможным базисом и наибольшей возможной надстройкой. В связи с этим он предлагает два главных методологических принципа, касающихся сущностей и понятий:

(НО) Онтологическая наибольшая отдача: добейся оптимального баланса, минимизируя фундаментальные сущности и максимизируя производные сущности (особенно полезные).

(НОК) Концептуальная наибольшая отдача: добейся оптимального баланса, минимизируя примитивные понятия и максимизируя производные понятия (особенно полезные).

Большое число производных сущностей подтверждает правильность выбора фундаментальных: если на фундаменте небольшого числа сущностей можно возвести большое здание из производных сущностей, то сущности, лежащие в основе, с полным правом могут претендовать на статус фундаментальных. Если онтологи в своей работе будут опираться на эти новые принципы, то сама онтология значительно изменится и превратится из любимой Куайном пустыни в цветущий сад: «В целом, методология “наибольшей отдачи от затраченных средств” в онтологической и концептуальной частях учетной книги рекомендует экономный рестриктивистский взгляд на базис (как на примитивные понятия, так и на фундаментальные сущности) в сочетании с изобильным пермиссивистским взглядом на надстройку (как на производные понятия, так и на производные сущности). Вместо пустынных пейзажей я предлагаю культивировать вкус к плодоносящим садам и искать теории, чьи тонкие стволы все еще обладают достаточной силой, чтобы поддерживать ветвящиеся и цветущие кроны»[507]. Примером подобной онтологической теории является приоритетный монизм (priority monism) самого Шаффера[508]. В соответствии с ним, существует лишь одна фундаментальная сущность – космос, а все остальное существующее базируется на нем. Здесь становится очевидным преимущество новых методологических принципов – приоритетный монизм следует (НО), он не отвергает существования всего многообразия различных сущностей, но считает их производными от всего лишь одной фундаментальной. В этом он отличается от признающего существование только одного объекта экзистенциального монизма, который часто критиковался как контринтуитивная и противоречащая здравому смыслу позиция. Приоритетному монизму эта критика не страшна, поскольку он отвергает не существование обычных объектов, а их фундаментальность.

[507] Schaffer J. What Not to Multiply Without Necessity // Australasian Journal of Philosophy. 2015. № 93(4). p. 653

[508] Schaffer J. Monism: The Priority of the Whole // Philosophical Review. 2010. № 119(1). pp. 31-76

В оставшейся части главы мы рассмотрим еще одну неоаристотелевскую теорию – метаонтологию Кита Файна. Подобно Шафферу он пытается пересмотреть саму куайновскую формулировку онтологического вопроса, а не просто найти новый ответ на него.

Типичные онтологические вопросы, задаваемые философами, касаются существования каких-либо сущностей: «Существуют ли числа?», «Существуют ли столы и стулья?», «Существуют ли элементарные частицы?» и т. д. В соответствии с куайновским представлением, существование выражается наилучшим образом с помощью квантора, а значит онтологические вопросы интерпретируются как квантификационные:

(ЧИС) Существуют ли числа?

(ЧИС*) ∃x(x является числом)?

Файн утверждает, что главный тезис ортодоксальной куайновской метаонтологии состоит в приравнивании онтологических вопросов к квантификационным:

(КМ) Онтологические вопросы – это квантификационные вопросы.

По мнению Файна, тезис (КМ) сталкивается со множеством проблем и должен быть заменен на другой метаонтологический тезис, более адекватно раскрывающий природу онтологических вопросов. В чем же состоят проблемы с (КМ)? В оценке этих проблем Файн очень близок к Шафферу.

Во-первых, онтологические вопросы считаются содержательными, ответы на них не должны быть тривиальными. Содержательность онтологических вопросов была одним из главных предметов спора между неокуайнианцем Сайдером (он ее защищал) и неокарнапианцем Хиршем (он ее отвергал). Проблема в том, что ответы на квантификационные вопросы являются тривиальными. Например, положительный ответ на (ЧИС*) можно легко вывести из явно истинного математического утверждения о том, что есть простое число, большее двух (такой x, что x является числом). Из того очевидного факта, что я сижу на стуле, следует существование стульев (такого x, что x является стулом).

Во-вторых, онтологические вопросы считаются философскими – они поднимаются внутри философии, как отдельной дисциплины, а не внутри эмпирической науки или повседневной жизни. Ответы на них должна искать именно философия. Однако квантификационный вопрос о числах является математическим вопросом, на который с легкостью ответит любой мало-мальски знакомый с математикой человек. Вопрос о стульях является повседневным, и положительный ответ на него очевиден каждому нормальному человеку.

Получается, что квантификационные вопросы являются тривиальными и нефилософскими, а значит необходимо найти другой главный вопрос для онтологии как раздела философии. Онтологические вопросы **не** являются квантификационными. Файн сразу же делает оговорку[509], что вполне могут найтись квантификационные вопросы не являющиеся тривиальными (Есть ли электроны?), являющиеся философскими (Есть ли мереологические суммы/временн**ы**е части?) и даже являющиеся теми и другими одновременно (Есть ли конкретные возможные миры?). Но все это исключения, и общей картины они не меняют. Онтологические вопросы должны быть единообразны, обладать общей формой: если в случае чисел, столов и всего остального онтологические вопросы не являются квантификационными, то они не являются такими и в случае конкретных возможных миров, несмотря на то что в отношении последних можно задать нетривиальный и философский квантификационный вопрос. Этот вопрос не будет онтологическим, хотя их легко спутать: «Я полагаю, что случай с мереологическими суммами и временн**ы**ми частями был особенно вводящим в заблуждение в этом отношении. Ибо вопрос об их существовании часто рассматривался как парадигма онтологического исследования, и действительно, именно этот случай больше, чем какой-либо другой, вызвал недавний всплеск интереса к метаонтологии. Но на самом деле этот случай довольно нетипичен, поскольку в нем квантификационный вопрос также является философским и, следовательно, гораздо более подвержен путанице с онтологическим вопросом»[510].

В дополнение к этим трудностям есть и еще одна: отождествление онтологического вопроса с квантификационным не дает возможности разрешения некоторых собственно философских проблем

---

[509] Fine K. The Question of Ontology // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 p. 158

[510] Ibid., p. 158

с соответствующими сущностями. Философы довольно часто проводят различие между тем, что говорится в повседневной жизни или в рамках науки и тем, что следует сказать во время занятия философией, внутри «онтологической комнаты». У них должна быть возможность сказать: «Да, математики/все обычные люди в каком-то смысле правы, говоря, что есть числа/стулья, но на самом деле, в реальности они не существуют». В куайновской ортодоксии эта возможность, как кажется, предоставляется философам с помощью обращения к нашим наилучшим научным теориям и их онтологическим обязательствам: на самом деле существуют лишь те сущности, квантификация по которым неустранима в канонических формулировках научных теорий. Устранимые сущности на самом деле не существуют, хотя в повседневной жизни мы можем говорить об их существовании. Это ортодоксальное решение хорошо применимо лишь к теоретическим объектам науки, которые играют какую-либо объяснительную роль – данная объяснительная роль является единственным основанием для их признания. Но множество сущностей, о которых мы говорим в повседневной жизни, такими объектами не являются: «Аргумент от устранимости не имеет общей силы, применяемой повсеместно. Таким образом, для всех обычных когнитивных целей я могу ограничиться утверждением, что Казанова был неженатым мужчиной, а не что он был холостяком. “Идеология” холостячества устранима. Но это не дает мне оснований отказываться от своего убеждения в том, что Казанова был холостяком»[511]. Таким же образом, наше убеждение в существовании стульев не имеет ничего общего с их объяснительной силой в рамках научной теории. Ортодоксальная позиция не может удовлетворительно примирить наши повседневные убеждения в существовании тех или иных сущностей с их отсутствием/устранимостью из наилучших научных теорий. Если онтологические вопросы – это квантификационные вопросы о существовании, то сторонникам ортодоксального взгляда придется просто-напросто отвергнуть само существование устранимых объектов, что ведет к абсурдному нигилизму в отношении столов, стульев и т. д. Как мы видели, Шаффер выдвигает практически то же самое обвинение в адрес куайновской метаонтологии. Она ведет к радикальному элиминативизму – строго говоря, не существует ничего, кроме тех сущностей, чье существование нас обязывают признать наши научные теории.

[511] Ibid., p. 160

Для Файна, кроме этого, есть еще и обратная проблема: даже если наука вынуждает признать нас существование каких-либо объектов, например чисел, то у философов должна быть, по крайней мере, возможность отвергнуть их реальное существование. Философ-антиреалист должен иметь возможность сказать: «Ученые правильно утверждают, что числа (или теоретические сущности вообще) существуют, но в реальности таких объектов нет». Очевидно, что с куайновской точки зрения обосновать такую позицию крайне трудно или невозможно. В результате Файн приходит к выводу, что метаонтология должна найти другой главный вопрос для онтологии, который бы учитывал разницу между тем, что существует и тем, что реально.

Но в чем именно должна заключаться эта разница? Для ее прояснения Файн обращается к позициям реализма и антиреализма относительно чисел. Ортодоксальная метаонтология неспособна адекватно выразить эти позиции и разницу между ними, для этого необходимо будет провести различие между существующим и реальным. Возьмем для примера реалиста относительно целых чисел. В соответствии с куайновской позицией у него есть онтологические обязательства, которые можно неформально выразить словами: «Целые числа существуют». Теперь рассмотрим позицию другого реалиста – реалиста в отношении целых неотрицательных (натуральных) чисел, чьи онтологические обязательства выражены в предложении «Натуральные числа существуют». Интуитивно кажется, что позиция первого из них является более сильной, ведь он признает существование не только натуральных чисел, но всех целых чисел вообще. Можно сказать, что обязательства первого реалиста являются полными и включают весь домен целых чисел, а обязательства второго частичны и включают лишь часть этого домена. Однако с куайновской (квантификационной) точки зрения все обстоит наоборот – позиция первого реалиста является более слабой. Он признает существование по крайней мере одного целого числа, вне зависимости от того, является ли оно натуральным или нет. Его позиция выглядит так (где F – являться целым числом):

(РЦЧ) $\exists x(Fx)$

Второй реалист признает существование по крайней мере одного целого **и** неотрицательного числа. Его более сильная позиция такова (где G – являться неотрицательным числом):

(РНЧ) ∃x(Fx&Gx)

Более того, (РЦЧ) является совершенно неадекватным выражением для реалистской позиции в отношении целых чисел. Разве может реалист удовлетвориться существованием одного целого числа? Его настоящая онтологическая позиция включает, как минимум, три убеждения:

(РЦЧ*) 1. Есть целое число, не являющееся положительным и не являющееся отрицательным.

2. Для каждого целого числа найдется последующее.

3. Каждое целое число является последующим для некоторого целого числа.

Наличие этих убеждений сделает человека подлинным реалистом в отношении целых чисел, признающим существование не какого-нибудь одного целого числа, а их всех. Но такая характеристика реализма является ad hoc и подходит только для целых чисел. У реалиста в отношении столов или возможных миров должны быть совсем другие убеждения. Необходима обобщенная характеристика реализма: «… должно быть единое представление о том, что значит обладать обязательством к F's. Должна существовать общая схема Φ(F), где обладание обязательством к F's означает выполнение Φ(F)»[512]. Квантификационные формулировки наподобие (РЦЧ) и (РНЧ) не подходят. Возможно, для каждого вида реализма можно сформулировать теорию или набор условий, наподобие (РЦЧ*), управляющих существованием соответствующих сущностей? Тогда можно было бы дать такую общую формулировку:

(РЕАЛ 1) Быть реалистом в отношении определенного вида F означает признавать связанную с этим видом теорию T_F.

В случае целых чисел теория T_F – это (РЦЧ*), в случае элементарных частиц – это Стандартная модель и т. д. Данное предложение сталкивается с серьезной трудностью: теория T_F должна быть правильной, истинной теорией, точное содержание которой нам может быть неизвестно. И реалист, и антиреалист могут быть убеждены в истинности T_F с той лишь разницей, что, по мнению реалиста, она

[512] Ibid., p. 166

будет включать определенные экзистенциальные утверждения, а с точки зрения антиреалиста не будет. Необходима другая общая формулировка реализма. Файн полагает, что более приемлемой может оказаться формулировка, включающая не квантор существования, а квантор всеобщности, поскольку обязательства реалиста в отношении существования какого-либо типа сущностей являются общими, а не единичными. Когда он говорит: «Целые числа существуют», то он имеет в виду, что все целые числа существуют, а не только какое-нибудь одно. В таком случае реализм в отношении целых чисел может быть сформулирован следующим образом (где I – являться целым числом, а E – существовать):

(РЦЧ**) $\forall x(Ix \supset Ex)$

Если мы примем такую формулировку, то увидим, что куайновская метаонтология совершала серьезную и в то же время элементарную ошибку – она не смогла распознать правильную логическую форму утверждений о существовании: «Если это верно, то в современной онтологии доминирует (и, увы, также искажает ее) неспособность распознать самую элементарную логическую форму ее утверждений. Они были приняты скорее за экзистенциальные, чем за универсальные. Конечно, ошибка понятна. Ибо наиболее естественным прочтением “электроны существуют” является то, что есть электроны, в то время как, на наш собственный взгляд, правильное прочтение в философских целях должно быть смоделировано на основе прочтения “электроны вращаются”, в котором подразумевается, что каждый электрон вращается. Термин “существует” следует рассматривать как предикат, а не как квантор»[513].

При таком подходе общее определение реализма в отношении какого-либо вида сущностей F будет следующим:

(РЕАЛ 2) $\forall x(Fx \supset Ex)$

Это определение гораздо лучше, чем предыдущие отражает позицию реалистов, но и у него есть свои проблемы, главная из которых связана с предикатом E. Традиционно его определяли через квантор: $Ex =_{df} \exists y(y = x)$. x существует означает, что есть y, который тождественен x. Но при таком понимании предиката позиция реалиста

[513] Ibid., p. 167

превращается в логическую тавтологию, а антиреалист будет вынужден отрицать не содержательный тезис, а базовые принципы логики предикатов. Нам необходимо другое истолкование предиката существования E. Когда мы, например, говорим, что число 2 существует мы **не** утверждаем, что есть нечто тождественное этому числу. Мы утверждаем, что 2 является подлинным компонентом нашего мира, что оно реально. В связи с этим Файн предлагает заменить предикат E на примитивный предикат реальности R:

(РЕАЛ 3) $\forall x(Fx \supset Rx)$

Такое определение не будет тавтологичным и позволит сформулировать целый спектр позиций, начиная от полного реализма в отношении F, утверждающего $\forall x(Fx \supset Rx)$ и заканчивая полным антиреализмом, утверждающим $\forall x(Fx \supset \sim Rx)$.

(АРЕАЛ) $\forall x(Fx \supset \sim Rx)$

Промежуточная реалистская позиция в отношении какого-либо подвида F, обозначаемого G, будет утверждать

$\forall x(Fx \supset (Rx \equiv Gx))$.

Тем не менее и это определение реализма не лишено недостатков. Реализм в данном случае формулируется с помощью квантора всеобщности, не имеющего экзистенциальной значимости. Из утверждения $\forall x(Fx \supset Rx)$ не следует ни $\exists xFx$, ни $\sim\exists xFx$, то есть реализм вида (РЕАЛ 3) совместим, строго говоря, как с реализмом, так и с антиреализмом в их квантификационном понимании. Определение (РЕАЛ 3) следует дополнить. По мнению Файна, оно должно быть дополнено реализмом в квантификационном смысле и, что самое главное, таким образом нужно дополнить и определение антиреализма (АРЕАЛ). Это позволит определить позиции как реализма, так и антиреализма намного точнее – сторонники **обеих** позиций должны быть квантификационными реалистами и утверждать, что каждое из F's есть. Разница в том, что реалисты считают все эти F's реальными, а антиреалисты это отвергают: «Действительно, подразумеваемый смысл этих различных позиций основан на предположении не просто того, что существуют F, но того, что существуют все F, которые мы обычно считаем существующими. Реалист и антиреалист в

отношении натуральных чисел, например, скорее всего, сочтут, что они расходятся во мнениях относительно реальности каждого из натуральных чисел – 0, 1, 2, ...; и это было бы невозможно, если бы каждый из них не предположил, что существуют числа 0, 1, 2, ... Только в том случае, если существование этих объектов уже признано, могут возникнуть споры о том, реальны ли они (ошибка Куайна, как мы могли бы сказать в продолжение шутки, возникла из-за его нежелания схватить Платона за бороду)»[514]. Как мы видим, Файн солидарен с Шаффером – он предлагает пермиссивизм в отношении вопросов существования. Как реалисты, так и антиреалисты должны давать положительные ответы на вопросы о существовании спорных сущностей, а лишь затем начинать спор об их реальности. Такое понимание позволяет провести более четкую границу между наукой и философией: задача математиков, физиков и т. д. – найти ответ на квантификационный вопрос и решить, существуют ли числа, элементарные частицы и т. д. Философы принимают этот ответ за исходную точку и отвечают на вопрос, являются ли эти существующие сущности реальными или нет.

В предлагаемом выше определении понятие реального было представлено предикатом R, который был приложим к различного рода сущностям, а типичными реалистскими утверждениями были «Числа реальны», «Стулья реальны» и т. д. Но Файн считает, что для более точного выражения главной идеи его метаонтологии понятие «того, что реально» («concept of what is real»), выражаемое предикатом R, следует заменить понятием «в реальности» («in reality») или «реальность состоит в том, что» («it is constitutive of reality that»), выражаемое предложениями с сентенциальным оператором *R*[...], где [...] – какое либо предложение. Подобные предложения сообщают нам о тех фактах, которые конституируют или составляют реальность и могут быть противопоставлены простым фактам. В этом варианте реалист в отношении простых чисел сможет выразить свою позицию, сказав: «В реальности есть бесконечно много простых чисел», а антиреалист сказать: «По факту [in fact] есть бесконечно много простых чисел, но в реальности это неверно». С помощью сентенциального оператора можно дать определение реального объекта, то есть предикат R уже не будет примитивным:

[514] Ibid., p. 169

(РО) Объект является реальным, если для какого-либо способа (way), которым объект может быть, реальность состоит в том, что он есть этим способом: $Rx =_{df} \exists\phi R[\phi x]$.

Числа 1 и 2 будут являться реальными, если реальность состоит в том, что 2 больше 1. Мой компьютерный стол является реальным, если реальность состоит в том, что он находится в моей квартире. Реальность представляет собой совокупность отдельных фактов, а реальные объекты – это те объекты, которые участвуют в данных фактах.

С введением оператора *R* мы наконец-то проделали весь путь и пришли к наилучшему, с точки зрения Файна, представлению об онтологии и ее вопросе: «Здесь мы имеем прогрессию идей – от квантора, как в оригинальном куайновском изложении, к предикату, к оператору; и онтология находит свой дом, так сказать, в понятии реальности, данной оператором»[515]. Исходя из этой прогрессии можно дать искомую Файном новую формулировку онтологического вопроса:

(ГВО$_ф$) Главный вопрос онтологии (Файн): что реально или что в реальности?

Ответ на первый вариант предполагает перечисление реальных сущностей или их видов, а ответ на второй – фактов, которые имеют место в реальности. Формулировка (ГВО$_ф$) хорошо показывает, почему онтология – часть метафизики. Задачей метафизики является изучение фундаментальной природы реальности, и онтология в файновском понимании может рассматриваться как необходимый первый этап метафизического исследования – прежде чем изучать природу реальности, нужно перечислить все те сущности или факты, которые ее конституируют. Эту метафизику, частью которой является онтология, Файн называет реалистской или критической: «В широком смысле мы можем провести различие между двумя основными ветвями метафизики. Первая, которую я называю *реалистской* или *критической*, касается вопроса о том, что реально. Реально ли время? Существует ли настоящее время в мире, а не только в языке? Реальны ли ценности? Существуют ли подлинные ценности в мире, а не только в нашем сознании? Реальны ли числа? Существуют ли ожидающие

---

[515] Ibid., p. 172

своего открытия числа в мире или это просто что-то, что мы изобрели? Вторая ветвь метафизики, которую я называю наивной или докритической, связана с природой вещей независимо от того, реальны ли они»[516].

Связь между реальным и просто фактическим обеспечивается у Файна тем же отношением базирования, о котором говорил Шаффер. В отличие от Шаффера, у которого в отношение базирования вступали любые сущности, для Файна оно является отношением между пропозициями или же теми фактами, которые эти пропозиции репрезентируют. В случае фактов метафизическое базирование можно определить следующим образом:

(МБФ) Тот факт, что B, базируется на том факте, что A, если и только если тот факт, что B, имеет место в силу того факта, что A, и метафизически необходимо, что если A, то B.

Как и в случае с реальностью, наилучшим выражением для базирования Файн считает сентенциальный оператор <. Он связывает предложения (одно или несколько), выражающие базовые факты, с предложением (всегда одно), выражающим факт, который базируется. Например[517]:

(Ш) Шар является красным. Шар является круглым < Шар является круглым и красным (A, B < C).

Впрочем, здесь также возможен предикат, обозначаемый «◄», который приложим к фактам:

(Ш*) Что шар является красным, что шар является круглым ◄ что шар является красным и круглым (что-A, что-B ◄ что-C).

Как мы видим, Файн придерживается такого же упорядоченного неоаристотелевского представления, что и Шаффер – все существующее можно разделить на уровни (реальное и просто фактическое у Файна, фундаментальное и производное у Шаффера), связанные между собой отношением базирования. Кажется, что мы могли

---

[516] Fine K. Guide to ground //Correia F., Schnieder B. (eds.) Metaphysical Grounding: Understanding the Structure of Reality. Cambridge, Cambridge University Press, 2012 pp. 40-41

[517] Ibid., p. 46

бы отождествить реальное с фундаментальным и объединить две теории в одну. Но это не совсем так. Чтобы понять разницу между теориями, рассмотрим упрощенный пример: вслед за Фалесом мы полагаем, что основой мира является вода, но при этом считаем воду бесконечно делимой. Мы можем сказать, что вода является реальной, но никакое ее количество не будет чем-то фундаментальным, поскольку оно будет конституировано меньшими количествами воды и так до бесконечности. Или возьмем формалиста в отношении чисел и фактов арифметики – он вполне может считать их фундаментальными (они не конституированы какими-либо другими объектами или фактами), но не признавать их реальность. Метаонтологические теории Файна и Шаффера различны, хотя и близки друг к другу, в связи с чем теория Файна сталкивается с теми же трудностями. Она пользуется критикуемым выше понятием базирования, а ее главное примитивное понятие реальности также может показаться слишком темным и неясным. Чтобы избежать подобных упреков, Файн стремится подчеркнуть его интуитивную ясность. Например, Демокрит считал, что в мире есть только атомы и пустота (современный физикалист заменит их на элементарные частицы, суперструны или что-то подобное). Можно не соглашаться с этой позицией, но она вполне интуитивно понятна. При этом ее сторонник не обязательно должен отвергать существование обычных объектов – столов, стульев и т. д. Является ли такое мнение внутренне противоречивым? По мнению Файна, нет, и он уверен, что его метаонтология может интерпретировать эту позицию наиболее адекватно: обычные объекты существуют, но в реальности их нет. Используя оператор R («реальность состоит в том, что...») мы можем сказать: «Реальность состоит в том, что атом a_1 находится в таком-то месте и обладает такой-то скоростью», «Реальность состоит в том, что атом a_2 находится в таком-то месте и обладает такой-то скоростью» и т. д. Но ни одно предложение, подобное «Стул c_1 находится в таком-то месте и обладает такой-то скоростью» истинным не будет, хотя по факту стулья существуют. Их существование базируется на атомах, их свойствах и отношениях, в связи с чем стулья не являются чем-то сверх и помимо атомов.

Понятие реальности не только обладает интуитивной ясностью, но и является успешным рабочим понятием. Используя его вместе с понятием базирования, мы получим возможность сформулировать эффективную онтологическую методологию и четко отделить задачи этой философской дисциплины от задач науки. Одной из целей науки является составление списка того, что существует по

факту. Онтология берет этот список у науки, добавляет к нему факты (или сущности) здравого смысла и пытается найти отношения базирования между ними. В результате выясняется, какие из фактов (сущностей) являются реальными, а какие базируются на реальных.

Рассмотренные нами в данной главе неоаристотелевские метаонтологии значительно отходят от ортодоксальной позиции и пытаются переформулировать сам вопрос, на который должна ответить онтология как философская дисциплина. Новый вопрос («Что на чем базируется?» или «Что реально?) отражает более богатое представление об онтологической структуре реальности (Шаффер назвал его упорядоченным): реальность состоит из нескольких слоев или регионов, связанных между собой отношениями базирования. Сторонники неоаристотелизма считают это значительным преимуществом перед обедненным и плоским представлением в неокуайновских теориях. Может ли куайновская ортодоксия что-то этому противопоставить? Один из наиболее известных ее представителей, Теодор Сайдер, пытается это сделать – он стремится прояснить отношения между фундаментальным и производным, не прибегая при этом к понятию базирования и сохраняя центральное положение квантора ∃ и выражаемого им понятия существования. В заключение данной главы мы кратко остановимся на этом.

Центральным понятием в метаонтологии Сайдера является понятие фундаментальной структуры реальности, часть которой выражается с помощью квантора ∃, разделяющего мир на естественные части (если кванторы естественных языков этого не делают, то онтологии следует перейти на особый онтологический язык). Если мы будем использовать данный квантор, то сможем сказать, что существует в фундаментальном смысле. Этого достаточно для описания реальности на фундаментальном уровне – мы можем остаться верны куайновской ортодоксии и говорить о том, **что существует** в фундаментальном смысле, а не о том, что **фундаментально** или **реально**, как это делают сторонники неоаристотелевской парадигмы. Сайдер признает[518], что разница между этими подходами на данном этапе не столь принципиальна и подходы достаточно близки друг к другу. Более значительные отличия проявляются дальше – при попытке связать фундаментальный уровень с производным.

[518] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 142

Шаффер и Файн придерживаются пермиссивистской позиции в отношении существования производных сущностей – почти все спорные производные сущности науки и здравого смысла они объявляют существующими. Наиболее важно то, что мы можем утверждать существование столов, стульев, чисел и т. д. в самом строгом и прямом смысле этого слова. Муровская уверенность в их существовании не нарушается. Подобные обязательства в рамках неоаристотелевской метаонтологии стоят весьма дешево – вся основная онтологическая работа возложена на понятия фундаментального/реального. Фундаментальный и производный уровни связываются отдельной сущностью – отношением базирования. Именно это центральное для неоаристотеликов понятие базирования и ему подобные[519] Сайдер отвергает. В его терминологии оно является примером установления связей между уровнями методом метафизическкго постулирования (the method of metaphysical posit) – постулирования существования особого отношения, что противоречит куайновскому стремлению не умножать сущности без необходимости: «… мы не можем решать проблему соотношения между фундаментальным и нефундаментальным методом постулирования – путем постулирования фундаментального понятия для связи. Вместо этого мы должны воспринимать факты о связи как нефундаментальные факты, которые, в конечном счете, могут быть объяснены в терминах фундаментальных фактов, не включающих фундаментального понятия связи»[520]. Но Сайдеру нужно предложить что-то взамен, ведь вполне вероятно, что в фундаментальном смысле существуют только элементарные частицы, суперструны и т. д., а значит ему придется признать несуществующими все обычные объекты, что идет против муровской уверенности в их существовании.

Сайдер находит лингвистическое решение. В качестве альтернативы базированию он предлагает так называемую метафизическую семантику для утверждений о производных объектах: да, в фундаментальном смысле столы и стулья не существуют, но утверждения о них могут быть истинными, поскольку обладают соответствующей метафизической семантикой. Такую семантику Сайдер определяет следующим образом:

---

[519] Сюда могут входить понятия самых различных отношений: «благодаря чему-либо» («in virtue of»), «создание истинности» («truthmaking»), «необходимость», «тождество фактов» («fact-identity») и т. д.

[520] Sider T. Writing the Book of the World. Oxford, Oxford University Press, 2013 p. 112

(МС) Метафизическая семантика – семантическая теория, обладающая двумя отличительными особенностями: 1. значения в ней даны исключительно в терминах, разделяющих мир на естественные части, 2. она имеет другие объяснительные цели, по сравнению с обычной семантикой.

Метафизическая семантика является одновременно и более скромной, и более амбициозной в своих объяснительных целях, чем обычная. Ее главная и амбициозная цель – объяснить, как сказанное нами вписывается в фундаментальную реальность, в связи с чем значения в ней даются исключительно в терминах, разделяющих мир на естественные части. С другой стороны, она не преследует многие цели, имеющиеся у обычной семантики – она не объясняет психологические, социальные, поведенческие, чисто лингвистические и т. д. феномены, связанные со значением. Когда МС дает значения повседневных предложений, то может использовать термины, о референтах которых обычные люди не имеют ни малейшего представления: «И она вольна присваивать семантические значения, которые компетентные носители языка были бы неспособны распознать как таковые, поскольку она не пытается объяснить, что знает компетентный носитель языка, когда понимает свой язык. Она могла бы, например, придать обычному предложению об обычных макроскопических объектах значение, отсылающее к фундаментальным физическим состояниям субатомных частиц. И она могла бы просто проигнорировать Фрегевскую … загадку когнитивной неэквивалентности кореферентных имен собственных, поскольку она не пытается интегрировать свою семантику с теориями действия и рациональности»[521].

Метафизическая семантика способна принимать различные формы – она может давать условия истинности для предложений фактуалистских дискурсов и условия утверждаемости (assertion-conditions) для нефактуалистских, например для нормативного дискурса в том виде, в каком его представляют экспрессивисты:

($МС_{уи}$) Предложение S языка L истинно в L, если и только если φ.

[521] Ibid., p. 113

(MC_{yy}) Нормативное предложение S языка L, произнесенное говорящим x, экспрессивно уместно (expressively apprropriate) для x в L, если и только если φ.

При этом φ должно формулироваться только в терминах, разделяющих мир на естественные части. В результате применения MC мы можем сохранить истинность утверждений о муровких фактах, а также фактах специальных наук, даже не признавая существование (в фундаментальном смысле) всех производных сущностей. Отпадает необходимость в пермиссивизме, который куайновская метаонтология считает слишком расточительной и нарушающей принцип бритвы Оккама позицией. Кроме того, можно сохранить плоское представление о структуре реальности – нет никакого разделения между сущностями фундаментального (реального) и производного уровня. Истинность всех утверждений, касающихся производного уровня, можно объяснить с помощью MC, достаточно лишь принять то, что Сайдер называет принципом полноты:

(ПОЛН) Каждое предложение, содержащее термины, не разделяющие мир на естественные части, обладает метафизической семантикой.

Сторонники неоаристотелевской метаонтологии посчитают такое решение неудовлетворительным и противоречащим муровской уверенности в существовании обыденных объектов – даже признание Сайдером истинности высказываний про эти объекты не отменяет того факта, что он отвергает их существование.

Список литературы

1. Bliss R. Fundamentally // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 pp. 211-221

2. Fine K. Guide to ground //Correia F., Schnieder B. (eds.) Metaphysical Grounding: Under-standing the Structure of Reality. Cambridge, Cambridge University Press, 2012 pp. 37-80

3. Fine K. The Question of Ontology // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 pp. 157-177

4. Schaffer J. Grounding in the image of causation // Philosophical Studies. 2016. № 173(1). pp. 49-100

5. Schaffer J. On What Grounds What // Chalmers D., Manley D., Wasserman R. (eds.) Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, Oxford University Press, 2009 pp. 347-383

6. Schaffer J. What Not to Multiply Without Necessity // Australasian Journal of Philosophy. 2015. № 93(4). pp. 644-664

7. Skiles A., Trogdon K. Grounding // Bliss R., Miller J. T. M. (eds.) The Routledge Handbook of Metametaphysics. London, Routledge, 2020 pp. 199-210